РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник материалов
Всероссийской молодежной научной школы-конференции
(14–16 сентября 2017 г.)

Новосибирск
2017

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2Р5)0
А437

Сборник утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Редколлегия:

канд. ист. наук *Р.Е. Романов* (отв. редактор),
М.А. Гордеева (отв. секретарь), канд. ист. наук *П.А. Афанасьев*,
канд. ист. наук *Е.В. Бородина*, *К.Л. Захарова*, канд. ист. наук *Т.И. Морозова*,
канд. ист. наук, PhD *В.Л. Портных*, канд. ист. наук *М.А. Семёнов*,
В.А. Слугина, канд. ист. наук *Д.Л. Шереметьева*

Рецензенты:
д-р ист. наук *А.А. Долголюк*
д-р ист. наук *В.И. Исаев*
канд. ист. наук *А.В. Дмитрие*в

А437 **Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых**. – Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, Институт истории СО РАН, 2017. – 282 с.

ISBN 978-5-4437-0698-6

Сборник включает материалы Всероссийской молодежной научной школы-конференции, проведенной Институтом истории СО РАН, Новосибирским национальным исследовательским государственным университетом и автономной некоммерческой организацией «Историческое общество Сибирского федерального округа» 14–16 сентября 2017 года. Опубликованные статьи посвящены различным аспектам отечественной и зарубежной истории, в том числе демографическим процессам, проблемам взаимоотношения власти и общества, социально-экономическим вопросам.

Сборник рассчитан на профессиональных историков, краеведов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2Р5)0

ISBN 978-5-4437-0698-6 © Институт истории СО РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Шевченко С.А. Использование труда заключенных на строительстве дорог штата Вашингтон в начале XX века: источниковедческий анализ архивных материалов 5
Дик А.И., Федяева В.О. Визуальная репрезентация европейского средневековья в виртуальной реконструкторской среде (на материалах клубов исторической реконструкции Западной Сибири)..... 13
Клюев А.И. Исторический источник в пространстве исторической реконструкции (на примере движения исторической реконструкции города Омска)..... 22

Отечественная история с XVII до середины XIX в.

Бобров Д.С. Вопросы реализации оборонно-снабженческой функции приказчиками острогов и слобод Верхнего Приобья в первой половине XVIII в..... 31
Плотников Д.Ю. Управление войсками Отдельного Кавказского корпуса в кампанию 1854 г. Крымской войны 1853–1856 гг. 41
Романов П.И. Информационный потенциал делопроизводства сибирских острогов на примере документов Умревинского, Чаусского и Уртамского острогов 49

Отечественная история 1861–1917 гг.

Старышкина А.А. Сословная идентичность в эго-текстах российских журналисток конца XIX – начала XX в. 55
Сердюк В.А. Первые женщины на железнодорожной службе Российской империи 64
Валькова К.В. Отклики общественности на картины народнической серии художников-передвижников..... 74
Романова К.В. Мнения современников об императрице Марии Александровне в эго-источниках 83
Тепикина Е.П. Репрезентации детства в автобиографических текстах русских интеллектуалок второй половины XIX в. 89
Бабарыкин Б.В. Инициативы регионального чиновничества по решению «гимназического вопроса» на Алтае (середина – конец XIX в.)..... 95
Афанасьев П.А. Сибирский чиновник последней трети XIX в. Е.П. Клевакин и его документальное наследие 104
Козлова И.С. «Я полюбил печать с самых юных лет»: роль корреспондентов в сибирских периодических изданиях второй половины XIX – начала XX в..... 114
Калашников А.А. «Пить и есть каждому нужно»: материальная сторона службы лесных объездчиков в Алтайском округе в 1916–1917 гг. 122
Хоменко Д.Ю. «Союз сибирских инородцев»: хакасы и Первая русская революция..... 131

Отечественная история 1917–1941 гг.

Расколец В.В. Организация географического отдела в составе Института исследования Сибири (октябрь 1917 – июль 1919 г.) 141
Метель О.В. Коммунистическая академия как центр советской исторической мысли (1918–1936 гг.)..... 149
Шереметьева Д.Л. Военная цензура печати в условиях диктатуры А.В. Колчака (18 ноября 1918 – 4 января 1920 г.)..... 157
Сафронова Ю.А. Военные вопросы в деятельности Сибирского областного бюро РКП(б) – Сибирского бюро ЦК РКП(б) в ноябре 1919 – июне 1921 года.... 167
Кромер Л.В. Прием комсомольцев в РКП(б)–ВКП(б) в годы новой экономической политики 179
Одинцов Д.А. Коррупционные практики служащих Томской железной дороги в первой половине 1930-х годов 190
Шматов М.Ю. Формы и мотивы поведения советских граждан в ходе массовых политических кампаний 1936–1937 гг. в Западной Сибири..... 200
Потапова Н.А. «Харбинская» операция в Украине (сентябрь 1937 – ноябрь 1938 г.) 209

Отечественная история 1941–2016 гг.

Миронова Н.П. Комплексный метод в исследованиях этнографии коми Л.П. Лашука (1925–1990 гг.)..... 221
Романов Р.Е. Тарификация оплаты труда рабочих оборонной промышленности сибирского тыла (1941–1945): факторы и механизмы 230
Мартынов А.С. Город Сталино (Донецк) в условиях нацистской оккупации (октябрь 1941 – сентябрь 1943 г.)..... 241
Кулинок С.В. Деятельность Белорусского штаба партизанского движения в сентябре – декабре 1942 г. в документальных источниках Национального архива Республики Беларусь..... 251
Беневаленская Е.Н. Краеведческая деятельность общественных организаций Алтая во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов 259
Гряникова Г.А. Непродовольственные товары повседневного спроса: потребности и возможности населения Алтайского края первой половины 1970-х годов 269

Список авторов..... 279

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

С.А. Шевченко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Использование труда заключенных на строительстве дорог штата Вашингтон в начале XX века: источниковедческий анализ архивных материалов [*]

В статье проведен комплексный источниковедческий анализ письменных исторических источников архива штата Вашингтон, посвященных вопросу использования подневольного труда заключенных на строительстве региональной инфраструктуры – проблеме, малоизученной в современной историографии. В статье дан обобщенный обзор восьми тысяч документов, не введенных в научный оборот, осуществлена внешняя и внутренняя критика материала. На основе источниковедческих методов научного исследования выявлены проблемы полноты, точности, репрезентативности полученной информации.

Ключевые слова: США, Вашингтон, дороги, строительство, заключенные, тюрьма, лагеря.

В 1907 г. исполнительные органы штата Вашингтон начали привлекать заключенных к строительству дорожной системы. Использование подневольного труда обуславливалось рядом экономических факторов: отсталостью дорожного развития, стремительной индустриализацией производства и распространением автомобильного транспорта, недостаточным развитием строительного сектора экономики штата, что в совокупности с тяжелыми климатическими и географическими условиями делало вольнонаемную рабочую силу в Вашингтоне одной из самых дорогих в стране [1]. Среди политических причин необходимо обозначить стабильное превалирование в политическом пространстве штата представителей республиканской партии, а также происходивший в этот период времени постепенный процесс усиления позиций сторонников сильной исполнительной власти в Законодательном собрании штата. Последнее, в частности, выразилось в создании в 1905 г. Дорожного

[*] Работа выполнена при поддержке «Программы повышения международной конкурентоспособности Томского государственного университета на 2013–2020 гг.».

[1] *Pennybacker J.* Mileage and Cost of Public Roads in the United States in 1909. Washington D.C.: Government printing office, 1912. P. 38, 117.

департамента штата Вашингтон – государственного органа, в ведение которого перешел надзор за дорожным строительством в штате [2].

Использование труда заключенных на строительстве дорог осуществлялось в штате до 1917 года и подразделяется на два этапа: период «охранной системы» (1907–1911 гг.), характеризующийся жесткими авторитарными методами управления арестантами, и период «системы доверия» (1913–1917 гг.), для которого была характерна существенная либерализация трудового режима и повседневной жизнедеятельности заключенных [3].

Анализ неопубликованных архивных материалов, которые могут пролить свет на процесс развития тюремных дорожных лагерей, представляется актуальным по нескольким причинам. В первую очередь, вследствие того, что проблема очень скудно отражена в историографии [4], а большая часть рассмотренных в статье материалов впервые вводится в научный оборот. Следует обратить внимание и на тот факт, что использование подневольного труда на строительстве инфраструктуры являлось в начале XX века системным процес-

[2] *Шевченко С.А.* Организация труда заключенных по «системе доверия» на строительстве дорог в штате Вашингтон (1913–1916 гг.). Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39). С. 66–73.

[3] *Он же.* Положение заключенных в дорожно-строительных «лагерях доверия» штата Вашингтон: снабжение, санитарные условия, досуг и распорядок дня (1913–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 188–199.

[4] Проблема использования труда американских заключенных в разное время привлекала внимание многих авторов. В историографии она представлена широким спектром научных и научно-популярных работ. Однако исследований, посвященных организации труда арестантов на строительстве дорог в штате Вашингтон, не так много. Из найденной литературы, косвенное упоминание этого вопроса фигурирует в обобщенной статье Джозефа Пратта «Труд заключенных при дорожном строительстве» (см.: *Pratt J.* Convict Labor in Highway Construction // Annals of the American Academy of Political and Social Science, Vol. 46. Prison Labor. March, 1913. P. 85–86) и в статье Филиппа Бауэра «Первый год “системы доверия” в Орегоне» (см.: *Bauer Ph.* One Year of Honor System in Oregon // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 46. Prison Labor. March, 1913. P. 106). Наиболее информативной работой оказалась магистерская диссертация Сидни Вилмот «Использование труда заключенных на дорожном строительстве на Севере» (см.: *Wilmot S.* Use of Convict Labor for Highway Construction in the North // Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York. Vol. 4. No. 2. Good Roads and Convict Labor. January, 1914. pp. 1–68), которая была защищена в Колумбийском университете в 1914 году. На основе узкого круга исторических источников С. Вилмот анализирует становление и развитие уголовно-исполнительной политики некоторых штатов северо-восточной и северо-западной части США. По штату Вашингтон, в частности, автор приводит достаточно небольшую (посвящено четыре страницы из 68), но объективную информацию о причинах трансформации уголовно-исполнительной политики и ее региональной специфике.

сом и было представлено в ряде других штатов. И хотя комплексных исследований этой проблемы пока не проводилось, данная статья может послужить опорой для дальнейшего сравнительно-сопоставительного изучения, а также помочь специалистам при работе над данной проблематикой в архивах США.

Объектом анализа данной работы выступают материалы следующих фондов Архива штата Вашингтон: Дорожного департамента штата [5]; Департамента исправительных учреждений штата [6]; Контрольного бюро штата [7]; губернаторов штата – Альберта Мида [8], Мэриона Хэя [9] и Эрнеста Листера [10].

---

[5] Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. – Box № 7. – Folder: State road camp № 1 Methow, 1909–1910; – Folder: State road camp № 5 Carrollton, 1909–1910; Box № 16. – Folder: State road camp № 5 Carrollton, 1911; – Folder: – State road camp № 3 Lyle, 1911; Box № 23. – Folder: State road camp № 1 Methow, 1911–1912; Folder: State road camp № 4 Blanchard, 1910–1912; Box № 27. – Folder: Convict Labor, 1913; Box № 29. – Folder: Honor Camp № 1 Hoodsport, 1913; Box № 30. – Folder: Honor Camp № 2 Kalama, 1913; Box № 36. – Folder: Convict Labor, 1914; Box № 38. – Folder: Honor Camp № 1 Lilliwaup, 1914; – Folder: Honor Camp № 1 Hoodsport, 1914; – Folder: Honor Camp № 2 Kalama, 1914; – Folder: Honor Camp № 3 Stevenson, 1914; Box № 39. – Folder: Honor Camp № 3 Stevenson, 1914; – Folder: Honor Camps General, 1914; Box № 48. – Folder: Honor Camp № 3 Stevenson, 1915; Box № 49. – Folder: Honor Camp № 5 Waterville, 1915; – Folder: Honor Camp № 5 Waterville, 1916; Box № 60. – Folder: Honor Camps, general 1916; Box № 65. – Folder: Convict Labor, 1917.

[6] Washington Secretary of State. State Archives. Department of Corrections. State Penitentiary. – Daily Record Employment of Convicts, 1891–1912. – Box № 1.

[7] Washington Secretary of State. State Archives. Board of Control. Subject Files. Penitentiary. – Box № 10. – Folder: Correspondence, 1909–1910; – Folder: Correspondence, 1911–1912; – Folder: Correspondence, 1913–1914; – Folder: Correspondence, 1909–1914; – Folder: Correspondence with gov. Mead (1905–1907); – Box № 11. – Folder: Correspondence, 1911–1912.

[8] Washington Secretary of State. State Archives. Governor Albert Mead. Subject Files. – Box № 10. – Folder: Convict Labor, 1904–1909.

[9] Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. – Box № 11. – Folder: Board of Control. Convict labor; Box № 16. – Folder: Highway commission. Highway–Quarries, 1909; – Folder: Highway commission, 1909; – Folder: Highway commission, 1910; – Folder: Highway commission, 1911; – Folder: Highway commission, 1912.

[10] Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. – Box № 57. – Folder: Highway Commission, 1916; – Folder: Highway Commission – 2, 1916; Box № 81. – Folder: Penitentiary – Honor Camps, 1913–1914; – Folder: Penitentiary – Honor Camps, 1915–1916; Box № 120. Folder: Penitentiary – Honor Camps, 1917–1918.

Большая часть источников указанных фондов представлена материалами делопроизводства. К первой группе относится нормативное делопроизводство. Сюда относятся многочисленные указы губернатора, распоряжения дорожного комиссара и Дорожного департамента штата, членов Дорожного совета штата и членов Контрольного бюро, а также начальника тюремного учреждения «Уолла-Уолла» и специальных комитетов Законодательного собрания штата Вашингтон.

Вторая группа включает в себя деловую переписку, которая по преимуществу состоит из документированной коммуникации между низшими и высшими должностными лицами: официальные доклады, рапорты и иные, в том числе неофициальные отчетные материалы (стенографии телефонных переговоров, телеграфные материалы и пр.); меморандумы и различные выписки из нормативных документов; коммуникация между департаментами штата; переписка с федеральными и муниципальными административными органами. В эту категорию также включена официальная переписка между юридическими или физическими лицами с представителями административного аппарата штата Вашингтон.

Отдельно следует отметить тюремную документацию. Тюремные материалы касаются отбора заключенных в тюремные дорожно-строительные лагеря, характеристики заключенных тюремных учреждений, материалы по их содержанию в пенитенциарных учреждениях, личные дела арестантов.

Деловая переписка является самой значимой по объему группой исторических источников, поскольку содержит материалы по всему спектру проблем, посвященных тюремному дорожному строительству и со всех административных уровней (окружного, штата, федерального).

Третью группу составляет корпоративная финансово-правовая документация. К этой группе относятся материалы, касающиеся финансовых и правовых споров с частными компаниями и физическими лицами по вопросам, связанным с земельной собственностью. Сюда же входят оформленные закупочные сделки между Дорожным департаментом штата Вашингтон и частными предприятиями на покупку продукции, необходимой для организации дорожно-строительных работ (провианта, медикаментов, строительных материалов, инструментов и пр.), а также документы, связанные с осуществлением поставок данных товаров в тюремные лагеря.

Внешняя критика исторических источников

Подавляющее большинство рассмотренных документов датируются 1900–1918 гг. Небольшая часть была создана в последней четверти XIX в. и в 1919–1925 гг. Территориальные рамки создания превалирующего количества документов охватывают границы штата Вашингтон, при этом

имеются документы из других штатов США (Орегон, Калифорния, Айдахо, Мичиган, Нью-Йорк, Колорадо, Огайо), Округа Колумбия и Канады. Происхождение и подлинность документов не вызывают сомнений.

Документы, датируемые 1903–1917 гг., находились в хорошем техническом состоянии, не подвергались серьезному внешнему воздействию и не были сильно изношены. С документацией, относящейся к последней четверти XIX в., ситуация иная. Большое количество документов находится в плохом состоянии вследствие использования при их создании плохой печатной краски и копировальной бумаги. Часть архивных документов этого периода подвергалась сильному внешнему воздействию (пожар, затопление), поэтому информация, содержащаяся в них, практически утрачена.

Значительная часть архивного материала – копии документов. При работе с ними не было выявлено каких-либо интерполяций. В тоже время некоторые документы (как копии, так и оригиналы) содержали незначительное число маргиналий, что свидетельствует о дополнительной работе с этими документами уже после их создания. В целом, маргиналии не несли дополнительной информации по проблеме тюремного дорожного строительства и никак не влияли на восприятие основной информации архивных документов.

Помимо проблемы технического состояния, в источниках присутствуют палеографические проблемы, такие как наличие разных видов почерка на одном документе и большое количество грамматических ошибок. Данная проблема усугубляется текстологическими особенностями английского языка конца XIX – начала XX в., которые не используются в письменном выражении сегодня (например, формулировки при обращении, специальные фразеологические обороты и сокращения, употребление терминов и выражений, характерных только для истории США начала XX в., и пр.). Несмотря на проведение герменевтического анализа, детальную проработку отдельных слов и даже букв, некоторые документы (менее 1 %) не удалось перевести и проанализировать.

Внутренняя критика архивных материалов

Делопроизводственные документы предоставляют огромный комплекс фактологических данных, однако они не совсем полно отображают некоторые действительные события, имевшие место. Например, весьма посредственно (в сравнении с другими вопросами) в них представлен быт заключенных, лишь некоторые материалы принадлежат самим осужденным (жалобы, представления, предложения, благодарности) и выявляют их эмоциональное отношение к проблеме трудовой терапии на дорожном

строительстве. Помимо этого, материал несет очень скудную информацию о причинах отказа от тюремного труда как механизма дорожной политики штата в 1917 г.

Вместе с полнотой вызывает вопросы достоверность приводимой в источниках информации. Благодаря логико-смысловому и сравнительно-сопоставительному анализу было выявлено целенаправленное искажение некоторых данных, касающихся затрат на проведение дорожно-строительных работ заключенными в 1909–1911 гг. Инициатором фальсификации, по всей видимости, являлся глава Дорожного департамента штата Генри Боулби (1909–1911 гг.), по инициативе которого могли быть завышены данные о затратах на содержание и организацию работы тюремных трудовых лагерей с целью сокрытия проведенных финансовых махинаций [11]. Изменением информации занимались не только из корыстных финансовых целей, но и политических. В 1914 г. председатель дорожного комитета Палаты представителей штата М. Мак Арди с целью дискредитировать администрацию губернатора Эрнеста Листера (1913–1919 гг.) специально изменял данные о затратах, понесенных Дорожным департаментом на содержание тюремных дорожных лагерей [12]. Искажением различных данных в политических целях занимались и сотрудники аппарата губернатора штата Мэриона Хэя (1909–1913 гг.) [13]. Несмотря на указанные примеры, источниковый архивный комплекс в целом предоставляет достоверный материал по ряду узловых и наиболее важных проблем: быте заключенных, работе лагерей, организации досуговой и трудовой деятельности арестантов, техническим вопросам лагерного снабжения и др. Помимо недостоверной информации, в источниках содержится ряд фактологических неточностей. Авторы документов иногда приводили неправильные даты, путали факты и имена. Целенаправленного изменения такой информации выявлено не было.

Отдельно следует остановиться на вопросе репрезентативности информации, полученной из архивных источников. В целом, материал очень ограничено освещает общественную позицию по проблеме организации труда арестантов. Безусловно, она находила отклик среди вашингтонской общественности во втором десятилетии XX в., однако уровень общественного отношения к ней проследить довольно сложно. Во-первых, это связано с тем, что тюремное дорожное строительство проводилось лишь в неко-

[11] Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. – Box № 16. Highway commission, 1910. September, 15.

[12] Port Townsend Daily Leader. March, 15. 1914.

[13] Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. – Box № 16. Highway commission, 1910. December, 13.

торых округах штата, расположенных в его западно-центральной части. Во-вторых, как было отмечено в начале статьи, методы управления тюремными лагерями в разные годы были диаметрально противоположными и менялись от жестко консервативных до либеральных, что напрямую влияло на результативность работы арестантов, их поведение, дисциплину, количество побегов и пр. Поэтому в тех округах, где работа арестантов была наиболее результативной и причиняла наименьший ущерб общественности, у населения складывалось положительное восприятие государственной дорожной политики [14]. В тех округах, где работа тюремного лагеря приводила к увеличению числа побегов заключенных и количества мелких преступлений в ближайших поселениях, усиливалось общественное недовольство. Наконец, в тех районах, где лагеря не размещались совсем, политика штата зачастую имела отрицательное восприятие среди общественности как ненужная инициатива, на которую расходуется большое количество бюджетных средств [15]. Следует отметить, что авангардом недовольных граждан выступал профсоюз «Индустриальные рабочие мира», который активно протестовал против использования труда заключенных на строительстве дорожной сети [16]. Неслучайно, когда в одном из дорожных лагерей произошел взрыв динамита, большинство его тюремных работников посчитали случившееся диверсией известной профсоюзной организации [17].

После проведенного анализа, следует резюмировать, что архивные материалы несут в себе большой объем информации по проблеме использования труда заключенных в дорожном строительстве штата Вашингтон. За некоторыми исключениями, приведенная в источниках информация в целом является подробной, полной, точной и достоверной. С другой стороны, у некоторых документов имеются проблемы с достоверностью, точностью и репрезентативностью предоставляемой информации, отрицательной характеристикой является отсутствие психологического эффекта, вследствие чего очень плохо прослеживается отношение авторов документов к описываемым ими проблемам.

---

[14] Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. – Box № 16. Highway commission, 1910. September, 18, 19.

[15] Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. – Box № 16. Highway commission, 1910. December, 22.

[16] Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. – Box № 49. Honor Camp № 5 Waterville, 1915. October, 19.

[17] Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. – Box № 49. Honor Camp № 5 Waterville, 1915, explosion.

Библиография

Шевченко С.А. Организация труда заключенных по «системе доверия» на строительстве дорог в штате Вашингтон (1913–1916 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39). С. 66–73.

Шевченко С.А. Положение заключенных в дорожно-строительных «лагерях доверия» штата Вашингтон: снабжение, санитарные условия, досуг и распорядок дня (1913–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 188–199.

Bauer Ph. One Year of Honor System in Oregon // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 46. Prison Labor. March, 1913. P. 106.

Pennybacker J. Mileage and Cost of Public Roads in the United States in 1909. Washington D.C.: Government printing office, 1912. P. 38, 117.

Pratt J. Convict Labor in Highway Construction // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 46. Prison Labor. March, 1913. P. 85–86.

Wilmot S. Use of Convict Labor for Highway Construction in the North // Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York. Vol. 4. No. 2. Good Roads and Convict Labor. January, 1914. P. 1–68.

А.И. Дик, В.О. Федяева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Визуальная репрезентация европейского средневековья в виртуальной реконструкторской среде (на материалах клубов исторической реконструкции Западной Сибири) [*]

В статье рассматривается визуальная репрезентация европейского средневековья в виртуальной реконструкторской среде, представленной официальными сообществами клубов исторической реконструкции (КИР) в социальной сети «ВКонтакте». Основным предметом изучения стали группы «ВКонтакте» КИРов Омска, Новосибирска, Томска и Тюмени. Предлагается краткая характеристика реконструкторского движения в Западной Сибири. Авторами были изучены визуальные материалы, представленные в группах, на основании которых формируется образ средневековья, воссоздаваемый реконструкторами, и образ самого движения исторической реконструкции (ДИР). Научная новизна данного исследования обусловлена введением в оборот новых источников, позволяющих дать оценку ДИР.

Ключевые слова: историческая реконструкция, репрезентация средневековья, визуальные источники, Средние века, клуб исторической реконструкции.

Движение исторической реконструкции (ДИР) стало предметом научного изучения относительно недавно, что объясняется молодостью самого исследуемого явления. Ученые придерживаются разных, порой весьма крайних позиций относительно времени начала возникновения ДИР в мире в целом и в России в частности. Однако на сегодняшний день мы обладаем большим количеством исследований, затрагивающих отдельные аспекты ДИР. На наш взгляд, в данном случае уместно разделить все работы на отечественные и зарубежные, что объясняется несколькими причинами. Во-первых, ДИР в Европе и США зарождается в 1960-е гг. Приблизительно с этого времени берет начало и научное осмысление данного феномена. В России же ДИР начинает оформляться позже (по разным оценкам, это происходит в 1980-е или 1990-е гг.), как, соответственно, и его изучение. Во-вторых, зарубежные и отечественные ученые исследуют разные стороны реконструкторства.

Оценка зарубежной историографии ДИР была дана В.К. Донской в 2013 г. С ее точки зрения, «историографию по данному вопросу можно

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-00021.

условно разделить на несколько групп по характеру отношения к движению исторической реконструкции:

1) антропологическая реконструкция;

2) проживание исторической роли;

3) живая история;

или по степени реализации реконструкции:

1) теоретическая реконструкция;

2) практическое воплощение;

3) массовая реконструкция» [1].

В.К. Донская рассматривает основные работы, являющиеся знаковыми для зарубежной историографии ДИР. Таковыми, по ее мнению, являются труды Р. Коллингвуда, Дж. Мак Милана, У. Дарлимпла, В. Тернера, Р. Шехнера и др. Автор представляет различные позиции американских и европейских исследователей относительно истоков ДИР и перспектив его развития. Так, отмечается, что ДИР в Европе берет свое начало как из экспериментальной археологии, так и из движения ролевых игр («толкинисты» и пр.), в то время как в США первые реконструкторские фестивали были посвящены воссозданию событий Гражданской войны в США, т. е. изначально имели под собой конкретную историческую основу. В целом, В.К. Донская приходит к выводу о недостаточной изученности зарубежной историографии вопроса в России в силу непонимания роли исторической реконструкции в качестве обучающего процесса.

Если говорить об отечественной историографии ДИР, то можно обозначить несколько основных тем, которые находятся в центре внимания исследователей:

1) ДИР как социокультурный феномен;

2) ДИР как инструмент патриотического и гражданского воспитания;

3) ДИР как субкультура;

4) социологические аспекты изучения ДИР: в данную группу входят работы, рассматривающие т. н. социальный портрет участника российского ДИР (возраст, пол, профессиональная принадлежность и пр.), а также конкретные клубы исторической реконструкции (КИР);

5) историография ДИР.

---

[1] *Донская В.К.* Зарубежная историография движения исторической реконструкции // Современные проблемы науки и образования: электронный журнал. 2013. № 6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11449 (дата обращения: 20.07.2017).

Следует понимать, что данное разделение весьма условно и сложно найти работы, которые бы рассматривали исключительно феномен ДИР без анализа его воспитательного аспекта и пр. Но, на наш взгляд, первая из обозначенных групп является самой обширной, так как предполагает междисциплинарность исследований. Иллюстрацией может выступить диссертация И.В. Глухарева «Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен» [2]. В данной работе осуществлены первые попытки теоретизации деятельности военных реконструкторов. Одним из рассматриваемых аспектов стал вклад движения военно-исторической реконструкции в военно-патриотическое воспитание молодежи.

Рассмотрение ДИР как субкультуры представлено в исследованиях Н.С. Божка [3]. Его работы содержат значительный массив данных о ДИР, основанный на методе интервьюирования. Исследователь рассматривает корреляцию ДИР с литературой, а также анализирует, чем обусловлена привлекательность ДИР.

Социологические аспекты реконструкторского движения были изучены Д.В. Ткаченко [4] и Д.М. Кореневым [5].

Среди важнейших работ отечественных исследователей необходимо выделить публикации В.К. Донской, помимо зарубежной историографии изучающей проблемы формирования социальной структуры и организационные основы ДИР. Также она рассматривает историографию движения военно-исторической реконструкции на примере Волго-Вятского региона [6].

Казалось бы, приведенные выше исследования включают рассмотрение наиболее важных аспектов ДИР, которые позволяют оценить его с разных сторон. Но одна сфера, которая на сегодняшний день играет значительную роль, остается наименее изученной. Это интер-

---

[2] *Глухарев И.В.* Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен: дис. … канд. культурол. наук. М., 2000. 132 с.

[3] *Божок Н.С.* Движение исторической реконструкции как феномен молодежной культуры: дис. … канд. социол. наук. Саратов, 2013. 156 с.

[4] *Ткаченко Д.В.* Социологические аспекты движений исторической реконструкции // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2011. № 2 (27). С. 192–197.

[5] *Коренев Д.М.* Социальные аспекты движения исторической реконструкции // Вестник ОрелГИЭТ. 2009. № 4 (10). С. 133–136.

[6] *Донская В.К., Широков О.Н.* Историография движения исторической реконструкции на примере Волго-Вятского региона // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 15–19.

нет-ресурсы, т. н. виртуальная среда, которая выступает одним из главных инструментов привлечения новых участников и средством коммуникации внутри движения. Несмотря на значимость этой области, ее изучение до сих пор представляет собой лакуну. Как правило, в научных исследованиях интернет-ресурсы выступают в качестве вспомогательного источника, в то время как визуальные материалы, содержащиеся там, безусловно, сами по себе представляют интерес. Актуальность и научная новизна настоящей статьи обосновывается стремлением заполнить эту лакуну в знании, а также воссоздать те образы средневековья и ДИР, которые транслируются клубами медиевальной направленности в виртуальной среде. Не случаен и выбор тематики исследуемых КИРов. По данным опроса в социальных сетях, проведенного в 2016 г., из 676 респондентов 85,1 % (576 человек) проголосовали за различные периоды средневековья как за наиболее интересную для исторической реконструкции эпоху [7].

На сегодняшний день в Омске, Новосибирске, Томске и Тюмени действуют 11 КИРов медиевальной направленности [8]. Почти каждый из них имеет свою группу или сообщество в социальной сети «ВКонтакте», где участники выкладывают различные материалы, посвященные реконструируемому клубом периоду. Так, в Омске насчитывается четыре клуба, занимающихся европейским средневековьем: «Братина», «Орден Святого Георгия», «Тевтонский орден», «Ulffang» (Волчий Клык). Однако «Тевтонский орден» не имеет отдельного сообщества в «ВКонтакте». Новосибирск представлен тремя КИРами данной тематики: «Дом Ордена св. Иоанна Иерусалимского», «Северный берег», «Бер». Томск на просторах Интернета отражен в сообществах клубов «АБО» и «Дортмунд», а также объединенной группе «Историческая реконструкция в Томске». КИРы медиевальной направленности в Тюмени – клубы «Ильвинг» и «Мидгард».

Разумеется, каждый из клубов реконструирует вполне определенную и ограниченную часть «темных веков». Данные об этом представлены в таблице ниже.

[7] *Дик А.И.* Движение исторической реконструкции в г. Омске: зарождение и развитие // Древность и средневековье: вопросы истории и историографии. Омск, 2016. С. 183–187.

[8] По материалам сайта «ВКонтакте».

Таблица 1

Реконструируемые КИРами Западной Сибири
страны и периоды Средневековья

№ п/п	Город	КИР	Реконструируемая страна	Реконструируемый период
1	Омск	«Братина»	Русь, Европа	XIII–XV вв.
2		«Орден Святого Георгия»	Военные реконструкции воинств Центральной и Северной Европы (Германия, Англия, Скандинавия)	–
3		«Тевтонский орден»	История Тевтонского ордена	
4		«Ulffang»	Исландия	X в.
5	Новосибирск	«Дом Ордена св. Иоанна Иерусалимского»	Западная Европа (орден Св. Иоанна – госпитальеры)	XII в.
6		«Северный берег»	–	Раннее средневековье (эпоха викингов)
7		«Бер»	Русь Гуситские войны	IX–XI вв. XV в.
8	Томск	«АБО»	Шведские территории в Финляндии	1285–1326 гг., 1363–1386 гг.
9		«Дортмунд»	Дортмунд, Германия	кон. XIV–нач. XV в.
10	Тюмень	«Ильвинг»	Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия	VIII–XI вв.
11		«Мидгард»	Древняя Русь и Скандинавия	Раннее средневековье

Составлено по: Социальная сеть «ВКонтакте».

Как следует из таблицы, в целом, КИРы Западной Сибири реконструируют раннее и классическое средневековье Северной и Центральной Европы. Средневековая Русь также представлена в реконструкторском движении, однако лишь вполне конкретным ее периодом – IX–XI вв., т. н. «эпохой викингов». В данном исследовании мы предпочитаем не проводить демаркационную

линию между КИРами по принципу «living history» и исторический средневековый бой, так как элементы и того и другого обычно сосуществуют в каждом из клубов, хотя и в неравной степени. Более полезным для нашего исследования представляется разделение участников ДИР и всех интересующихся им, предложенное Д.В. Ткаченко. Он весьма удачно разделил социум по степени участия или вовлеченности в историческую реконструкцию на элиту, массу и публику, включая в состав последней организаторов, зрителей и «сочувствующих»: «Они ничего не делают как реконструкторы, но они во многом обеспечивают общественный резонанс реконструкторскому движению, а также представляют собой среду, откуда идет пополнение движений» [9]. Именно публика и является реципиентом тех материалов, с которыми можно ознакомиться в интернет-сообществах КИРов.

Обратимся непосредственно к данным. Общая сумма всех фотоальбомов групп КИРов в «ВКонтакте» – 230. Из них 72,2 % (166 альбомов) фиксирует жизнь КИРов, а оставшиеся 27,8 % (64 альбома) представляют собственно материалы о Средних веках. Все фотоматериалы можно разделить на тематические блоки. Первая группа освещает две неравные составляющие жизни клуба – мероприятия (фестивали, турниры и т. п.) и подготовку к ним (тренировки, изготовление костюмов и вооружения), то есть, по сути, хронику событий. В то время как меньшая группа – визуальные источники, посвященные средневековью, – охватывает большее количество тем:

1. Внешний вид средневекового жителя (украшения, одежда, обувь);
2. Средневековые профессии;
3. Средневековое оружие;
4. Устройство военного лагеря (шатры, планировка);
5. Отсканированная научная и научно-популярная литература, посвященная реконструируемому периоду;
6. Средневековая литература с гравюрными изображениями;
7. Средневековые скульптуры;
8. Средневековые лодки;
9. Средневековые карты;
10. Реконструкторский фольклор (например, комиксы по теме у КИРа «Або»).

Следует отметить, что фотоматериалы, отражающие жизнь клуба, не отличаются разнообразием. Как правило, КИРы выкладывают фотоотчеты с фестивалей и различного рода мероприятий. Подобная фотохроника не является специфичной у каждого из клубов, так как КИРы медиевальной

[9] *Ткаченко Д.В.* Социологические аспекты движений исторической реконструкции… С. 192–197.

направленности встречаются на нескольких крупных фестивалях, таких как «Абалакское поле», «Княжий двор», «Щит Сибири», «Сибирский огонь» и пр. Наиболее часто камера фиксирует моменты турниров – того самого исторического средневекового боя, который является основным направлением деятельности некоторых клубов. Реже в кадр попадают эпизоды воссоздаваемого быта с участием средневековых горожан и прекрасных дам. По сути, реконструктор на этих фото равен рыцарю. И образ «темных веков», представленный на таких фотографиях, – это образ воинственного средневековья, где сражения составляют основную часть жизни, что, разумеется, далеко от истины.

Однако гораздо более интересным и заслуживающим внимания представляется второй блок материалов, посвященный непосредственно средневековью. Следует понимать, что, хотя данные визуальные источники и представляют «живое» средневековье, с точки зрения академической науки, сложно говорить об их ценности. Далеко не всегда подобные материалы снабжены ссылками на источник, зачастую отсутствует обычный комментарий, содержащий название изображенной вещи. В то же время, эти данные представляют несомненный интерес в плане конструирования им того средневекового, которое вызывает интерес у публики. Безусловно, абсолютным лидером среди вышеупомянутых тем по количеству представленных материалов будут являться вооружение и одежда. Представляется, что многие материалы отвечают именно цели продемонстрировать внешний облик жителя средневековья. Помимо фотографий музейных экспонатов и скульптур, здесь имеются источники, основное содержание которых не имеет цели обрисовать внешность средневекового рыцаря, горожанина или ремесленника, но предоставляет об этом косвенные данные. Таковым является, например, Манесский кодекс – сборник светской поэзии на средневерхненемецком языке, представленный в фотоальбомах клуба «Братина» [10]. Вернее, в альбоме опубликованы лишь несколько гравюр кодекса, изображающих эпизоды средневековой жизни. Они снабжены пространным комментарием: «На страницах кодекса изображено большое количество дворянской знати в полном боевом облачении, в геральдических цветах и при девизах (несмотря на то, что их лица, как правило, скрыты), принимающих участие в битвах» [11]. Тем же целям отвечает и выложенный Tacuinum Sanitatis – средневековый медицинский трактат о

[10] Фотоальбом «Манесский кодекс 14th» // Социальная сеть «ВКонтакте». [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/album-57305363_231432323 (дата обращения: 24.07.2017).

[11] Там же.

здоровом образе жизни конца XIV века [12]. Приводимая характеристика и краткое содержание источника, судя по всему, играют гораздо меньшую роль, чем возможность рассмотреть на иллюстрациях трактата элементы одежды, обуви, украшений и пр. Фотографии скульптур, находящихся в готических соборах, очевидно, служат той же цели.

Среди фотоматериалов, схожих по тематике, есть и выгодно выделяющиеся из общего массива. Таким, например, является фотоальбом, посвященный средневековым профессиям, предлагаемый клубом «Дортмунд» [13]. Материалы обрисовывают «рынок труда» Священной Римской империи 1260–1517 гг., однако здесь встречаются и представители Италии, Франции и Ватикана того же периода. Примечательно, что все фотографии снабжены комментарием и ссылкой на источники на английском и немецком языках. Данный пласт материалов интересен тем, что демонстрирует разнообразие средневековых профессий. Наряду с привычными для обывателя кузнецом, пекарем, сапожником, цирюльником здесь представлены нечасто встречающиеся сборщик налогов, переплетчик, а также производитель фонарей.

Выбиваются из общего ряда и фотоальбомы, содержащие в себе отсканированные книги по интересующей теме. Абсолютным лидером в данном случае выступает КИР «Ильвинг», из 26 альбомов которого десять представляют собой литературу на английском и немецком языках. Здесь и Ян Пирс «Мечи эпохи викингов», и Кирстен Петерсон «Готландский женский костюм по материалам находок викингов» и мн. др. Однако подобное веяние академической науки скорее исключение, чем правило, так как большинство книг все же доступны в электронных форматах, а не в виде фотоматериалов.

Таким образом, анализ виртуальной реконструкторской среды демонстрирует следующее. Огромный массив фотоматериалов, посвященный жизни реконструкторов, формирует весьма определенный образ ДИР как занятного времяпрепровождения в походах, маневрах, сражениях, с одной стороны, и встречах с единомышленниками вне клуба на фотосессиях и прогулках, с другой стороны, что недалеко от истины. Но следует учитывать, что для публики реконструктор выступает живой иллюстрацией средневековья, изначально воспринимаемой некритично. И, согласно

[12] Фотоальбом «Tacuinum Sanitatis» // Социальная сеть «ВКонтакте». [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/album-57305363_231431186 (дата обращения: 24.07.2017).

[13] Фотоальбом «Средневековые професии» // Социальная сеть «ВКонтакте». [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/album-16110288_241197051 (дата обращения: 24.07.2017).

имеющимся визуальным данным, образ этот является весьма специфичным: Средние века предстают временем исключительно рыцарей, занятых лишь турнирами и боями. Это удивительно, ведь в той же виртуальной реконструкторской среде существует весьма интересный сегмент визуальных материалов, которые демонстрируют многогранность Средних веков. Здесь разнообразие эпохи в ее ярких проявлениях: одежда, украшения, быт, социальный состав и пр. Подобная дихотомия оставляет нерешенным вопрос: насколько подробно изучает весь массив материалов интересующаяся аудитория? Действительно ли образ средневековья, воспринимаемый публикой в сети Интернет, – это лишь образ воинствующего европейского рыцаря? Однако поиск ответов на эти вопросы – тема отдельного научного изыскания, а настоящее исследование можно заключить лишь следующим: история Средних веков, живущая в виртуальной реконструкторской среде, – это совсем другая история.

Библиография

Божок Н.С. Движение исторической реконструкции как феномен молодежной культуры: дис. … канд. социол. наук. Саратов, 2013. 156 с.

Глухарев И.В. Движение военно-исторической реконструкции как социокультурный феномен: дис. … канд. культурол. наук. М., 2000. 132 с.

Дик А.И. Движение исторической реконструкции в г. Омске: зарождение и развитие // Древность и средневековье: вопросы истории и историографии. Омск, 2016. С. 183–187.

Донская В.К. Зарубежная историография движения исторической реконструкции // Современные проблемы науки и образования: электронный журнал. 2013. № 6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11449 (дата обращения: 20.07.2017).

Донская В.К., Широков О.Н. Историография движения исторической реконструкции на примере Волго-Вятского региона // Вестник Чувашского университета. 2012. № 4. С. 15–19.

Коренев Д.М. Социальные аспекты движения исторической реконструкции // Вестник ОрелГИЭТ. 2009, № 4 (10). С. 133–136.

Ткаченко Д.В. Социологические аспекты движений исторической реконструкции // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2011. № 2 (27). С. 192–197.

А.И. Клюев

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Исторический источник в пространстве исторической реконструкции (на примере движения исторической реконструкции города Омска) [*]

В данной статье ставится вопрос об источниках формирования образов и механизмов, направленных на репрезентацию «неакадемических» форм знаний. Показаны основные виды источников, которые используют реконструкторы в процессе своей деятельности, а также основные особенности их применения. Сделан вывод о том, что обращение к наглядно-изобразительным и письменным источникам диктуется целями реконструкторского движения.

Ключевые слова: конструирование знаний о прошлом, «неакадемические» формы знания, движение исторической реконструкции, реконструкция исторических событий, исторический источник, профессиональная историография, рецепция профессионального исторического знания.

Современная культура характеризуется многообразием социальных форм, направленных на конструирование знания о прошлом в публичном пространстве. Среди наиболее популярных и динамично развивающихся социальных практик в первую очередь нужно назвать движение исторической реконструкции, появившееся в России на стыке 1980-х – 1990-х годов. Данное явление довольно давно приобрело массовый характер, о чем свидетельствует большое количество клубов исторической реконструкции самой разной тематической направленности, существующих практически во всех регионах страны. В то же время, движение успело привлечь к себе внимание отечественных [1] и зарубеж-

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-00021.

[1] См: *Ткаченко Д.В.* Социологические аспекты движений исторической реконструкции // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2011. №2. С. 192–197; *Демина А.В.* Движение исторической реконструкции: пути и решения // Вестник Костромского государственного университета. 2012. Т. 18. № 5. С. 45–48; *Божок Н.С., Ярская В.Н.* Перспектива поколения: движение исторической реконструкции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. № 2. С. 19–26; *Коренев Д.М.* Социальные аспекты движения исторической реконструкции // Вестник ОрелГИЭТ. 2009. № 4 (10). С. 133–136; *Каплуненко А.Е.* Об адекватности термина «историческая реконструкция» в контексте неформального молодежного движения ролевиков // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4 (25). С. 70–76; *Донская В.К.* Организационные формы движения исторической реконструкции // Фундаментальные исследования. 2014. № 5-2. С. 411–414.

ных [2] исследователей, в работах которых анализируются социокультурные проблемы деятельности реконструкторов, исследуются социологические аспекты деятельности клубов и т. д. Но остаются без внимания сюжеты, связанные с вопросом об источниках формирования знаний о прошлом, характерных для реконструкторского движения. В настоящей статье на примере деятельности клубов исторической реконструкции (преимущественно медиевальной тематической направленности) города Омска мы остановимся на вопросе об источниках, которые используют реконструкторы в процессе своей деятельности. Основным материалом для анализа являются проведенные нами интервью с участниками реконструкторских клубов, страницы клубов и представителей реконструкторов в социальных сетях.

Основной формой организации реконструкторов является клуб, который чаще всего действует как неформальная структура. В Омске насчитывается пять клубов, занимающихся реконструкцией эпохи Средних веков [3]. Все клубы исторической реконструкции презентуют себя и свою деятельность во внешней среде. Основная форма такой презентации – фестиваль – играет роль наиболее важного, но далеко не самого продолжительного этапа «жизни» реконструктора. Большую часть года реконструктор погружен в «быт», готовится к следующему фестивалю. В это время он тренируется, делает новый доспех, шьет новое платье.

Как следует из проведенных нами интервью с представителями реконструкторского движения, в качестве информационных средств, необходимых для воссоздания того или иного предмета прошлого, будь то меч, рыцарский доспех, платье или кухонная утварь, используются несколько видов источников. Основными из них являются наглядно-изобразительные и литературные.

---

[2] См: *De Groot J.* Consuming history. Historians and heritage in contemporary popular culture. Abingdon, Routledge, 2009. 292 p.; *O'Brien Backhouse M.* Re-enacting the Wars of the Roses: History and Identity // People and their past. Public History Today / Ed. by P. Ashton and H. Kean. N.Y.: Pelgrave Macmillan, 2009. P. 113–130; *Hochbruck W.* Geschichtstheatheatre. Formen der «Living History». EineTipologie. Bielefeld: Transcript – Verlag für Kommunikation, Kultur und soziale Praxis, 2013. 152 p.; *Де Гру Дж.* Сопереживание и участие. Популярные истории. [Электронный ресурс]. URL: gefter.ru/archive/6239 (дата обращения: 10.07.2017).

[3] Подробнее о движении исторической реконструкции в Омске см.: *Дик А.И.* Движение исторической реконструкции в г. Омске: зарождение и развитие // Древность и средневековье: вопросы истории и историографии: материалы IV Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Омск, 2015. С. 183–187; *Дик А.И., Клюев А.И., Свешников А.В., Федяева В.О.* Движение исторической реконструкции в Омске: попытка исследования // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 3 (в печати).

Наглядно-изобразительные источники, формы бытования которых позволяют увидеть тот или иной элемент наглядно, занимают очень важное место в иерархии источников для реконструкции предметов прошлого. К таким источникам можно отнести, например, фотографии ветеранов Наполеона, позволяющие наглядно увидеть, как выглядел солдат наполеоновской армии. Это незаменимый источник для человека, который реконструирует эпоху наполеоновских войн. Для эпохи рыцарского средневековья незаменимым источником являются музейные экспозиции, где представлены рыцарские комплекты тех или иных эпох. И задача реконструктора в данном случае сводится к тому, чтобы воспроизвести тот или иной доспех.

На ранних этапах развития реконструкторского движения, когда Интернет не был достаточно широко распространен, получение такого вида источника составляло значительную проблему. Для ее решения предполагалось посещение столичных или даже европейских музейных центров, сопровождавшееся существенными материальными затратами. Прямым следствием подобных сложностей, по признанию реконструкторов, был низкий уровень реконструкторского движения [4]. В условиях глобализации данная проблема практически решена. Более доступными стали возможности посещения тех или иных музеев и мест. Один из респондентов охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: «Я так эту историю Англии себе вдолбил, что потом четыре раза ездил в Англию, почти добрался до Гастингса» [5]. Одновременно исчезла сама необходимость подобных поездок в силу доступности многих музейных коллекций, в том числе и в сети Интернет. Любой реконструктор может воспользоваться интересующим его контентом. Тем не менее, среди реконструкторов существует незначительное число «энтузиастов» [6], продолжающих ездить по музеям в поисках артефактов. Они фотографируют предметы средневековой материальной культуры, а затем распространяют снимки на форумах и в группах в «ВКонтакте». Важность данного вида источников связана с тем, что на многих современных

[4] «И тогда движение находилось на другом уровне: у нас не было базы, не было знаний, не было книг, не было того, кто мог бы сказать “ты неправильно шьешь, ткань необходимо купить другую, ее нужно покрасить вручную” – весь технологический процесс, который мы сейчас проходим. Тогда это было просто: покупаешь в магазине, шьешь примерно на глаз, как есть». Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

[5] Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

[6] «Более того, кто-то ездит в Швецию, Британию, Германию в музеи, проводит там работу научную, не являясь научным сотрудником, возвращается, в своем клубе все это культивирует, доносит до людей, а все остальные довольствуются информацией с форумов». Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

реконструкторских фестивалях существует своеобразный «режим допуска». Для участия в фестивале необходимо подтвердить существование того или иного предмета экипировки в пространственно-хронологическом аспекте. Любой воссозданный предмет должен быть территориально локализован и датирован [7], что придает данным источникам очевидную ценность.

Тем не менее, использование наглядно-изобразительных источников становится более проблематичным, если речь идет об эпохе раннего средневековья или античности. Очевидно, что количество артефактов, оставшихся от этих эпох, незначительно. В этой связи особую роль приобретают литературные источники. Их можно разделить на два подвида: письменные исторические источники и исследовательская литература.

Важность для реконструктора письменного исторического источника очевидна не только с точки зрения содержащейся в нем информации. Он служит еще и дополнительным элементом для самопрезентации участника исторической реконструкции. Часто можно слышать такие слова, как «мы сами все шьем, мы сами читаем источники и делаем все по источникам». Реконструкторы читают источники, которые содержат описания рыцарского снаряжения, описания полевых лагерей, предметов быта и т. д. Их интересуют не столько сухие погодные описания событий, такие как Бертинские или Фульдские анналы, сколько богатые описательным материалом литературные памятники. Например, такие как «Хроника» брата Салимбене или Библия Мациевского.

В среде реконструкторов присутствует очень мало людей с историческим образованием. Зачастую к ним относятся представители технических специальностей (инженеры, слесари, кузнецы и т. д.), которым интересно восстанавливать прошлое. В связи с этим ясно, что интерпретация исторического источника профессиональным историком будет кардинально отличаться от его оценки со стороны реконструктора, не обладающего соответствующими навыками источниковедческого анализа, внешней и внутренней критики документа. Поэтому, как правило, реконструктор не может артикулировать, как он получил то или иное знание. Его понимание исторического источника укладывается в эрудитско-позитивистскую концепцию.

[7] «То есть у нас на фестивалях есть допуски, как критерии, когда участник фестиваля, будь он гражданский или боевой, отправляет всю свою документацию в форме фотографии, временной разброс, там, на 50 лет и пояснения – кто он, откуда, зачем будет участвовать. Но на “Абалакском поле” у каждого участника есть паспорт, и на каждую вещь есть археологическая находка – откуда она и все это во временной и территориальной канве. Там с этим очень строго и нельзя просто заявиться. Ты проходишь прямо контроль-досмотр на месте, и лагерь живет своей жизнью». Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017). Об этом же рассказали и респондентки Е (дата записи: 08.07.2017).

Важно собрать необходимый эмпирический материал, а не заниматься критическим анализом имеющихся текстов. В этой связи для реконструктора, не имеющего исторического образования, чрезвычайно сложным и, скорее, непригодным будет такой источник, как «Салическая правда». Последний не представляет собой единого повествовательного нарратива и являет собой мозаику, которую реконструктору собрать весьма трудно.

С научно-исследовательской литературой в этом плане несколько проще, так как она является уже готовым результатом, имеющим практическое значение для реконструкции. В плане воспроизведения западноевропейского средневековья оказываются принципиально важными не классические и признанные в среде профессиональных историков работы А.Я. Гуревича, К. Гинзбурга, Э. Ле Руа Ладюри, Ж. Ле Гоффа, а книги Э. Виолле-ле-Дюка, И. фон Фиркса о судах викингов или К. Жукова и Д. Коровина о западноевропейском доспехе раннего ренессанса, содержащие богатый наглядно-изобразительный материал. Прекрасным подтверждением этого же факта служит журнал для реконструкторов «Livet i Birka och Haithabu» («Жизнь в Бирке и Хедебю»). На его страницах «представлены вооружение и корабли, одежда и пища, столовые приборы и инструменты ремесленников, а также различные мелочи, используемые в повседневном обиходе» [8]. Такие работы привлекают внимание не столько авторским текстом, сколько богатыми иллюстрациями. Они приобретают характер «истины в последней инстанции» и служат весомым аргументом в плане получения «допуска» на фестивали [9]. Стоит отметить и тот факт, что у реконструктора отсутствует критический подход к исследовательской литературе [10]. Для него не важно, что любое исследование представляет конструирование прошлого, которое можно подвергнуть сомнению. Так, для профессиональных историков работы Э. Виолле-ле-Дюка вызы-

[8] От редактора // Livet i Birka och Haithabu. 2014. № 1. С. 3.

[9] «То есть это слабо распространенный шлем, у нас всегда были проблемы, что это неисторический, его не допустят. Но он есть в некоторых книгах, нашли его специально, сделали распечатку, таскали с собой бумажку, показывали и рассказывали, что вот, он отсюда, он в такое-то время придуман. Это настоящий шлем, в книге есть описание, где он упоминается часто, где он изображен». Интервью с респондентом Г (дата записи: 08.06.2017).

[10] «Сказать о том, что очень критично относятся к текстам, я думаю, нельзя. Потому что исследовательской работы как таковой ведется не много. Исследователь пишет, все соглашаются, потому что речь идет, в первую очередь, не о каких-то теориях и концепциях, а, скорее, о фактологическом материале, который найден, откопан, зафиксирован и выставлен где-то в музее. И задача не истолковать, а, скорее, просто восстановить. Этого достаточно». Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

вают сегодня, по меньшей мере, настороженное отношение. В то время как реконструктор скажет: «Для меня Виолле-ле-Дюк – это вообще бог, потому что такие труды делал» [11].

При этом прослеживается и своеобразная иерархия областей исторического знания. По крайней мере на вопрос об иерархии «авторитетов» респондент Б ответил однозначно: «Безусловно, археология. В исторической реконструкции на том периоде, когда она еще только проходила становление, такой принцип был заявлен “не откопано – значит, не было”. […] То есть все, что не археология, а тем более описательное – не достоверно. К ним (литературным источникам – *А.К.*) нужно проявлять гораздо более критический подход, потому что есть истолкования, особенности изображения, стилистика, то есть время поработало, а археология, она есть – и всё, против нее не попрешь» [12].

Для людей, занимающихся реконструкцией, например, раннесредневековой Скандинавии (на реконструкторском сленге – раннятники), принципиален вопрос о наличии литературы на русском языке. Такой литературы не много. В связи с этим реконтрукторы обращаются к работам на иностранных языках. То же можно сказать и о выше упомянутых письменных источниках. Впрочем, не многие участники реконструкторского движения читают на современных европейских языках, не говоря уже о латыни, староитальянском или старонемецком. Для перевода литературы используются такие современные трансляторы как Google-переводчик. Но Google-переводчик не способен адекватно передать содержание специального исторического текста и терминологии, что приводит к искажению смысла текста.

В связи с этим необходимо заострить внимание и на таком чрезвычайно интересном явлении как «теневая» историография. Многие из проинтервьюированных респондентов рассказали о том, что в их среде есть энтузиасты [13], занимающиеся переводом иностранной исследовательской литературы, порой с помощью Интернета. Затем эти переводы распространяются в среде заинтересованных лиц на форумах и реконструктор-

[11] Интервью с респондентом Г (дата записи: 06.06.2017).

[12] Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017). Интервью с респондентом М (дата записи: 10.08.2017).

[13] «Есть в Тюмени ребята, которые занимаются Скандинавией, ранним средневековьем, они делали не книги, такие выпуски, газетой тоже не назовешь это. Ну то есть они делают исследования по погребениям на русском языке, там компилируют какие-то разные исследования… Это реконструкторы, образование им просто позволяет делать». Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

ских сайтах. Таким образом, текст публикуется в Интернет-пространстве с нарушением авторского права, без официальной регистрации с присвоением соответствующих идентификационных номеров и с соблюдением законодательства. Тем не менее такие тексты существуют и пользуются спросом среди реконструкторов. В качестве примеров можно назвать перевод книги «Shoes and Pattens» Фрэнсиса Грю и Маргаретты де Неегард, выполненный Dylan`ом из клуба «Дижонская рота», а также перевод книги О. Гоубитца «Purses in Pieces», выполненный У. Бурдеевым из клуба «Бургундская пехота». Или, например, подготовленный В. Барановой сборник переводов под общим названием «Общество эпохи викингов: профессия, занятия и социальный статус». В уже упомянутом журнале о жизни Бирки и Хедебю помещены несколько переводов. Кроме того, ряд статей представляет собой рефераты исследований западных специалистов, подготовленные по проблемному принципу (отдаленно напоминающие реферативные сборники ИНИОНа) [14].

Ряд респондентов отмечал, что на современном этапе развития реконструкторского движения отпала необходимость пользоваться результатами исторических исследований. Раньше для восстановления, например, женского одеяния жительницы Скандинавии необходимо было проделать большую работу с научной литературой, прежде чем перейти к пошиву платья [15]. Сегодня с развитием информационных технологий, а также в связи с накоплением информации реконструкторами этот процесс значительно облегчился. Специализированные форумы для реконструкторов сегодня наполнены материалом, который позволяет сразу шить или делать рыцарский комплект. Существуют конкретные рекомендации, а даже сделано неправильно, то, как заметил респондент Б, «старшие товарищи» могут подсказать и направить в верное русло [16]. Это, кстати, объясняет и тот факт, что многие из опрошенных респондентов говорят не очень охотно о чтении литературы, очень часто не могут вспомнить названия книг или их авторов. А если и вспоминают, то зачастую ограничиваются названием двух-трех книг, вроде уже упомянутых работ Э. Виолле-ле-Дюка, А.Н. Кирпичникова или В. Бехайма.

Таким образом, в процессе своей деятельности реконструкторы используют несколько взаимодополняющих видов источников: наглядно-

[14] См.: Livet i Birka och Haithabu. 2014. № 1.

[15] Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

[16] «Я думаю, большинство даже в Интернете не сильно копается, потому что в клубе эта информация каким-то образом расползается. Есть люди, которые давно в теме, они знают, как пошить штаны, дают выкройку, дают ссылку на источник». Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

изобразительные и письменные, в состав которых входит также исследовательская литература. Наиболее важными среди них являются наглядно-изобразительные источники. Причина подобного выбора вполне очевидна. Стремясь к как можно более точному воспроизведению различных элементов одежды, утвари или военного снаряжения эпохи средневековья, представители движения нуждаются в наглядных изображениях создаваемых предметов (отсюда вытекает интерес к археологии). Письменные свидетельства и исследовательская литература имеют для реконструкторов важное, но скорее вспомогательное значение. Чаще всего они дают лишь необходимые пояснения для более достоверного воспроизведения предметов прошлого. При этом выделенные нами виды источников прекрасно соответствуют целям, которые стоят перед реконструкторами, а именно ориентации на максимально точное воспроизведение материальной культуры.

Одновременно нельзя не отметить, что в среде самих реконструкторов довольно ясно прослеживается дифференциация по степени «вовлеченности в процесс» работы с памятниками прошлого. Очевидно, что большинство участников исторических реконструкций занимается механическим воспроизведением прочитанного или увиденного, выявленного и усвоенного материала. И лишь незначительная часть представителей движения стремится к сознательному научному поиску, для успешной реализации которого им приходится осваивать и применять на практике, пусть и не всегда успешно, многое из инструментария историка-профессионала.

Библиография

Божок Н.С., Ярская В.Н. Перспектива поколения: движение исторической реконструкции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. №2. С. 19–26.

Де Гру Дж. Сопереживание и участие. Популярные истории. [Электронный ресурс]. URL: gefter.ru/archive/6239 (дата обращения: 10.07.2017).

Демина А.В. Движение исторической реконструкции: пути и решения // Вестник Костромского государственного университета. 2012. Т. 18. № 5. С. 45–48.

Дик А.И. Движение исторической реконструкции в г. Омске: зарождение и развитие // Древность и средневековье: вопросы истории и историографии: материалы IV Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Омск, 2015. С. 183–187.

Дик А.И., Клюев А.И., Свешников А.В., Федяева В.О. Движение исторической реконструкции в Омске: попытка исследования // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 3 (в печати).

Донская В.К. Организационные формы движения исторической реконструкции // Фундаментальные исследования. 2014. № 5-2. С. 411–414.

Каплуненко А.Е. Об адекватности термина «историческая реконструкция» в контексте неформального молодежного движения ролевиков // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4 (25). С. 70–76.

Коренев Д.М. Социальные аспекты движения исторической реконструкции // Вестник ОрелГИЭТ. 2009. № 4 (10). С. 133–136.

Ткаченко Д.В. Социологические аспекты движений исторической реконструкции // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2011. № 2. С. 192–197.

De Groot J. Consuming history. Historians and heritage in contemporary popular culture. Abingdon, 2009. 292 p.

Hochbruck W. Geschichtstheatheatre. Formen der «Living History». Eine Tipologie. Bielefeld, 2013. 152 p.

O'Brien Backhouse M. Re-enacting the Wars of the Roses: History and Identity // People and their past. Public History Today / Ed. by P. Ashton and H. Kean. N. Y., 2009. P. 113–130.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ С XVII ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.

Д.С. Бобров

Алтайский государственный университет

Вопросы реализации оборонно-снабженческой функции приказчиками острогов и слобод Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. *

Публикация посвящена реконструкции различных аспектов реализации оборонно-снабженческой функции низовым звеном системы управления Верхним Приобьем – приказчиками острогов и слобод. Источниковую основу исследования составили неопубликованные документы из фондов Российского государственного архива древних актов. Анализируется ситуация ресурсно-кадрового наполнения острогов и слобод, реакция уездной власти на динамику оборонного потенциала укреплений. Освещается деятельность приказчиков по организации разведки в верховьях Оби. Автор приходит к выводу о ключевой роли оборонно-снабженческой функции в административной деятельности приказчиков, но, вместе с тем, зависимом положении управленцев при ее осуществлении.

Ключевые слова: приказчики, воеводы, служилые люди, Белоярская крепость, Бийская (Бикатунская) крепость, Кузнецкий уезд, Верхнее Приобье.

Активное проникновение Российского государства в Верхнее Приобье, выразившееся в сооружении в конце 1710-х годов. Белоярской и Бикатунской крепостей, а также возникновении Малышевой слободы, потребовало от властей оперативного определения модели администрирования юго-западными окраинами Кузнецкого уезда. В результате на регион была по умолчанию экстраполирована многоуровневая система управления, низовым звеном которой стали приказчики острогов и слобод. Именно им приходилось воплощать губернаторские или воеводские указы на местах, решать сиюминутные освоенческие вопросы, не предусмотренные вышестоящими инстанциями.

В сибиреведческой литературе достаточно прочно укоренился взгляд на приказчиков как на институт локального администрирования, обладавший широкими полномочиями в отношении крестьянского населения на

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края в рамках реализации совместного проекта № 17-11-22006 «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.».

протяжении XVII – начала XVIII в., а в дальнейшем терявший свое влияние на фоне роста управленческого авторитета крестьянских миров [1]. При таком подходе приказчики превращались в инструмент сдерживания фактически неограниченных возможностей крестьянского мира [2], наиболее выпукло представляя собой рудимент кормленческой системы и явный элемент архаизации административной вертикали XVIII века [3].

Региональной историографии за долгое время так и не удалось сформулировать сколько-нибудь внятной позиции относительно статуса и роли приказчиков в системе управления. Во многом это объясняется тем, что этот вопрос не находился в центре внимания специалистов и являлся смежным по отношению к рассматриваемым ими сюжетам. Высказанное Ю.С. Булыгиным мнение о том, что приказчики фактически являлись одновременно и комендантами крепостей [4], на несколько десятилетий определило позицию специалистов по раннему этапу освоения Верхнего Приобья. Однако сам историк в своей ставшей хрестоматийной работе чрезвычайно мало внимания уделял административно-правовым сюжетам, ставя в центр внимания проблему крестьянской колонизации. В русле этой точки зрения лежит позиция А.В. Контева и О.Е. Контевой, которые, с одной стороны, на протяжении всего XVIII столетия изображают приказчиков как инструмент государственного контроля за мирскими органами самоуправления, с другой – в парадигме взглядов советской историографии указывают на детерминированность действий приказчиков решениями мирских сходов [5]. Однако обос-

[1] Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 139–142, 327–328.

[2] *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М., 1946. С. 206–207; *Александров В.А.* Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. С. 117–180; *Миненко Н.А.* Русская крестьянская община в Западной Сибири: XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1991. С. 10–11.

[3] *Ананьев Д.А.* Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск, 2005. С. 80.

[4] *Булыгин Ю.С.* Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 14. Стоит отметить, что подобный, достаточно поверхностный, взгляд на управление острогами и крепостями Верхнего Приобья до конца не преодолен современной историографией. Так, в документальной подборке, представленной В.Б. Бородаевым и А.В. Контевым, в названии одного из документов 1716 г. значится «донесение коменданта Бердского острога Ивана Буткеева». См.: *Бородаев В.Б., Контев А.В.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015. С. 196.

[5] *Контева О.Е., Контев А.В.* Территория Алтайского края в общегражданской и ведомственной системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: Науч. и док. материалы. Барнаул, 2005. С. 47.

нованность этих оценок применительно к ситуации в Верхнем Приобье первой половины XVIII в. вызывает серьезные вопросы.

Таким образом, в общероссийской и сибиреведческой историографии основной акцент делается на административно-хозяйственной функции приказчиков, в то время как в среде региональных специалистов вопросы осуществления власти приказчиками в Верхнем Приобье остаются фактически неразработанными. В связи с этим, целью текущей публикации стало освещение ключевых аспектов реализации оборонно-снабженческой функции приказчиками острогов и слобод Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. Источниковую основу исследования составили неопубликованные документы из фондов № 248 (Сенат), 517 (Кузнецкая воеводская канцелярия) и 1402 (Бийская земская изба) Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

Приказчики острогов и слобод Верхнего Приобья представляли собой ординарный институт локального звена общегражданской системы управления регионом. Приказчики относились к категории «годовальщиков» – дворян, детей боярских или служилых людей, привлекавшихся аппаратом управления для решения строго определенных задач на ограниченное время, как правило, на один год [6]. В непростых внешнеполитических условиях и по мере усложнения самого характера освоения четко установленный срок в 12 месяцев становился не более чем условностью. На ранних стадиях заселения административной округи он мог сокращаться до полугода и даже трех–четырех месяцев. Так, в Бикатунской крепости в период с мая 1720 г. по октябрь 1721 г. сменилось сразу три приказчика: Федор Сорокин, Иван Буткеев и Иван Везигин [7]. На более поздних этапах приказчики находились в своей должности два года и более. Красноречивыми примерами здесь выступают Афанасий Хмелев, занимавший пост приказчика Белоярской крепости с 1726 по 1731 год [8], Степан Везигин, пребывавший приказчиком Бикатунской крепости с 1728 по 1730 год [9].

Функциональный статус приказчиков, реализовывавшийся ими в управленческом процессе, с одной стороны, логично вытекал из воеводской памяти как главного правоустанавливающего документа, а с другой – обуславливался спецификой протекания администрирования в конкретном локальном районе (остроге или слободе). Ключевыми функциями приказчиков явля-

[6] *Пузанов В.Д.* Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 132.

[7] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 7–44 об.

[8] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 14. Л. 35; Д. 26. Л. 255–256.

[9] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–1 об.; Д. 25. Л. 60.

лись оборонно-снабженческая, административно-хозяйственная, полицейская и промульгационная.

Оборонно-снабженческая функция выстраивалась вокруг априорной значимости для региональных и уездных властей задачи «сбережения острогов». В течение 1720–1740-х годов приказчикам более двадцати раз посылались прямые предписания из Кузнецка «иметь от приходу воинских [10] людей калмыков крепкую предосторожность» [11]. Утвердившийся в воеводском дискурсе подход к обеспечению безопасности крепостей на практике представлял собой, во-первых, проявление административной обязанности дублировать нижестоящим структурам распоряжения вышестоящих (Сената или губернатора), а, во-вторых, способ переложения на приказчиков практически всей полноты ответственности за происходившее на окраинах уезда. Подобные указы содержали поручение, сформулированное в чрезвычайно общем, схематичном виде, и не заключали в себе конкретного набора инструментов правоприменения или хотя бы указания способа создания таковых.

Едва ли не ключевым фактором, который определял административную повестку приказчиков Верхнего Приобья, становился дефицит средств обеспечения управления, проявлявшийся в острой нехватке как инженерных, так и кадровых ресурсов. Причем в течение первой половины XVIII в. он приобрел системный характер и напрямую угрожал подорвать выполнение управленческих задач на локальном уровне.

В первую очередь это проявлялось в недокомплекте воинских припасов. По данным приказчиков по состоянию на 1736 г. только в Белоярской крепости не доставало пяти пудов пушечного пороха, трех пудов пороха «ручного» и трех пудов свинца; в Малышевой слободе – восьми пудов пушечного пороха, 10 пудов «ручного» и пяти пудов свинца соответственно; в Бийской крепости управленцы не досчитывались восьми пудов пушечного пороха и 10 пудов «ручного» [12]. Общий недостаток по крепостям и слободам Верхнего Приобья составлял чуть более 50 % от положенного расписания припасов. Во второй половине 1730-х – начале 1740-х годов ситуация изменилась лишь частично. По состоянию на 1746 г., с одной стороны, выделялась Бийская крепость, где в общей сложности не хватало более 20 пудов пороха. С другой стороны, в более удаленной от границы Белоярской крепости значительно лучше обстояло дело с порохом: нехватка лишь четырех пудов, но при этом вообще не было свинца при

[10] Примерно в половине случаев значилось «неприятельских».

[11] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 473. Д. 6. Л. 124–125; Оп. 13. Кн. 725. Д. 131. Л. 609 об.; Кн. 757. Д. 26. Л. 448 об.–449; Д. 51. Л. 14; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–31, 56; Ф. 517. Д. 94. Л. 33.

[12] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 69. Л. 75–76.

положенных 15 пудах. В Малышевой слободе не досчитались в общей сложности чуть более одного пуда пороха и одного пуда свинца [13].

Гораздо сложнее дело обстояло с обеспечением служилых людей и местного крестьянского населения ручным оружием. Приказчики в данном случае, как и во многих других вопросах снабжения, оказывались полностью зависимы от воевод. Сибирский губернатор требовал от уездных администраторов первоочередного снабжения ружьями максимального числа жителей пограничных острогов и слобод «для оных осторожностей все пограничные жители имели ружье кому какое можно» [14]. В указе от 4 декабря 1735 г. кузнецкий воевода А.Ф. Бартенев предписал приказчикам Белоярской крепости и Малышевой слободы «учинит достоверныя ведомости тех острогов, и слобод, и уездов, у жителей у кого имянно имеетца тако и буде неимеетца ружье для отпору против неприятелей» [15].

Не менее важным фактором, с которым приходилось считаться приказчикам в своей административной деятельности, становился перманентный дефицит защитников крепости. Вплоть до 1738 г. (времени появления в Верхнем Приобье регулярных частей под командованием майора де Граве) гарнизон острога состоял из служилых людей, прибывших вместе с приказчиком в рамках одной годовальной команды из Кузнецка. Однако состав (прежде всего, количественный) такого корпуса, находившегося в распоряжении локального управителя, слабо соответствовал задаче отражения реальной угрозы набегов кочевников.

В первые годы после сооружения второго Бикатунского острога численность гарнизона укрепленного объекта не превышала 50–60 человек [16]. Начало строительства в Верхнем Обь-Иртышье промышленных предприятий А.Н. Демидова вынуждало воевод сокращать и без того немногочисленные отряды служилых людей, посылавшиеся в порубежные районы Верхнего Приобья. В конце 1720-х – начале 1730-х годов число годовальных казаков в Бикатунской крепости опускалось до критического предела в 30–35 человек. Определенное улучшение ситуации произошло только в 1734 г., когда состав гарнизона возрос до 40 служилых людей [17]. Для сравнения Г.Ф. Быконя приводит данные о приблизительно 400 служилых, находившихся на годовальной службе в Абаканском остроге в конце первого десятилетия XVIII века [18]. При

[13] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 69. Л. 138–139.

[14] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 81. Л. 32 об.

[15] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 58. Л. 27.

[16] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26. Л. 33 об.; *Исупов С.Ю.* Крепость Бийская есть главная. Барнаул, 2009. С. 52.

[17] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 11 об.–12.

[18] *Быконя Г.Ф.* Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. 2-е изд. Красноярск, 2013. С. 80–81.

этом стоит подчеркнуть, что кузнецкие воеводы далеко не всегда обладали элементарными сведениями о количестве годовальщиков в той или иной крепости. Так, в своем донесении губернской канцелярии, оказавшемся впоследствии в Сенате, воевода сообщал о наличии в Бикатунской крепости в 1734 г. 44 служилых людей, а отнюдь не 40, что не соответствовало реальному положению дел в данном районе [19]. Вместе с тем спустя два года – в 1736 г. А.Ф. Бартенев впервые с момента основания лично проинспектировал Бикатунскую крепость, оценил состояние ее гарнизона и укреплений, а также выдал приказчику несколько локальных предписаний [20]. Это не являлось прихотью А.Ф. Бартенева, а, наоборот, лежало в рамках реализации п. 9 губернаторского Наказа воеводе 1721 г., предписывавшего уездным администраторам «крепости ж всякими на оборону потребности призирать, при которых нуждных случаях, и самому туда выезжать, и все в доброй порядок приводить» [21].

Обнажившуюся проблему дефицита служилых людей для посылки в остроги и на Колывано-Воскресенские заводы воеводы стремились решить за счет «приписок» – ускоренного верстания в служилые люди детей, братьев и даже непрямых родственников (дядей и племянников) лиц, находившихся на службе. Эта мера находилась в русле общей политики местных властей Сибири. Начиная с XVII в. они практиковали пополнение приборного войска выходцами из зависимых категорий населения [22]. Однако приписки, частично решавшие проблему нехватки служилых людей для уездного центра, на уровне острогов не давали сколько-нибудь существенного эффекта, вследствие чего приказчики вынуждены были для обеспечения обороны привлекать крестьянское население. В казармах Бикатунской крепости в середине 1720-х годов проживало более 30 пришлых, которые, как отмечали приказчики острога, активно и на постоянной основе участвовали в поддержании безопасности района [23].

Едва ли не более тяжелая ситуация складывалась вокруг Белоярской крепости, поскольку уже в первые годы после ее сооружения доля служилых людей, составлявших гарнизон острога, неуклонно падала (с 90 до критического значения 15 казаков в 1723 г. [24]), а ближе к концу 1720-х годов воеводы и вовсе практически полностью перестали посылать в Белоярск годовальщиков [25]. В этих условиях гарнизон крепости формировался из

[19] РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Кн. 867. Д. 1. Л. 668–670.
[20] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 68. Л. 14.
[21] Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 2. СПб., 1885. С. 354.
[22] *Александров В.А.* Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 49.
[23] РГАДА. Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 288.
[24] РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 12. Л. 280–282.
[25] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 122. Л. 22 об.

числа наиболее достойных беломестных казаков, гулящих людей и крестьян. Инициатива подобных действий могла принадлежать самим приказчикам или исходить из уездного центра. Еще в 1717 г. кузнецкий воевода Б.А. Синявин предписывал «начальному человеку» Белоярской крепости Степану Серебренникову оставить пришлого Алексея Некрасова «в Белоярском в пушкарях и от податей свободить» [26]. Основанием для подобных действий становились освоенческие реалии, точнее участившееся еще в конце 1710-х годов миграции в район Белоярской крепости казаков, как правило, из Мунгацкого станца [27]. Воеводы на протяжении 1720–1730-х годов не просто не вмешивались, а даже поощряли активную деятельность белоярских приказчиков по «верстанию» гарнизона соответствующей крепости (лишь визируя относящиеся к этому вопросу прошения).

Несмотря на очевидный кадровый дефицит гарнизонных команд, воеводы постоянно подчеркивали, что в случае акта агрессии со стороны джунгар и зависимого от контайши населения приказчикам следует не только «чинить воинский отпор», но и перейти в контратаку вплоть до полного уничтожения нападавших и пленения оставшихся в живых [28]. Однако подобные предписания носили ярко выраженный декларативный характер. Используя их, воеводы стремились поддерживать временами сводившиеся на нет опасения приказчиков о возможном наступлении кочевников, как правило, аппелируя (в чем-то даже спекулируя) к сожжению ойратами первого Бикатунского острога [29]. В реальности любые активные действия приказчиков в приграничной зоне, приводившие к столкновениям и эскалации напряженности, жестко пресекались вышестоящими властями. Так, еще в июле 1717 г. неподалеку от Белоярской крепости произошла стычка с джунгарами крупного разведывательного отряда служилых людей (в количестве более 30 человек), посланного С. Серебрениковым для обследования русла и прибрежной зоны Оби. В результате столкновения четверо казаков были убиты. Воевода был настолько разгневан случившимся, что категорически запретил С. Серебренникову и всем его сменщикам посылать отряды на левый берег Оби: «А будет людям трата, и за то ты казнен будешь смертью, чтобы такими посылками не потерять города» [30]. Однако строго формально подобные действия С. Серебренникова не только не являлись авантюрными, а наоборот, час-

[26] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 26; *Бородаев В.Б., Контев А.В.* Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье… С. 250.

[27] *Булыгин Ю.С.* Белоярская крепость: [История основания] // Алтай. 1965. № 3. С. 103–104.

[28] РГАДА. Ф. 517. Оп. 2. Д. 13. Л. 162–163 об.

[29] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 45; Ф. 1402. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1. Л. 7 об.

[30] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 28–28 об.; *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980. С. 185.

тично соответствовали воеводским указам о необходимости осуществления активной разведки в верховьях Оби, то есть посылки разведывательных экспедиций на левый берег Оби, в междуречья Алея и Чарыша [31]. С. Серебренников лишь превысил установленное уездным администратором «немноголюдство» посылавшихся в разведку [32].

Организация разведывательных экспедиций прекратилась не сразу, вплоть до сентября 1717 г. приказчики отправляли казаков на разведки, в ходе которых, между тем, неприятелей обнаружить не удавалось [33]. Достаточно быстрый отказ от практики активной разведки в Верхнем Приобье существенно контрастировал с другими районами Западной Сибири, где на протяжении XVII – первой половины XVIII в. в условиях не столь существенного ресурсного дефицита, а также значительно меньшей опасности внешнего набега сохранялась практика посылки приказчиками служилых людей для охраны и патрулирования предполагаемых маршрутов пресечения кочевниками хозяйственных границ округа [34].

В дальнейшем задача сбора информации разведывательного характера всё же окончательно не выпала из контекста реализации приказчиками Верхнего Приобья оборонно-снабженческой функции. Однако акцент был сделан на пассивном варианте разведки, то есть допросах лиц (как правило, жителей телеутских волостей), потенциально обладавших информацией о событиях и акциях в приграничной зоне. В одном только 1736 г. после инцидента, связанного с поездкой ясашного Кумандинской волости в пределы владений Галдан-Цэрэна, «начальный человек» Бикатунской крепости Иван Хабаров допросил четверых ясачных данников соответствующей волости и даже двоих кузнецких жителей, оказавшихся в пределах административного надзора крепостного приказчика («ведомства Бийкатунской крепости») [35]. В дальнейшем подобные расспросные речи направлялись в Кузнецк для принятия последующего решения.

Неотъемлемой составляющей реализации оборонно-снабженческой функции приказчиков становились ремонт и модернизация инженерных укреплений острогов. В большинстве случаев воевода лишь издавал указ, в котором декларировалась необходимость провести соответствующие работы, в то время как их непосредственное содержание, а также организация необходимых трудовых ресурсов полностью передавалась в ведение приказчиков. Значительно реже

[31] РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 8. Л. 25–25 об.

[32] *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980. С. 185.

[33] *Огурцов А.Ю.* На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. 2007. Вып. 9. С. 43–45.

[34] *Пузанов В.Д.* Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 185.

[35] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 17–20.

уездными управителями предлагалась фактически готовая инструкция: «И делать вкруг городов всех крепостей, также и в слободах при острогах рвы укрепить полисадоми и рогатками, и пушки все поставить в удобныя места, где им стоять надлежит, и батарей поделать удобныя также, и вкруг посадов которыя загородом окалошь рвы и поставить на долобы или рагатки» [36]. Стоит, однако, отметить, что внушительная часть подобных предписаний механически заимствовалась воеводами из указов губернской канцелярии [37].

Проблема снабжения находившихся в острогах воинских команд наиболее четко обозначилась в административной повестке приказчиков лишь в конце 1730-х годов после появления на вверенной им территории солдат и драгун из Новоучрежденного полка под командованием майора де Граве. Наибольшей остроты ситуация достигла в Бийской крепости, где на постоянной основе находилось сразу 64 драгуна [38]. Приказчики острога стали откровенными заложниками политики вышестоящих учреждений. В отсутствии должного количества хлеба и относительной немногочисленности населения в административной округе воевода определил направлять провиант из богатой хлебными угодьями Малышевой слободы, что вызвало массовые протесты податного населения, вылившиеся в фактический саботаж доставки «четверикового провианта» в Бикатунскую крепость. В коллективной челобитной уездному администратору крестьяне в резкой форме подчеркивали невозможность соответствующих операций в силу приписки значительного числа населения к Колыванским заводам [39]. В ответ на это кузнецкий воевода А.Г. Шапошников предписывал приказчику Бикатунской крепости Шестакову «а как ли из Малышевой слободы того правианта и поныне в Бийск не привесено, то да привосу того провианта взять у бийских обывателей заимообрасно, а по привосе тот правиант из Малышевской [слободы – *Д.Б.*] правианта отдать возвратно немедленно» [40]. Таким образом, речь шла об обязанности приказчика частично изымать хлеб у поднадзорных ему крестьян вплоть до соответствующих поставок. Административная практика показывала, что такие задержки могли достигать двух–трех лет, что, в свою очередь, порождало ощутимые недовольства крестьян, живших в пределах Бийской крепости.

На протяжении первой половины XVIII в. оборонно-снабженческая функция играла ключевую роль в административной практике приказчиков острогов и слобод Верхнего Приобья. Ведущими субнаправлениями

[36] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 51. Л. 11.
[37] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Кн. 473. Д. 6. Л. 125–125 об.
[38] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 119. Л. 3 об.
[39] Там же. Л. 1–1 об.
[40] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 140. Л. 1 об.

деятельности становились поддержание укреплений в должном состоянии, учет количества припасов и защитников крепости, организация разведки. При этом приказчики на фоне острого ресурсно-кадрового дефицита в целом ряде ситуаций оставались в зависимом от уездного центра положении.

Библиография

Александров В.А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 39–58.

Александров В.А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.). М., 1976. 323 с.

Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск, 2005. 264 с.

Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015. 415 с.

Булыгин Ю.С. Белоярская крепость: [История основания] // Алтай. 1965. № 3. С. 103–104.

Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. 144 с.

Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.: монография. 2-е изд. Красноярск, 2013. 346 с.

Исупов С.Ю. Крепость Бийская есть главная. Барнаул, 2009. 302 с.

Контева О.Е., Контев А.В. Территория Алтайского края в общегражданской и ведомственной системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: Науч. и док. материалы. Барнаул, 2005. С. 44–70.

Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / [А.П. Окладников, Н.Н. Покровский и др.]. Новосибирск, 1982. 504 с.

Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири: XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск, 1991. 265 с.

Огурцов А.Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. 2007. Вып. 9. С. 40–67.

Пузанов В.Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 132–142.

Пузанов В.Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут, 2011. 233 с.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980. 296 с.

Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М. 1946. 229 с.

Д.Ю. Плотников

Новосибирский государственный университет

Управление войсками Отдельного Кавказского корпуса в кампанию 1854 г. Крымской войны 1853–1856 гг.

Статья посвящена организации управления войсками Отдельного Кавказского корпуса в кампанию 1854 г. Крымской войны 1853–1856 гг. Впервые в историографии воссоздана целостная картина управления войсками корпуса в изучаемой кампании. Проанализирована постановка задач отдельным отрядам, степень централизации управления, отношение командования к инициативе частных начальников. Сделан вывод, что командованию Отдельного Кавказского корпуса удалось наладить эффективное рассредоточенное управление, основанное на заблаговременном ознакомлении частных начальников с их задачами, директивах, значительной самостоятельности исполнителей и поощрении инициативы, но не извлечь из этой эффективности максимально возможную пользу.

Ключевые слова: Крымская война, Отдельный Кавказский корпус, управление, В.О. Бебутов.

В истории военного искусства Крымская война находится на стыке двух эпох, традиционно связываемых с именами Наполеона I Бонапарта и Гельмута фон Мольтке. Военные действия в 1853–1856 гг. еще во многом велись по старым наполеоновским заветам, но уже демонстрировали настоятельную необходимость нового военного искусства, которое и было создано позднее в ходе войн за объединение Германии. Таким образом, без Крымской войны любое историческое изучение военного искусства XIX в. было бы принципиально неполным.

Военное искусство проявляется, прежде всего, в управлении войсками, непосредственно вовлеченными в ведение войны. В этом отношении в Крымскую войну большой интерес представляют кампании на Кавказском театре военных действий (ТВД). В отличие от пассивных действий на Дунае и неудачных в Крыму, в Закавказье русские войска неизменно добивались успеха и в 1854 г. полностью решили стратегическую задачу обороны края, что позже позволило перейти в наступление. Лишь отчасти такую разницу в эффективности действий можно объяснить различной боеспособностью противников России на разных ТВД. Главную же роль в успехах Отдельного Кавказского корпуса сыграло, вне всяких сомнений, военное искусство его командования. Следовательно, без изучения управления войсками на Кавказском ТВД невозможно составить и полную картину войны, без чего, в свою очередь, невозможно уяснить ее место в истории военного искусства. Поэтому цель статьи – проанализировать управление войсками Отдельного Кавказского

корпуса в кампанию 1854 г. и выделить характерные особенности этого управления, сказавшиеся на эффективности объединения.

Историографические работы, касающиеся темы, можно с известной долей условности разделить на три группы. К первой принадлежат труды, просто освещающие ход событий или дающие им самые общие оценки. Такова, например, описательная работа А.О. Гейрота, заострявшая внимание не столько на управлении войсками, сколько на описании их подвигов [1]. А.А. Керсновский в своем изложении отметил высокую инициативность кавказского генералитета, у которого «решительность не переходила в запальчивость» [2]. Е.В. Тарле справедливо заметил, что в кампанию 1854 г. на Кавказе «русское командование… действовало несравненно искуснее» [3] противника, но сами эти действия не анализировал, ограничившись кратким описанием важных сражений. Статья И.В. Бестужева [4] представляет собой панегирик, воспевающий успехи корпуса и умалчивающий обо всех его неудачах; об анализе управления войсками при таком подходе не может быть и речи. Наконец, Дж. Ш. Кертисс уделил кампании 1854 г. меньше двух страниц, не касаясь вопросов управления [5].

Ко второй группе следует отнести работы, касающиеся управления войсками, но лишь на тактическом уровне. Так, У.Э.Д. Аллен и П. Муратов с похвалой отозвались о тактической компетентности В.О. Бебутова [6], но фактически не рассматривали его усилия по управлению всем корпусом. Х.-М. Ибрагимбейли упрекал кавказских генералов в недостаточной энергичности при преследовании противника после сражений [7]. А.В. Шишов в одной из своих работ также сосредоточился преимущественно на тактическом управлении [8].

Третью группу составляют публикации, так или иначе касающиеся управления войсками на оперативном уровне – чаще всего содержащие или интерпретирующие важную для оперативного анализа кампании информацию. М.И Богданович в своем классическом труде высоко оценил таланты генерал-лейтенанта В.О. Бебутова, командовавшего Действующим корпусом на кавказско-турецкой границе, и его умение эффективно налажи-

---

[1] *Гейрот А.О.* Описание Восточной войны 1853–1856. СПб., 1872. С. 218–244.

[2] *Керсновкий А.А*. История русской армии. Т. 2: От взятия Парижа до покорения Средней Азии, 1814–1881 гг. М., 1999. С. 151.

[3] *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 2. М., 2005. С. 480.

[4] *Бестужев И.В.* Оборона Закавказья в Крымской войне 1853–1856 годов // Вопросы истории. 1954. № 12. С. 53–66.

[5] *Curtiss J.S.* Russia's Crimean war. Durham, 1979. P. 408–409.

[6] *Allen W.E.D and Muratoff P.* Caucasian battlefields. Cambridge, 1953. P. 79.

[7] *Ибрагимбейли Х.-М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971. С. 264.

[8] *Шишов А.В*. Схватка за Кавказ. XVI–XXI века. М., 2007. С. 342–348.

вать взаимодействие с подчиненными командирами [9]. А.М. Зайончковский указал, что командный состав объединения стремился выполнять свои оборонительные задачи самым активным образом; интерес представляет изложение переписки между командирами Действующего корпуса и Эриванского отряда [10]. Л. Горев осудил кавказское командование в 1854 г. за оперативную пассивность и нерешительность [11], но оценивал результаты управления, а не само его функционирование. Л.Г. Бескровный отметил «слабое использование тактических успехов» [12] в 1854 г. и в целом осуждал русское командование за неспособность выработать и применить эффективные формы руководства войсками [13]. Вместе с тем, завершая очерк войны, он особо отметил, что с русской стороны «на суше интерес представляют действия генерала Бебутова» [14], тем самым признав, что управление войсками в Кавказской кампании 1854 г. стояло выше, чем где бы то ни было еще в русской армии. Упоминавшийся выше А.В. Шишов в одной из публикаций отметил оперативную осторожность В.О. Бебутова, которую не считал недостатком [15].

Таким образом, существующая историография Крымской войны не дает целостной картины управления войсками в Кавказскую кампанию 1854 г. Исследователи либо вовсе не касаются вопросов управления, либо рассматривают лишь тактическое руководство в отдельных сражениях, либо отмечают отдельные характерные особенности – например, оперативную осторожность В.О. Бебутова или его способность находить общий язык с подчиненными. Последовательный анализ управления войсками Отдельного Кавказского корпуса в 1854 г. стоит на повестке дня.

В ходе скоротечной кампании 1853 г. русским войскам удалось отразить наступление турецкой Анатолийской армии, нанеся ей поражения под Ахалцихом и при Баш-Кадыкляре. Однако турки сохраняли стратегическую инициативу и в 1854 г. были готовы вновь перейти в наступление. Накануне кампании Батумский отряд турок насчитывал от 12 тыс. [16] до 15 тыс. [17] человек при 15 орудиях, в Ардагане располагалось около 5 тыс. [18] человек, главные силы в Карсе имели около 30 тыс. человек при

[9] *Богданович М.И.* Крымская война: 1853–1856 гг. М., 2014. С. 114–115, 573.
[10] *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. Т. 2. СПб., 1908. С. 1144–1145.
[11] *Горев Л.* Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955. С. 206.
[12] *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX века. М., 1974. С. 248.
[13] Там же. С. 278, 291–292.
[14] Там же. С. 291.
[15] *Шишов А.В.* Полководцы кавказских войн. М., 2001. С. 358–366.
[16] *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг... С. 1148.
[17] *Осман-бей*. Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе, майора Осман-бея // Кавказский сборник. Т. 2. 1877. С. 155.
[18] *Duncan Ch.* A campaign with the Turks in Asia. London, 1855. Vol. 2. P. 60.

72–80 орудиях [19], Баязет занимал отряд числом от 5 тыс. [20] до 8 тыс. человек [21] при 7 орудиях. Им противостояли, соответственно, Гурийский отряд (10,5 тыс. человек при 12 орудиях), Ахалцихский (9 тыс. человек, 20 орудий) и Ахалкалакский отряды (2 тыс. человек, 6 орудий) Александропольский отряд (19,5 тыс. человек, 74 орудия) и Эриванский отряд (5 тыс. человек, 12 орудий [22]).

Обязанности командующего Отдельным Кавказским корпусом в 1854 г. исполнял генерал от кавалерии Н.А. Реад, «бездарный, но храбрый» [23], по критической оценке А.А. Керсновского. Действующим корпусом на кавказско-турецкой границе, организационно объединявшим Ахалцихский, Ахалкалкский, Александропольский и Эриванский отряды, командовал генерал-лейтенант В.О. Бебутов, который и осуществлял реальное руководство большинством военных действий. Последний был прекрасно знаком с условиями ТВД, хорошо знал свои войска и командиров и был в них уверен. Подчиненные отдавали должное опыту командира и его способности воодушевить войска; уважение к нему солдат и офицеров также не вызывало сомнений [24]. Гурийским отрядом, не включенным в состав Действующего корпуса по географическим соображениям, руководил И.М. Андроников, генерал от кавалерии.

Учитывая, что русская сторона завышала силы противника (так, Батумский отряд оценивался в 34 тыс. человек [25], Карсская группировка – в 60 тыс. человек [26], Баязетский корпус – до 20 тыс. человек [27]), вполне объяснимо, что цель предстоящей кампании представлялась ей строго негативной: не допустить успешного наступления противника. Войска получили оборонительные предписания [28], причем сделано это было еще весной, так что к началу кампании командиры отдельных соединений вполне представляли свою задачу. Вместо того, чтобы теряться в догадках насчет

[19] *Duncan Ch.* A campaignwith the Turks in Asia. London, 1855. Vol. 1. P. 306; Vol. 2. P. 72.

[20] *Duncan Ch.* A campaign with the Turks in Asia. London, 1855. Vol. 2. P. 170, 174.

[21] *Sandwith H.* A narrative of the siege of Kars. London, 1856. P. 99.

[22] *Богданович М.И.* Крымская война… С. 211.

[23] *Керсновкий А.А*. История русской армии. Т. 2… С. 156.

[24] *Рудаков П.Д.* Два эпизода из войны в Азиятской Турции // Русская старина. 1883. № 12. С. 529, 532.

[25] Рапорт кн. Андроникова ген. Реаду, от 15-го июня 1854 года, № 107 // Акты Кавказской археографической комиссии (далее – АКАК). Т. X. № 753. С. 798.

[26] Рапорт кн. Бебутова ген. Реаду, от 25-го июля 1854 года, № 1372 // АКАК. Т. X. № 761. С. 808.

[27] *Лихутин М.Д.* Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. СПб., 1863. С. 128.

[28] Там же. С. 18.

замыслов собственного командования, частные начальники имели ясные ориентиры при оценке обстановки и планировании своих действий.

В этом они пользовались значительной свободой. Н.А. Реад предоставлял И.М. Андроникову и В.О. Бебутову действовать по их усмотрению: присутствие этого нерешительного офицера на посту командующего вообще слабо ощущалось в войсках, а положение временщика также не стимулировало его к реорганизации управления корпусом. В свою очередь, В.О. Бебутов, понимая сложность действий на обширном горном ТВД при современных ему средствах связи, не стремился руководить подчиненными ему отрядами напрямую и в деталях, обращая нижестоящих командиров исключительно в исполнителей. Ставя командующему отдельным отрядом общую задачу не допустить успешного наступления противника на его направлении, детали командующий Действующим корпусом оставлял на усмотрение подчиненного.

Первые крупные столкновения в кампанию 1854 г. произошли на правом фланге русского развертывания. Авангард командовавшего Батумским корпусом Селим-паши, расположенный в Озургети, предпринял рекогносцировку позиции подполковника Н.Д. Эристова, выдвинутого к селению Нигоети приказом И.М. Андроникова, где был опрокинут и обращен в бегство после короткого ожесточенного боя. После этого успеха И.М. Андроников завершил уже начатое сосредоточение всех своих сил и перешел в наступление против основных сил противника, отступившего к пограничной реке Чолок. Сражение состоялось 3 (15) июня. По свидетельству с турецкой стороны, Селим-паша беспечно отнесся к угрозе встречи со всем Гурийским отрядом, в результате чего его войска не были готовы к отражению атаки [29]. Турок удалось выбить с позиции и обратить в бегство, их потери составили до 4 тыс. человек (урон убитыми, раненными и пленными был, вероятно, меньше, но вместе с пропавшими без вести цифра выглядит правдоподобной). Гурийский отряд потерял 306 человек убитыми, 1204 раненными и контуженными, 10 – пропавшими без вести. После того, как пехота сломила сопротивление турок, преследование осуществляла конная милиция на протяжении двух часов [30].

Теоретически было возможно глубокое преследование противника до самого Батума, хотя численность кавалерии и характер местности к нему не располагали. Однако Батум как таковой не представлял большой ценности, а прочно удерживать береговую линию перед лицом господствующего на море противника не представлялось возможным. Даже при полном успехе русские войска вынуждены были бы оставить побережье как по опе-

[29] *Осман-бей*. Воспоминания 1855 года… С. 160.
[30] Рапорт кн. Андроникова ген. Реаду… С. 801.

ративным, так и по санитарным соображениям. Погоня, таким образом, лишь увеличила бы турецкие потери на несколько тысяч человек, с чем куда эффективнее справлялись болезни в самом Батуме. В этом свете решение ограничить преследование следует признать верным и основанным на правильной оценке оперативной обстановки.

На левом фланге русского развертывания активные действия начались вскоре после того, как завершились на правом. Генерал-лейтенант К.К. Врангель, командовавший Эриванским отрядом, считал, что задачу обороны одноименной губернии лучше всего решать наступательными методами – решительным сражением с противостоящим Баязетским корпусом турок. Еще в июне генерал Врангель запросил у В.О. Бебутова разрешение перейти в наступление [31]. А.М. Зайончковский справедливо отметил, что генерал Бебутов дал его не сразу и некоторое время колебался [32], но важно, что, в конечном счете (и довольно скоро), он пошел навстречу подчиненному. В начале июля разрешение было получено [33], и Эриванский отряд двинулся вперед. Генерал Врангель полагал, что после кажущегося успеха в первом столкновении (в конце июня турецкая конница сумела безнаказанно обстрелять колонну Эриванского отряда [34]) противник будет достаточно самонадеян, чтобы принять бой. Расчет оправдался: 17 (29) июля Эриванский отряд атаковал Баязетский корпус на Чингильских высотах, нанеся ему полное поражение. Турецкие потери генерал Врангель оценивал в 2 тыс. убитых и раненных и 370 пленных; собственный урон составил 57 убитых и 278 раненных и контуженных в регулярных частях [35] и около 300 человек в милиции [36]. Развивая успех, 19 (31) июля К.К. Врангель занял Баязет.

Главные силы русских войск, перейдя границу, бездействовали до конца июля. В.О. Бебутов выжидал известий об успехах на других участках фронта, равно как и удобного момента для сражения. Шанс представился 24 июля (5 августа), когда турецкие войска, получив известие о Чингильском поражении, перешли в наступление. Встречный бой при Кюрюк-дара, превратившийся в состязание в тактической импровизации, закончился русской победой. Турецкие войска потеряли от 2,2 тыс. [37] до 3,5 тыс. [38] убитыми и

[31] *Лихутин М.Д.* Русские в Азиатской Турции… С. 53.
[32] *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. … С. 1144–1145.
[33] *Лихутин М.Д.* Русские в Азиатской Турции… С. 74–75.
[34] Там же. С. 59–63.
[35] Рапорт начальника Эриванского отряда ген.-л. барона Врангеля кн. Бебутову, от 18-го июля 1854 года, № 1148 // АКАК. Т. X. № 758. С. 805.
[36] *Лихутин М.Д.* Русские в Азиатской Турции… С. 104.
[37] Рапорт кн. Бебутова ген. Реаду… С. 808.
[38] *Duncan Ch.* A campaign with the Turks in Asia… P. 196.

раненными, 2 тыс. пленными и 15 орудий [39], последовавшее за боем дезертирство также сильно их ослабило. Потери Александропольского отряда составили 599 человек убитыми и 2455 раненными и контуженными [40].

Порой историография пеняет В.О. Бебутову за то, что он не преследовал противника, чтобы ворваться на его плечах в Карс [41]. Однако Анатолийская армия даже после поражения все еще численно превосходила Александропольский отряд, укрепления Карса давали ей надежную защиту, а для правильной осады недоставало ни средств, ни времени. Но если под самим Карсом развитие успеха представляло сомнительные перспективы, то на другом направлении плоды победы могли расцвести в полной мере. Выдвинувшись под Карс для наблюдения за ослабленным противником, запершимся в крепости, частью своих сил генерал Бебутов мог действовать (совместно с Эриванским отрядом) против слабо защищенного Эрзерума. Даже при том, что операция имела бы характер набега (оставлять в городе гарнизон на зиму, имея в тылу Анатолийскую армию, было бы самоубийственно), захват боевых и продовольственных припасов и парка тяжелой артиллерии, сосредоточенных в этом узле турецкого снабжения, дезорганизация администрации вилайета и идеологические дивиденды вполне оправдывали такое предприятие. Однако командующий Действующим корпусом рассудил иначе, и сражением при Кюрюк-дара окончились всякие активные действия в 1854 г.

Рассматривая управление войсками в кампанию 1854 г., следует прежде всего отметить, что оно носило рассредоточенный характер. Старый кавказский генерал Бебутов был уверен в возможностях корпуса, доверял войскам и подчиненным командирам и не пытался строго контролировать последних, что было затруднительно и неэффективно на разделявшем их расстоянии. Начальники отдельных отрядов еще весной были осведомлены о своей роли в предстоящей кампании, что давало им ясные ориентиры для самостоятельной деятельности. Управление осуществлялось директивами: подчиненный командир получал задачу, но способы выполнения оставались на его усмотрение. Такое доверие оправдывало себя: И.М. Андроников и К.К. Врангель верно оценивали тактическую и оперативную обстановку и действовали соответственно. Поощрялась инициатив: К.К. Врангель, запросив у командующего карт-бланш на наступательные действия, встретил у генерала Бебутова полное понимание. Вместе с

[39] Рапорт кн. Бебутова ген. Реаду… С. 808; *Duncan Ch.* A campaign with the Turks in Asia… P. 196.

[40] Рапорт кн. Бебутова ген. Реаду… С. 808.

[41] *Горев Л.* Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя… С. 204.

тем В.О. Бебутов не стремился извлечь максимум выгоды из собственных тактических успехов, довольствуясь достижением оборонительной цели.

Можно заключить, что в 1854 г. командованию Отдельного Кавказского корпуса (прежде всего – генерал-лейтенанту Бебутову) удалось эффективно наладить рассредоточенное управление войсками, основанное на директивах, поощрении инициативы и широких полномочиях частных начальников. Но недостаточный оперативный кругозор самого В.О. Бебутова, строго оборонительная цель кампании, отсутствие каких-либо наступательных ориентиров не дали извлечь из гибкого и эффективного управления максимум пользы. Вместе с аналогичным анализом кампании 1855 г. полученные результаты позволят составить целостную картину руководства войсками на Кавказском ТВД Крымской войны. Это, в свою очередь, поможет установить место кавказских кампаний 1854–1855 гг. в эволюции военного искусства XIX в.

Библиография

Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX века. М., 1974. 361 с.

Бестужев И.В. Оборона Закавказья в Крымской войне 1853–1856 годов // Вопросы истории. 1954. № 12. С. 53–66.

Богданович М.И. Крымская война: 1853–1856 гг. М., 2014. 672 с.

Горев Л. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955. 520 с.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. Т. 2. СПб., 1908. 1248 с.

Ибрагимбейли Х.-М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971. 404 с.

Керсновкий А.А. История русской армии. Т. 2: От взятия Парижа до покорения Средней Азии, 1814–1881 гг. М., 1999. 336 с.

Лихутин М.Д. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. СПб., 1863. 451 с.

Осман-бей. Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе, майора Осман-бея // Кавказский сборник. Т. 2. 1877. С. 143–214.

Рудаков П.Д. Два эпизода из войны в Азиятской Турции // Русская старина. 1883. № 12. С. 523–551.

Тарле Е.В. Крымская война. Т. 2. М., 2005. 720 с.

Шишов А.В. Полководцы кавказских войн. М., 2001. 559 с.

Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVI–XXI века. М., 2007. 480 с.

Allen W.E.D. and Muratoff P. Caucasian battlefields. Cambridge, 1953. 614 p.

Curtiss J.S. Russia's Crimean war. Durham, 1979. 597 p.

Duncan Ch. A campaign with the Turks in Asia. London, 1855. 2 vols.

Sandwith H. A narrative of the siege of Kars. London, 1856. 412 p.

П.И. Романов

Новосибирский государственный педагогический университет

Информационный потенциал делопроизводства сибирских острогов на примере документов Умревинского, Чаусского и Уртамского острогов

Статья посвящена анализу информационного потенциала документов сибирских острогов, хранящихся в архивах Томской и Новосибирской областей. В рамках исследования корреляции письменных и археологических источников XVIII в. документ рассматривается в тесной связи с основными вопросами, возникающими при проведении археологического изучения памятников эпохи русской колонизации: определении конструкции острога и интерпретации находок. Рассмотренные материалы делопроизводства относятся к Уртамскому (основан в 1684 г.), Умревинскому (основан в 1703 г.) и Чаусскому (основан в 1713 г.) острогам, ставшим важнейшими административно-оборонительными пунктами российского государства на новых осваиваемых территориях Приобья. Обоснована уместность использования архивных документов в рамках археологических исследований.

Ключевые слова: Умревинский острог, Уртамский острог, Чаусский острог, делопроизводство, корреляция.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось целым рядом археологических исследований памятников эпохи русской колонизации Сибири. Исследуются старинные сибирские города Томск, Якутск, Тобольск, Тара, проводятся новые экспедиции на месте «златокипящей» Мангазеи. Работы ведутся и на месте острогов: Саянского, Умревинского, Албазинского и других.

Археологи получают целый ряд новых источников, которые, по мнению М.П. Чёрной, формируют новое, самодостаточное знание [1]. Возникает потребность сопоставления и корреляции данных археологических исследований с результатами изучения письменных источников, относящихся к историческому пласту сибирских острогов. На территории Приобья археологические работы проведены только на территории Умревинского острога, по этой причине документы Уртамского и Чаусского острогов изучаются с целью перспективной корреляции.

В данной статье мы определим информационный потенциал делопроизводства некоторых сибирских острогов, к которому относятся докумен-

[1] *Чёрная М.П.* О чем «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 1. С. 114–122.

ты, хранящиеся в архивах Томской и Новосибирской областей, как источника для изучения конструкции данных сооружений и интерпретации находок в рамках археологии.

Архивные документы, о которых пойдет речь в данной статье, формируют два фонда архивного хранения: Д. 107 «Умревинский острог и судная контора» Государственного архива Новосибирской области [2] (далее – ГАНО) и Ф. 521 «Уртамский острог» Государственного архива Томской области [3] (далее – ГАТО). Фонд Умревинского острога содержит документацию острога и судной конторы с 1755 по 1759 г. Фонд Уртамского острога охватывает сведения об организации почтовой и подводной гоньбы, а также описания острога за различные годы, включенные в период с 1730 по 1781 г. Стоит отметить, что фонд Умревинского острога, помимо всего прочего, включает в себя документацию Чаусского и Уртамского острога, а фонд Уртамского острога содержит в себе аналогичные документы Чаусского острога. По всей видимости, они смешались еще в тот период, когда содержались в объединенном фонде «Томской воеводской канцелярии», значительная часть которого была передана в Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА).

Данные фонды использовались различными исследователями для решения задач своей научной работы. Одним из первых ученых, изучивших комплекс рассматриваемых документов, была Н.А. Миненко. Помимо самой известной работы автора «По старому Московскому тракту» [4], данные из соответствующих фондов отмечены нами в публикации «Первые остроги» [5]. Автором была использована информация о составе населения дистриктов, подведомственных изучаемым административно-оборонительным сооружениям.

Если данные фонда Умревинского острога не подвергались детальному изучению историков, то документы Уртамского острога неоднократно использовались представителями различных исторических дисциплин.

С.Н. Пивень в диссертации «Влияние Московско-Сибирского тракта на жизнь жителей Западной Сибири» [6] использует документы фонда «Уртамский острог» ГАТО, касавшиеся содержания почтовых зимовий и отбывания подводной гоньбы, для определения степени участия населения Сибири в эксплуатации Московско-Сибирского тракта.

---

[2] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-107. Оп. 1.

[3] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 521. Оп. 1.

[4] *Миненко Н.А.* По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1990. 184 с.

[5] *Миненко Н.А.* Первые остроги // Сибирская горница. 2000. № 4. С. 12–27.

[6] *Пивень С.Н.* Влияние Московско-Сибирского тракта на жизнь жителей Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 265 с.

В.А. Есипова в статье «Бумага Сибирских делопроизводственных документов XVIII в.: Материалы для датировки» [7] и монографии «Филиграни на бумаге Сибирских документов XVII–XVIII вв.» [8] анализирует бумагу документов фонда «Уртамский острог» с целью выявления ее информационного потенциала как исторического источника.

В региональных архивах Сибири не сохранились планы изучаемых острогов, поэтому, определяя конструкцию аналогичных сооружений Новосибирского и Томского Приобья, помимо археологических данных исследователи могут использовать лишь их описания, составленные приказчиками для Томской воеводской канцелярии. Большинство из таких описаний, как и целый комплекс других документов, относящихся к сибирским острогам, хранятся в фонде Сибирского приказа РГАДА [9]. В фонде «Уртамский острог» ГАТО содержатся описания Чаусского и Уртамского острогов различных лет их существования.

Самое подробное описание Чаусского острога из имеющейся в нашем распоряжении выборки было составлено приказчиком 10 сентября 1731 г. для Томской воеводской канцелярии: «Чаусского острога рублено по стенам шесть башен, двое ворот проездных, на воротах два прикалитка [10]. У ворот и у прикалитков запоры. Железные кругом острогу крепость надолбы и рогатины». Далее содержатся сведения о вооружении острога – артиллерии и ружьях: «Пять пушек в станках на колесах, в том числе одна медная и четыре чугунных. Мелкого ружья сорок одна пищаль» [11].

Приказчик также описывает и инвентарь, имеющийся в остроге: «Тридцать три ядра пушечных, два знамени, два барабана». Далее описывается военное снаряжение, находящееся под надзором местного городничего: «По ведению городничего Сидора Орлова имеются у него под хранением свинцу тринадцать пудов, двадцать восемь фунтов. Пороху доброго восемь пудов, восемнадцать фунтов с полуфунтом» [12].

---

[7] *Есипова В.А.* Бумага сибирских делопроизводственных документов XVIII в.: материалы для датировки // Археографический ежегодник. М., 2004. С. 64–78.

[8] *Есипова В.А.* Филиграни на бумаге сибирских документов XVII–XVIII вв. Томск, 2005. 210 с.

[9] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214.

[10] Согласно словарю В.И. Даля: «Прикалиток: м. калитка, – точка, дверь для пешего в воротах, или рядом с ними. Борода с ворота, а ума с прикалиток. Женина родня ходит в ворота, мужнина в прикалиток». См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2014. С. 5322.

[11] ГАТО. Ф. 521 Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2 об.

[12] Там же.

Одними из самых интересных сведений данных документов является информация о строениях на территории острога: «В остроге вновь отстроена судная изба, где имеются приказные дела. В ней перебраны досками перед судной избой сени. Внизу подвал» [13]. Приказчик также описывает и конструкцию своего места работы и жительства, так называемой «избы приказчика», и других сооружений внутри острога. По его словам, он имел в своем распоряжении двор, содержащий горницу с казенкой, избу, сени, клеть и баню с предбанником. Под клетью содержался погреб, а под горницей подвал, который имелся и во дворе, но отличался от первого наличием открытого выхода. Двор был огражден заплотом.

Приказчик описал и некоторые сооружения внутри городских «острожных» стен. В частности, он сообщает, что у городских передних ворот имелась караульная изба, а пороховая казна хранилась в специальной избе, встроенной также в городскую стену. Под ней также имелся погреб, который, с точки зрения археологии, можно предварительно интерпретировать как «пороховой погреб».

Описания Чаусского острога в отечественной историографии, по большей части, однородны и ретранслируются лишь по двум источникам.

По описанию Г.Ф. Миллера, Чаусский острог находился на северо-западном берегу реки Чаус и был построен в 1713 г. четырехугольным (по образцу Томской крепости). Имел шесть башен, снабженных артиллерией из одной медной и четырех чугунных пушек. В остроге находилась церковь в честь Ильи-пророка, изба приказчика и судная изба вместе с амбарами. Вне укреплений проживал гарнизон острога в лице казаков [14].

Описание Чаусского острога Д.Я. Резуна во многом повторяет описание Г.Ф. Миллера, но, в отличие от первого, содержит размеры острога (50 печатных саженей в ширину, 30 печатных саженей в длину) и информацию о трех запускных решетках [15].

Нетрудно найти весомые различия между описанием острога из архивного документа и описаниями, приведенными Г.Ф. Миллером и Д.Я. Резуном. Первый обладает большей конструктивной точностью, расширяет представления археологов о сооружениях с подклетами и их идентифика-

[13] ГАТО. Ф. 521 Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2 об.

[14] *Миллер Г.Ф.* Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text6.phtml?id=9713 (дата обращения: 11.06.2017).

[15] *Резун Д.Я.* Летопись сибирских городов / Д.Я. Резун, Р.С. Васильевский. Новосибирск, 1989. С. 301–303.

ции. По описанию двора приказчика можно составить мнение об эталонном сооружении подобного типа.

Архивное описание Уртамского острога менее информативно. Приказчик Василий Астраханцев в 1735 г. сообщал, что Уртамский острог имеет две башни с пушками (чугунной и медной) на станках с колесами и проезжие ворота с чугунной пушкой на станке с колесами. В остроге содержится четыре магазинных амбара. В первом, помимо медной пушки, тридцать три больших чугунных ядра и двадцать пять малых ядер, свинцу один пуд и две четверти, мушкетонов в ложе с замком – один и без ложи и замка – два [16].

Данное описание острога не дополняет сведений, приведенных Г.Ф. Миллером и Д.Я. Резуном, и существенно не поможет археологу в ходе проведения исследований. Главной проблемой изучения Уртамского острога остается его локализация.

Фонд «Умревинский острог и судная контора» ГАНО содержит разные типы документов, которые можно разделить на несколько категорий: внутреннее делопроизводство, которое включает в себя документы острога и судной конторы, и входящую документацию, которая содержит в себе указы высших инстанций (правительства, Томской воеводской канцелярии, вышестоящих административных единиц).

Делопроизводство судной конторы значительно дополняет имеющиеся в историографии сведения о культуре повседневности русского населения Сибири XVIII в. Пример детального разбора одного из документов и его корреляции с археологическими данными мы уже приводили в другой статье [17]. В целом, по документам можно восстановить набор предметов быта, систему отношений внутри дистрикта, подчиненного острогу, систему административного подчинения и насущные проблемы жителей поселений.

Таким образом, делопроизводственные документы сибирских острогов XVIII в. обладают достаточным уровнем информационного потенциала для определения конструкции острогов, особенностей культуры повседневности и месте острогов в пространстве Сибири. Проверить данные письменных источников станет возможным лишь после проведения археологических исследований. Тем не менее, архивный документ способен увеличить их эффективность, так как исследователь будет иметь ввиду

[16] ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

[17] *Романов П.И.* Археологический материал и архивные документы в изучении истории Умревинского острога: точки соприкосновения // Новые материалы и методы археологического исследования: от археологических данных к историческим реконструкциям. М., 2017. С. 123–124.

форму конструкции острожных сооружений, а также возможность наличия в культурном слое заполнений погреба и подвала. С точки зрения археологии, информативными являются сведения о наличии рогатин на территории острога, остатки которых могли сохраниться по периметру острога, а также данные о железных затворах и запускных решетках, которые могли пройти процесс естественной археологизации.

Важность корреляции подчеркивает прецедент в ходе раскопок Умревинского острога, когда жилое сооружение в центре оборонительной конструкции в разное время интерпретировалось как церковь или изба приказчика. В ходе возможных раскопок Чаусского острога археолог будет иметь в виду письменный источник описательного характера, ориентируясь на который, он сможет высказать свое предположение в рамках интерпретации составных элементов двора приказчика.

Библиография

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2014. 7602 с.

Есипова В.А. Бумага сибирских делопроизводственных документов XVIII в.: материалы для датировки // Археографический ежегодник. М., 2004. С. 64–78.

Есипова В.А. Филиграни на бумаге сибирских документов XVII–XVIII вв. Томск, 2005. 210 с.

Миллер Г.Ф. Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text6.phtml?id=9713 (дата обращения: 11.06.2017).

Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск, 1990. 184 с.

Миненко Н.А. Первые остроги // Сибирская горница. 2000. № 4. С. 12–27.

Пивень С.Н. Влияние Московско-Сибирского тракта на жизнь жителей Западной Сибири: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 265 с.

Резун Д.Я. Летопись сибирских городов / Д.Я. Резун, Р.С. Васильевский. Новосибирск, 1989. 304 с.

Романов П.И. Археологический материал и архивные документы в изучении истории Умревинского острога: точки соприкосновения // Новые материалы и методы археологического исследования: от археологических данных к историческим реконструкциям. М., 2017. С. 123–124.

Чёрная М.П. О чем «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 1. С. 114–122.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ 1861–1917 ГГ.

А.А. Старышкина

Институт истории СО РАН

Сословная идентичность в эго-текстах российских журналисток конца XIX – начала XX в.

Статья посвящена характеристике значения сословной идентичности в структуре социальных идентичностей российских журналисток рубежа XIX–XX вв. Данный сюжет ранее специально не рассматривался в работах исследователей. На основе анализа эго-текстов российских журналисток указанного периода автор выявляет неоднозначное отношение к данному виду социальной идентичности. Кроме того, автор отмечает снижение значения сословной идентичности из-за процессов профессионализации сообщества журналистов.

Ключевые слова: российские журналистки, социальная идентичность, сословие, эго-текст.

Ответ на вопрос «кто я?» влияет на понимание того, «как я представляю этот мир?», и наоборот. Проблема установления собственного «я», самоидентификация важна для любого человека и является одной из основополагающих категорий в его представлениях о мире. Социальная идентичность в какой-то мере эту проблему помогает устранить, а в какой-то мере – напротив, эту проблему создает. Нововременной человек принадлежит одновременно к очень многим социальным группам, интересы, нормы, правила поведения которых часто являются взаимоисключающими.

Как отмечает В.А. Ядов, стремление идентифицировать себя с тем или иным сообществом возникает при разрушении традиционного уклада, который не актуализирует потребность самоопределения [1]. В России второй половины XIX – начала XX в. в связи с процессами модернизации, формирования новой концепции культуры и новой концепции личности происходила перестройка привычной системы социальных идентичностей. Женщины включались в новые для них сферы жизни общества, начинали исполнять новые для них роли. Менялся сам статус женщины в обществе. Т.А. Сабурова отмечает, что рубеж XIX–XX вв. характеризуется кризисом

[1] *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35.

устойчивых, традиционных представлений о роли личности в истории и культуре [2]. Все это принципиально изменило условия жизнедеятельности людей, требовало самоопределения относительно многообразных групп и общностей. Ответ на вопрос, какие группы и общности журналистки исследуемого периода признавали «своими», какие частично близкими, а какие враждебными, является важным для понимания социальных отношений русского общества конца XIX – начала XX в.

В понимании сущности идентичности мы следуем за С. Холлом, определение которого считается классическим с точки зрения постмодернистской социальной теории: «Я использую понятие “идентичность” для обозначения точки встречи или “шва”, соединяющей дискурсы и практики, которые обращены к нам как к социальным субъектам, и процессы становления субъективности, которая может быть враждебна. Идентичности – точки временного прикрепления к дискурсивно-сконструированным субъективным позициям» [3]. И. Гофман выделял несколько видов идентичностей: социальную идентичность («допустимую комбинацию социальных качеств», предписываемых индивиду на основании соотнесения с определенной социальной группой); персональную идентичность (совокупность уникальных маркеров – имя, физический облик – и социальных фактов, составляющих биографию индивида); Я-идентичность (рефлексивная способность индивида определять специфику своей жизненной ситуации, формировать и удерживать «дистанцию» между личностью и исполняемыми социальными ролями) [4]. Исследователями выделяется коллективная идентичность, которая вбирает в себя социальную, а также автобиографическая, которая «базируется на субъективном отражении пройденного личностью отрезка жизненного пути и характеризуется определенной динамикой (включает в себя временное измерение)» [5].

---

[2] *Сабурова Т.А.* Интеллигенция и формирование картины мира в России на рубеже XIX–XX вв. (проблема кризиса личности и культуры) // История в XXI в.: Историко-антропологический подход в изучении и преподавании истории человечества (материалы международной интернет-конференции, проходившей 20.03). М., 2001. С. 86.

[3] *Hall S.* Who Needs Identity // Identity: A reader / Ed. by P. du Gay, J. Evans, P. Redmen. SAGE Pub, 2000. P. 19.

[4] *Гофман И.* Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1–2. [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/425/175/1218/goffman_final.doc (дата обращения: 12.04.2017).

[5] *Нуркова В.В.* Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личность. [Электронный ресурс]. URL: http://lyutichee.narod.ru/reader_UP712_5.pdf (дата обращения: 14.04.2017).

В данной статье мы остановимся на характеристике одного из видов социальных идентичностей – сословной, основываясь на эго-текстах русских журналисток рубежа XIX–XX вв. Значение сословной идентичности для литераторов в XIX в. уже выявлено в статье Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой [6]. Однако проблема сословной самоидентификации сотрудниц периодики конца XIX – начала XX в. пока не находилась в фокусе исследовательского внимания.

Нам ближе определение, представленное в работах В.В. Нурковой, где социальная идентичность – это «совокупность социальных ролей, интериоризированных личностью в результате переживания своей причастности к различным социальным группам» [7]. Б. Эшворт и Ф. Маил подчеркивают, что социальная идентификация отлична от интернализации: «Хотя конкретные ценности и установки, как правило, связаны с членами определенной социальной категории, принятие данной категории как определяющей “Я”, не обязательно означает принятие этих ценностей и установок» [8].

Характерно, что все внимание в эго-текстах, то есть текстах о себе, журналистки предпочитали сосредотачивать на других. А.И. Соколова хочет говорить «не о себе, а о тех всем хорошо известных и памятных лицах». А.В. Тыркова все же отмечает: «О себе я стараюсь говорить поменьше, но все-таки говорю» [9]. Даже автобиографии зачастую презентовались не как способ рассказать о себе, а как повод осветить жизнь значимых других. Почти каждая страница эго-документа демонстрировала приверженность журналисток к тем или иным социальным группам.

Как показано в статье Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой, актуализация определенной идентичности связана с конфликтными ситуациями, обостряющими проблему идентичности [10]. Для А.И. Волковой такой являлось негативное восприятие ее сословия в глазах общества. Ею подробно разбирается отзыв А.П. Лукина на книгу купца, пишущего под псевдонимом Михаил Юрьев. Исторические опусы последнего поражают и А.И. Волкову, но большее негодование вызывает «едкость г-на Лукина»: «Зачем… начинать первую статью *глумлением над всеми купцами*, что они двину-

[6] *Родигина Н.Н., Сабурова Т.В.* «Первые люди в России»: сословная и профессиональная идентичность в мемуарно-автобиографической прозе русских литераторов XIX в. // Вестник Омского университета. 2015. № 1. С. 121–143.

[7] Там же.

[8] *Эшворд Б., Маил Ф.* Теория социальной идентичности в контексте организации / Перевод с англ. А.А. Дятловой // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 1. С. 6.

[9] *Соколова А.И.* Встречи и знакомства. М., 2017. С. 20; *Тыркова А.В.* На путях к свободе. М., 2007. С. 30.

[10] *Родигина Н.Н. Сабурова Т.А*. «Первые люди в России»… С. 152.

лись в область литературы, мысли, искусства и меценатства? Неужели, по мнению г-на Лукина, эта каста купеческая никогда не должна выходить из своих рамок “темного царства”? Разве проклятие тяготеет над ним?» [11]. По мнению сотрудницы печати, ее сословию не хватает лишь образования, а тенденции к его получению уже появились. Подчас к этому побуждает не искреннее стремление к саморазвитию, а желание выйти замуж. В пример А.И. Волкова приводит случай девицы из купеческой семьи – малообразованной, окончившей только пять или шесть классов в женской гимназии, – и N., тоже из купеческой среды, но окончившего университет. Последний не женился на девушке, хотя мать ее и пыталась срочно девушку «образовать». Для А.И. Волковой это означало, что большая часть купечества «костенеет в невежестве или схватывает для тщеславия верхушки отрывки знаний и кичится ими» [12]. Такой исход ситуации – несовершившееся замужество является чуть ли не позитивным на фоне всех тех происшествий в области брака в купеческом сословии, что она приводит. Нет ни одной купеческой семьи, которая бы ею положительно оценивалась. Обычно сценарий один и тот же: мужчина-самодур и страдающая под его гнетом дочь/жена (иногда к этому прибавляются остальные жильцы дома). Иногда исход бывает летальным, как, например, было с девятнадцатилетней дочерью купца Латышевой: «брак поневоле» окончился смертью на брачном ложе – девушка застрелилась. В конце истории А.И. Волкова резюмирует: «Самоубийство Латышевой заставило встрепенуться многих самодуров. По крайней мере, другие будут осторожней и не позволят себе насиловать своих дочерей вступать в брак с нелюбимым человеком!» [13].

Тема брака не по любви, а по расчету, чрезмерно деспотичных мужа и отца были знакомы А.И. Волковой не понаслышке, в свое время она сама от этого страдала. С этим связано ее стремление к образованию, которое слишком долго тормозилось патриархальной властью отца, затем мужа.

Кроме того, на протяжении всех воспоминаний и записок длится мотив недолюбленности, а также непонимания ее своей семьей: «Я всегда была одна в духовном смысле, хотя, видимо, гораздо счастливее многих других: окружена детьми и даже внучатами (положим, только пока еще один), и как все это далеко от меня!.. Стоим мы все на противоположных берегах реки, именуемой жизнью; стоим и удивляемся друг на друга» [14]. Свое ду-

[11] *Волкова А.И.* Воспоминания. Дневник / Предисл. и ред. В.Е. Чешихина-Ветринского; предисл., коммент., указ. Л.В. Беловинского. М., 2015. С. 236, 237, 241, 242.

[12] Там же. С. 261.

[13] Там же. С. 111.

[14] Там же. С. 114.

ховное одиночество в дневнике А.И. Волкова отмечает не раз, сокрушаясь: «Никто не интересуется моими интересами. Все прочитанное остается во мне: поделиться не с кем» [15]. Хотя она рассказывает о беседах «с людьми одномыслящими», но восприятие себя как купчихи (что ею явно оценивается негативно) мешает ей подчас взаимодействовать с другими людьми. А.И. Волкова боится быть высмеянной, непонятой людьми не ее сословия. Иногда ей кажется, что люди, с которыми она могла бы говорить, к ней не приходят из-за общего образа купечества.

Как замечает В.С. Агеев, «социальные группы (или категории) и членство в них связаны с сопутствующей им положительной или отрицательной оценкой, существующей в обществе, следовательно, социальная идентичность может быть положительной или отрицательной» [16]. А.И. Волкова членство в данной сословной группе оценивала, очевидно, негативно. Если бы это зависело от ее желания, она бы его изменила: «…тяжесть сословия лежит на мне тяжелым гнетом, и я чувствую, что это именно так. При муже интеллигенте мое положение не было бы так оторвано, изолировано» [17]. Таким образом, «спасения» она ищет именно в статусе мужа, который тем самым должен был бы «сделать» из нее интеллигентку, перенести из купеческого в интеллигентское сословие. Интересно, что, по ее мнению, представители интеллигенции подчас несколько идеализировали родное А.И. Волковой сословие. Они не могли представить всей «дикости нравов, которая существует и благоденствует в Москве между именитыми купцами», где «многие из молодых людей превосходят старых Тит Титычей по своему деспотизму» [18]. Стоит отметить, что образ Тит Титыча в записках А.И. Волковой встречается не раз.

Однако, соглашаясь с В.Е. Чешихиным-Ветринским, хочется добавить, что, несмотря на то, что А.И. Волкова так часто и так много критиковала представителей своего сословия, она очень дорожила своим происхождением из купеческой среды. По словам биографа, она завещала свою богатую библиотеку Коммерческому институту, возникновению и организации которого «чрезвычайно сочувствовала» [19].

Актуализируется сословная идентичность во время прочтения литературы, повествующей о купеческом сословии, и в дневниках другой журна-

---

[15] Волкова А.И. Воспоминания. Дневник… С. 145.

[16] *Агеев В.С.* Социальная идентичность личности // Социальная психология: хрестоматия: учебное пособие для студентов вузов / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/belin/30.php (дата обращения: 12.04.2016).

[17] *Волкова А.И.* Воспоминания. Дневник… С. 163.

[18] Там же. С. 284.

[19] *Чешихин-Ветринский В.Е.* Анна Ивановна Волкова // Волкова А.И. Воспоминания. Дневник… С. 42.

листки – Е.А. Дьяконовой. Читая П.Д. Боборыкина, она отмечает, что он описывает только те купеческие дома, где его принимают. При этом из его внимания, да и всей литературы, выпадают старые купеческие дома, известные Е.А. Дьяконовой по собственному опыту. Желая восполнить этот пробел и написать на эту тему повесть, она сразу же представляет драму [20]. Потому что именно через призму этого жанра она рассматривает свои взаимоотношения с семьей.

Е.А. Дьяконовой выводятся те же самые предрассудки, что и А.И. Волковой, которые также ставится в укор купеческому сословию. Наиболее актуальной для нее проблемой была жажда образования, которую не могли понять ее родственники. Характерен ее диалог с дядей – купцом И.П. Оловяшниковым, который узнал, что та хочет поступать на Высшие женские курсы: «“Вы желаете учиться?” – спросил он меня своим обычным добродушным тоном. Я молчала, но мама тотчас же рассказала за меня, что я ужасная дочь и т. п. – “Совершенно лишнее дело идти вам на курсы, – авторитетно согласился с ней дядя, – туда идут те, кто без средств, а вам на что?”». Родственники Е.А. Дьяконовой не могли понять ее стремления к самостоятельной жизни, самостоятельному заработку, когда более привычной стратегией в этой среде было замужество. Отход от привычного жизненного сценария мог подчас восприниматься как позор. Не свойственен Е.А. Дьяконовой был принятый в купеческом сословии взгляд на брак как на путь к обогащению. Хотя она писала в дневнике: «Наши курсистки из интеллигенции, бывало, возмущались, когда слыхали подобные воззрения на брак. А я так вполне понимаю их: в нашем купеческом быту все счастье, все благополучие жизни построено на деньгах» [21]. Однако, понимание не означало следование подобному канону. Е.А. Дьяконовой самой предлагали заключить брачный союз с «миллионером», но ей не хватало в таком браке только одного – любви.

Для Е.А. Дьяконовой сословная идентичность не была столь болезненной, так как она смогла порвать с сословными рамками и войти в другую социальную группу – интеллигенцию. Хотя изначально ей так же, как и А.И. Волковой, было трудно создавать связь с данным «сообществом». Она отмечала, что по происхождению она «чистая купчиха, ярославско-ростовско-нерехтская, но по званию не принадлежу к этому сословию; но все мои родственные связи в нем, и поэтому я не могу, мне трудно создать для себя связь с так называемой интеллигенцией» [22].

---

[20] *Дьяконова Е.А.* Дневник русской женщины. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml (дата обращения: 12.05.2015).

[21] Там же.

[22] Там же.

Для В.Н. Цеховской ее сословная идентичность, по-видимому, значила мало – она не акцентирует на этом внимание читателя в своих воспоминаниях. Но, рассказывая историю судьбы своей матери, она показывает, как много значило происхождение в недалеком для нее прошлом: «Николай Константинович Меньшиков, происходивший из зажиточной в то время помещичьей семьи Полтавской губернии, Кременчугского уезда. Отец увлекся Марией Ильиничной Ясеновской и решил на ней жениться. Но брак с “поповной” в глазах его родни представлялся недоступным мезальянсом. Полетели телеграммы с воспрещениями женитьбы, с проклятиями. В свою очередь, и отец невесты – священник Илья Ясенский… оскорбился нежеланием каких-то “хохляцких дворянчиков” принять его дочь в свою семью. Он тоже воспротивился браку моей матери. Но молодые остались непреклонными и повенчались» [23]. Но этот брак, видимо, нельзя назвать в полной мере счастливым для матери В.Н. Цеховской. В семье мужа она, естественно, не встретила хорошего отношения, «ей всячески старались дать понять, что она – чужая, “поповна”, “попадья”, кто-то низший, недостойный занятого им места» [24].

В целом в эго-текстах других журналисток сословная идентичность актуализировалась не так часто и не оценивалась негативно. Во многом это происходило потому, что они включали себя в социокультурное сообщество интеллигенции, имевшей важное значение для российского общества, а не относили к дворянскому сословию. Данные наблюдения находят подтверждение в статье Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой. Исследовательницы утверждают, что «сословная идентичность в автобиографиях литераторов пореформенной эпохи в большинстве случаев сменяется социокультурной идентичностью, репрезентацией своего “я” как представителя социокультурной общности русских интеллигентов» [25]. Важно заметить, что, по мнению авторов, идентификация себя с интеллигенцией для русских литераторов соединялась с профессиональной идентичностью. Кроме того, данный процесс Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой связывается с постепенной профессионализацией литературного труда, что отражало процесс трансформации интеллигенции в профессионалов [26]. Характер-

[23] *Цеховская В.Н.* Из репортерских воспоминаний // Голос минувшего. 1913. № 7. С. 124.

[24] Там же.

[25] *Родигина Н.Н., Сабурова Т.А.* «Первые люди в России»… С. 154.

[26] *Родигина Н.Н. Сабурова Т.А.* «О себе я стараюсь говорить поменьше, но все-таки говорю»: самоидентификация и память в русском женском автобиографическом письме конца XIX – второй половины XX вв. // AvtobiografiЯ. 2012. № 1. С. 132.

ными в данном случае являются мемуары А.В. Тырковой, где почти каждая страница мемуаров, а подчас и дневников, свидетельствует о самоидентификации автора с сообществом интеллигенции. В воспоминаниях она достаточно иронично написала о юбилее Н.К. Михайловского, на котором присутствовала сама: «В календаре петербургских интеллигентов день этот был отмечен красным крестиком. Побывать на именинах Николая Константиновича считалось знаком отличия, этим можно было похвастать, щегольнуть. Это было почти служение народу» [27]. Однако в дневниках А.В. Тырковой расставлены несколько другие акценты, а шуточного тона нет и в помине. Без критики интеллигенции и там не обошлось, однако в записи от 21 сентября 1900 г. внимание читателя сосредотачивается на «всероссийском интеллигентском отклике» на данное событие: «И все-таки вся Россия откликнулась. Т. е., конечно, вся читающая Россия, все, что думает, ищет ответов на проклятые вопросы, все, что пытается хоть на йоту приподняться над окружающей мерзостью и мраком» [28].

Однако не только чувство сопричастности к делу интеллигенции создавали основу самоидентификации сотрудниц периодики с группой интеллигенции. В случае Э.К. Пименовой фундаментом для столь устойчивой положительной социокультурной идентичности в воспоминаниях служит первоначальное отсутствие чувства принадлежности к данному сообществу. Работа в проправительственном «Гражданине» не давала ей покоя, заставляла журналистку избегать своих старых знакомых из рядов деятельной интеллигенции, подвергнуть себя добровольному остракизму. Она писала: «Теперь я стала отщепенцем, заклеймила себя и лишила себя права бывать в их обществе» [29]. О значимости последующей все же случившейся самоидентификации Э.К. Пименовой с интеллигенцией говорит и то, что целая глава ее воспоминаний посвящена пути возвращения в ряды этой группы.

Подводя итоги можно сказать, что сословная идентичность в большинстве своем актуализировалась в эго-текстах в связи с самоидентификацией журналисток с социопрофессиональной группой интеллигенции. Данный факт предопределяет позитивную сословную идентичность, поскольку интеллигенция обладала высоким социальным статусом. О своем дворянском происхождении женщины подчас упоминают, но не акцентируют на этом внимания. Однако в случае женщин из купеческой среды факт принадлежности к данному сословию оценивался неоднозначно. С одной сто-

[27] *Тыркова А.В.* На путях к свободе. М., 2007. С. 47.

[28] Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 50.

[29] *Пименова Э.К.* Дни минувшие. М. –Л., 1928. С. 136.

роны, они защищали «свое» сословие от критики со стороны, даже иногда гордились своей принадлежностью к старинным родам купцов. С другой стороны, сами в эго-текстах выносили на суд общества его пороки. По этой критике можно судить, что образ купечества, существовавший в литературе, являлся для них болезненным, что пробуждало желание каким-то образом изменить ситуацию. Но в то же время эго-тексты журналисток свидетельствуют о том, что сословная идентичность теряла свое значение, уступая свои позиции профессиональной.

Библиография

Агеев В.С. Социальная идентичность личности // Социальная психология: хрестоматия: учебное пособие для студентов вузов / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/belin/30.php (дата обращения: 12.04.2016).

Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1–2 / Перевод М.С. Добряковой. [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/425/175/1218/goffman_final.doc (дата обращения: 12.04.2017).

Родигина Н.Н. Сабурова Т.А. «О себе я стараюсь говорить поменьше, но все-таки говорю»: самоидентификация и память в русском женском автобиографическом письме конца XIX – второй половины XX вв. // AvtobiografiЯ. 2012. № 1. С. 121–143.

Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. «Первые люди в России»: сословная и профессиональная идентичность в мемуарно-автобиографической прозе русских литераторов XIX в. // Вестник Омского университета. 2015. № 1. С. 152–155.

Сабурова Т.А. Интеллигенция и формирование картины мира в России на рубеже XIX–XX вв. (проблема кризиса личности и культуры) // История в XXI в.: Историко-антропологический подход в изучении и преподавании истории человечества (материалы международной интернет-конференции, проходившей 20.03) / Под общей редакцией В.В. Керова. М., 2001. С. 86–92.

Эшворд Б., Маил Ф. Теория социальной идентичности в контексте организации / Перевод с англ. А.А. Дятловой // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 1. С. 4–27.

Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.

Hall S. Who Needs Identity // Identity: A reader / Ed. by P. du Gay, J. Evans, P. Redmen. SAGEPub, 2000. P. 15–30.

В.А. Сердюк

Омский государственный университет путей сообщения

Первые женщины на железнодорожной службе Российской империи [*]

Статья посвящена малоисследованному вопросу первоначального использования женского труда на железных дорогах Российской империи. На основе привлечения широкого круга документов и литературы автором установлено, на какие должности и в какой временной отрезок женщины впервые стали привлекаться к железнодорожной службе. Доказано, что распространенная точка зрения об О.С. Кнушевицкой как первой железнодорожнице не соответствует информации, содержащейся в исторических источниках.

Ключевые слова: Российская империя, железная дорога, женщины, О.С. Кнушевицкая.

В настоящее время женский труд является обыденным, привычным явлением, будучи распространенным во всех сферах общественной жизни России. Не составляет исключение железнодорожная отрасль, в которой совокупная доля женщин достигает 30 % [1]. Представить себе стабильное функционирование железных дорог без них уже практически невозможно.

Между тем, в середине XIX в., на заре развития железнодорожного транспорта, положение было совершенно иным. Служба на железных дорогах прочно ассоциировалась с трудом мужчин, не позволяя женщинам претендовать на занятие малоквалифицированных должностей, требовавших приложения значительных физических усилий. Получение же специального образования и последующее трудоустройство на высококвалифицированные места встречали препятствия, в том числе из-за укоренившихся в обществе патриархальных представлений о женщине как хранительнице семейного очага.

Подобный взгляд был типичным не только в России, но и за границей. В качестве примера можно привести пионера железных дорог – Англию. По словам английского историка Розы Мафесон, основанная в 1833 г. Большая западная железная дорога (Great Western Railway), связывавшая юго-запад Англии, Западные земли и Южный Уэльс с Лондоном, представляла из себя «грандиозный патриархальный институт, отстаивавший

[*] Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-01-00037).

[1] Корпоративный социальный отчет ОАО «РЖД» за 2014 г. М., 2015. С. 126; Новости // Гудок. 2017. 7 марта. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gudok.ru/news/?ID=1366774 (дата обращения: 12.07.2017).

ценности своего времени»: представление о том, что «мир железных дорог – это мужской мир» (a masculine world) [2], попасть в который женщинам было непросто. Недостаток сведений заставляет ученых признавать, что изучать различные аспекты женской деятельности на железнодорожном транспорте значительно сложнее, чем мужской, особенно в период, предшествующий Первой мировой войне [3].

В полной мере сказанное относится и к истории железнодорожного транспорта России. Пристальный взгляд выдает наличие «белых пятен», среди которых – отсутствие комплексных исследований о начале использования женского труда на железных дорогах. Существует мнение, что данный вопрос «остается недоступным для ученых» [4], с чем нам достаточно трудно согласиться.

Одним из первых в современной России, кто высказался по исследуемой проблеме, стал начальник вагона-музея Октябрьской дороги А.В. Ковалевский. Появление женщины на железнодорожной службе он датирует 1837 г., временем открытия первой железной дороги в Российской империи – Царскосельской [5]. По мнению автора, женщины были допущены к службе в качестве переездных и барьерных сторожих, помогая своим мужьям и/или отцам, исполнявшим аналогичные обязанности. В размещенном в сети Интернет «Инновационном дайджесте» ОАО «РЖД» также утверждается, что с самого начала эксплуатации железных дорог «единственная должность, на которую принимали женщин… это переездная сторожиха» [6].

Большинство современных исследователей склоняются к мысли, что прием женщин на железнодорожную службу не мог осуществиться ранее 1860-х годов. В качестве аргумента приводится легенда об императоре Николае I, который якобы «плохо относился к женщинам» [7], повелев «и на

---

[2] *Matheson Rosa*. The fair sex: women and the Great Western Railway. Chalford: Tempus, 2011. P. 8.

[3] *David Turner*. The Female L&SWR Clerk. Part 1. [Электронный ресурс]. URL: http://turniprail.blogspot.ru/2010/03/female-l-clerk-part-1.html (дата обращения: 12.07.2017).

[4] *Хобта А.В*. Строительство Транссиба: очерки истории (конец XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2009. С. 18.

[5] *Ковалевский А.В*. Женщины на железнодорожной службе // Путь и путевое хозяйство. 1999. № 7. С. 4.

[6] Женщины на железнодорожной службе. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rzd-expo.ru/history/railwaywomen/ (дата обращения: 12.07.2017).

[7] *Соломонова О*. Время железных богинь // Гудок. 2017. 7 марта. С. 6.

пушечный выстрел баб к чугунке не подпущать» [8]. Начало создания сети железных дорог в эпоху Александра II привело к невиданному ранее спросу на рабочие руки, в том числе женские. Великие реформы Александра II изменили привычный «патриархальный» взгляд на женщин. Сфера применения их труда значительно расширилась. Так, В.В. Пономарёва и Л.Б. Хорошилова ведут отсчет приема женщин на службу Министерства путей сообщения (МПС) с 1869 г. [9], а С.А. Лоскутов – с 1890 г., когда министр путей сообщения «разрешил допускать женщин к работе в качестве счетоводов, конторщиков, чертежников, билетных кассиров, переездных сторожих» [10]. До этого момента, по его мнению, запрещалось принимать женщин на железнодорожный транспорт, за исключением акушерок и телеграфистов [11]. Схожую позицию занимает А.В. Хобта, подчеркивая, что «первые должности, которые стали занимать женщины на железных дорогах, – телеграфисты» [12], без указания начальной даты их приема на службу.

Для перечисленных точек зрения характерна обезличенность – утверждение той или иной даты как начальной в деле приема женщин на железнодорожную службу не подтверждается конкретным примером. Во многом благодаря этому наиболее распространенной среди исследователей является версия о том, что впервые женщина была принята на службу в 1863 г. Еще в советский период В.Н. Маштафаров в дореволюционной периодической печати обнаружил сведения о праздновании в 1903 г. 40-летнего юбилея службы на железнодорожном поприще Ольги Степановны Кнушевицкой, именуемой «первой русской женщиной, вступившей в ряды железнодорожных служащих» [13]. Сообщалось, что она занимала должность билетного кассира на вокзале в Вязниках. Об этом же упомянул и другой владимирский краевед В.М. Герасимов [14]. Поскольку местные архивы не содержали никаких сведений о Кнушевицкой, единственным источни-

[8] *Вульфов А.Б.* Повседневная жизнь российских железных дорог. М., 2007. С. 121.

[9] *Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б.* Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. М., 2016. С. 190.

[10] *Лоскутов С.А.* Ворота в Сибирь. Екатеринбург, 2014. С. 81.

[11] Там же.

[12] *Хобта А.В.* Женщины на железнодорожном транспорте: от «интеллигентного» труда к профессиональному образованию // Вульфов. А.Б. История железных дорог Российской империи: все-таки строить! М., 2016. С. 551.

[13] *Морохин Н.* Первая леди железных дорог удостоилась мемориала. [Электронный ресурс]. URL: http://nn.mk.ru/article/2010/07/28/519432-pervaya-ledi-zheleznyih-dorog.html (дата обращения: 12.07.2017).

[14] *Герасимов В.М.* Улицы рассказывают // Комсомольская искра. 1987. 22 февраля. С. 4.

ком информации для краеведов оказались дореволюционные периодические издания. Написанные в 1934 г. воспоминания Г.М. Вайнштейна, сослуживца Кнушевицкой, остались незамеченными исследователями [15].

В советские годы о Кнушевицкой писали, по большей части, в Поволжском регионе и лишь в начале XXI в. о ней стало известно в масштабах всей страны. Как о «первой женщине-железнодорожнике в России» о ней говорится в научно-популярных изданиях [16], в статьях ведомственной периодики [17], на специализированных сайтах сети Интернет [18]. В 2010 г. на здании вокзала станции Вязники (Горьковская железная дорога) была открыта мемориальная доска «в память об Ольге Кнушевицкой – первой женщине, служившей на российских железных дорогах» [19], несмотря на то, что из мемориальной надписи такой вывод не следует: «Впервые в истории Российских железных дорог 10 апреля 1863 года на вокзале станции Вязники начала работать женщина – билетный кассир Ольга Степановна Кнушевицкая».

Была ли Кнушевицкая первой среди женщин или их прием на службу был осуществлен до 1863 г. и, следовательно, честь быть названной «первой железнодорожницей» принадлежит кому-то другому? Впервые к этому вопросу обратились сами современники. Корпоративное периодическое издание «Железнодорожник» в 1904 г. к женщинам, «для которых двери аппаратных комнат были открыты *с самого возникновения* (здесь и далее курсив наш – *С.В.*) железных дорог в России», относило телеграфисток [20]. А в «Очерке сети русских железных дорог» при характеристике указа Сената от 14 января 1871 г., воспрещавшего принимать женщин в правительственные и общественные учреждения, отмечалось, что «*на частных же-*

---

[15] *Вайнштейн Г.М.* Долгая жизнь на железных дорогах. [Электронный ресурс]. URL: http://www.famhist.ru/famhist/vainsht/0003d563.htm (дата обращения: 12.07.2017).

[16] *Вульфов А.Б.* Повседневная жизнь российских железных дорог… С. 121.

[17] См.: *Двоскина Л.* Первый инженер в юбке, или как женщины завоевывали железную дорогу // Магистраль [Всеукраинская транспортная газета]. 2011. № 16–17. С. 6–7; *Соломонова О.* Время железных богинь… С. 6; *Цыплев В.* Первая леди // Гудок. 2009. 22 октября. С. 7.

[18] См.: *Цыплев В.* Ольга Степановна Кнушевицкая. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vladimir.ru/Кнушевицкая_Ольга_Степановна (дата обращения: 12.07.2017); *Лифанова С.* Она была первой женщиной, получившей работу на железной дороге. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedom.ru/news/2010/07/31/1425-ona-byla (дата обращения: 12.07.2017).

[19] *Ярцева Н.* Не прошло и полгода. [Электронный ресурс]. URL: https://вязники.рф/2010/08/04/news_4111.html (дата обращения: 12.07.2017).

[20] *Т.* Как живется // Железнодорожник. 1904. № 58. С. 3.

лезных дорогах низшие должности по контролю сборов, по статистике и по переписке *издавна* и с успехом замещались лицами женского пола» [21]. Поскольку первая в России железная дорога общественного пользования являлась частной, не вызывает удивления, что на прошедшем в 1908 г. в Санкт-Петербурге I Всероссийском женском съезде докладчица А.А. Глинская вела отсчет службы женщин с 1837 г. [22], правда, не на конторских должностях, а в качестве переездных и барьерных сторожих.

Показательно, что единства не было и внутри МПС. В 1906 г. главный инспектор при министре путей сообщения, готовя доклад министру Н.К. Шауфусу, обратился в Управление железных дорог с просьбой предоставить статистические сведения о численности служащих на дорогах женщин. Выяснилось, что в Управлении отсутствует подобная информация [23]. Главному инспектору пришлось опираться на собственные воспоминания: «Насколько я могу припомнить, если не говорить о горничных при дамских уборных, допущение женщин на службу железных дорог в России началось с 1866 года, когда был открыт для эксплуатации Серпуховской участок Московско-Курской железной дороги» [24]. Хотя главный инспектор и разделял точку зрения, что первые женщины на железных дорогах назначались на должности переездных сторожих, однако он вел отсчет не с николаевской эпохи, а со времени реформ Александра II. В 1911 г. инженер путей сообщения Н.П. Верховской предпринял попытку углубить знания о службе женщин на железных дорогах, но натолкнулся на противодействие со стороны МПС, посчитавшего действия Верховского неправомочными. Впрочем, это не помешало инженеру отметить, что «женский труд внедрился на железные дороги *с давних пор*, как единочное явление…», водворившись, «как многие порядки на дорогах – *случайно*, бессистемно, и, конечно, беспорядочно…» [25]. Достаточно справедливое

[21] Очерк сети русских железных дорог, их устройства, содержания и деятельности по 1892 год, составленный и изданный по поручению Русского отдела Постоянной комиссии Международных железнодорожных конгрессов VIII-м отделом Императорского русского технического общества. В 2 т. Т. 2. Отд. IV. Гл. I. СПб., 1896. С. 44.

[22] *Глинская А.А*. Служба женщин на железной дороге // Труды 1-го Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге 10–16 декабря 1908 года. СПб., 1909. С. 400.

[23] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127. Л. 40.

[24] РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127. Л. 45.

[25] *Верховской Н.П.* Железнодорожная неразбериха: Terra incognita: Мысли практика по поводу беглых заметок «Не-техника». СПб., 1911. С. 95.

утверждение, учитывая состояние историографии исследуемой проблемы по настоящий период.

Таким образом, существующая на сегодняшний день историография не позволяет дать однозначный ответ, когда же впервые женщина была принята на отечественную железнодорожную службу. Главным препятствием, из-за которого существует расхождение в вопросе о первой железнодорожнице, является недостаточное количество статистических данных о личном составе первых железных дорог.

Ко времени приема Кнушевицкой на службу билетным кассиром (10 апреля 1863 г.) были построены и открыты для движения следующие магистрали: Царскосельская (1838 г.), часть Варшаво-Венской (1848 г.), Петербурго-Московская или Николаевская (1851 г.), Петергофская (1857 г.), Рижско-Динабургская (1861 г.), Московско-Нижегородская (1862 г.) и Петербурго-Варшавская (1862 г.).

Открытая для движения в 1837 г. частная Царскосельская дорога, как дорога пригородная, ввиду своей малой протяженности, особенностям условий сооружения и сравнительно небольшому экономическому значению, ограничивалась, по словам члена ревизионной комиссии Московско-Брестской железной дороги А.М. Соловейчика, «простыми приемами эксплуатации», не требовавшими «каких-либо сложных форм и обрядов отчетности» [26]. Первоначальный устав Царскольсельской железной дороги возлагал ответственность за прием «к разным должностям людей» на директоров Правления дороги [27]. 29 января 1853 г. в Устав были внесены изменения, направленные, в основном, на большее участие государства в делах Общества дороги. Обеспечение безопасной эксплуатации дороги стало возлагаться на управляющего, назначаемого Правительством. Именно под его непосредственным начальством находились все служащие при железной дороге и в его компетенцию (§ 22) входило определение и отрешение нижних должностных лиц [28]. Формально прямого запрета принимать на службу женщин не существовало, поскольку отсутствовало указание на пол «нижних должностных лиц».

Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении источники и литература [29] не позволяют утверждать, что до 1860-х годов женщины могли за-

[26] Очерк сети русских железных дорог… Т. 2. Отд. IV. Гл. IV. С. 1.

[27] Сборник сведений о железных дорогах в России. 1867. Отд. 3, Высочайшие повеления, указы Правительствующего сената и министерские постановления. СПб., 1867. С. 14.

[28] Там же. С. 132.

[29] *Калинина А.С.* Кадры Царскосельской железной дороги. [Электронный ресурс]. URL: http://railway-museum.ru/about/articles/17.html (дата обращения: 12.07.2017).

нимать сколько бы то ни было значимые должности на Царскосельской дороге. Архивные сведения свидетельствуют, что в годы правления Николая I женщины-служащие на ней отсутствовали [30], если не относить к таковым поломоек. Так, в 1841 г. в штате дороги числилось четыре поломойки [31], но ни одного сторожа или билетного кассира женского пола. Даже в 1875 г. все кассиры и сторожа на дороге были мужчинами, зато, как и на других линиях, уже появились женщины-телеграфисты [32]. Это не вызывает удивления, если учесть, что первое время Царскосельская дорога находилась в заведовании III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии [33]. О всех малозначительных случаях, происходивших на дороге, обязательно доносилось шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу (к весне 1839 г. полностью взявшему магистраль под свой контроль и именовавшемуся «президентом» ее Правления [34]), а с 1844 г. сменившему его князю А.Ф. Орлову.

В отличие от Царскосельской, Варшаво-Венская и Николаевская дороги строились за счет казны, и порядки на них устанавливались государством. Отчетные документы включали в себя лишь самую общую информацию об эксплуатации линии: например, о расходах на содержание всего личного состава, без градации его по гендерному признаку. Тем не менее, можно утверждать, что женщин на службу не принимали. По словам ревизора движения VIII участка Николаевской дороги Граховского, в первые годы «весь служилый на дороге элемент состоял из военных» [35]. Действительно, в период строительства дороги (1842–1851 гг.) в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий вся стража на водных путях сообщения и на шоссе комплектовалась из нижних чинов военно-рабочих рот, состоящих исключительно из мужчин. Та же система комплектования стражи, как и в целом всего личного состава четырех отделов дороги (станционного, дорожного, подвижного и телеграфического) [36], была применена и к Николаевской магистрали в первые 15 лет ее эксплуатации [37].

---

[30] РГИА. Ф. 377. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–5.

[31] Там же. Л. 5 об.

[32] РГИА. Ф. 377. Оп. 1. Д. 156. Л. 310.

[33] *S.P.Z.* Царскосельская железная дорога // Нива. 1882. № 25. С. 595.

[34] *Виргинский В.С.* Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М., 1949. С. 173.

[35] *Граховский*. Кооператив на железной дороге // Вестник Николаевской железной дороги. 1916. № 91. С. 91.

[36] Очерк эксплуатации Николаевской ж. д. Главным обществом российских железных дорог: 1868–1893. Ч. 1 / Сост. Упр. дороги. СПб., 1894. С. XVII.

[37] Очерк сети русских железных дорог… Т. 1. Отд. I. Гл. V. С. 2.

Первая попытка к установлению более подробной системы железнодорожной отчетности (а значит и ответа на поставленный нами вопрос) была сделана только после открытия движения на частных линиях Главного общества российских железных дорог, появившегося в 1857 году [38]. Его собственностью с самого начала являлись Петербурго-Варшавская и Московско-Нижегородская дороги. Именно в эту эпоху и были приняты на железнодорожную службу женщины. В 1874 г. министр путей сообщения А.П. Бобринский дал поручение инженеру путей сообщения В.Ф. Голубеву, принимавшему участие в строительстве Московско-Казанской, Орловско-Витебской и Балтийской дорог, составить записку о женском труде на железных дорогах России. Получив сведения из Управлений четырех дорог, Голубев отметил, что «служба женщин на Риго-Динабургской дороге ведется с открытия ее, то есть с 1861 года» . Петербурго-Варшавская и Петергофская дороги не фигурируют в записке Голубева, обнаружить же списки личного состава обозначенных линий нам не удалось.

Наконец, И.Ф. Рерберг, управляющий Московско-Нижегородской линией с 1868 по 1893 г., в 1887 г. опубликовал список служащих подведомственной ему дороги по состоянию на 1 января 1886 г., находившихся на службе Главного общества российских железных дорог двадцать и более лет. Из него усматривается, что две служащие Службы ремонта пути и зданий поступили на службу дороги раньше Кнушевицкой (также указанной в списке), а именно: переездные сторожихи Харламова (с 1 апреля 1862 г.) и Семенова (с 1 апреля 1863 г.) [39]. Управление казенной Николаевской дороги только в 1865 г. признало неудобным существовавший порядок найма стражи и стало заменять нижних чинов военно-рабочих рот вольнонаемными из крестьянского сословия, большей частью людей семейных. Особенно привлекательным для последних оказалось то обстоятельство, что при наличии соответствующей квартиры крестьянским женам разрешалось: а) занять должность сторожих при переездах, помогая мужьям-сторожам, или б) устроиться на поденную работу по очистке снега с путей в зимнее время, а в летнее время заниматься полкой травы с земляного полотна [40]. Прием женщин на должности телеграфистов начался с 1864 г., когда главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий П.П. Мельников

[38] Очерк сети русских железных дорог… Т. 2. Отд. IV. Гл. IV. С. 1.

[39] *Рерберг И.Ф.* История эксплуатации Московско-Нижегородской железной дороги за первые XXV лет: чертежи. СПб., 1887. С. 257–258.

[40] Очерк сети русских железных дорог… Т. 1. Отд. I. Гл. V. С. 2.

предложил в качестве опыта допускать их на железные дороги в Великом княжестве Финляндском [41], что и было осуществлено.

Таким образом, по поставленному нами вопросу о первых женщинах на железнодорожной службе Российской империи можно сделать следующие выводы. Прием женщин на железнодорожную службу начался в годы правления Александра II (если не считать поломоек, трудившихся на Царскосельской дороге). Первенство в деле приема женщин на железнодорожную службу принадлежало частным железным дорогам, опыт которых впоследствии перенимался казенными линиями. Первой железнодорожной должностью, занятой женщиной, вероятнее всего, являлась должность переездной и/или барьерной сторожихи. В силу этого О.С. Кнушевицкая не является первой железнодорожницей. Скорее всего, она действительно стала первой женщиной-билетным кассиром на российских железных дорогах, как справедливо отмечено на мемориальной доске вокзала станции Вязники Горьковской железной дороги.

Библиография

Вайнштейн Г.М. Долгая жизнь на железных дорогах. [Электронный ресурс]. URL: http://www.famhist.ru/famhist/vainsht/0003d563.htm (дата обращения: 12.07.2017).

Верховской Н.П. Железнодорожная неразбериха: Terra incognita: Мысли практика по поводу беглых заметок «Не-техника». СПб., 1911. 231 с.

Виргинский В.С. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX века. М., 1949. 272 с.

Вульфов А.Б. Повседневная жизнь российских железных дорог. М., 2007. 452 с.

Глинская А.А. Служба женщин на железной дороге // Труды 1-го Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге 10–16 декабря 1908 года. СПб., 1909. С. 400–404.

Золотницкий И.П. По Царскосельской дороге: Павловск, Тярлево, Царское Село, Средняя, Купчино, Санкт-Петербург и их окрестности: путеводитель И.П. Золотницкого. Репринт. изд. СПб., 2007. 238 с.

Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902). Т. 3: Комитет министров в царствование императора Александра Второго (1855 г. февраля 19 – 1881 г. марта 1). СПб., 1903. Ч. 2. 315 с.

[41] Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902). Т. 3: Комитет министров в царствование императора Александра Второго (1855 г. февраля 19 – 1881 г. марта 1). СПб., 1903. Ч. 2. С. 30.

Калинина А.С. Кадры Царскосельской железной дороги. [Электронный ресурс]. URL: http://railway-museum.ru/about/articles/17.html (дата обращения: 12.07.2017).

Ковалевский А.В. Женщины на железнодорожной службе // Путь и путевое хозяйство. 1999. № 7. С. 4–5.

Лифанова С. Она была первой женщиной, получившей работу на железной дороге. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedom.ru/news/2010/07/31/1425-ona-byla (дата обращения: 12.07.2017).

Лоскутов С.А. Ворота в Сибирь: монография. Екатеринбург, 2014. 168 с.

Морохин Н. Первая леди железных дорог удостоилась мемориала. [Электронный ресурс]. URL: http://nn.mk.ru/article/2010/07/28/519432-pervaya-ledi-zheleznyih-dorog.html (дата обращения: 12.07.2017).

Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. М., 2016. 288 с.

Хобта А.В. Строительство Транссиба: очерки истории (конец XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2009. 382 с.

Хобта А.В. Женщины на железнодорожном транспорте: от «интеллигентного» труда к профессиональному образованию // *Вульфов А.Б.* История железных дорог Российской империи: все-таки строить! М., 2016. С. 551–556.

Цыплев В. Ольга Степановна Кнушевицкая. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vladimir.ru/Кнушевицкая_Ольга_Степановна (дата обращения: 12.07.2017).

Ярцева Н. Не прошло и полгода. [Электронный ресурс]. URL: https://вязники.рф/2010/08/04/news_4111.html (дата обращения: 12.07.2017).

David Turner. The Female L&SWR Clerk – Part 1. [Электронный ресурс]. URL: http://turniprail.blogspot.ru/2010/03/female-l-clerk-part-1.html (дата обращения: 12.07.2017).

David Turner. Uncovering the Hidden History of Britain's Railwaywomen. [Электронный ресурс]. URL: http://turniprail.blogspot.ru/2010/09/uncovering-hidden-history-of-britains.html (дата обращения: 12.07.2017).

Matheson Rosa. The fair sex: women and the Great Western Railway. Chalford: Tempus, 2011. 160 p.

К.В. Валькова

Алтайский государственный университет

Отклики общественности на картины народнической серии художников-передвижников [*]

Статья посвящена малоизученному вопросу о народнической серии художников-передвижников и реакции на нее со стороны общественности. В исследовании рассматриваются отклики современников на картины И.Е. Репина, Н.А. Ярошенко и В.Е. Маковского. Именно эти художники в своих полотнах наиболее полно отразили основные этапы борьбы народников с царским правительством. Изучение реакции современников на творчество И.Е. Репина, Н.А. Ярошенко и В.Е. Маковского позволяет прийти к выводу, что затрагиваемые художниками темы были, безусловно, злободневными. Народническая серия картин, которая была создана как реакция на события в стране, очень точно передавала атмосферу борьбы народников с царской властью, однако она была неоднозначно воспринята в обществе, что являлось закономерным следствием.

Ключевые слова: народничество, общественное движение, И.Е. Репин, Н.А. Ярошенко, В.Е. Маковский, живопись, Товарищество передвижных художественных выставок, художник, образ.

Творчество художников второй половины XIX в., среди которых особенно можно выделить И.Е. Репина, В.Е. Маковского и Н.А. Ярошенко, – это расцвет русского изобразительного искусства. Начало его пришлось на время бурных перемен, связанных с либеральными реформами императора Александра II, с одной стороны, и работами Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена, с другой. Наиболее важным для живописи стал отклик на окружающую действительность, следствием которого явилось развитие реалистического направления. Именно посредством реализма художники заявили о своей гражданской позиции, выразили своей протест против окружающей их действительности. Художники создали серию полотен, посвященных народничеству 1870–1880-х годов, которые были представлены публике на различных выставках. Во второй половине XIX в. выставки картин художников, среди которых ключевое значение имело Товарищество передвижных художественных выставок, играли очень

[*] Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Администрации Алтайского края в рамках реализации проекта «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.» (грант № 17-11-22006).

важную роль. За появлением новых картин, в которых затрагивались наиболее острые вопросы современности, следила передовая общественность, в том числе и представители царской семьи. Это дает возможность говорить о том, что на выставках были представлены значительные произведения живописи самых талантливых художников.

Актуальность работы состоит в том, что в рамках исторической науки обращение к проблеме отражения исторических событий в искусстве имеет значительный исследовательский потенциал, поскольку позволяет посмотреть на социально значимые процессы с другого ракурса, что является необходимым для правильного понимания хода отечественной истории. Очень важным является рассмотрение не самих картин народнической серии, а оценок их современниками. Именно во второй половине XIX в. в условиях отсутствия теле- и радиовещания, но благодаря реализму в искусстве, общество через живопись начало получать актуальную информацию о происходящих событиях в стране. В свою очередь, отклики на эти картины показывают не только то, как было оценено творчество художников, но и насколько отражение народничества в картинах И.Е. Репина, Н.А. Ярошенко и В.Е. Маковского соответствовало действительности и в чем их истинная значимость. Стоит отметить, что историография по данной теме практически отсутствует, можно отметить лишь несколько искусствоведческих работ, в которых, рассматривая творчество художников, авторы затрагивают оценку их картин современниками [1]. Все это, безусловно, придает актуальность изучению данной темы.

И.Е. Репин, Н.А. Ярошенко и В.Е. Маковский создали целую серию полотен, посвященную народничеству, в которой они рассмотрели все этапы борьбы народников с царским правительством, уделив особое внимание созданию образа самого народника. Творчество этих художников играло важную роль в обществе. Об этом мы можем судить из того, что посмотреть на картины приходили видные деятели, в числе которых был и император Александр III. Рассмотрев, какую оценку получали картины народнической тематики у разных представителей интеллигенции, мы попытаемся понять, в чем была истинная значимость картин художников для общества.

---

[1] *Прытков В.А.* Николай Александрович Ярошенко. М., 1960; *Он же*. «Кочегар» и «Заключенный» Ярошенко: О творчестве художника Н.А. Ярошенко (1846–1898) // Искусство. Живопись. Скульптура. Архитектура. Графика. 1989. Ч. 3; *Моргунова–Рудницкая И.Д.* Репин. Жизнь и творчество. М., 1965.

Первой картиной, которая вызвала широкое обсуждение в среде современников, стал «Осужденный» В.Е. Маковского (1879 г.). У многих возникал естественный вопрос: кого же художник вывел в образе осужденного? Большинство современников видели в нем преступника. А.А. Киселев, например, высказывал мысль, что осужденный в картине Маковского отнюдь не является «закоренелым преступником», «неисправимым профессиональным негодяем», а что он «обыкновенный заблудившийся русский человек… и для него еще возможно примирение с жизнью и людьми» [2]. Н. Александров считал, что картина носила политический характер, и за это обрушился с критикой на Маковского. «Это произведение, – писал он, – вне всякой идеи, это художественная запись, напоминающая фотографические рассказы Н. Успенского. То же самое мы должны сказать и о всех русских картинах, имевших характер общественный, политический» [3].

«Осужденный» – не единственная картина художника, которая вызвала широкий общественный резонанс. Так, художник А.А. Киселев положительно высказывался об образе главной героини «Оправданной» (1882 г.). «В лице оправданной, – писал он, – сквозь радостные слезы проглядывает истерическая искра, и она близка к тому, чтобы разрешиться страшным рыданием… Есть что-то нервное в положении ее бровей, в слишком поднятых веках ее глаз, переполненных еще не пролитыми слезами. Но прекраснее всего вылилась у художника эта счастливая мысль выразить в лице героини сочетание воскресающей радости и умирающего горя» [4].

К заключительной картине народнической серии Маковского «Вечеринка» (1897 г.) реакционные критики отнеслись весьма подозрительно. Одни видели в ней «сборище нигилистов» 1860–1870-х годов, другие же, наоборот, связывали ее содержание с живой современностью. Так, журнал «Русский вестник» усмотрел в изображенной сцене не что иное, как «уголок российского затмения», а в действующих лицах – «кучку людей, отрицающих существующие порядки». Этот отзыв можно объяснить тем, что автору было ясно, что содержание картины связано не с прошлым, как считал, к примеру, Стасов, а с настоящим. «Русский вестник» пытался отмежевать Маковского от героев его произведения, указывая, что художник представил их якобы в сатирическом плане. Особенно резко говорилось о

[2] *Киселев А.А.* Этюды по вопросам искусства // Артист. 1893. № 32. С. 30.

[3] *Александров Н.* Талант Владимира Маковского // Художественный журнал. 1881. Т. 1. № 2. С. 94.

[4] *Киселев А.А.* Этюды по вопросам искусства… С. 29.

девушке, выступающей с пылкой речью перед собравшимися [5]. В журнале говорилось, что «она имеет вид особы, пламенно декламирующей какое-нибудь трескучее и запретное социалистическое стихотворение». Если отбросить озлобленный тон статьи, то можно согласиться, что на картине действительно нигилисты.

Одним из первых полотен народнической серии И.Е. Репина, которое привлекло широкое внимание общественности, стала картина «Отказ от исповеди перед казнью» (1885 г.). Князь В.П. Мещерский, реакционный публицист и издатель газеты «Гражданин», писал: «Прибавьте к “Отказу от исповеди перед казнью” картину “Последние минуты Белинского” Наумова, которую, кажется, не допустили на выставку, или он сам не захотел ее выставить, и картину “Поп, напутствующий каторжника”, тоже, вероятно, не допущенную на выставку, и вот чем занимаются и в какую сторону идут бедные художники, думая, что это очень глубоко, умно и что так надо, что это “идея”. Памфлет и ругательства заменили изображение – нельзя было ждать и требовать, чтобы напитывающаяся всем этим бедная молодежь давала отпор, не увлекалась бы всем этим» [6]. Тревога, прозвучавшая из уст Мещерского, не была напрасной, так как именно молодое поколение наиболее подвержено различного рода революционным идеям.

Картина «Не ждали» (1884 г.) была очень злободневной, поэтому неудивительно, что как только Репин прислал ее на XII Передвижную выставку, реакционные круги набросились на картину и ее автора. Князь В.П. Мещерский негодовал, почему на лице революционера нет следов раскаяния, а есть только «бешено-злобное» выражение. Не имея формального повода к запрещению картины, реакционеры пытались извратить смысл и опорочить героя «Не ждали», теряя при этом всякое чувство меры [7]. Так, например, рецензент «Московских ведомостей» С. Васильев назвал героя картины «полуидиотическим лицом» [8].

Картина «Не ждали» выполнена с высоким мастерством. Л.Н. Толстой очень удачно определил: «Произведение искусства хорошо или дурно от того, что говорит, как говорит и насколько от души говорит художник». Если приложить эти три критерия к «Не ждали», даже са-

[5] *Алтаев Ал.* Памятные встречи. М., 1946. С. 170–171.

[6] *Моргунова–Рудницкая И.Д.* Репин. Жизнь и творчество… С. 208.

[7] Репин: статьи и материалы в 2-х томах. М. –Л., 1948. Т. 1. С. 328.

[8] Новое о Репине. Статьи и письма художника. Воспоминания учеников и друзей. Л., 1969. С. 277.

мый взыскательный критик не сможет не признать картину безупречной [9].

Стоит отметить, что на этой же выставке была показана картина «Причины неизвестны» Н.А. Ярошенко (1884 г.), которая произвела сильное впечатление наряду с «Не ждали». Однако картину Ярошенко практически все равнодушно признали неудачной по исполнению. К примеру, тот же И.Е. Репин в целом положительно оценивал «Причины неизвестны», но указывал на недочеты. «Картина Ярошенко в общем мне очень нравится, особенно околичности, но фигура не удовлетворяет, поторопился, но виден талант и воображение», – писал он Третьякову 5 марта 1884 года [10].

Не все картины Ярошенко получили отрицательную оценку. Газета «Новое время» писала, что Ярошенко прославился как художник «сильно тенденциозный»: он выражал «известные симпатии» своего времени, и это обеспечивало «особенный успех» его картинам. В «Кочегаре» Петр Алексеев говорил на суде, что русскому рабочему не от кого ожидать помощи – только от лучшей части интеллигенции: «Она одна братски протянула к нам свою руку» [11].

Картина «У Литовского замка» (1878 г.) вызывала у всех в памяти «Заключенного». Художник Нестеров рассказывает, что картина «наделала тогда много шума и хлопот и навлекла на Ярошенко недельный домашний арест, кончившийся неожиданным визитом к молодому артиллерийскому офицеру тогдашнего всесильного диктатора Лорис-Меликова. После двухчасовой беседы с опальным арест с него был снят» [12]. Однако кроме Нестерова об этом событии в жизни Ярошенко никто не пишет. Известно лишь то, что картина вызвала скандал и с выставки ее сняли. «Московские ведомости» сдержанно похвалили власти за то, что «догадались убрать» с выставки «девицу, стоящую перед Литовским замком и злобно взирающую на его решетчатые оконца». Нестеров рассказывает, что приказ снять картину последовал в связи с разговорами, будто на ней изображена Вера Засулич.

Газета «Новое время» в день открытия IX передвижной выставки, на которой была представлена картина «У Литовского замка», сообщала, что Ярошенко «выставил громадных размеров картину с несколько запозда-

[9] Репин И.Е. и Толстой Л.Н. Переписка в 2-х томах. М.–Л., 1949. Т. 1. С. 49.

[10] *Репин И.Е., Третьяков П.М.* Переписка с П.М. Третьяковым. 1873–1898 гг. М. – Л. 1946. С. 114.

[11] *Прытков В.А.* «Кочегар» и «Заключенный» Ярошенко… С. 190.

[12] *Нестеров М.В.* Н.А. Ярошенко // Октябрь. 1942. № 5–6. С. 114.

лым сюжетом». Это напечатали 1 марта 1881 г. Следующий номер газеты вышел уже в траурном обрамлении по случаю кончины государя. Многие сочли, что Софья Перовская подала знак. Взрыв бомбы на Екатерининском канале раздался в день открытия выставки.

Картину «Курсистка» (1883 г.), в которой многие признавали лучший женский образ художника, оценивали по-разному. К примеру, друг Ярошенко, русский писатель, который был близок к народничеству, Г.И. Успенский, видевший картину еще незаконченной в мастерской художника, посвятил этой картине ряд очерков в «Отечественных записках», где давал только положительную оценку работе художника [13].

Картина «Иван Грозный и сын его Иван» И.Е. Репина (1885 г.) была запрещена для показа публике самим императором. Подробнее рассматривая это вопрос, будет уместно сослаться на важное свидетельство из черновика письма И.Н. Крамского от 17 февраля 1885 г. в защиту картины Репина «Иван Грозный». В нем сказано, что, «когда Александр III выразил свою высочайшую волю в форме желания, чтобы картина эта не была показываема провинциальной публике. ... Его ВЕЛИЧЕСТВО в ту минуту еще не изволил видеть картины…» [14]. Эта запись позволяет дать адекватную оценку часто цитируемой характеристики, данной Репиным Александру III, что он «осёл во всю натуру». Она была реакцией в минуту негодования на публикацию в 1923 г. письма К.П. Победоносцева к Александру III, из которого стало ясно, что картину запрещали благодаря чрезмерному верноподданничеству обер-прокурора Синода.

К.П. Победоносцев писал: «Стали присылать мне с разных сторон письма с указанием на то, что на Передвижной выставке выставлена картина, оскорбляющая у многих правительственное чувство: Иван Грозный с убитым сыном… картина просто отвратительна. Трудно и понять, какой мыслью задается художник, рассказывая во всей реальности именно такие моменты. И к чему тут Иван Грозный? Кроме тенденции известного рода, не приберешь другого мотива» [15]. Стоит отметить, что Репин был склонен более винить самодержца в излишнем доверии к таким личностям как Победоносцев. Впрочем, и самого Александра III как символ и воплощение всего отрицательного, что есть в монархизме, художник называл «реакционным чудищем» и «давилой». А все правительство Александра III Репин называл не иначе как «…царство идиотов, бездарностей и подобных, име-

[13] *Прытков В.А.* Николай Александрович Ярошенко… С. 85–88.
[14] Репин: статьи и материалы в 2-х томах… С. 356.
[15] К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 1923. С. 49.

нующихся министрами государств и заботящихся о собственных животишках» [16].

О том, что картина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года» является вершиной творческого подъема Репина, говорит то, как она была воспринята публикой. Художественный критик А.С. Суворин в рецензии писал: «…ничего более сильного, страшно реального и смелого, не создавал Репин» [17]. Но именно сила художественного таланта Репина сделала этот неприглядный факт русской истории известным всему обществу. Когда картина появилась на XIII передвижной выставке, Петербург был взбудоражен. Взволнованные зрители буквально осаждали здание, в котором было представлено полотно Репина, а перед подъездом постоянно дежурил конный отряд жандармов. Картина была понята как произведение, направленное против самодержавия, и его сторонниками, и его противниками.

Оценивая лучшую картину народнической серии Ярошенко, художника не раз упрекали в «идеализации» и тенденциозности, даже называя картину «Всюду тенденция». Для недругов Ярошенко и передвижничества «Всюду жизнь» (1888 г.) – в одном ряду с «Заключенным», «Студентом», «Курсисткой». В любви к арестантам, в любви арестантов ими угадывается не примирение и непротивление злу – протест. Но, в конечном счете, в картине не осталось ничего общего с традиционным идеализированным образом мадонны, даже в том его истолковании, которое давали великие художники, выражая скорбь матери, предчувствующей «крестный путь» своего сына. «За решеткой в окне вы увидите святое семейство, – писал художественный критик Ковалевский. – Мадонну, худую и бледную, держащую на коленях младенца Спасителя с простертою для благословения ручкой, и возвышающуюся позади фигуру лысого Иосифа». Стасов тоже нашел в картине изображение «средневековой мадонны» [18]. Сам Ярошенко «мадонну» не отрицал. «Мадонна», «святое семейство» – символы нравственной чистоты, непорочности. «Но как же это святое семейство за решетку-то попало?» – часто иронизировали критики и задавали, по существу, самый важный вопрос.

Интересно трактовал смысл картины «Всюду жизнь» критик Божидаров: «Вне этого вагона нет никого, ни души, все там, за решеткой. Вся жизнь наша – тюрьма» [19]. Этими словами критик, опровергая, схватывал,

[16] *Чуковский К.И.* Илья Репин. М., 1969. С. 77.
[17] *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 182.
[18] *Стасов В.В.* Избранные сочинения о русской живописи. М., 1984. С 54.
[19] *Долгова В.* Дань современников // Наука и религия. 1966. № 5. С. 74.

выявлял суть. Создавая убедительные типические образы людей из народа, Ярошенко раскрывал их хорошие душевные качества, сохраненные ими даже за решеткой тюремного вагона. Как художник-гражданин и просветитель, он показывал, что заключенные уголовники, в сущности, не злодеи и не преступники, а несчастные жертвы самодержавного строя Российской империи.

В главе о Ярошенко, написанной для книги «Московская городская галерея П. и С. Третьяковых», известный критик того времени Сергей Глаголь писал, касаясь картины «Всюду жизнь»: Ярошенко был в это время под сильным впечатлением идей Л.Н. Толстого, очень увлекался мыслью о том, что любовь есть основа жизни и что жизнь всегда там, где есть любовь. Он даже намеревался дать картине название «Где любовь, там и бог» [20]. С этого времени в литературе стало встречаться утверждение, что картина – реакция на толстовское учение. Однако не все были с этим согласны. Так, в статье Г. Ульянова описывается следующая ситуация. Художник И.С. Остроухов, который был близким другом Ярошенко, редактировал приведенный выше текст Глаголя, оставил на полях пометку карандашом: «Верно ли это?», однако автор строк на это никак не отреагировал [21]. Мы считаем, что основная идея картины «Всюду жизнь» и гуманное отношение художника к преступникам были порождены не толстовским мировоззрением, а философскими и социально-политическими взглядами великих просветителей и революционных демократов, оказывавшими огромное воздействие и на развитие русской классической литературы.

Подводя общие итоги, нужно сказать, что картины художников привлекали к себе внимание публики тем, что они являлись реальным выражением действительности. Говоря об общей оценке картин, следует сказать, что большинство из них были восприняты положительно. Отрицательная оценка реакционеров объяснима тем, что картины действовали на публику безошибочно, что вызвало тревогу. Это случалось почти с каждым новым произведением художников этой серии. Реакционеры встревожились за молодое поколение, которое может «по слабости воли» поддаться удивительной пропагандистской убедительности образов революционеров. Тот факт, что многие картины были запрещены правительством для показа публике, говорит о том, что вла-

[20] *Порудоминский В.* Лучшая картина, которую я знаю // Наука и религия. 1978. № 11. С. 59.

[21] *Ульянов Г.* Человек звучит гордо // Наука и религия. 1968. № 2. С. 48.

сти боялись, что образы передовых людей будут вызывать сострадание и вдохновлять общество на борьбу с правительством.

Библиография

Александров Н. Талант Владимира Маковского // Художественный журнал. 1881. Т. 1. №2. С. 94–96.

Алтаев Ал. Памятные встречи. М., 1946. 424 с.

Долгова В. Дань современников // Наука и религия. 1966. № 5. С. 73–76.

К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 1923. 398 с.

Киселев А.А. Этюды по вопросам искусства // Артист. 1893. № 32. С. 30–33.

Моргунова–Рудницкая И.Д. Репин. Жизнь и творчество. М., 1965. 295 с.

Нестеров М.В. Н.А. Ярошенко // Октябрь. 1942. № 5–6. С. 114–116.

Новое о Репине. Статьи и письма художника. Воспоминания учеников и друзей. Л., 1969. 435 с.

Победоносцев К.П Великая ложь нашего времени. М., 1993. 639 с.

Порудоминский В. Лучшая картина, которую я знаю // Наука и религия. 1978. №11. С. 58–61.

Прытков В.А. «Кочегар» и «Заключенный» Ярошенко: О творчестве художника Н.А. Ярошенко (1846–1898) // Искусство. Живопись. Скульптура. Архитектура. Графика. 1989. Ч. 3. С. 189–195.

Прытков В.А. Николай Александрович Ярошенко. М., 1960. 413 с.

Репин: статьи и материалы в 2-х томах. М.–Л., 1948. Т. 1. 591 с.

Стасов В.В Избранные сочинения о русской живописи. М., 1984. 154 с.

Ульянов Г. Человек звучит гордо // Наука и религия. 1968. №2. С. 47–49.

Чуковский К.И. Илья Репин. М. 1969. 144 с.

К.В. Романова

Новосибирский государственный педагогический университет

Мнения современников об императрице Марии Александровне в эго-источниках

Образ Марии – императрицы и первой жены Александра II вызвал большой интерес как современников, так и потомков. В данной статье выявляется образ Марии Гессен-Дармштадтской и ее отношение к императору как супруги в дневниках и мемуарах ее приближенных. Был проведен сравнительный анализ дневников и сочинений фрейлины Марии Александровны – А.Ф. Тютчевой, председателя Государственного совета и Комитета министров А.Ф. Орлова, государственного деятеля К.П. Победоносцева и идейного лидера русских анархистов П.А. Кропоткина. Проделав данную работу, был сделан вывод, что через эго-источники можно увидеть отдельные характеристики императрицы, раскрыть социальные роли, а также мнения о ней ее современников.

Ключевые слова: образ, частная жизнь, публичная жизнь, Мария Гессен-Дармштадсткая.

Интерес к историческим личностям на сегодняшний день особенно велик, так как в наше время публикуются ранее закрытые работы, а также раскрываются новые страницы биографий императоров, государственных деятелей, придворных служащих. Не исключением являются и жены императоров. Частная жизнь Марии Александровны привлекает особое внимание. Ее изучение позволяет расширить представление о повседневной жизни императрицы, ее увлечениях, модели поведения, истории любви и отношения к ней. Образ императрицы принимает в свидетельствах современников очень яркие, не размытые очертания. Ее обсуждают как императрицу, как жену и как мать. Нас интересуют отзывы о Марии Александровне, прежде всего, как о супруге императора, оценки ее отношения к мужу по мнениям современников. За ответами на поставленные вопросы обратимся к их запискам, дневникам и мемуарам.

Нашей задачей является выявить образ императрицы, раскрыть те ее социальные роли, которые вызвали особый интерес современников. Ввиду отсутствия специальных исторических исследований по избранной нами теме была привлечена литература, посвященная частной жизни Александра II. Работы С.С. Татищева, Ю.А. Сафроновой, Л.М. Ля-

шенко, Р. Уортмана [1] были важны тем, что в них выявлены не только оценочные суждения современников об императоре, но содержатся сведения об отношении современников к его возлюбленным, даются характеристики людей, которые окружали монарха. С.С. Татищев пишет о биографии Александра Николаевича, раскрывает частную и публичную жизнь, опираясь на оценочные суждения современников. Очень кратко сообщает о важных событиях, произошедших с императором: в это число вошел и брак государя на принцессе Гессенского дома – Марии, а также ее отношение к цесаревичу Александру II. Ю. Сафронова основное внимание уделяет репрезентации императора и его семьи в переписке (императора и княгини Юрьевской, придворных людей, чиновников и семьи монарха). Автор раскрывает повседневность придворной жизни при Александре II, дает характеристику воспитания его супруги, его отношений с Екатериной Долгорукой. Л.М. Ляшенко в своей книге дает анализ частной жизни царя, а также подробно описывает публичную жизнь приближенных, в том числе и его супруги Марии Гессен-Дармштадтской.

Под образом императрицы мы понимаем коллективные и индивидуальные представления о ней современников. По нашему мнению, они зависели главным образом от следующих факторов: степени информированности о частной жизни императора, отношения к нему и его семье, мировоззренческой ориентации автора образа, его социального статуса, профессиональной принадлежности, образовательного уровня.

Мария родилась в 1824 г. в семье герцога Людвига II Гессен-Дармштадтского и его жены Вильгельмины, урожденной принцессы Баденской, и была самой младшей в семье. Воспитывались по отдельной программе, которую составила сама герцогиня Вильгельмина. Именно это ее выделяло от других принцесс. Большое внимание было уделено французскому языку, литературе, философии, истории, музыке, придворному этикету, который закреплялся семейной традицией. Когда Марии исполнилось двенадцать лет, у нее умерла мать, но воспитание по ее программе не прекратилось. Уже к этому возрасту Мария обладала рядом положительных качеств: очаровательная девушка с прекрасными манерами, которая опережала своих одногодок, скромна, образована. А.Ф. Тютчева писа-

[1] *Татищев С.С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1911. 752 с.; *Ляшенко Л.М.* Александр II, или История трех одиночеств. М., 2002. 171 с.; *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Том 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. 797 с.; *Сафронова Ю.А.* Роман в письмах. СПб., 2017. 404 с.

ла о ней впоследствии: «Великая княгиня – женщина очаровательная, добрая, симпатичная, простая, рассудительная, полная ума и здравого смысла…» [2].

В это время наследник русского престола великий князь Александр, сын императора Николая I, совершал большое турне по европейским дворам. Цель поездки состояла в том, чтобы познакомить будущего императора с возможными союзниками. Но существовала еще одна тайная причина поездки. Николай I желал, чтобы сын избрал себе спутницу жизни среди европейских принцесс. Но, увы, переезжая из столицы в столицу, цесаревич оставался совершенно равнодушным к чарам местных коронованных красавиц.

Интересно, что посещение Дармштадта планами цесаревича не предусматривалось. В этом крохотном герцогстве Александр собирался провести лишь ночь, да и ту в гостинице, потом ехать дальше. Но не успели путешественники расположиться в номерах, как цесаревичу доложили, что герцог Людвиг прислал лошадей и кареты, приглашая дорогих гостей (и дальних родственников) посетить его замок. Александр решил на один час заехать в Дармштадт в сопровождении одного только графа Орлова. На следующее утро был дан парад в честь высокого гостя, и в тот же день в Петербург помчался курьер с экстренным донесением императору Николаю.

Граф Н. Орлов, находясь при молодом Александре в момент его знакомства с принцессой, сообщал императору Николаю I о выборе невесты наследником: «Эта принцесса Мария, дочь герцога Людвига, в июле ей будет 15 лет. У нее изящная фигура и очень благородные манеры; лицо, не будучи безупречно красивым, привлекательно и очень умно. Она прекрасно воспитана, разговор ее умен и остроумен. Одним словом, все, что мне удалось узнать про нее, говорит в ее пользу» [3].

Родители цесаревича были изумлены выбором сына. В списке кандидаток петербургской канцелярии она не фигурировала. Кроме того, ходили слухи, что она незаконнорожденная. В обществе считали, что отцом Марии является барон Гранси, известный маршал, с которым великая княгиня Вильгельмина будто бы состояла в связи. Это еще более усугубляло положение. Окружение императора ожидало, что он наложит вето на столь необдуманный выбор сына. Но вопреки всем домыслам Николай I согласился на этот брак.

---

[2] *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Тула, 1990. С. 68–69.

[3] *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1996. С. 124.

После замужества положение супруги наследника обязывало ее присутствовать на бесконечных официальных церемониях, и она без жалоб и сетований соблюдала правила игры, хотя ее рассеянный и озабоченный вид выдавал внимательному наблюдателю утомление и скуку. П.В. Долгоруков, в частности, отмечал: «Холодность ее вежливости, вежливости отменной, но самой сухой и почти отталкивающей, приписана была желанию не вмешиваться в дела, чтобы не навлечь на себя гнева грозного свекра» [4]. Отношение к Марии Александровне резко меняется лишь после восшествия на престол ее супруга. Долгоруков писал: «После вступления Александра II на престол все ее обаяние пропало» [5].

Любопытно сравнить характеристику Марии Александровны, данную П.В. Долгоруковым, с характеристикой ее в записках А.Ф. Тютчевой. Несмотря на разницу положения двух авторов, их отзывы совпадают. Дневники А.Ф. Тютчевой подтверждают и то, что Долгоруков пишет об интригах, имевших целью обезвредить влияние императрицы в 1856 г.: «Многие говорят о молодой императрице, об ее уме и о той роли, которую она призвана сыграть. Мне рассказывали, что есть усердные люди, которые заботятся о том, чтобы эти разговоры дошли до императора, дабы предостеречь его от влияния, которое могла бы получить императрица» [6].

Великой княгине исполнилось 25 лет, почти восемь лет прошло со дня свадьбы. Перенесенные испытания окончательно сформировали характер молодой женщины, определили ее духовные и нравственные идеалы. Ее отличали замечательная выдержка и такт. Скромность и молчаливая гордость великой княгини снискали ей огромную популярность в столичных кругах. Но подлинный смысл жизни для Марии Александровны заключался в уютном мирке детской, вдали от шума и суеты придворной жизни: «Ее отчуждение ото всех, ее любовь к уединению, и, наконец, отвращение, которое, как полагали, внушал ей жалкий николаевский двор. Все это придавало ей в России огромную популярность» [7].

Мария Александровна близко к сердцу принимала либеральные идеи мужа. Немало сил она положила на дела милосердия и народного образования в России. Морис Палеолог отмечал: «Несмотря на моло-

[4] *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки. М., 1934. С. 120.
[5] Там же.
[6] *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров… С 11.
[7] *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки… С. 63.

дость, она проявила всю серьезность своего характера; всей душой отдаваясь она делам благотворительности… При дворе ее упрекали лишь в суровости, замкнутости и в любви к этикету» [8]. Под ее покровительством находились многочисленные благотворительные учреждения во всех концах необъятной Российской империи. С 1860 г. она принимала активное участи в решении вопроса о женском образовании. Императрица курировала деятельность Общества заботы о слепых, а в 1867 г. стала инициатором создания нового Общества попечительства о раненых и больных воинах, преобразованного в 1879 г. в Российское общество Красного Креста.

Была ли счастлива императрица Мария Александровна, замкнувшись в себе, надев вуаль недоступности и безразличия из-за приезда в чужую страну, из-за новой любви мужа? Многие считали ее жестокой и слишком строгой, а может быть, просто не смогли разглядеть ее сущность? Но идейный лидер русских анархистов П.А. Кропоткин видел в ней доброго и отзывчивого человека, сравнивая ее с другими придворными дамами: «Из всей императорской фамилии, без сомнения, наиболее симпатичной была императрица Мария Александровна. Она отличалась искренностью, и когда говорила что-либо приятное кому, то чувствовала так. Она, без сомнения, не была счастлива в семейной жизни. Не любили ее также и придворные дамы, находившие ее слишком строгой: они не могли понять, отчего это Мария Александровна так близко принимает к сердцу “шалости” мужа» [9].

Царский двор считал Марию Александровну замкнутой, гордой, недоступной. Ее молчание расценивалось как высокомерие. Но родные люди и находившиеся долгое время рядом фрейлины смогли разглядеть за вуалью отчужденности чуткую, добрую и очень ранимую женщину. Александр III в письме к К.П. Победоносцеву писал: «Мама отдала нам всю свою нежность. Не представляю, как жить без нее» [10]. Даже сам император Александр II поклонялся своей жене за терпение и всепрощение.

Суждения современников о Марии за время ее жизни в России постоянно менялись. Царский двор считал ее замкнутой, гордой, недоступной. Те, кто был близок к ней, видели в императрице легко ранимого, доброго и заботливого человека, который все свое время посвящает воспитанию детей. Очень сильно любил ее и император за отношение к нему и к семье.

[8] *Палеолог М.* Роман императора. М., 1990. С 24.
[9] *Кропоткин П.А*. Записки революционера. М., 1990. С. 144.
[10] *Победоносцев К.П.* Сочинения. СПб., 1996. С 89.

Она никогда не вмешивалась в его государственные дела, что вызывало возмущение у придворных людей и уважение у государственных деятелей. В окружении также были люди, которые считали императрицу напыщенной и высокомерной. Единственными людьми, на отношение которых никак не могли отразиться разговоры о царице, носившие отрицательный характер, был ее муж Александр II и дети. Александр III и после смерти своей матери с нежностью вспоминал о ней.

Библиография

Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М., 1934. 277 с.

Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. 526 с.

Ляшенко Л.М. Александр II, или История трех одиночеств. М., 1996. 171 с.

Палеолог М. Роман Императора. М., 1990. 230 с.

Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. 512 с.

Сафронова Ю.А. Роман в письмах. СПб., 2017. 404 с.

Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1911. 752 с.

Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990. 261 с.

Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Том 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. 797 с.

Е.П. Тепикина

Новосибирский государственный педагогический университет

Репрезентации детства в автобиографических текстах русских интеллектуалок второй половины XIX в.

В статье представлена характеристика детской повседневности, отраженная в женских автобиографических текстах второй половины XIX в. На основе анализа текстов воспоминаний исследуются «типичные» сюжеты детства, приведшие уже во взрослой жизни девочек к «новым» идеям. В исследовании охарактеризованы личностно-значимые образы, события, способствующие раскрытию образа «я» мемуаристок, а также реконструкции внутренних качеств, стремлений, целей. Статья посвящена проблеме детской женской повседневности второй половины XIX в. в контексте взаимодействия нескольких научных отраслей: гендерной, женской истории и истории повседневности.

Ключевые слова: образ, репрезентации, детство, культура, мемуары, эмансипация, повседневность.

Актуальность исследования заключается не только в том, что проблема детства в контексте с историей повседневности позволяет ставить и отвечать на ряд вопросов гендерной и женской истории, но и объясняется широким общественным интересом к женским мемуарным текстам данной эпохи, проявляющемся в больших тиражах такого рода изданий в последние годы.

Всю литературу, близкую к теме исследования, можно разделить на несколько групп по проблематике, поднятой авторами. Приступая к изучению мира детства, следует рассмотреть трактовку понятия «детская повседневность». Существует достаточное количество авторов, занимающихся данной проблематикой. Можно выделить таких авторов как Н. Элиас, М. Кром, Л.С. Выготский и др. Проблема детской повседневности занимает ведущее место в отечественной и зарубежной историографии. Вопросы истории повседневной жизни именно детей рассматриваются в работах Ю.М. Лотмана, О.Е. Кошелевой. Для нашей темы важно выделить работу И.С. Кона, посвященную аспектам антропологии детства и раскрытия понятий, касающихся гендерных различий [1]. Сюжету женской повседневности детей посвящены исследования А.В. Беловой, рассматривающей ее как виды переживания и проживания разных форм женского опыта [2]. Исследуя феномен женской дет-

[1] *Кон И.С.* Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М., 2003. 336 с.

[2] *Белова А.В.* Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 87–88.

ской повседневности, автор приходит к выводу о более сильной зависимости от влияния внешней (взрослой) среды в силу возрастных особенностей [3].

Отражение детства в автобиографических документах исследуется Н. Павловой, Н.Б. Курнант, Н.Л. Пушкарёвой. Детству и его характеристике в эго-текстах посвящены коллективные работы, например, «Природа ребенка в зеркале автобиографии», где показано познание детства через призму человеческой памяти и учет субъективности автора текста [4]. Схожую тему исследовал Ю. Хеннингсен.

Сюжеты, посвященные воспитанию и учебным заведениям, представлены в работах Ю.М. Лотмана, О.С. Муравьёвой и Н. Марченко. Отдельный пласт составляют научные труды об истории детской литературы представленного периода. Например, можно выделить таких ученых как А.П. Бабушкина, М.С. Костюхина.

Таким образом, существует широкий спектр литературы о воспитании и быте детей XIX в. Однако в литературе не ставится проблема трансформации взглядов людей на перемены в мире детства, на создание образа женского мира детства. Нами не выявлено специальной научной литературы о феномене женского детства по автобиографическим документам женщин второй половины XIX в. с применением методов эмоционологии. Поэтому цель публикации состоит в том, чтобы охарактеризовать репрезентации детства в автобиографических текстах русских интеллектуалок второй половины XIX в. В качестве источников были привлечены мемуары С.В. Ковалевской, С.В. Скалон, Т.П. Пассек, Н.С. Соханской, Т.Л. Сухотиной-Толстой, М.Ф. Каменской и др. Эти женщины – не писательницы в полном смысле слова, однако они активно участвовали в общественной жизни своего времени, были сторонницами эмансипации. Критерием отбора также послужили хронологические границы, определяющиеся временем модернизации общественно-политических, социально-экономических и семейно-брачных отношений под влиянием эмансипации, нигилизма, феминизма.

Воспоминания женщин-мемуаристок о периоде своего детства и связанных с ним событий способствуют реконструкции внутренних качеств, стремлений, целей, так как именно в детстве происходит формирование и становление личности. Как показали тексты воспоминаний, детство большинства мемуаристок проходило в достаточно замкнутой, спокойной и благополучной обстановке, в окружении близких людей. Описывая яркое детство, авторы воссоздают быт и обычаи своей семьи, а также ту эмоциональную атмосферу,

[3] *Белова А.В.*«Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX вв. СПб., 2009. С. 33, 125.

[4] *Бим-Бад Б.М.* Природа ребенка в зеркале автобиографии. М., 1998. 432 с.

которая повлияла на формирование системы ценностей женщин. В воспоминаниях С.В. Ковалевской, С.В. Скалон детство представлено как одно из приоритетных объектов внимания. Сказки и другие жанры литературы формируют образное мышление ребенка, приобщая к семейной памяти. Например, многие мемуаристки с трепетом относятся к воспоминаниям своих матерей. Так, Н.С. Соханская свое становление как писателя связывает с воспитанием матери, с ее рассказами, песнями. Однако встречаются тексты, в которых можно найти противоположную позицию. Например, Т.П. Пассек утверждала, что неподготовленные родители могут навредить личности: «Противодействуя часто нормальному проявлению жизни, они мешают счастью ребенка и портят свой и его характер» [5]. Все же родителям отводилось важное место в воспоминаниях как людям, безусловно, повлиявшим на взрослую жизнь писательниц. Например, Т.Л. Сухотина-Толстая, так же как и А.Г. Достоевская, упоминает счастливое детство, любящую семью, мать, поглощенную детьми и семьей, однако сам отец семейства Толстых не питал нежности к маленьким детям, что не мешало мемуаристке считать его образцом для подражания во взрослой жизни [6].

Своеобразие мировосприятия ребенка заключается в собирании, запоминании разнообразных мелочей, событий, которые формируются в единое целое и оказываются в дальнейшем важной составляющей его внутреннего мира и играют значимую роль в создании модели поведении и образов. Приметы, поговорки формируют образное мышление, приобщая к родовой памяти. Как правило, мемуаристки демонстрируют уважительное отношение к родителям, одобрение их действий, основанное на соответствии поступков принятому образу жизни.

С бытом семьи детей знакомили няни и гувернантки, чью роль в становлении личности и самоидентификации мемуаристки оценивали высоко. Как показали мемуары, темы, касающиеся нянь, зачастую становились наиболее прочувственными. С огромной нежностью и любовью женщины-мемуаристки вспоминают о них. Например, Т.П. Пассек, которая отмечает значимую роль няни в приобщении к жизни народной культуры. В воспоминаниях М.Ф. Каменской няня описывается как человек родной, который на протяжении всей жизни опекал ее [7]. Мемуаристки в своих текстах указывают людей, повлиявших на их судьбы. Так, например, Т.Л. Сухотина-Толстая указала: «Трем людям я особенно благодарна за свое детство: Отцу…Матери…и – Ханне, нашей

[5] *Пассек Т.П.* Из дальних лет: Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1963. С. 362.

[6] *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания / Сост., встп. статья и примеч. А.И. Шифмана. М., 1980. С. 4–33.

[7] *Каменская М.Ф.* Воспоминания / Подг. текста, сост. В. Бокова. М., 1991. С. 63.

английской воспитательнице, прожившей в нашей семье шесть лет и давшей нам столько любви, заботы и твердых нравственных основ...» [8].

При анализе мира детства стоит указать значение пространственного измерения детского быта. Пространство детства – это не всегда физическое пространство, это еще и эмоциональная сфера, и коммуникативная среда. Как отмечает А.Я. Гуревич, по организации детского пространства можно было выявить детский статус в семье [9]. По мемуарам можно проследить, что в отношении детей в дворянских домах применялся принцип «этажности», то есть этаж определял иерархию семейства: чем выше этаж, тем, считалось, ниже твой статус, и наоборот. Так, например, в мемуарах Т.Л. Сухотиной-Толстой указано, что она с братьями и сестрами жила на нижнем этаже: «…мы с Ханной в нижней комнате яснополянского дома. Прежде, еще во времена детства моего отца, дом этот был одним из флигелей, стоявших по двум сторонам большого дома, в котором родился папа. В те старинные времена комната со сводами не была жилой комнатой, а кладовой для хранения всякого рода провизии» [10]. Из представленного отрывка можно заключить, что детям отводились не последние роли в жизни родителей и семьи в целом. Однако были отличия от воспоминаний о беззаботном детстве. Например, в мемуарах С.В. Ковалевской видим: «Детская наша так и рисуется перед моими глазами. Большая, но низкая комната. Стоит няне стать на стул, и она свободно достает рукою до потолка… Наши детские кроватки, огороженные решетками, стоят рядом, так что по утрам мы можем перелезать друг к другу, не спуская ног на пол… Гувернантка-француженка не может войти в нашу детскую без того, чтобы не поднести брезгливо платка к носу…» [11]. По мере взросления детей менялся не только их «этаж», но и статусы и роли в семье. У этой своеобразной вертикали в пространстве есть свой смысл, связанный со стилем отношения взрослых к детям. Спуск вниз означал переход ребенка в новую фазу – девичество.

На создание образа детства влияет такой немаловажный фактор как образование. Во второй половине XIX в. роль женского образования возросла. Появляются женские высшие курсы. Проанализировав женские тексты изучаемой эпохи, мы пришли к выводу, что постепенно создается образ «делового» человека, и женщина начинает включаться в него. Из женских автобиографических текстов очевиден интерес к науке, политике, искусству. Однако традиционно многие мемуаристки получали образование дома. В представленную эпоху наиболее привилегированным женским учебным заведением

[8] *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания… С. 10.
[9] *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 146.
[10] *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания… С. 19.
[11] *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства. М., 1989. С. 23.

оставался институт благородных девиц. В текстах Е.Н. Водовозовой можно проследить, как проходило обучение девочек: «Была лишена впечатлений и удовольствий, каждый час и каждая минута распределялись по звонку» [12]. Данная цитата демонстрирует наличие «рамок» в университетах для развития и становления женской личности. В основном обучали гуманитарным наукам, танцам, кулинарии, рукоделию. У той же Е.Н. Водовозовой указано: «На учение уроков у нас оставалось крайне мало времени. Нравственное воспитание стояло у нас на первом плане, а образование занимало последнее» [13]. Подобная система стирала индивидуальность у девочек, однако создавались условия выбора: идти по «традиционному» пути или выбирать самостоятельно свою профессию, свою дальнейшую жизнь.

В формировании мироощущений девочек не последнюю роль играла домашняя библиотека. Однако большинство мемуаристок отмечают проблему, которая возникла с возрастанием роли детской литературы, а именно контроль за подбором книг со стороны родителей. Данная проблема стала исчезать только к концу XIX в., когда сформировалось окончательно представление о детской библиотеке и литературе. Ю.М. Лотман заметил, что еще в детском возрасте женщины читали то же, что и их матери [14]. Отсутствие собственного круга чтения в детстве определило увлечение девушек той литературой, которая была собрана в библиотеке их родителей. А. Панаева, выросшая в семье актера, отличалась своим увлечение к специальной литературе. Довольно часто женщины читали то, что им позволяли читать, то есть существовала определенная цензура. Так, у Е.Н. Водовозовой видим: «Чтение книг не поощрялось. Я не читала ни одного произведения русских классиков, преподаватель знакомил с ними лишь в отрывках» [15].

Среди дворянского мира большинство детей помимо русского языка изучали и разговаривали на нескольких иностранных языках, к тому же влияние гувернанток, которые были в основном из-за рубежа, сказалось на выборе литературы. Такие дети обладали возможностью читать иностранную литературу, если, конечно, разрешали родители. Так, в воспоминаниях Т.Л. Сухотина-Толстая пишет: «Гувернантка считала, что лучшая детская литература – английская» [16].

В заключение отметим, мемуаристки в своих воспоминаниях пишут о себе, пишут себя, они обсуждают и в то же время создают для себя модели

---

[12] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни. В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 87.

[13] Там же. С. 235.

[14] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX). СПб., 1994. С. 138.

[15] *Водовозова Е.Н.* На заре жизни… Т. 1. С. 235.

[16] *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания… С. 214.

женского поведения уже в детском возрасте, черпая их из книг, вещей, окружающих их родных, близкого окружения. Женская детская повседневность характеризуется и воспринимается через образы няни, гувернантки, литературы, родного окружения и пр. Однако следует учитывать, что в воспоминаниях зачастую представлена идеализация семейного быта. Женщины делят окружение своего детского мира на «плохих» и «хороших», тех, кто заботился о них, поддерживал «новые» устремления, и тех, кто старался держать в рамках традиционных. Воспоминания о детстве становятся способом самоописания себя как автобиографического героя. Способами самораскрытия является оценка окружающего мира. Личностно-значимые образы (няни, гувернантки, родители) способствуют раскрытию образа «я», а также определенных психологических процессов, которые сыграли роль в становлении личности во взрослой жизни. Все же в воспоминаниях, выбранных нами для исследования, представлена отрицательная оценка на методы воспитания родителей, на образование, на проблему, связанную с литературой, и пр. Таким образом, взгляд на детский период жизни уже взрослых мемуаристок осуществляется через призму женского опыта, так как специфика репрезентации в женских эго-текстах связана с тем, что писали они спустя определенный жизненный период. Мемуаристки – сторонницы эмансипационных идей – создавали в своих текстах образ детства, соответствующий их «современным» взглядам, они не только выделяли факторы, повлиявшие на их сознание, но и подчеркивали свои амбиции в направлении «новых» идей. Женщины представляют образ своего детства, себя как детей, как активных участников истории через призму повседневности, наряду со взрослыми. Они описывают себя как свидетелей исторических процессов, как участников культурной жизни, способных к осмыслению окружающей их действительности.

Библиография

Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–98.

Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX вв. Спб.: Алетейя, 2009. 530 с.

Бим-Бад Б.М. Природа ребенка в зеркале автобиографии. М., 1998. 432 с.

Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. 328 с.

Кон И.С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М., 2003. 336 с.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2001. 400 с.

Б.В. Бабарыкин

Алтайский государственный педагогический университет

Инициативы регионального чиновничества по решению «гимназического вопроса» на Алтае (середина – конец XIX в.) *

Статья посвящена малоизученному вопросу многолетней попытки преобразования Барнаульского окружного училища в гимназию. В работе указывается причина, заложенная в основу деятельности Окружного училища, дестабилизировавшая успешность его функционирования. Приводится обзор попыток прогрессивной части алтайского горнозаводского чиновничества и местной общественности по решению «гимназического вопроса». По итогам сделан вывод о том, что процессы, происходившие в системе горнозаводского профессионального образования, полностью укладываются в картину порядков, порождавшихся деятельностью существовавшей в Алтайском горном округе чиновно-бюрократической корпорации и ее покровителей в структурах Кабинета. Значительная часть чиновников удовлетворилась уравнением Окружного училища в правах с уездным в 1871 г.

Ключевые слова: Барнаульское окружное училище, чиновничество, гимназия, Кабинет его императорского величества.

Вопросы реформирования системы образования в нашей стране актуальны своей злободневностью. Одной из безуспешных инициатив являлись попытки по открытию гимназии в городе Барнауле на базе Окружного (горного) училища во второй половине XIX в. Решение «гимназического вопроса» в горнозаводском регионе давало возможность детям служащих округа не только получить среднее образование, но и право на получение первого классного чина, а стало быть, возможность карьерного продвижения, как по горнозаводской, так и по гражданской службе. К исследованию «гимназического вопроса» на Алтае в своей диссертационной работе обращался А.В. Смолин, рассмотревший отдельные его аспекты. Тем не менее, значимый для истории культуры и образования региона сюжет не был окончательно изучен. Цель настоящей работы – хронологически реконструировать инициированный служащими Алтайского горного округа процесс по открытию на базе Окружного училища гимназии, а также выявить взаимосвязь

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края (региональный научный конкурс «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном»), проект № 16-11-22005 «Западносибирское региональное чиновничество Кабинета Его Императорского Величества как воплощение ведомственной служебной корпорации (середина XVIII – начало XX в.)».

между проблемой решения «гимназического вопроса» и сложившейся в пореформенный период горнозаводской бюрократической корпорацией.

В соответствии с «Положением об учебных заведениях Алтайских горных заводов» от 4 августа 1836 г. Горное училище в Барнауле было преобразовано в Окружное училище на правах реальной горной школы. Тем самым оно заняло промежуточное звено между начальным и средним учебным заведением. Цели, заложенные в основу его функционирования, – с одной стороны, подготовка квалифицированных уставщиков из числа детей мастеровых и нижних чинов, а с другой – предоставление возможности детям горных инженеров и чиновников для поступления в Горный институт и другие высшие учебные заведения – породили явное противоречие в его деятельности. К 1855 г. стал очевиден перекос в сторону технической подготовки воспитанников и слабое обучение общеобразовательным предметам, в особенности иностранным языкам. Назрела насущная необходимость комплексного преобразования училища, в результате чего был инициирован вопрос о преобразовании Барнаульского окружного училища в гимназию.

1 декабря 1855 г. главный начальник Алтайских горных заводов В.А. Бекман отослал в Кабинет Е.И.В. рапорт и проект преобразования Барнаульского окружного училища [1]. Проект был разработан ученым комитетом во главе с горным начальником, специально созданным из числа преподавателей – горных инженеров. Как указывает А.В. Смолин, в качестве одного из доводов о необходимости преобразования Окружного училища выдвигался элемент сословности в праве на среднее и высшее горнотехническое образование. В рапорте сообщалось, что дети горных офицеров, классных чиновников обучались вместе с детьми мастеровых и нижних чинов. Находясь всегда вместе, дети чиновников перенимали у детей мастеровых привычки и наклонности, «неприличные для той жизни, для которой они предназначаются». Поступая в Горный институт неподготовленными, они приносили «отпечаток», принятый ими в Окружном училище, не могли нравиться начальству института и поэтому часто отсылались обратно на попечение родителей [2].

Кроме указанной причины в рапорте В.А. Бекмана подчеркивалось, что в Алтайском округе на тот момент проходило службу более 150 чиновников, из которых правом на определение в Горный институт могли воспользоваться лишь некоторые из сыновей горных инженеров [3]. Статские чиновники

[1] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2724. Л. 1.

[2] *Смолин А.В.* Горные училища Алтая в XVIII–XIX вв.: дис. … канд. пед. наук. М., 1956. С. 363.

[3] ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2724. Л. 1–1 об.

нижних классов были бедны и не имели возможности отсылать своих сыновей в другие места для получения ими среднего или высшего образования. Кабинет Е.И.В. со своей стороны не испытывал потребности в большом количестве будущих горных инженеров, выпускавшихся Горным институтом. Таким образом, в Алтайском округе сложилась ситуация при которой в преобразовании Окружного училища были заинтересованы все категории чиновничества.

Суть предложенных проектом ученого комитета изменений в устройстве Барнаульского окружного училища заключалась в следующем:

1. Признавалось необходимым увеличить число учеников училища с прежних 80 до 100 человек, из них 20 должны были состоять в двух практических отделениях. 80 человек должны были обучаться в общеобразовательных классах, разделяясь поровну (по 40 человек) на детей дворян и чиновников и мастеровых и нижних чинов. Сыновей чиновников и дворян надлежало поместить отдельно от мастеровых, с этой целью предполагалось надстроить верхний этаж к училищному зданию. Надзор за воспитанниками, кроме двух надзирателей, посменно в течение дня должны были осуществлять два преподавателя французского и немецкого языков, дополнительно выполнявшие функции гувернеров. Учителя иностранных языков в свободное от занятий время обязывались заниматься с воспитанниками практическими упражнениями в разговорах на этих языках [4].

2. В курс предметов училища в качестве обязательного для всех категорий учеников предлагалось ввести географию. Детей чиновников надлежало дополнительно обучать древней и средней всемирной истории, выстраивая педагогический процесс таким образом, чтобы они по окончании первых трех классов училища могли поступать прямо в четвертый класс Горного института.

3. В практические отделения училища надлежало переводить только сыновей мастеровых и нижних чинов, распределив в каждом из отделений занятия на два класса. В первых классах предлагалось преподавать дисциплины, необходимые для подготовки будущих чертежников, пробирщиков и других технических специальностей по горному и заводскому производствам, а во вторых классах – только высшие науки по горной и заводской части, требующиеся для общего руководства работами в заводах и рудниках.

[4] *Ваганов Н.* Учебная часть на Алтае // Отчет о поездке комиссии в Алтайский округ. СПб., 1883. Т. 2. С. 19.

Кабинет Е.И.В., одобрив предложение местного начальства, в ответ на проект ученого комитета Алтайских горных заводов полагал произвести преобразование Барнаульского окружного училища на более широких основаниях, а именно [5]:

1. Существовавший порядок обучения в училище с разделением на три общеобразовательных (подготовительных) класса и два практических отделения необходимо было сохранить как доказавший свою пользу в подготовке необходимого для заводов количества уставщиков и урядников, «а также для удовлетворения требования заводов Нерчинских, где средства обучения ограниченнее алтайских».

2. Для детей чиновников вне зависимости от назначения их в Горный институт или другие учебные заведения, в которых содержались заводские пансионеры Кабинета, открыть при Барнаульском окружном училище гимназический курс по расписанию, утвержденному 10 апреля 1852 г. Министерством народного просвещения для слушателей, готовящихся ко вступлению в службу. Министерский курс разделялся на семь классов – три общих и четыре специальных, в которых преподавались: Закон Божий, русский, немецкий и французский языки, география, история, математика, физика, математическая и физическая география, чистописание, черчение, рисование и русское законоведение. Воспитанникам, окончившим полный гимназический курс в Барнаульском окружном училище, открывался путь для скорейшего получения первого статского чина. Итоговые экзамены учащихся в гимназическом классе, особенно в седьмом, предполагалось производить при специальном чиновнике, назначаемом главным начальником Алтайских заводов, который, в свою очередь, по званию томского гражданского губернатора заступал место попечителя в подведомственной ему губернии.

3. В результате того, что преподавание учебных предметов в Барнаульском училище по некоторым предметам совпадало с преподаванием в первых трех классах гимназического курса, первые три приготовительных класса училища предполагалось сделать общими как для сыновей нижних чинов и мастеровых (которые к этому моменту должны были окончить собственно Окружное училище и его практические отделения), так и для воспитанников самого гимназического курса. Единственной ремаркой было то, что ученики гимназического курса, изучавшие французский, немецкий языки и географию, полностью или частично освобождались от обучения рисованию, черчению и горно-

[5] ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2724. Л. 2–2 об.

техническому счетоводству, преподавание которых было усилено для подготавливаемых к горнозаводской службе детей нижних чинов.

Согласно предложению Кабинета Е.И.В., процесс обучения в Барнаульском окружном училище должен был разделяться, во-первых, на три подготовительных класса для всех групп учащихся (с дополнительным изучением иностранных языков и географии для детей чиновников), во-вторых, на классы практических отделений Окружного училища, состоявшие из заводского и горного отделений, в-третьих, на четыре гимназических класса. Все воспитанники Окружного училища и гимназического курса должны были состоять на полном казенном содержании от казны. Гимназический курс должен был помещаться в специально пристроенном втором этаже здания училища.

Предложения Кабинета Е.И.В. были одобрены министром императорского двора и 12 ноября 1857 г. отправлены на рассмотрение министра народного просвещения. В 1858 г. из Министерства народного просвещения был получен положительный ответ на учреждение при Окружном училище курса, равного гимназическому, при условии, что преподавателям предметов этого курса должны были быть присвоены права и преимущества преподавателей гимназий [6].

Началась подготовка к реализации одобренного проекта. В мае 1858 г. заводскому начальству было поручено составить проект нового штата и положения для преобразуемого Барнаульского училища. Для перестройки училищного здания, найма учителей иностранных языков с одобрения императора предполагалось использовать до 20 тыс. руб. из запасного училищного капитала алтайской Учебной части. В июле 1859 г. новый главный начальник Алтайских заводов генерал-майор А.Д. Озерский представил в Кабинет требующиеся сведения и предложения для преобразования Окружного училища. В ходе ознакомления с его деятельностью А.Д. Озерский нашел его состояние «мало удовлетворительным», а «распределение предметов учения несообразным», из-за чего «общая связь преподавания не изъята от недостатков». Возникла инициатива по переустройству училищного здания, но в результате последовавшей после 1861 г. отмены обязательного труда на алтайских предприятиях стал рассматриваться вопрос о перемещении училища в другое здание. Решение дела по существу прекратилось.

23 февраля 1864 г. в Кабинет Е.И.В. с ходатайством о необходимости учреждения гимназического курса или гимназии на базе Барнаульского окружного училища обратился статский чиновник Алтайского горного

[6] *Ваганов Н.* Учебная часть на Алтае… С. 21.

округа, общественный деятель Степан Иванович Гуляев. Он отметил, что после принятия Положения 4 августа 1836 г. содержание обучения ограничилось специальными предметами. В учебной программе училища не хватало самых необходимых для каждого гражданина предметов: географии, истории, словесности, естественных наук, тем более что не все из выпускников определялись к горнотехническим занятиям.

С.И. Гуляев верно указал на важнейший недостаток преобразования Горного училища в Окружное, которое до 1836 г. давало своим учащимся более широкую общеобразовательную подготовку [7]. Со своей стороны, мы считаем данный вывод не вполне исчерпывающим. С момента учреждения учебного заведения камнем преткновения являлся вопрос совместного обучения детей чиновников с подготовкой детей мастеровых к занятию производственных должностей. Только разведение этих двух целей могло кардинально изменить ситуацию. Для Кабинета Е.И.В. и Министерства финансов первостепенной была именно подготовка квалифицированных кадров для заводов и рудников округа, а, следовательно, все инициативы о преобразовании Горного училища в высшее, а затем Окружного училища в среднее учебное заведение априори были обречены на неудачу. Шли годы, десятилетия и, тем не менее, отдельные представители горной интеллигенции и прогрессивная общественность региона продолжали настаивать на реформировании училища. К прогрессивной общественности, более того, не проводящей классовой грани между благородным и подлым сословием, и относился С.И. Гуляев.

В своей записке, поданной в Кабинет Е.И.В. 4 мая 1864 г., Гуляев писал, что уже подобрал учителей русской словесности, политической и естественной истории и географии. Все они имели университетское образование. Двое из них даже приехали в Барнаул, но из-за затянувшегося открытия гимназии в последующем были вынуждены покинуть город [8].

Архивные материалы свидетельствуют об активном участи С.И. Гуляева в разработке Положения для Барнаульской гимназии, лоббировании им гимназического вопроса в высоких кабинетах Санкт-Петербурга [9]. В результате прямого соприкосновения с верхушкой горной корпорации – «силами зла», как писал автор биографического очерка о Гуляеве И.Я. Словцов, Степану Ивановичу было внушено «непротивление злу», то есть коррумпированному чиновничеству и бюрократическому аппарату, как регионального, так и столичного уровней, в результате чего он полностью

[7] *Смолин А.В.* Горные училища Алтая в XVIII–XIX вв.… С. 272–274.

[8] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 1. Д. 514. Л. 191–192.

[9] ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 246. Л. 20–39 об.

отрешился от вопроса учреждения гимназии. Как отмечает И.Я. Словцов, «оставалось одно: беречь самого себя и всецело отдаться научным исследованиям родины» [10].

В 1867 г., вследствие просьбы 67 барнаульских чиновников и доклада министра императорского двора, последовало высочайшее соизволение на открытие в Барнауле реальной гимназии. В ответ на прошение барнаульской общественности об открытии в городе классической гимназии из Кабинета пришел ответ о возможности преподавания в гимназии латинского языка для воспитанников, желавших поступать в университет, при условии, что число таковых будет достигать не менее 10 человек [11]. 31 марта 1868 г. протоиерей Барнаульского Петропавловского собора Стефан Ломшаков обратился к цесаревне Марии Федоровне с просьбой ускорить открытие гимназии. От нее просьба протоиерея была передана в Министерство императорского двора.

Тем временем к марту 1869 г. завершилась перестройка здания под размещение гимназии, осуществлявшаяся в соответствии с предложением начальника округа А.Д. Озерского, после чего возникла новая пауза в решении «гимназического вопроса». Ввиду ожидавшегося скорого открытия гимназии, вследствие ходатайства управляющего Окружным училищем, в 1869/70 учебном году в трех общеобразовательных классах было введено дополнительное обучение. В составе учащихся появилась многочисленная категория вольноприходящих воспитанников.

Откладывавшееся открытие гимназии побудило покинуть Барнаул приглашенного на Алтай учителя французского языка И.Ф. Далло (из второй волны приглашенных учителей), с большим трудом уволившегося по болезни в 1870 году [12]. Задержка с учреждением Барнаульской гимназии обесценивала позитивные изменения, предпринятые в вопросе улучшения комплектования преподавательского состава училища.

В 1871 г. барнаульские чиновники во главе с новым начальником Алтайского округа Ю.И. Эйхвальдом вновь обратились в Кабинет с просьбой об открытии уже разрешенной гимназии. «Если же нам не суждено почему-либо воспользоваться благодеяниями монаршего соизволения, – писали они, – то не примете ли вы на себя труд испросить категорический отказ, чем, наконец, разрешатся наши сомнения и прекратятся невольные и непо-

[10] *Словцов И.* Степан Иванович Гуляев: Биографический очерк // ЛУКИЧ. Часть 3. Октябрь 1998. С. 86.

[11] *Смолин А.В.* Горные училища Алтая в XVIII–XIX вв.… С. 282.

[12] ГААК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7441. Л. 1–4, 48–50.

сильные нравственные и материальные лишения» [13]. Не получив ответа, барнаульское общество обратилось с аналогичной просьбой к Великому князю Алексею Александровичу, бывшему проездом в Барнауле в том же году. Несмотря на передачу данной просьбы министру народного просвещения, и это обращение не принесло значимых результатов. Министерство народного просвещения выразило свое желание на открытие в Барнауле реального училища, и в последующем речь об открытии здесь гимназии уже не шла. Министр народного просвещения четыре раза (8 февраля, 7 июня, 6 ноября и 13 декабря 1875 г.) подавал запросы в Кабинет, на которые так и не последовало никакого отзыва [14]. Сам император, узнав о существовавшей проблеме, в 1873 г. настаивал на скорейшем ее разрешении [15]. В 1871 г. Окружное училище было уравнено в правах с уездным.

В 1876 г. Кабинет дал свой ответ на сложившуюся ситуацию. В нем говорилось о справедливости содержания реального училища за счет города Барнаула. В декабре 1876 г. этот отзыв был утвержден Кабинетом Е.И.В. и передан в Министерство народного просвещения, которое, в свою очередь, соглашалось открыть реальное училище в Барнауле при условии принятия местной городской думой на себя части расходов по его содержанию. В 1877 г. из-за ограниченности денежных средств Барнаульская дума отказалась от пособия на содержание училища [16].

Вследствие такого отзыва Барнаульской думы и непростой военно-политической ситуации в стране, министр народного просвещения нашел необходимым отложить решение вопроса об учреждении Барнаульского реального училища до лучших времен [17].

Последняя попытка открытия в Барнауле классической гимназии (до преобразования Барнаульского окружного в реальное училище в 1897 г.) была осуществлена в 1882–1883 гг. С этой целью была создана специальная комиссия из гласных городской думы Штильке, Барашева, Безсонова, Дмитриева, Давидович-Нащинского и Облецова. Но и эта попытка, как и все предыдущие, окончилась безрезультатно [18].

Помимо объективных причин, мешавших решению гимназического вопроса (ряда войн, прошедших в рассматриваемый период, и др.), были

[13] Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 286.

[14] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 125. Оп. 1. Д. 144. Л. 24–26.

[15] Там же. Л. 26–27.

[16] Там же. Л. 32–34.

[17] *Ваганов Н.* Учебная часть на Алтае… С. 33.

[18] Восточное обозрение. 1896. № 37. С. 1–2.

и субъективные. Вот что писал по этому поводу С.И. Гуляев 3 февраля 1876 г.: «Шутники говорят, что Соколовский (*Л.А. Соколовский – член Кабинета, покровитель алтайской горнозаводской бюрократии – Б.Б.*) боится выдвинуть с открытием гимназии новый элемент людей образованных (которые станут де писать печатные корреспонденции о местных распорядках), подобно тому, как до нынешнего царствования военные начальники противились учреждению школ и обучению грамоте солдат ввиду боязни, что они, сделавшись грамотными, станут писать и подавать жалобы на своих командиров» [19]. Н.С. Гуляев в своих записях прямо называл Л.А. Соколовского виновником того, что Барнаульская гимназия так и не была открыта в конце 1850-х – 1870-х годов: «Он не сочувствовал открытию в Барнауле гимназии и всячески тормозил этот процесс, почему за глаза его называли Великим тормозом» [20].

Таким образом, главным результатом попыток реформирования Окружного училища стало его уравнение в правах в 1871 г. с уездным училищем. С этого времени лица, окончившие три общеобразовательных класса, стали получать право на присвоение первого классного чина. Прагматичная цель части мелкого алтайского чиновничества была достигнута, но данное решение не удовлетворяло инициативную общественность и прогрессивно настроенных служащих округа, столкнувшихся с противодействием горной корпорации и ее влиятельных покровителей. Крымская, русско-турецкая войны, владельческая принадлежность Алтайского горного округа, негативная роль горнозаводской бюрократии и ее корпоративизм, наряду с неразвитостью общественных институтов и структур Министерства народного просвещения на юге Западной Сибири во второй половине XIX в. стали причинами неудачного решения «гимназического вопроса» на Алтае.

Библиография

Смолин А.В. Горные училища Алтая в XVIII–XIX вв.: дис.… канд. пед. наук. М., 1956. 364 с.

Ваганов Н. Учебная часть на Алтае // Отчет о поездке комиссии в Алтайский округ. СПб., 1883. Т. 2. 39 с.

Словцов И. Степан Иванович Гуляев: Биографический очерк // ЛУКИЧ. Часть 3. Октябрь 1998. С. 70–125. (Перепечатано по изданию *Словцов И.Я.* Степан Иванович Гуляев: Биографический очерк. Омск, 1891. 76 с.)

Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. 436 с.

[19] *Словцов И.* Степан Иванович Гуляев: Биографический очерк… С. 104–105.
[20] ГААК 163. Оп. 1. Д. 246. Л. 19.

П.А. Афанасьев

Алтайский государственный педагогический университет

Сибирский чиновник последней трети XIX в. Е.П. Клевакин и его документальное наследие [*]

Статья посвящена характеристике документального комплекса, созданного чиновником Евгением Поликарповичем Клевакиным в последней трети XIX – первом десятилетии XX в. Автор приводит краткие биографические сведения о чиновнике, характеризующие сложность его жизненного пути на Урале и в Сибири, а также его типичность и уникальность как представителя провинциального мелкого чиновничества. Анализ документального комплекса Е.П. Клевакина представлен в хронологии его создания. Это позволило показать динамику видового состава комплекса, трансформацию мотивов письменного творчества в зависимости от жизненных перемен чиновника. Автор приходит к выводу, что документальное наследие Е.П. Клевакина обладает чертами уникальности в широком контексте сибирской провинциальной мемуаристки.

Ключевые слова: сибирская мемуаристка, сибирское чиновничество, документальное наследие, Алтайский округ, Е.П. Клевакин.

Личность Евгения Поликарповича Клевакина достаточно хорошо известна алтайским историкам и краеведам. Во многом это связано с тем, что последний период служебной деятельности чиновника и его жизнь после отставки проходили в Алтайском округе и Барнауле, где Е.П. Клевакин прожил более 30 лет вплоть до конца своей жизни. В научных исследованиях историки время от времени используют в качестве свидетельств эпохи выдержки из сохранившихся дневников, воспоминаний, рассказов и писем чиновника, созданных в этот период его жизни. При этом личность их составителя, небольшого чиновника сибирской провинции, оставалась в тени его документального наследия. В научной и популярной краеведческой литературе до сих пор отсутствует сколько-нибудь полная биография Е.П. Клевакина. Имеющиеся биографические справки о нем отличаются однообразием и скудостью информации. В них главным образом перечисляются лишь занимавшиеся Евгением Поликарповичем должности. Из

[*] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края (региональный научный конкурс «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном»), проект № 16-11-22005 «Западносибирское региональное чиновничество Кабинета Его Императорского Величества как воплощение ведомственной служебной корпорации (середина XVIII – начало XX в.)».

общественной деятельности чиновника обязательно указывается его председательство в барнаульском отделении монархической партии «Союз русского народа» [1]. Именно в силу этого обстоятельства Е.П. Клевакин часто упоминался преимущественно в негативном ключе как ультрапатриот и черносотенец.

Однако жизненный путь Е.П. Клевакина заслуживает внимания по ряду причин. Во-первых, он интересен как один из авторов в целом немногочисленного мемуарного наследия сибирского чиновничества [2]. Во-вторых, воссоздание его биографии является необходимым для источниковедческого анализа всего комплекса созданных им документов. В-третьих, Е.П. Клевакин любопытен как представитель мелкого и среднего провинциального сибирского чиновничества, детали биографий и службы которых зачастую растворяются в массе подобных им собратьев по нижним чинам Табели о рангах. Особенности службы сибирского чиновничества были подробно исследованы А.В. Ремневым [3]. Поэтому в настоящей публикации предпринимается попытка реконструировать жизненный путь одного из его представителей – Е.П. Клевакина – и показать влияние разных этапов жизни чиновника на формирование его документального наследия.

Жизнь Е.П. Клевакина, несмотря на то, что он был мелким чиновником, воссоздается с высокой долей детальности. Традиционным источником является формулярный список чиновника, отложившийся лишь в Российском государственном историческом архиве [4]. Документ позволяет восстановить основные этапы жизни Е.П. Клевакина. Сохранившееся его документальное наследие дает возможность насытить сухую информацию формуляра деталями и личными подробностями, характеризующими причины поведения чиновника, личные мотивы его служебных поступков.

Е.П. Клевакин на протяжении своей жизни был связан с двумя регионами – Уралом и Алтаем. Родился он в 1841 г. в крестьянской семье. Отец

---

[1] См., например: Будни и праздники Горного округа: Из фонда Евгения Поликарповича Клевакина / Публ. подгот. В.А. Скубневский // Судьбы. Барнаул, 1996. С. 31; Записки Е.П. Клевакина о тюрьме (по материалам личного фонда) (1884–1885, 1901–1917). Барнаул, 2012. С. 3.

[2] *Матханова Н.П.* Сибирская мемуаристка XIX века. Новосибирск, 2010. С. 109.

[3] *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. 236 с.; *Он же*. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. 252 с.

[4] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 29. Д. 414. Л. 323–344.

Евгения был взят в мастеровые Кушвинского завода, поэтому по рождению Клевакин оказался в крепостной зависимости, став сыном мастерового [5]. После получения начального горнозаводского образования, он 18 лет, в том числе и после освобождения в 1861 г., служил на Кушвинском заводе, дойдя до должности бухгалтера. Отдельным периодом жизни стала семилетняя служба у частных предпринимателей и в учреждениях Пермской губернии. В 1883 г. чиновник переехал в Сибирь, в Томск. Здесь он также сменил несколько занятий, оказавшись в итоге на полицейской службе. С 1887 г. и до отставки в 1900 г. Е.П. Клевакин служил в Алтайском округе, заняв должность помощника окружного бухгалтера. После выхода на пенсию он остался жить в Барнауле, занявшись общественной деятельностью. Установить точную дату смерти Е.П. Клевакина не удалось. Известно лишь, что она была позже февраля 1919 г., даты последнего известия о 78-летнем отставном надворном советнике [6].

Можно утверждать, что служебный путь Е.П. Клевакина складывался в целом удачно. На Урале обстоятельства постоянно благоприятствовали молодому человеку. По чистой случайности ему удалось попасть в окружное училище, окончание курса в котором среди лучших выпускников обеспечило относительно легкую службу в заводской конторе [7]. Позже, оценивая кушвинский период, сам Е.П. Клевакин высказался о своей заводской службе в следующих словах: «На заводах мне все благоприятствовало. Служил легко, хотя ни до чего не добивался, но меня все ставили на хорошую дорогу» [8]. Материальная сторона жизни чиновника, обзаведшегося семьей с множеством детей, оставляла желать лучшего [9]. Несмотря на это, он отмечал, что «мне выгоднее было служить на казенных заводах» [10].

Вторая половина 1870-х годов стала для Е.П. Клевакина периодом жизненных испытаний. Вынужденный уйти с заводов, он столкнулся с трудностью поиска места в Перми. Прослужив на Кизеловском заводе Абамелек-Лазаревых и в транспортной конторе купца Бахарева, Е.П. Клевакин в итоге оказался на службе в Пермской контрольной палате. Причины частой смены службы заключались в поиске более высокого содержания, необходимого для обеспечения большой семьи. В какой-то степе-

[5] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 77. Оп. 1. Д. 12. Л. 740.

[6] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3403. Оп. 1. Д. 1021. Л. 3 об.

[7] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 7. Л. 59–60; Д. 28. Л. 30 об.

[8] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28. Л. 32.

[9] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 6. Л. 53, 58 об.; Д. 24. Л. 12.

[10] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 52–52 об.

ни это, в отличие от кушвинского периода, характеризует Е.П. Клевакина как типичного чиновника, независимо от должности рассчитывающего только на получаемое жалованье [11]. Сказалась также и личная заинтересованность чиновника, желавшего сменить сферу службы. В дневнике Евгений Поликарпович признавался, что «попробовать гражданскую службу мне давно уже хочется, но все как-то никак не мог оторваться от заводов» [12].

Смерть жены и служебные неурядицы заставили Е.П. Клевакина вновь перейти на службу приказчиком к купцу Бахареву и переехать в связи с этим в Томск. Прослужив в конторе купца лишь год, чиновник был приглашен на должность смотрителя Томской губернской тюрьмы (1884 г.), а еще через год был переведен помощником полицейского исправника в Бийск и позже – в Зыряновск. Усталость от переездов заставила Е.П. Клевакина в 1887 г. при очередном его переводе в другой город перейти на службу в Алтайский округ [13]. Здесь он прослужил дольше всего, найдя, наконец, высокое жалованье и желанную работу по счетной части. Характеризуя позже свою службу, он подчеркивал: «Служба моя была переходная, служил я в ведении пяти Министерств и все в далекой провинции на Урале и в Сибири» [14].

В течение всей жизни Е.П. Клевакин постоянно писал. Как признавал он сам, излагать интересные события для него было насущной необходимостью: «Давно уже начал я писать свои заметки из жизни, писал сначала просто в тетрадях, потом в книгах и их несколько записал» [15]. Большая часть документального наследия Евгения Поликарповича отложилась в его личном фонде в Государственном архиве Алтайского края (ф. 77). Учитывая не столь высокое служебное положение чиновника, его частые переезды, сохранность данного документального комплекса в пределах личного фонда можно считать уникальной. Видовой состав документов фонда не ограничивается одними воспоминаниями. Он представлен дневниками, отпусками писем Е.П. Клевакина, записями интересных случаев, наблюдений и «анекдотов», художественными произведениями. Сохранность такого представительного видового корпуса документов также уникальна для среднего провинциального чиновника. Объясняется это, очевидно, тем, что

[11] *Матханова Н.П.* Чиновничество сибирское // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 487.

[12] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 52.

[13] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

[14] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 8. Л. 179.

[15] Там же. Л. 179 об.

сам Е.П. Клевакин в конце жизни беспокоился о судьбе своих бумаг [16]. Поэтому, вероятно, он сам озаботился о сохранности для потомков своего рукописного наследия.

Документальный комплекс Е.П. Клевакина охватывает практически всю его жизнь. Наиболее ранними по времени создания являются дневниковые записи 1860–1870-х годов. Начало им было положено 1 июля 1864 г. Евгений Поликарпович отметил, что «очень давно желал завести дневник», но этому препятствовала лень [17]. Дневники кушвинского периода отличаются крайней несистематичностью. Целью автора вряд ли была детальная фиксация событий. Для Е.П. Клевакина не характерно внимание к каким-то важным событиям. Примечательно, что, не дождавшись ничего выдающегося для начала дневника, автор начал дневник с первого числа месяца, ограничиваясь вначале записями «День прошел обыкновенно», даже не раскрывая его обыденность [18]. В какой-то степени дневник в этот период был для Е.П. Клевакина методом самоорганизации, впрочем, мало действенным. До 1874 г. записи велись нерегулярно, нередко с полугодовым перерывом.

Только с 1874 г. можно говорить об их превращении в классический дневник. Появляется детальная фиксация событий, раскрывается внутренний мир и переживания автора дневника. Особенно это становится характерно для 1875 г., когда автор вначале оказался в сложной служебной ситуации на заводах, а затем оказался один, без семьи, в Перми. Вынужденный вести в незнакомом городе одинокое полуголодное существование, он отмечал: «Меня много развлекает писание дневника» [19]. Записи он делал исключительно для себя, возвращаясь к написанному «в досужный часок». Е.П. Клевакин не желал, чтобы дневник «попал в посторонние руки», видя в будущем его читателем только своего сына [20]. Очевидно, что во второй половине 1870-х годов автор старался поддерживать такой характер дневника, но из-за утраты в архиве тетради за 1876–1879 гг. достоверно говорить об этом нельзя. Последующий дневник продолжает традиции, начатые Е.П. Клевакиным в 1875 г. В наиболее сложный период 1882–1883 гг., когда автор потерял жену и переехал в Сибирь, дневник превратился в своеобразного собеседника Евгения Поликарповича по всем спорным жизненным ситуаци-

[16] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 8. Л. 182.
[17] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
[18] Там же. Л. 1, 4 об.
[19] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 24. Л. 81 об.
[20] Там же. Л. 74 об., 81 об.

ям [21]. Однако после переезда в Томск написание дневника почти сразу же сходит на нет. Единичные записи в нем еще появляются в 1884–1886 гг., до отъезда из Бийска, после чего дневник прекращается [22].

С 1870-х годов Е.П. Клевакин, переехав из Кушвы, начал вести обширную переписку со своими знакомыми. Об этой переписке вряд ли было бы что-то известно, кроме отдельных упоминаний, если бы не педантичный характер Е.П. Клевакина и его вынужденное одиночество. Оказавшись в Перми, в 1875 г. он завел специальную книгу, в которую переписывал все отправленные письма [23]. Исключение составляли только личные письма жене, о которых автор лишь делал отметки в дневнике, но их текст не фиксировал. Эту деятельность чиновник продолжил и позже, вплоть до своего переезда в Бийск в 1885 г. Не известно, с какой целью Е.П. Клевакин занялся подобным сохранением своих писем. Однако благодаря этому сохранился уникальный комплекс писем провинциального чиновника за десять лет. Многие события в письмах хотя и повторяются в силу сообщения разным корреспондентам одинаковой информации, но при этом они существенно дополняют дневники Е.П. Клевакина. В зависимости от степени близости знакомства с корреспондентом, Евгений Поликарпович мог быть более или менее откровенен с ним. Поэтому данные письма в неменьшей степени, чем дневник, позволяют составить представление о внутреннем мире чиновника, его жизненных переживаниях и надеждах.

После переезда в Сибирь характер рукописей Е.П. Клевакина начинает меняться. Рубежом можно считать его службу смотрителем томского губернского тюремного замка. Находясь на этой должности, в 1884 г. Е.П. Клевакин составил «Материалы для записок смотрителя Томского тюремного замка». Внешне они оформлены в манере дневника, с обозначением даты записи. Но описываемые события уже не всегда синхронны с указанной датой, а дробность ежедневного описания, характерная для дневников, заменяется тематическим изложением материала. Очевидно, такому способу обобщения способствовала новизна службы для Е.П. Клевакина и стремление запечатлеть ее. Меняется также цель записей автора: теперь он пишет в расчете на массового читателя, надеясь в будущем на литературную обработку и публикацию «Материалов» [24]. Публичный характер записей подтверждает появление первых читателей из среды

[21] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 25. Л. 11, 18, 23–25 об.
[22] Там же. Л. 64.
[23] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29.
[24] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.

сослуживцев-офицеров, одобривших работу Е.П. Клевакина как вполне достоверную [25].

Внешняя дневниковая манера характерна для записей, сделанных Е.П. Клевакиным в Бийске в 1885 и 1886 годах [26]. Но считать их в полной мере дневником также нельзя. У Евгения Поликарповича в это время уже была тетрадь, заведенная для дневника и не получавшая дальнейших записей. Бийские заметки выполнены на отдельных листах с самостоятельными заголовками. Очевидно, что сам автор не придавал им характер дневника, но не относил и к воспоминаниям. Для него бийские заметки – это лишь цельное описание интересных событий почти вслед за ними.

Очередную и наиболее существенную трансформацию дневниковая манера фиксации автором происходивших событий претерпела на службе в Зыряновске. Е.П. Клевакин, очевидно, из-за службы в полиции стал фиксировать информацию и интересные факты о людях зыряновского общества. Для каждого из них он отвел отдельную страницу в журнале, в который постепенно заносил новую информацию, отмечая каждую новую запись датой [27].

Только в период службы в Алтайском округе у Е.П. Клевакина появился первый опыт написания воспоминаний. Ими стали «Записки об Алтайской службе», созданные в 1890–1893 гг. Внешне они по-прежнему написаны в дневниковой манере, с восстановлением деталей событий, с простановкой дат записей на полях. Но автор описывает события уже двух-трехлетней давности, не выходя в описаниях ко времени создания «Записок об алтайской службе». Как и для любых воспоминаний, для них характерны обобщения и оценки, данные с учетом последующего хода событий. По неизвестной причине Е.П. Клевакин так и не завершил эти «Записки», прекратив их без всякого логического завершения.

Период конца 1880-х – начала 1890-х годов стал для Е.П. Клевакина временем создания корреспонденций для сибирских газет. Первый опыт этой деятельности автор приобрел, еще живя на Урале. Однако в Сибири эта деятельность стала для него регулярной. Преимущественно он описывал общественную жизнь Барнаула. В личном фонде Е.П. Клевакина сохранились черновики корреспонденций для «Сибирского вестника». В 1900-е годы эта сторона письменной работы Е.П. Клевакина не прекратилась, получив иное направление. Он стал одним из постоянных коррес-

[25] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 8. Л. 180.
[26] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 9. Л. 21–41; Д. 11. Л. 171–184.
[27] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–5.

пондентов в столичных журналах, посвященных пожарному делу. Являясь руководителем барнаульской добровольной пожарной команды, Е.П. Клевакин сообщал профессиональному сообществу о состоянии пожарного дела в Барнауле. Выявить данные корреспонденции оказалось бы невозможным, поскольку автор писал их под псевдонимом «Житель-Сибиряк», а черновиков или отпусков этих корреспонденций в личном фонде автора не осталось. Только упоминание самим автором некоторых корреспонденций и журналов [28], в которых они были опубликованы, позволило выявить весь комплекс этой стороны письменной деятельности Е.П. Клевакина.

Начало XX в. можно назвать периодом своеобразного «писательского бума» Е.П. Клевакина. Очевидно, это было связано с выходом чиновника в отставку. В первое десятилетие нового века он начал писать художественные тексты, в которые изредка включал элементы своей биографии. И только в 1912–1917 гг. Е.П. Клевакин пишет полноценные воспоминания об отдельных периодах своей жизни [29]. Судя по особенностям текстов (нумерованные заголовки, описание событий с детства), он, видимо, задумал их как составные части более общего труда. Автор довел описание событий только до конца уральского периода, достаточно полно осветив его важнейшие этапы. Однако для этих воспоминаний характерно не последовательное описание жизни, а тематический подход. Автор совсем не берет во внимание некоторые периоды своей жизни. В затронутых повествованием годах Е.П. Клевакина интересует сюжетное построение текста, концентрирующееся на эпизоде, вынесенным в заглавие. Так, например, из всего времени частной службы воспоминаний удостоился только сплав на больших судах – белянах. При этом никаких подробностей частной службы автор не указывает. Воспоминания, написанные в 1910-е годы, безусловно, создавались в расчете на их публикацию и внимание со стороны широкого круга читателя. Очевидно, этим можно объяснить отмеченные выше особенности созданных воспоминаний.

Временной анализ документального комплекса Е.П. Клевакина очень четко показывает постепенную эволюцию характера записей чиновника. От самодисциплины в 1860-е годы он переходит к самоанализу в 1870-е годы. В следующем десятилетии он интересуется новыми сторонами менявшейся жизни, запечатлевая окружающую повседневность и уже стремясь рассказать о ней окружающим. И только в период стабилизации жизни с 1890-х годов Е.П. Клевакин обращается к осмыслению прошлого,

[28] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 8. Л. 179 об.
[29] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 7, 31.

переходя к составлению воспоминаний о жизни. В этом контексте далеко не случайно, что с 1886 г. автор перестал записывать отпуски отправленных писем, хотя обширная переписка у него продолжалась.

Говоря о причинах столь активного обращения Е.П. Клевакина к перу, можно отметить, что у него проявились многие мотивы, характерные для мемуарного творчества современников [30]. Несомненно, что чиновник хотел запечатлеть для своей семьи наиболее важные и сложные периоды своей жизни. Так, дневники и некоторые письма второй половины 1870-х годов, фиксируя тяжелое положение автора, несут морализаторский подтекст, подчеркивая твердость характера Е.П. Клевакина. Несколько раз Евгений Поликарпович прямо пишет о нравственном влиянии своих действий на детей, что, по-видимому, он относил и к своим записям. Есть в его записках указания на чтение записей своей семье. Немаловажным мотивом для пристрастия Е.П. Клевакина к письменному делу было самолюбие автора, выбившегося своей службой из крестьянской среды и достигшего личного дворянства. Автор не раз и всячески подчеркивает значение честной и упорной службы. Нередко во всех разновидностях его документального наследия можно встретить демонстрацию своей грамотности и образованности, выделяющей его из окружающих людей, даже умеющих читать. Произведения, созданные Е.П. Клевакиным в 1900-е годы, уже готовились непосредственно для публикации, что стало еще одним побудительным мотивом творчества отставного чиновника. Именно в наследии этого периода проявился чиновничий характер творчества, связанный с вниманием к своей профессиональной деятельности. Автор не просто стремится познакомить читателя со своей деятельностью, но также показать свою сопричастность к процессам повседневного управления, осведомленность в понимании противостояний чиновничьих группировок. Именно в последние два десятилетия желание создать и сохранить свои записи для широких кругов читателей становится преобладающим мотивом. Е.П. Клевакин желал еще при жизни «пристроить» свои наиболее интересные документы. Так, например, «Материалы к запискам смотрителя» он хотел передать А.Ф. Кони, но по каким-то причинам этого не произошло. Беспокойство за судьбу своего документального наследия усиливали примеры знакомых, не церемонившихся с бумагами покойных родственников. Е.П. Клевакин приводил в пример барнаульского священника, зять которого все его «записки употребил на оклейку стен вновь построенного дома, конечно, не читая записок и не интересуясь содержанием их» [31]. Поэтому, вероятно,

[30] *Матханова Н.П.* Сибирская мемуаристка… С. 97, 99, 101, 105–106.
[31] ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 8. Л. 182.

Евгений Поликарпович еще при жизни позаботился о сохранении своих документов. Уже в 1923 г. его личный фонд фиксируется в описях Алтайского губернского архивного бюро. Однако детали поступления документального фонда в архив остаются неизвестными.

В целом, документальное наследие Е.П. Клевакина, несомненно, относится к интересному проявлению провинциальной мемуаристки в широком смысле. Значительное видовое разнообразие документов охватывает практически весь жизненный путь их автора, в том числе и в событийном плане. Многие документы, созданные синхронно, взаимодополняют друг друга и, как правило, не вступают в противоречие между собой, даже с учетом разных целей их создания. Сама личность автора, небольшого чиновника, вышедшего из низов, придает своеобразие как мотивам его творчества, так и самим текстам. Отличительной особенностью от большей части сибирских мемуаров [32] является сосредоточение всего массива бумаг Е.П. Клевакина в пределах личного архива, сохранившегося до нашего времени. Все это без преувеличения позволяет говорить об уникальности представленного документального комплекса и личности его создателя, совмещающего черты типичного рядового чиновника и неравнодушного общественника и человека.

Библиография

Матханова Н.П. Сибирская мемуаристка XIX века. Новосибирск, 2010. 551 с.

Матханова Н.П. Чиновничество сибирское // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 486–487.

Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. 236 с.

Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. 252 с.

[32] *Матханова Н.П.* Сибирская мемуаристика… С. 89.

И.С. Козлова

Институт истории СО РАН

«Я полюбил печать с самых юных лет»: роль корреспондентов в сибирских периодических изданиях второй половины XIX – начала XX в.

Статья посвящена анализу корпуса корреспондентов как составной части редакционных коллективов периодических изданий Сибири. На основе эго-текстов сибирских журналистов, а также материалов региональной прессы нами представлено значение корреспондентской сети, выявлена методика работы редакции с подобными сотрудниками, охарактеризованы условия их труда, обозначено отношение общества к ним как личностям, а также к их текстам. Следует отметить, что в исследованиях по истории сибирской журналистики данный сюжет не нашел своего отражения.

Ключевые слова: корреспондент, история сибирской журналистики, история повседневности.

На страницах сибирских периодических изданий раздел корреспонденций являлся важнейшей составляющей газетного номера. Как правило, ни одно издание в изучаемый нами период не могло поддерживать собственное существование без привлечения обширного штата корреспондентов. По мнению С.Л. Чудновского, данный отдел признавался наиболее ценным, поскольку бытовала потребность в освещении различных сторон жизни Сибири и в огласке деятельности представителей власти [1]. В трудах по истории сибирской журналистики имеются сведения о положении корреспондентов, трудностях, с которыми они сталкивались, представлена примерная «география» проживания подобных сотрудников [2]. Однако комплексного исследования о значении последних в истории сибирской печати, обстоятельствах их сотрудничества с редакциями не

[1] *Чудновский С.Л.* «“Сибирка” для них была святыней и храмом… (воспоминания С.Л. Чудновского о работе в “Сибирской газете”)» // «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. Томск, 2004. С. 55.

[2] *Гольдфарб С.И.* Газетное дело в Сибири: Первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002. 312 с.; *Жилякова Н.В.* Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011. 44 с.; *Жилякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В.* Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания: Учебное пособие. Томск, 2015. Т. 1. 292 с.; *Шевцов В.В.* «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. 414 с.

опубликовано. Тем самым, задача статьи – охарактеризовать условия труда корреспондентов в регионе, а также выявить их роль в развитии местной прессы. В качестве источников мы обратились к эго-текстам сибирских журналистов, а именно А.В. Адрианова, С.Л. Чудновского, Е.В. Корша, И.И. Попова [3], а также материалам периодической печати. Нами были использованы иркутская газета «Сибирь» (1873–1887 гг.), томский орган печати «Сибирская газета» (1881–1888 гг.), а также журнал «Сибирские вопросы», который издавался в Санкт-Петербурге с 1905 по 1913 г. Кроме того, мы обратились к хрестоматии по истории сибирской журналистики, а также антологии текстов из периодических изданий Томской губернии [4].

Главной задачей корреспондентов являлось регулярное сотрудничество с органом печати, которое выражалось в отправке злободневных сообщений, заметок, статей о текущей жизни. Эти «желанные и востребованные» редакцией сотрудники знакомили сибирское общество с условиями жизни в отдаленных уголках родного края, обеспечивали популярность издания в обществе, увеличивали читательскую аудиторию, а также создавали «невидимую связь» жителей Сибири с событиями страны, мира. К примеру, во время русско-японской войны И.И. Попов, редактор газеты «Восточное обозрение», пригласил В.И. Немировича-Данченко в качестве военного корреспондента [5]. В случае нехватки материала газеты обращались к авторам с целью оказания содействия и отправке материалов для публикации. К примеру, газета «Силуэты родного края» писала: «Упадок интереса корреспондентов к почтовому ящику заставляет обратить серьезное внимание в эту сторону» [6]. Характерной чертой сибирских газет являлось постоянное расширение круга корреспондентов с целью большего территориального охвата и привлечения

[3] *Попов И.И.* Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989. 384 с.; *Корш Е.В.* «Надо самому поработать в редакции маленькой провинциальной газетки...» (Е.В. Корш о первых годах издания «Сибирской газеты») // «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. Томск, 2004. С. 45–55; *Чудновский С.Л.* «“Сибирка” для них была святыней и храмом…»… С. 55–78; *Адрианов А.В.* «Дорогой Григорий Николаевич…»: письма Г.Н. Потанину / Сост., публ. Н.В. Васенькин. Томск, 2007. 288 с.

[4] История сибирской печати XVIII – нач. XX в.: хрестоматия в 5 кн. / Сост. Л.С. Любимов. Иркутск, 2004; *Жилякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В.* Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания. Томск, 2015. Т. 2. Антология. 524 с.

[5] *Попов И.И.* Забытые иркутские страницы… С. 199.

[6] Несколько теплых слов (от редакции) // *Жилякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В.* Периодическая печать Томской губернии… Т. 2. С. 245.

читательской аудитории из отдаленных уголков региона. Журнал «Сибирские вопросы» опубликовал следующее сообщение: «Ввиду закрытия многих сибирских газет и крайне стесненного положения уцелевших под давлением местной администрации, “Сибирские Вопросы” открывают обширный отдел корреспонденций (Томск, Иркутск, Омск, Тюмень Тобольск, Чита, Барнаул, Новониколаевск, Красноярск, Владивосток, Благовещенск, Хабаровск, Семипалатинск и др.)» [7].

Со временем в периодических изданиях вырабатывалась определенная методика работы с корреспондентами. Для выяснения условий их профессионального быта обратимся к статье «Что такое корреспондент», опубликованной в газете «Восточное обозрение» (1902 г.) [8]. В ней дается описание положения корреспондента в обществе, сущности его деятельности, а также приводится ряд советов по выстраиванию диалога между редакцией и такого рода сотрудниками. В статье указывается, что необходимо вести переписку с корреспондентами посредством писем. В случае осуществления подобной практики от редакции требовались скрупулезность, наличие времени, а также знание своих авторов. Это объяснялось тем, что, по мнению А.В. Адрианова, нельзя обращаться к корреспондентам по одному шаблону, «каждому нужно особое письмо, сообразуясь с родом его занятий, степенью грамотности, местностью, где живет» [9]. Однако, если это затруднительно, то редакции следует помещать обращения к ним в самой газете. Подобная повседневная практика, действительно, осуществлялась. Например, в иркутской газете «Сибирь» была рубрика «Ответы редакции». Там публиковались краткие решения редакционного комитета о дальнейшей судьбе того или иного материала, а также печатались профессиональные советы по улучшению текстов. Помимо организации постоянного общения с корреспондентами, автор статьи отмечал, что, в связи с отсутствием специализированной литературы, освещающей принципы и условия систематической корреспондентской деятельности, последним рекомендовалось делиться собственным литературным опытом с коллегами по цеху путем публикации тематических статей на страницах периодической печати. Тем самым редакционные коллективы пытались объединить разбросанных по Сибири сотрудников и дать им необходимые профессиональные знания. Вместе с тем, корреспондентам высылалась специальная программа по изучению родного края. Она представляла собой небольшую памятку, на

[7] Сибирские вопросы. 1907. № 21. С. 1.

[8] *Ольминский М.С.* Что такое корреспондент // История сибирской печати XVIII – начала XX в… С. 49.

[9] *Адрианов А.В.* «Дорогой Григорий Николаевич…»… С. 24.

которую следовало опираться авторам при работе над собственными исследованиями.

Редакционные коллективы периодических изданий уделяли особое внимание корреспондентским текстам, которые не должны были содержать личный характер, субъективное мнение, поскольку оно нередко носило негативный оттенок. В подобных работах более важным являлась суть описываемого инцидента. Приведем пространную цитату, ярко характеризующую особенности труда корреспондента: «Он часто не отличает еще своего личного интереса от интереса общего и горюет, когда редакция отказывается стать на его защиту, не усматривая к тому общественного повода. Зато как же он счастлив, когда видит свою корреспонденцию напечатанной, как жадно ждет результатов опубликования какого-нибудь интересного для его местности факта или статьи, как искренно и горячо благодарит он редакцию за внимание к местной нужде, как пламенно верит он в скорое теперь осуществление местной надежды. Конечно, нередко скучно и надоедливо читать обывательские рукописи, зачастую еще и совершенно безграмотные, но эта скука, в конце концов, вознаграждается сознанием, что влияние и значение газеты растет, что доверие к ней увеличивается» [10].

Задачей корреспондента являлось не создание обширных исследований по важнейшим вопросам действительности, а отражение текущей жизни в их крае. В результате подобных сообщений редакция получала примерную картину жизни в отдаленных уголках региона. Один из авторов данного отдела в «Сибирской газете» писал, что «корреспонденция, разумеется, не есть исследование; она по необходимости отрывочна и касается, преимущественно, отдельных фактов и частных проявлений общественной жизни <…>. Ее дело – доставлять материал более специальным изданиям для обобщения и выводов» [11].

Как было сказано выше, редакционные коллективы вели специальную рубрику в газете под названием «Ответы редакции», чтобы поддерживать и развивать профессиональные навыки своих корреспондентов [12]. Приведем некоторые советы для авторов: отказаться от личного характера в заметках, писать кратко, сообщать только факты, присылать тексты, имеющие общественное и злободневное значение, совершенствовать язык корреспонденции. Подобная рубрика помогала кор-

[10] *Корш Е.В.* «Надо самому поработать в редакции маленькой провинциальной газетки...»… С. 49.

[11] С–нъ Сибирская пресса (Письмо в редакцию) // Сибирская газета. 1883. № 24. С. 629.

[12] Ответы редакции // Сибирская газета. 1882. № 36. С. 878.

респондентам усовершенствовать свои навыки, осознать плюсы и минусы своих статей, подстроиться под требования издания с целью скорейшей публикации текста и регулярного сотрудничества с органом печати.

Зачастую тексты, которые присылали в редакции сибирских газет, носили обличительный характер. Это объяснялось тем, что реалии сибирской жизни сталкивали общество со злоупотреблениями со стороны власти, которые следовало разрешать путем огласки. Читающая публика нередко жаловалась на подобные тексты. «Корень несогласия» с авторами заключался в том, что грамотной аудитории хотелось знакомиться с положительной информацией о регионе. Редакция «Сибирской газеты» объяснилась с читателями о мотивах публикации подобных текстов: «Гласность – единственная инстанция, в которую приносит свою апелляцию бедный обыватель уездного города или деревни, и в ней, в этой гласности, ищет себе защиту от притеснений сильного» [13]. Редакционный коллектив газеты считал, что не следует сетовать на подобного корреспондента. По мнению Е.В. Корша, «он шлет в редакцию мольбы о всех наболевших у него нуждах, о всех пережитых или угрожающих ему обидах и притеснениях, часто испытав все другие пути защиты и отчаявшись найти последнюю, кроме газеты, которой он верит и которой он боится <…> она представляется ему высшей, единственно независимой инстанцией, которой подсудны все его дела и делишки» [14]. С позиции руководства издания подобных сотрудников важно было благодарить за их труд, поскольку они не равнодушны к судьбе своей родины и предоставляли редакциям богатый материал для обобщения и изучения общественной жизни в регионе.

Нередко в периодических изданиях встречались опровержения на корреспонденции. Основная причина недовольства заключалась в том, что авторы публиковали не совсем верную информацию, которая требовала уточнений. Подобные случаи не удивительны, поскольку тексты могли оказать отрицательное влияние на репутацию в обществе описанных в ней героев, а также ввести читателей в заблуждение.

Для публикации заметок в сибирских газетах корреспонденты должны были сообщать редакции собственный адрес, а также указывать фамилию и имя. Без этих данных тексты не печатались. Редакционный коллектив «Сибирской газеты» отмечал, что «ответственность за справедливость об-

[13] Томск, 15 мая // Сибирская газета. 1883. № 20. С. 510.

[14] *Корш Е.В.* «Надо самому поработать в редакции маленькой провинциальной газетки...»… С. 49.

личения и жалобы должны всецело лежать на авторе, а потому имя его должно быть известно редакции, для которой нравственная личность обличителя может служить единственной гарантией справедливости обличения. Такой обличитель вполне может рассчитывать на скромность редакции» [15]. Однако подобная практика вызывала опасение у сотрудников, поскольку они допускали факт раскрытия их имен общественности. В таком случае руководство издания обращалось к сотрудникам со словами о защите личной информации авторов, которая будет известна только внутри издания [16]. Например, газета «Народная летопись» сообщала: «Имена авторов наших заметок о чем и о ком бы то ни было, а также имена наших друзей читателей, которые делятся с нами впечатлениями и дают некоторые темы, – имена эти никому и никогда не будут сообщены редакцией» [17].

Достаточно часто на страницах периодических изданий публиковались сообщения о том, что некоторые лица не являлись корреспондентами газет. Это осуществлялось с той целью, чтобы защитить собственное имя в глазах общества и снять с себя какие-либо подозрения от окружающих. В журнале «Сибирские вопросы» была опубликована следующая заметка: «Мы получили довольно странную телеграмму из Красноярска: “Убедительно прошу напечатать в ближайшем номере, что автором корреспонденции из Красноярска, напечатанной в № 8–9, являюсь не я; что вообще я не состою вашим сотрудником. Кстати, все возмущены автором, заставляющим второй раз уже меня расплачиваться за его корреспонденции, подписываемые так остроумно. *Жалудский*”» [18]. В конце редакция заявила, что господин Жалудский не являлся их сотрудником.

Общепринятым считалось, что корреспонденты были смелыми, добросовестными и преданными своему делу сотрудниками. Так, один из корреспондентов «Сибирской газеты» писал: «Я полюбил печать с самых юных лет; симпатии мои к ней росли» [19]. Для многих печать являлась некой «отдушиной» в их жизни. Посредством публикации своих сообщений в газете они вскрывали пороки общества, вносили свою лепту в изучение родного края. Однако их статус в среде населения был явно невысокий. Зачастую на них навешивали различные ярлыки нега-

[15] Хроника // Сибирская газета. 1883. № 32. С. 820.

[16] Зачем? // *Жилякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В.* Периодическая печать Томской губернии… Т. 2. С. 148.

[17] Редакция. Раз и навсегда // Там же. С. 308.

[18] От редакции. Хроника // Сибирские вопросы. 1910. № 10–11. С. 87.

[19] С-нъ. Сибирская пресса… С. 627.

тивного оттенка: «доносчик», «обличитель», «лгун». Обыватели сибирских городов воспринимали корреспондентов как «людей вздорных, пишущих из-за личных целей, интриганов» [20]. Отношение к корреспондентам было настолько негативным, что они даже могли потерять работу из-за их литературной деятельности. На страницах газеты «Сибирь» сообщалось, что, как только кого-нибудь заподозрят «в корреспондентстве, немедленно гонят, какое бы место – частное или коронное – не занимал он; на него устраивают засады, охоты, его ищут, на него доносят» [21]. Кроме того, на страницах газеты «Сибирь» было опубликовано небезынтересное сообщение о корреспонденте петербургских изданий. Он решил отправиться в Бийск, а оттуда намеревался пробраться в горы. Впрочем, жители сибирского города, как только узнали, что он является корреспондентом, отказались предоставить ему лошадей. В результате герою заметки пришлось вернуться домой [22]. Получается, что простые жители не воспринимали подобных сотрудников как служителей родному краю, желающих стать частью развивающегося газетного мира. Скорее их считали «опасными людьми», которые могут с помощью журналистского слова оболгать или отомстить кому-либо на страницах изданий.

Таким образом, во-первых, корреспонденты обеспечивали связь местного общества с событиями общероссийского и мирового масштаба посредством регулярных заметок, коротких сообщений. Во-вторых, у редакционных коллективов конструировалась определенная форма работы с такого рода сотрудниками с помощью писем, а также непосредственно на страницах печатного издания. В-третьих, руководство издания акцентировало внимание на текстах корреспондентов, которые должны были отражать фактическую информацию без привнесения субъективного мнения, негативного оттенка. Правила написания подобных текстов сотрудники могли встретить в рубрике «Ответы редакции» или в тематических статьях, опубликованных на страницах издания. В-четвертых, авторы в обязательном порядке должны были указывать имя и фамилию, в противном случае их труды не печатали. В-пятых, отношение к корреспондентам в обществе было негативным, поскольку их воспринимали доносчиками, обличителя, лгунами. В-шестых, несмотря на все сложности, с которыми приходилось сталкиваться корреспондентам сибирских периодических изданий, их роль была велика. Как отмечал Е.В. Корш: «Этим неведомым,

[20] Корреспонденции // Сибирская газета. 1887. № 13. С. 515.
[21] Сибирская хроника // Сибирь. 1885. № 40. С. 5.
[22] Сибирская хроника // Сибирь. 1882. № 43. С. 4.

но многочисленным абсолютно бескорыстным труженикам обязана Россия созданием и развитием местной, областной газетной печати» [23]. Действительно, благодаря их сообщениям, пресса была наполнена реалиями сибирской жизни, а также вопросами и проблемами, над которыми размышляли представители интеллигенции.

Библиография

Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири: Первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002. 312 с.

Жилякова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011. 446 с.

Жилякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания: Учебное пособие. Томск, 2015. Т. 1. 292 с.

Жилякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания. Томск, 2015. Т. 2. Антология. 524 с.

Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. 414 с.

[23] *Корш Е.В.* «Надо самому поработать в редакции маленькой провинциальной газетки...»… С. 48.

А.А. Калашников

Алтайский государственный педагогический университет

«Пить и есть каждому нужно»: материальная сторона службы лесных объездчиков в Алтайском округе в 1916–1917 гг.

В статье на основе документов из фондов Государственного архива Алтайского края рассматривается материальное положение лесных служащих Алтайского округа в 1916–1917 гг. После событий Февральской революции значительная часть лесной стражи покидала службу, обосновывая это невозможностью ее несения. В советской и постсоветской историографии не был детально рассмотрен данный вопрос, и уход лесной стражи со службы связывался в первую очередь с обострением отношений лесной стражи и местного населения. Проанализировав материальное положение служащих непосредственно перед Февральской революцией и после нее, автор статьи предпринимает попытку выделить основные факторы, влиявшие на материальное положение лесных служащих Алтайского округа в 1916–1917 гг. Автор приходит к выводу, что тяжелые материальные условия службы лесной стражи являлись одной из основных причин ухода со службы ее членов.

Ключевые слова: Алтайский округ, 1917, лесная стража, объездчики, лесное хозяйство.

Первая мировая война и Февральская революция отрицательно сказались на хозяйстве Алтайского округа. Это было связано и с неконтролируемым ростом цен, и с тотальной мобилизацией, оставившей округ без квалифицированных кадров. После событий Февральской революции обострение отношений между местным населением и служащими округа являлось одной из причин оставления службы последними. Как правило, историки, обращаясь к проблемам хозяйства Алтайского округа в революционные годы, связывают уход со службы лесной стражи и лесничих, замены стражи в лесничествах округа, назначение выборных от сельских обществ на должности объездчиков с негативным отношением к лесной страже местного населения, его стремлением к самостоятельному ведению земельно-лесного хозяйства посредством комитетов, определяя это как одну из форм крестьянского движения [1]. Необходимо отметить, что существенная часть лесной стражи покидала службу, не

[1] *Жидков Г.П.* Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 245; *Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н.* Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987. С. 88; *Иванцова Н.Ф.* Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М., 1990. С. 61–62; *Тяпкин М.О., Поляков С.Е.* Лесоохрана в Алтайском округе в 1908–1919 гг. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2003. С. 180.

дожидаясь отстранения местным населением. Связано это было не только с постоянными угрозами, получаемыми служащими со стороны местного населения, но и с нежеланием нести службу, вознаграждение за которую не соответствовало затрачиваемым усилиям и не покрывало финансовых затрат на ее несение. На основе отчетов, рапортов лесничих, решений крестьянских комитетов, донесений начальника округа в Кабинет его императорского величества, циркуляров лесничим и другой ведомственной документации, отложившейся в фондах Государственного архива Алтайского края, а также материалов периодической печати мы предпринимаем попытку выделить наиболее существенные факторы, влиявшие на материальное положение лесной стражи Алтайского округа в 1916–1917 гг. По нашему мнению, тяжелые материальные условия службы лесной стражи являлись одной из основных причин ухода со службы ее членов и вследствие этого – утраты окружным Управлением контроля над лесным хозяйством Алтайского округа после событий Февральской революции.

Лесная стража, осуществляя ведение земельно-лесного хозяйства Кабинета Е.И.В. на местах, полностью обеспечивалась Управлением Алтайского округа всем необходимым для качественного несения обязанностей. Служащие округа проживали на специально отстроенных кордонах (в 1916 г. в Алтайском округе насчитывалось 799 кордонов, что обеспечило жильем более 60 % лесной стражи [2]), а там, где кордонов не было, они были вынуждены жить на территории селений, расположенных в непосредственной близости от объездов. Служащим платили жалованье, выдавали форму и оружие, также им предоставлялся в пользование 15-десятинный надел покосных и пахотных земель. Там, где выделить участок земли возможности не было, предоставлялась денежная компенсация [3]. Но в условиях войны периодическое увеличение жалованья лесной страже не успевало за неконтролируемым ростом цен. После начала войны жалованье младших и старших объездчиков было увеличено до 25 и 35 рублей соответственно [4]. Цены в стране с июля 1914 по февраль 1917 г. выросли приблизительно в 13 раз, с февраля по октябрь 1917 г. – еще в шесть раз [5].

---

[2] *Тяпкин М.О.* Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX – начале XX в. Барнаул, 2006. С. 154

[3] *Тяпкин М.О., Поляков С.Е.* Лесоохрана в Алтайском округе… С. 170.

[4] Там же. С. 169.

[5] *Косых Е.Н.* Инфляция и жизненный уровень сибиряков в революционном 1917 г. // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. Томск, 2008. С. 107.

Мобилизация создавала в лесничествах текучесть кадров, а инфляция и возникшее вследствие нее недостаточное обеспечение служащих ей способствовали. При этом текучесть кадров была свойственна и довоенному периоду. Так как служба объездчиком не была привлекательной для населения, лесничие отмечали, что «в большинстве случаев в лесную стражу поступают только такие люди, которые не могут или не хотят физически трудиться» [6]. Отсутствие квалифицированных кадров вынуждало Управление округа обращаться за помощью даже к военнопленным офицерам [7]. Старший лесничий В.П. Монюшко в докладе Управлению округа о поездке в июне–июле 1916 г. по лесничествам округа отмечал, что в Нижне-Томском лесничестве в течение неполных двух лет со дня мобилизации 27 вакансий стражи занимало 110 человек, в Кузнецком 20 должностей занимали 75 лиц, в Верхо-Томском за указанный период «каждую должность стражи занимали 3 лица» [8]. При этом старшим лесничим было отмечено недостаточное содержание служащих, в связи с чем «часть стражи меняет службу на лучше оплачиваемую», кандидатов на должности объездчиков категорически не хватало, потому как «нередко на предлагаемое жалованье и вовсе не находится желающих» [9]. В связи с этими обстоятельствами Управлению округа приходилось мириться с фактом малограмотности и «неусердия» отдельных объездчиков, ведь иных кандидатов на эти должности просто не было [10]. Стоит отметить, что слабая финансовая обеспеченность касалась не только лесной стражи, но и других служащих округа. В частности, перед отъездом В.П. Монюшко из Кузнецкого лесничества «сторож канцелярии, получавший 15 руб., ушел сторожем же на 35 руб., а писец, получавший 25 руб., – писцом же на 50 руб.» [11]. В Риддерском лесничестве также была нехватка штатных служащих, а на должность сторожа канцелярии пришлось и вовсе нанять женщину, потому как на предлагаемый оклад (15 руб.) иных желающих просто не нашлось [12].

Из-за финансовой необеспеченности страдало и обмундирование служащих. В.П. Монюшко коснулся данной проблемы в своем докладе: «Обмундирование стражи хотя вообще и приличнее зимнего, но нередко не соответствует достоинству округа. Дороговизна жизни и материи

[6] Цит. по: *Тяпкин М.О.* Охрана лесов Томской губернии… С. 154.
[7] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 539. Л. 3.
[8] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4550. Л. 37, 45, 46.
[9] Там же. Л. 36 об. – 37.
[10] Там же. Л. 21, 26, 31, 47 об.
[11] Там же. Л. 45.
[12] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 521. Л. 48–49 об.

заставляет закрывать глаза на это обстоятельство» [13]. Несмотря на отстроенные кордоны, существенная часть стражи была вынуждена жить в деревнях, что ставило ее в зависимость от местного населения. Кроме того, это сказывалось и на финансовом положении стражи, на что обращал внимание старший лесничий К.П. Перетолчин в отчете о поездке в Егорьевское лесничество от 15 июля 1916 г.: «Крестьяне не особенно пускают объездчиков на квартиры, а особенно по сходной цене» [14].

Таким образом, непосредственно перед событиями Февральской революции финансовое положение служащих в округе оставляло желать лучшего. Маленькое жалованье, непрестижность службы и высокие профессиональные требования к служащим делали службу объездчиком одной из самых неприглядных для населения.

События Февральской революции не могли не коснуться лесной стражи, тем более что лесные чины оставались для населения «царскими прислужниками» даже после свержения самодержавия [15]. Согласно приказу начальника Алтайского округа от 7 марта 1917 г. всем служащим округа следовало оставаться на своих местах и продолжать работу [16]. Тем не менее, несение службы было всячески затруднено наличием новых органов власти в лице временных комитетов, негативным отношением со стороны местного населения, а также отсутствием должной финансовой поддержки, необходимой в переходный период. Повсеместно на территории округа происходило изъятие документации, денег из касс лесничеств, отстранение от службы отдельных чинов, их обезоруживание. Там, где служащие отказывались сотрудничать с населением и продолжали ведение хозяйства согласно действующему законодательству, кордоны лесной стражи и канцелярии лесничеств подвергались погромам. В рапортах лесничих в Управление округа даже появляется отдельный пункт: «О состоянии кордонов» [17]. Население не пускало объездчиков на кордоны (так, в Павловском лесничестве население не позволяло объездчикам проживать на территории кордона, расположенного в области лесопользования [18]), а некоторые из них просто переставали существовать. Так, служащие Соляно-Озерского лесничества лишились своего кордона, потому что он по решению Михайловского сельского народного собрания, проходившего

[13] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4550. Л. 45.
[14] Там же. Л. 17.
[15] ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 13. Л. 36–36 об.
[16] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 540. Л. 3.
[17] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4718. Л. 14 об.
[18] Жизнь Алтая. 1917. 31 августа. С. 4.

27 января 1918 г., был разобран и перенесен на территорию села [19]. Также необходимо учитывать, что при разгромах кордонов проживавшие там объездчики терпели значительные убытки. Например, при разгроме Сорокинского кордона, находившегося в Барнаульском лесничестве, в результате уничтожения и расхищения имущества двое объездчиков понесли убытков на 1050 рублей [20]. В местах, где продолжать службу на кордонах не было возможности, лесная стража была вынуждена искать себе место в близлежащих от своих объездов селениях, где крестьяне без энтузиазма принимали новых соседей, а те, в свою очередь, оказывались от них в зависимости: фиксированных цен, по которым объездчикам сдавалось жилье, как и ранее, не было.

Помимо отсутствия комфортабельных жилищных условий по доступной цене, лесная стража согласно постановлениям отдельных комитетов лишалась различных льгот. Так, 30 марта 1917 г. на заседании волостного комитета общественного порядка в с. Белоярском было решено прекратить выдачу пособия женам объездчиков и перевести их на общий казенный паек, а также уменьшить отпуск дров страже и администрации лесничества с пяти до двух кубов [21]. У лесной стражи повсеместно изымались земельные наделы. В рапорте Соляно-Озерского лесничего Управлению округа от 12 апреля 1917 г. сообщалось, что Михайловское сельское общество хочет разделить между собой все покосы служащих лесничества. Лесничим было отмечено, что «за неимением хороших сенокосных участков, объездчики должны почти с половины уже зимы покупать сено, что, конечно, ложится тяжелым бременем на материальное положение их. Лесная стража, узнав постановление комитета, отказывается от службы» [22]. Данного вопроса коснулся старший лесничий Н.Н. Абрамов в своем отчете о поездке в Аламбайское лесничество с 21 по 29 апреля: «Желательно сохранение служебных наделов стражи по крайней мере в минимальных размерах… где наделов нет, нужно ассигновать объездчикам деньги на пособие для покупки сена летом же» [23]. В характеристике положения на местах за 15 июня – 15 июля 1917 г., составленном Начальником Алтайского округа Л.Л. Масловым по донесениям лесничих, констатировалось: «Стража во всех, без исключения, ленточных борах или совершенно лишена населением покосов, или ей даны небольшие участки в

[19] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4687. Л. 64 об.
[20] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4683. Л. 61.
[21] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4685. Л. 6.
[22] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4687. Л. 10.
[23] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4678. Л. 10.

2–3, редко 3–4 десятины; большею частью эти покосы плохие или потравлены» [24].

Со временем ситуация лишь ухудшалась, к августу большинство покосов стражи было изъято и в южных лесничествах округа [25]. Из-за недостатка покосов, весенней засухи, многочисленных потрав цены на сено оказались чрезвычайно взвинчены. Стоимость одной копны сена достигала пяти руб., а лошади необходимо было в месяц около восьми копен [26]. Данные обстоятельства позволили заключить одному из лесничих, что служащим «грозит сенной голод» [27]. Управление округа не располагало средствами для обеспечения служащих деньгами на его покупку, поэтому покосы для стражи и лесничего оно предлагало требовать у местных комитетов [28]. Комитеты же предпочитали игнорировать обращения служащих, а в иных случаях сами санкционировали изъятие земельных наделов. Чины лесной стражи оказались в тяжелом положении, когда просьбы о помощи игнорировались, условия службы становились невыносимыми, но решения вышестоящих органов округа обязывали ее продолжать.

Отсутствие покосов усугублялось неимением средств на их аренду и покупку сена у местного населения. В петиции, отправленной в исполком Томского губернского народного собрания служащими Сузунского лесничества, было отмечено, что за время войны, несмотря на общее повышение цен на продукты первой необходимости в среднем на 400 %, содержание лесной стражи было увеличено только на 50 %, а администрации – на 25 % [29]. Деньги, полученные лесными служащими от населения за пользование земельно-лесными ресурсами округа, как правило, изымались местным населением с санкции или без со стороны местных комитетов. В данных условиях единственное, что могло «порадовать» служащих округа, было то, что изъятые населением казенные деньги, как правило, не удерживались у них из жалованья [30], иначе они были бы вынуждены работать в долг. Но желающих поступать на службу это не добавляло. Коростелевский лесничий в рапорте Управлению округа от 11 июля 1917 г. сообщал, что, несмотря на наличие вакансий, желающих поступать на должности

[24] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 540. Л. 114.
[25] Там же. Л. 129 об. – 130 об.
[26] Там же. Л. 129.
[27] Там же.
[28] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4686. Л. 32 об.
[29] ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 13. Л. 36 об.
[30] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4700. Л. 20.

лесной стражи нет [31]. Их отсутствие вынуждало держать на службе лиц, не соответствующих всем должностным требованиям. Барнаульский лесничий в рапорте начальнику Алтайского округа сообщал, что не может позволить себе увольнение пьянствующего объездчика, потому что он наблюдал одновременно за тремя объездами [32].

Регулярные конфликты с местным населением, отсутствие необходимой финансовой поддержки со стороны Управления округа, зависимость от местных комитетов, нескончаемые потоки угроз и брани в адрес служащих делали службу объездчиком крайне непривлекательной. Учитывая перечисленные обстоятельства, неудивительно, что обострение конфликта с населением лесная стража объясняла своей малообеспеченностью в жалованьи [33]. Возможно, таким образом лесные чины хотели обратить внимание на материальную сторону служебного вопроса: рачительное ведение хозяйства было невозможно без должной финансовой поддержки. Павловский лесничий С. Чернов в письме в Алтайский губземком характеризовал неустойчивое положение лесной стражи в условиях наличия старых и новых органов власти так: «Откровенно скажу, стража не знает, кого слушать, а пить и есть каждому нужно» [34].

Согласно протоколу заседания Боровского волостного земельного комитета от 9/11 сентября 1917 г. для того, «чтобы человек был сыт, обут, одет и прожил безбедно, то ему в данное время необходимо в год 525 рублей» [35]. То есть около 44 руб. в месяц. В августе 1917 г. в Барнаульском лесничестве месячный оклад объездчика составлял 30 руб. и желающих поступать на службу не находилось [36]. При этом члены Боровского земельного комитета в постановлении от 6 августа 1917 г. запрашивали для себя жалованье в размере 75 руб. на человека [37]. Объездчики Барнаульского лесничества даже подавали коллективное заявление о необходимости увеличения размера месячного содержания, но оно не было удовлетворено, и из 35 объездчиков восемь покинули службу [38]. Согласно ценам, установленным на 25 августа 1917 г. продовольственным комитетом, пуд сахарного песка стоил 10 руб., пуд мяса – 18 руб., пуд пшена – четыре руб., пуд пшеничной муки – два руб. 35 к.,

[31] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4718. Л. 25.
[32] Там же. Д. 4683. Л. 74–74 об.
[33] ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 5. Л. 46 об.
[34] Там же. Л. 78 об.
[35] ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 12. Л. 8 об.
[36] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4683. Л. 65.
[37] ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.
[38] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4683. Л. 65.

пуд сушек – семь руб. 20 к., пуд гороха – четыре руб. 80 к., пуд свежеиспеченного хлеба – три рубля [39]. Учитывая специфику работы лесной стражи, желательность наличия лошади и, как следствие, наличия средств на ее содержание, установленное жалованье не могло удовлетворять всех их потребностей в сложившихся обстоятельствах. Но нельзя обвинять в скупости и Управление округа: у него просто отсутствовали средства. После революционных событий финансовое положение округа стало критичным. Доходы с мест практически не поступали, а в отдельных случаях Управление округа даже становилось «должником», исходя из требований населения выдачи жалованья для выборных объездчиков, членов сельских комитетов, или требований платы за ликвидацию пожаров (за ликвидацию пожара в Соколовском лесничестве местное население требовало у Управления округа более 3000 руб. [40]). Арендные доходы (в неполном размере, отдельные статьи вообще игнорировались, в частности – за выпас скота) начали относительно стабильно поступать лишь в последнем квартале 1917 г., проблема массовых порубок леса оставалась актуальной и в 1918 г.

К концу 1917 г. положение лесных служащих округа лишь ухудшалось. В циркуляре начальника Алтайского округа лесничим от 18 ноября 1917 г., говорилось, что кандидат в объездчики, помимо соответствия профессиональным требованиям («быть непорочным по суду гражданином и вполне честным», «быть вполне здоровым и способным нести подвижную службу объездчика»), должен отказаться от занятий хлебопашеством [41]. Это обстоятельство делало службу объездчиком еще более непривлекательной, ведь при условии маленького жалованья служащие не имели права даже содержать собственное хозяйство, которое могло бы прокормить их.

Таким образом, лесная стража Алтайского округа после событий Февральской революции оказалась в тяжелом материальном положении. Малое жалованье, непрестижность службы, ненормированный график и высокие профессиональные требования, разгромы большинства кордонов, зависимость от населения, ликвидация служебных наделов, повышение цен на продукты первой необходимости и пр. делали службу объездчиком невыгодной во всех отношениях, а в финансовом – просто убыточной. Данная тенденция прослеживалась еще с 1916 г., когда взаимоотношения лесной стражи и населения еще не были обост-

[39] Жизнь Алтая. 1917. 26 августа. С. 4.
[40] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 540. Л. 97 об.
[41] ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 1.

рены, но финансовый аспект службы объездчиков способствовал текучке кадров. Поэтому после событий Февраля 1917 г. члены лесной стражи в Алтайском округе покидали службу при первой возможности, объясняя это обострением отношений с населением, невозможностью несения службы. Всячески способствовал принятию решения об уходе со службы вопрос материального положения, оказавшийся наиболее критичным в условиях инфляции и нестабильной политической обстановки.

Библиография

Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1987. 241 с.

Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. 264 с.

Иванцова Н.Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М., 1990. 167 с.

Косых Е.Н. Инфляция и жизненный уровень сибиряков в революционном 1917 г. // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. Томск, 2008. С. 107–112.

Тяпкин М.О. Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX – начале XX в. Барнаул, 2006. 225 с.

Тяпкин М.О., Поляков С.Е. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908–1919 гг. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2003. С. 166–193.

Д.Ю. Хоменко

Красноярский медицинский техникум
Красноярский государственный университет им. В.П. Астафьева

«Союз сибирских инородцев»: хакасы и Первая русская революция [*]

В статье рассматривается участие хакасов в событиях Первой русской революции. Установлено, что оно было ограничено разработкой земского проекта и созданием первой хакасской общественной организации – «Союза сибирских инородцев». Основной идеей земского проекта стало сохранение национальной идентичности. Такие же цели преследовало и создание «Союза …». Революционные события затронули только верхушку хакасского общества. Автор утверждает, что представитель сибирской буржуазии И.П. Кузнецов (Красноярский) сыграл организационную роль в хакасском движении, а представитель сибирской интеллигенции А.А. Ярилов заменил слабую национальную хакасскую интеллигенцию в деле формулирования национальных требований.

Ключевые слова: Первая русская революция, хакасы, Минусинский уезд, А.А. Ярилов, И.П. Кузнецов-Красноярский, национальная идентичность, «Союз сибирских инородцев».

Одной из особенностей Первой русской революции 1905–1907 гг. в Сибири было участие в революционном движении коренных народов. Конечно, размах национального движения был крайне незначительным на фоне рабочего и крестьянского движений. Из народов Енисейской губернии национальное движение коснулось только хакасов. Оно нашло выражение в проведении 1–2 ноября 1905 г. Аскизского инородческого схода и в создании «Союза сибирских инородцев». Несмотря на то, что эти события получили освещение как в дореволюционной [1], так в советской [2] и современной [3] историографии,

[*] Исследование выполнено при поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках участия в мероприятии: «II Всероссийская молодежная научная школа-конференция “Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых”».

[1] *Лаппо Д.Е.* Степное земское положение: проект земских учреждений, принятый Аскизским инородческим съездом 1–2 ноября 1905 года и Иркутским бурятским съездом 22–24 августа 1905 года. Красноярск, 1907. 98 с.

[2] *Мешалкин П.Н., Шейнфельд М.Б.* Революционное движение на юге Енисейской губернии в 1905–1907 гг. // Вопросы истории Хакасии. Абакан, 1977. С. 18–35.

[3] Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан, 2008. 671 с.

открытым остается вопрос об авторстве идеи создания «Союза сибирских инородцев» (первой хакасской общественной организации). Оценки, дававшиеся программе, принятой на Аскизском сходе, требуют уточнения. Наконец, авторы отмечали участие в хакасском национальном движении русских акторов (А.А. Ярилова и И.П. Кузнецова-Красноярского), однако оценка их роли и степени влияния на хакасское движение не давалась. Поэтому целью исследования является рассмотрение участия хакасов в Первой русской революции, а именно: выявление форм участия, оценка программных документов, сравнение с революционным движением у других коренных народов Сибири, а также оценка роли русских акторов в хакасском национальном движении. Впервые вводимые в научный оборот архивные материалы позволяют частично ответить на указанные вопросы.

В годы Первой русской революции наиболее активное участие коренные народы Восточной Сибири приняли в кампании по обсуждению и выработке проектов земских учреждений на территории Сибири. Кампания была инициирована рескриптом Николая II Иркутскому генерал-губернатору от 3 апреля 1905 года. 20–26 августа 1905 г. проходил съезд бурят Иркутской губернии, который выработал проект организации земского «инородческого» самоуправления [4]. В Якутской области первоначальным центром обсуждения земской реформы стало Якутское сельскохозяйственное общество. После публикации Манифеста 17 октября 1905 г. представители якутской интеллигенции выработали проект на основе бурятского [5].

Хакасское национальное движение в 1905 г. также было связано с обсуждением вопроса об организации земских учреждений в Сибири. С этой целью 1–2 ноября 1905 г. в с. Аскиз был созван сход. В нем участвовали родовые старосты и доверенные от Аскизской инородной управы, а также голова Абаканской инородной управы и пять «почетных инородцев». Кроме хакасов, на съезде присутствовали представитель сибирской интеллигенции – Арсений Арсеньевич Ярилов, директор Минусинского музея, и представитель сибирской буржуазии – потомственный почетный гражданин, представитель известной в губернии купеческой династии, золотопромышленник и одновременно известный исследователь «минусинских древностей» Иннокентий Петрович Кузнецов. Последний был избран председателем схода [6]. Сход

[4] *Шиловский М.В.* Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. С. 81.

[5] Там же. С. 208.

[6] *Лапло Д.Е.* Степное земское положение… С. 17.

обсудил бурятский проект введения земских учреждений и, внеся некоторые изменения и дополнения, принял его в качестве собственного проекта. Известный в губернии юрист, мировой судья, деятель кадетской партии Дмитрий Евдокимович Лаппо опубликовал в 1907 г. принятый на сходе проект земских учреждений с собственными комментариями.

Проект предполагал учреждение «мелких земских единиц – участков». Предполагалось, что «будущий инородческий земский участок не должен подчиняться и зависеть от уездного земства, а должен быть в непосредственных сношениях с земством губернским». Участники Аскизского схода мотивировали необходимость такой единицы следующим: «Инородческое население… ничем не гарантировано от произвола и насилий со стороны преобладающего в уезде русского элемента… нельзя питать надежды на то, что и при введении земской реформы уездное русское земство не будет оказывать нежелательное давление на мелкое инородческое земство» [7].

На сходе была заявлена идея квотирования мест для представителей от «инородческого» населения Сибири в представительных органах власти, а именно: по два гласных от каждой мелкой земской единицы в губернских земствах и один депутат Государственной Думы от всего хакасского населения [8].

Давая общую оценку Аскизскому проекту, Д.Е. Лаппо справедливо отмечал, что хакасы стремились оградиться от русского населения, защитить собственную национальную идентичность. Вместе с тем в «мелкой земской единице» Д.Е. Лаппо видел исключительно сословную замкнутость, желание сохранить архаичные родовые отношения, которые были выгодны хакасской верхушке: «На собраниях родовичей решения принимаются под влиянием и в интересах богачей» [9]. Вслед за Д.Е. Лаппо, М.Б. Шейнфельд и П.Н. Мешалкин считали, что «земский проект Аскизского схода был не демократичен, он консервировал многие патриархально-феодальные пережитки» [10].

Думается, что исследователи недооценили демократический потенциал Аскизского проекта. Во-первых, проект предполагал введение всеобщего избирательного права при выборе земских учреждений: ст. 32 указывала, что правом участия в выборах гласных инородческого схода пользуются: все инородцы данного ведомства, достигшие совер-

[7] Там же. С. 19–20.

[8] Там же. С. 32, 88–89.

[9] Там же. С. 96.

[10] *Мешалкин П.Н., Шейнфельд М.Б.* Революционное движение на юге Енисейской губернии… С. 35.

шеннолетия (21 года) [11]. Во-вторых, Аскизский сход постановил необходимость введения обязательного бесплатного обучения всех детей школьного возраста [12].

Что же касается консервации патриархально-феодальных пережитков и организации «мелкой земской единицы» в виде сословно-замкнутой структуры, то это было связано с желанием хакасов укрепить свою этническую идентичность. Принадлежность к сословию «кочевых инородцев» в начале XX в. рассматривалась коренными народами юга Сибири как необходимый этнический маркер, отличавший их от русского населения: «инородческие» сословные права трансформировались в сознании коренных народов Сибири в права национальные [13]. Именно поэтому через несколько лет после Первой русской революции хакасы Кызыльской инородной управы Ачинского уезда на протяжении полутора лет (1912–1913 гг.) отказывались признавать решение Общего присутствия Енисейского губернского управления о переводе всех кочевых «инородцев» в разряд оседлых [14]. Поэтому сохранение сословной замкнутости следует воспринимать не как самоцель, а как средство сохранения идентичности.

Представляет интерес участие в сходе упомянутых выше А.А. Ярилова и И.П. Кузнецова (Красноярского). Оба они оказались не случайно на данном мероприятии. И.П. Кузнецов был почетным блюстителем Аскизского инородческого училища [15]. Это училище было построено его отцом, П.И. Кузнецовым, в 1868 году [16]. И.П. Кузнецов наверняка имел деловые контакты с нарождавшейся из числа знатных родов хакасской буржуазией («почтенными инородцами»). Кроме того, он был крупным исследователем-краеведом, не понаслышке знавшим хакасскую культуру. Точных све-

[11] *Лаппо Д.Е.* Степное земское положение… С. 37–38.

[12] Там же. С. 87.

[13] *Шерстова Л.И.* Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 226.

[14] Подробнее см.: *Хоменко Д.Ю.* Землеустроительная реформа у хакасов Енисейской губернии в начале XX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов II Всероссийской молодежной научной конференции. Новосибирск, 2012. С. 155–162.

[15] *Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М.* И.П. Кузнецов-Красноярский – историк и музеевед // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 157.

[16] Подробнее см.: *Хоменко Д.Ю.* Особенности становления национальных учебных заведений в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Социокультурное освоение Сибири: Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2014. С. 182–185.

дений, почему именно И.П. Кузнецову была оказана честь выступить председателем схода, нет.

А.А. Ярилов был уроженцем Минусинского округа [17]. Еще в детстве он близко познакомился с хакасской культурой. В 1897 г. он принимал участие в экспедиции по изучению «инородческого» хозяйства, где мог наглядно познакомиться с положением и нуждами хакасского населения. 1905 г. А.А. Ярилов встретил в качестве директора Минусинского музея. Следует отметить, что А.А. Ярилов и И.П. Кузнецов находились в состоянии свойства: брат И.П. Кузнецова, Александр Петрович, был отцом жены Ярилова, Александры Александровны. Могут возникнуть законные сомнения: не являлось ли «национальное движение» хакасов результатом своеобразного «семейного подряда»? Ниже попробуем ответить на этот вопрос.

Какова была цель участия А.А. Ярилова в Аскизском сходе? В 1907 г. в Минусинском музее разнорабочий Д.Р. Попов обнаружил бумаги, среди которых был черновик письма А.А. Ярилова неизвестному адресату, датированный 18 января 1906 года [18]. В нем автор указывает, что он «получил приглашение в одну из Инородческих управ на сход (или вернее съезд, так как он объединял представителей 2-х управ) на обсуждение вопроса о введении земства. Целых три дня провел я с ними в разговорах… От земства перешли и к конституции». Далее А.А. Ярилов указывает, что ему «удалось уговорить» хакасов «образовать “Союз сибирских инородцев” с политическим налетом (требование: всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права)». Впоследствии хакасы поручили А.А. Ярилову составить «“записку о земле”, устав “Союза” и опросник для составления кодекса обычного права» [19].

Данный источник может вызывать законные сомнения: письмо А.А. Ярилова сохранилось только в машинописной копии, сделанной Минусинским уездным исправником. Обстоятельства обнаружения этих бумаг наводят на мысль о возможности фальсификации. Однако факты, указанные в письме А.А. Ярилова (его участие в Аскизском сходе и в создании «Союза сибирских инородцев») были известны и без этого письма, почему данный источник вызывает доверие исследователя.

---

[17] Подробнее биографию А.А. Ярилова см.: *Ярилова Л.С., Лыткина Е.И.* Жизнь и деятельность А.А. Ярилова в Сибири // Жизнь и деятельность А.А. Ярилова в Сибири. Материалы научной конференции 23–24 июня 2005 г., Абакан и Минусинск. Абакан, 2005. С. 21–49.

[18] Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 827. Оп. 1. Д. 1686. Л. 63.

[19] Там же. Л. 66 об. – 67.

О деятельности «Союза сибирских инородцев» известно немногое. В № 8 газеты «Голос Сибири» от 7 декабря 1905 г. было помещено объявление о создании «Союза…» «по почину нескольких инородцев» и «на основании манифеста 17 октября». Учредителями «Союза…» выступили Н.Т. Спирин, С.С. Поросенов, И.Г. Картин, Е.А. Топанов, Н.И. Окунев – известные в уезде зажиточные хакасы (баи), Н.И. Иссарцев – письмоводитель Абаканской инородной управы (принадлежал к сословию мещан – вероятно, русский по национальности) и А.А. Ярилов. Было указано, что в его состав вошли «50 качинских инородцев, и в степи уже образовались две самостоятельные группы союза» [20]. В этом же объявлении помещалась и программа «Союза…». Минусинская типография В.В. Федорова выпустила данное объявление отдельной листовкой тиражом в 1000 экземпляров, один из которых сохранился в Государственном архиве Красноярского края.

Программа союза предусматривала как просветительские цели, так и политические требования. К области просвещения относились: «2. Выяснение и освещение всех нужд сибирских инородцев; 3. Совместная защита и отстаивание инородческих интересов…; 5. Распространение правильных сведений о сибирских инородческих племенах; 6. Содействие всеми мерами улучшению быта и усовершенствованию хозяйства…; 7. Содействие распространению просвещения, развитию общего и профессионального образования у инородцев». Политические требования «Союза…» заключались в квотировании «хотя бы одного общего» депутата Государственной думы от всех «инородцев» Сибири и в требовании «всеобщего, равного, прямого и тайного голосования как единственно обеспечивающего инородцам надлежащую защиту их интересов» [21]. Следует согласиться с устоявшейся в исторической науке точкой зрения на программу «Союза» как либеральную [22].

Кто выступил автором данной программы? Судя по черновику письма А.А. Ярилова, создание «Союза…» было его идеей, и логично предположить, что ему принадлежит авторство программы. Вероятно, программа «Союза…» обсуждалась на Аскизском съезде, откуда в программу перекочевала идея квотирования депутатского места.

Кроме программы, А.А. Ярилов в № 9 газеты «Голос Сибири» от 9 декабря 1905 г. опубликовал статью «Гражданская полноправность минусинских инородцев». Как и программа «Союза…», статья была выпущена

[20] Голос Сибири. 1905. 7 декабря. С. 2.

[21] ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 4550. Л. 7.

[22] *Мешалкин П.Н., Шейнфельд М.Б.* Революционное движение на юге Енисейской губернии… С. 34; Очерки истории Хакасии… С. 302.

в виде листовки. В ней А.А. Ярилов отстаивал идею права «минусинских инородцев» на самоопределение в составе русского государства, залогом которого явилось бы «твердое установление находящихся в их пользовании земель», право на которые они заслужили «путем вложенного в землю в течении 4000 лет труда, путем вековой работы над расширением культурной площади ее» [23].

Одному из учредителей, Никите Ивановичу Окуневу, удалось избраться в качестве выборщика депутатов в Государственную думу [24]. В 1907 г. начались преследования учредителей «Союза…». 17 августа 1907 г. Минусинский уездный исправник провел обыск у Н.И. Окунева, который успел скрыться. В ходе обыска «ничего противоправительственного не найдено» [25]. Решением Енисейского губернского жандармского управления дальнейшее следствие было прекращено за отсутствием доказательств [26].

Никита Иванович Иссарцев в июле 1907 г. решением Минусинского уездного исправника был арестован на две недели за принадлежность «к противоправительственному сообществу». Это выражалось в его знакомстве «с лицами политически неблагонадежными», переписке «с известным революционным деятелем Яриловым» и в жертвовании денег «в пользу семейств, павших за народную свободу» [27]. В сентябре того же года Н.И. Иссарцеву было запрещено проживание в пределах Иркутского генерал-губернаторства [28].

А.А. Ярилов был вынужден в 1907 г. эмигрировать за границу, а перед этим полтора месяца он провел в тайге горного Алатау в составе приисковой партии золотопромышленника Иваницкого [29].

Следует полагать, что участие хакасов в Первой русской революции ограничилось Аскизским сходом и созданием «Союза сибирских инородцев». Так, в постановлении Минусинского уездного исправника от 9 февраля 1907 г. перечисляются 112 заподозренных в революционной деятельности жителей уезда, однако в этом списке нет ни одного «инородца»:

---

[23] *Ярилов А.А.* Гражданская полноправность Минусинских инородцев. Минусинск, 1906. С. 2.

[24] *Мешалкин П.Н., Шейнфельд М.Б.* Революционное движение на юге Енисейской губернии… С. 35.

[25] ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 4550. Л. 2 об.

[26] Там же. Л. 1.

[27] ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 4622. Л. 2–2 об.

[28] Там же. Л. 9.

[29] *Ярилова Л.С., Лыткина Е.И.* Жизнь и деятельность А.А. Ярилова в Сибири… С. 39.

крестьяне, реже мещане, купцы, поселенцы [30]. В «Обзоре революционного движения за 1906 г.» не обнаружено ни одного факта участия «инородцев» в революционном движении либо агитации среди коренного населения губернии [31].

Итак, следует оценить роль сибирской интеллигенции в лице А.А. Ярилова в становлении хакасского самосознания. В упомянутом письме А.А. Ярилов утверждает, что он был приглашен на Аскизский сход. Судя по всему, в работе схода А.А. Ярилов принял не самое активное участие – во всяком случае, проект земских учреждений участники схода предпочли не вырабатывать самостоятельно, а приняли с дополнениями бурятский проект, автором которого Д.Е. Лаппо называет Михаила Николаевича Богданова [32]. Кто стал инициатором Аскизского схода? Хакасские баи или И.П. Кузнецов? Вероятно, этот вопрос не имеет принципиального значения: идея включиться в кампанию по подготовке земского положения путем созыва схода явно была позаимствована у бурятов вместе с проектом положения. Избрание же И.П. Кузнецова, вероятно, имело целью возложить на него организаторские функции. Возможно, представители хакасской буржуазии надеялись, что губернское начальство отнесется к их действиям более благосклонно, если председателем будет представитель известной в губернии купеческой династии.

В указанном письме А.А. Ярилов называет себя главным инициатором и учредителем первой хакасской общественной организации «Союз сибирских инородцев». В связи с этим интересны показания «инородца» М.П. Киштиева, данные им в связи со следствием по делу Н.И. Окунева. М.П. Киштиев показал, что «года два назад, когда Окунев был головой управы, на инородческий управской сход приезжал из Минусинска какой-то Ярилов, предлагал инородцам подписать какую-то бумагу и высказывался, что он старается для пользы инородцев» [33]. «Какая-то бумага», вероятно, протокол или иной учредительный документ «Союза…». Как было показано выше, программа «Союза…» – результат творчества А.А. Ярилова. Однако можно ли на этом основании полагать, что национальное движение хакасов в годы Первой русской революции – результат «семейного подряда» Кузнецовых-Яриловых? Вряд ли. Конечно, в 1905 г. национальное движение захватило только верхушку хакасского

[30] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 245. Оп. 3. Д. 523. Л. 28–34.

[31] ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 51.

[32] *Лаппо Д.Е.* Степное земское положение… С. 8.

[33] ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 4550. Л. 11 об.

общества – администрацию (например, Н.И. Окунева), хакасскую буржуазию.

Думается, что А.А. Ярилов заменил на данном этапе становления хакасского национального самосознания национальную хакасскую интеллигенцию. Среди хакасов было не так много грамотных людей, еще меньше – с гимназическим и тем более с университетским образованием. А.А. Ярилов сформулировал требования хакасского населения в виде программы «Союза…» и статьи «Гражданская полноправность…». Интересно, что если форма национального движения в виде сходов и участия в земской кампании была предложена бурятами (прежде всего, автором земского проекта, представителем бурятской интеллигенции М.Н. Богдановым), то идея создания общественной организации для защиты прав коренных народов Сибири, вероятно, впервые была предложена (и реализована) А.А. Яриловым. Так, аналогичная организация у якутов появилась в начале 1906 г. «Союз якутов» был образован инициативной группой якутской интеллигенции во главе с В.В. Никифоровым 4 января 1906 г. Но уже в ночь на 19 января начались аресты членов организации [34].

Таким образом, в годы Первой русской революции имело место национальное движение хакасов, затронувшее, однако, только верхушку хакасского населения. Оно выразилось в созыве Аскизского схода и создании «Союза сибирских инородцев». Если сход в рамках земской кампании был созван по примеру бурятских съездов, то идея создания общественной национальной организации была оригинальной. Основной целью национального движения хакасов было сохранение национальной идентичности и национального представительства в органах власти. И.П. Кузнецов сыграл организационную роль, а А.А. Ярилов заменил хакасскую национальную интеллигенцию на данном этапе становления национального самосознания.

Библиография

Лапло Д.Е. Степное земское положение: проект земских учреждений, принятый Аскизским инородческим съездом 1–2 ноября 1905 года и Иркутским бурятским съездом 22–24 августа 1905 года. Красноярск, 1907. 98 с.

Мешалкин П.Н., Шейнфельд М.Б. Революционное движение на юге Енисейской губернии в 1905–1907 гг. // Вопросы истории Хакасии. Абакан, 1977. С. 18–35.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан, 2008. 671 с.

[34] *Шиловский М.В.* Первая русская революция… С. 259–261.

Хоменко Д.Ю. Землеустроительная реформа у хакасов Енисейской губернии в начале XX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов II Всероссийской молодежной научной конференции. Новосибирск, 2012. С. 155–162.

Хоменко Д.Ю. Особенности становления национальных учебных заведений в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Социокультурное освоение Сибири: Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2014. С. 182–185.

Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М. И.П. Кузнецов-Красноярский – историк и музеевед // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 157–163.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005. 312 с.

Шиловский М.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. 320 с.

Ярилов А.А. Гражданская полноправность Минусинских инородцев. Минусинск, 1906. 2 с.

Ярилова Л.С., Лыткина Е.И. Жизнь и деятельность А.А. Ярилова в Сибири // Жизнь и деятельность А.А. Ярилова в Сибири. Материалы научной конференции 23–24 июня 2005 г., гг. Абакан и Минусинск. Абакан, 2005. С. 21–49.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ 1917–1941 ГГ.

В.В. Расколец

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Организация географического отдела в составе Института исследования Сибири (октябрь 1917 – июль 1919 г.)

На основе широкого круга источников реконструирована история организации географического отдела в составе Института исследования Сибири в 1917–1919 гг. В контексте истории основания Института рассмотрен процесс организации отделов геофизики, геодезии и гидрологии. Прослежен начальный этап деятельности этих отделов, завершившийся их слиянием в единый географический отдел. Сделан вывод о том, что учреждение географического отдела знаменовало собой новый этап в изучении географии Сибири.

Ключевые слова: гражданская война, Институт исследования Сибири, гидрология, геодезия, геофизика, Б.П. Вейнберг, В.Б. Шостакович, Российское правительство А.В. Колчака.

История Института исследования Сибири (ИИС) – важная тема, без изучения которой немыслимо исследование науки периода гражданской войны. ИИС был не просто воплощением мечты областников о просвещенной Сибири, но и являлся новой для того времени, передовой формой организации науки. Сюжетом, заслуживающим особого внимания, является организация и деятельность отдела географии ИИС. Его изучение поможет оценить научный потенциал Сибири в области геодезии, геофизики и гидрологии и выяснить, какие задачи стояли перед учеными того времени и какие пути были намечены для их решения.

В советское время изучению ИИС, учрежденному при антибольшевистском Российском правительстве А.В. Колчака, уделялось незаслуженно мало внимания. Даже в монографии В.Л. Соскина «Очерки истории культуры Сибири в годы революции и Гражданской войны» институту посвящено всего несколько страниц [1]. Причем автор сосредоточил внимание на идейно-политическом облике ИИС, назвав его изолированным от революционной общественности центром интеллигентных сил, лояльных колчаковской власти [2]. В период перестройки В.Л. Соскин подробнее рассмотрел процесс организации ИИС, но сделал слабо подкрепленный фактами вывод о несовместимости интересов науки с «реакционным режимом

[1] См.: *Соскин В.Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и Гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 г.). Новосибирск, 1965. 281 с.

[2] Там же. С. 122.

А.В. Колчака» [3]. Без ответа остался вопрос, почему правительство А.В. Колчака старалось финансировать ИИС, а Советская власть, якобы действовавшая в интересах сибирской науки, напротив, распустила его.

В начале 2000-х годов интерес к ИИС выразился в публикации В.И. Слуцким ряда научно-популярных статей, посвященных изучению метеорологии в ИИС [4]. Однако фундамент полноценного научного исследования истории Института был заложен коллективом томских исследователей во главе с С.Ф. Фоминых. В 2008 г. ими были опубликованы журналы заседаний совета ИИС. В сопровождающей документальную публикацию статье изложена история института от идеи его основания до закрытия Советской властью, дан обзор состава и деятельности совета и всех отделов ИИС, а также рассмотрены взаимоотношения института с другими научными организациями [5]. Затем С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.А. Грибовский, С.А. Меркулов, И.А. Дунбинский, Н.Н. Кузнецова и В.В. Расколец углубились в изучение Средне-Сибирского отделения, отделов, бюро, комиссий и экспедиций ИИС [6]. Однако

---

[3] *Соскин В.Л.* Из истории координации научных исследований в Сибири (конец XIX в. – 1919 г.) // Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск, 1988. С. 84–104.

[4] *Слуцкий В.И.* Институт исследования Сибири в Томске (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2003. Приложение № 3 (IV). С. 220–224; *Он же*. Колчаковская академия наук // Персона (Томск). 2004. № 1. С. 50–54.

[5] *Некрылов С.А., Фоминых, С.Ф., Маркевич Н.Г., Меркулов С.А*. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). Томск, 2008. 264 с.

[6] *Кузнецова Н.Н.* Подготовка съезда по организации Института исследования Сибири (октябрь 1917 – середина января 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 97–100; *Дунбинский И.А.* Институт исследования Сибири и подготовка исследователей // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2012. № 4 (20). С. 54–56; *Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А.* и др. Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 77–81; *Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Дунбинский И.А.* Сибирская бальнеология и Институт исследования Сибири (1919–1920 гг.) // Сибирский медицинский журнал. 2012. Т. 27. № 2. С. 173–175; *Грибовский М.В., Фоминых С.Ф., Некрылов С.А*. Библиографическое бюро и библиотечная комиссия Института исследования Сибири (1919–1920 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 5 (25). С. 145–151; *Расколец В.В.* Экспедиции Д.Ф. Котельникова и В.В. Сапожникова в Обскую губу (1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 117–124; *Он же*. Состав участников съезда по организации Института исследования Сибири в Томске // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 122–127; *Он же*. Положение об Институте исследования Сибири: от первых проектов до утверждения (ноябрь 1917 – октябрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 114–123; и др.

не изученными в достаточной мере остались естественно-исторический, статистико-экономический и географический отделы. Специального исследования требует проблема взаимотношений ИИС и Советской власти, а также изучение состава сотрудников Института в целом.

Цель данной статьи – реконструировать начальный этап истории географического отдела ИИС. При этом учреждение географического отдела будет рассматриваться в контексте становления ИИС как уникального феномена организации науки в Сибири в годы гражданской войны.

В 1910 г. при Томском обществе изучения Сибири была сформирована комиссия, в состав которой входили такие известные ученые, как Б.П. Вейнберг, Г.К. Тюменцев, А.В. Игнатьев, В.Д. Дудецкий и Г.Н. Потанин. По предложению Б.П. Вейнберга комиссия решила принять участие в Первом областном метеорологическом съезде и поставить на повестку дня вопрос о создании Института по изучению Сибири [7].

Съезд проходил в Иркутске с 26 по 30 октября 1917 г. Его участники пришли к выводу о желательности создания учреждения, которое занималось бы систематизацией уже добытых знаний, а в перспективе – координацией исследований в масштабах всей Сибири. Юридически эта идея была оформлена Временным положением об ИИС [8].

Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война отложили претворение в жизнь намеченных планов. Только после установления в ноябре 1918 г. диктатуры адмирала А.В. Колчака началась подготовка к созыву съезда по организации ИИС в Томске. Этот съезд должен был стать «смотром» научных сил Сибири, поскольку здесь ведущие ученые планировали обсудить ключевые проблемы в самых разных отраслях науки.

Съезд по организации ИИС открылся 15 января 1919 г. Его работа велась на общих и секционных заседаниях.

Секция геодезии и геофизики являлась самой крупной как по количеству участников (61 из 240), так и по количеству докладов (15 из 71). Ее представляли основатели ИИС − председатель съезда по организации ИИС, профессор Томского технологического института (ТТИ) Б.П. Вейнберг и директор Иркутской метеорологической обсерватории В.Б. Шостакович. Активными участниками секции были младший лаборант ТТИ В.Д. Дудецкий, директор департамента маяков и лоций полковник Д.Ф. Котельников, инженер А.Н. Лагутин, приват-доцент Томского университета по кафедре металлофизики В.Д. Кузнецов, заведующий кафедрой внутренних водных путей

[7] *Слуцкий В.И.* Колчаковская академия наук… С. 51.

[8] Труды первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске 26–30 октября 1917 года. Благовещенск, 1919. С. 294–296.

ТТИ М.А. Великанов, ординарный профессор по кафедре геодезии и маркшейдерского искусства ТТИ В.И. Бауман и другие [9]. Вечером 16 января был избран президиум в составе председателя В.Б. Шостаковича, товарищей председателя В.И. Баумана и В.Д. Дудецкого, секретарей Л.Л. Бутакова и В.А. Семенцова.

Всего состоялось шесть заседаний секции. Проблемам геофизики Сибири были посвящены доклады Б.П. Вейнберга, В.Б. Шостаковича, В.Д. Дудецкого и С.В. Шперлинга.

Профессор Б.П. Вейнберг начал свое выступление с демонстрации карты Сибири, на которую были нанесены данные о произведенных магнитных исследованиях. «Хорошо» исследованными оказались лишь 6 % территории, «средне» – 5 %, «плохо» – 3 %. По мнению Б.П. Вейнберга, ситуацию нужно было в корне изменить. Во-первых, полагал он, следовало детально изучить все произведенные ранее исследования в области магнетизма, чтобы не повторять уже изученного. Во-вторых, необходимо было взять за правило включение магнитной съемки в каждую экспедицию. В-третьих, к исследованиям необходимо было привлечь студентов, которые, как правило, «с большой охотой соглашаются произвести магнитные определения на пути домой» [10]. В итоге количество специальных магнитных экспедиций, по мысли Б.П. Вейнберга, можно было бы свести к минимуму, сократив тем самым денежные расходы.

Другие докладчики озвучили менее масштабные задачи. В.Б. Шостакович доказал необходимость продолжения работы Иркутской обсерватории по обобщению климатологических данных, накопленных за долгие десятилетия наблюдений на территории Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. В.Д. Дудецкий поднял вопрос о необходимости учреждения новых метеорологических станций в Томской и Алтайской губерниях, а также об открытии в Томске метеорологического бюро, которое могло бы охватить всю Западную Сибирь [11]. С.В. Шперлинг указал на необходимость публикации ценных климатологических данных по Западной Сибири и атласа к ним, подготовленных Г.К. Тюменцевым.

О геодезических исследованиях Сибири докладывали И.Д. Андросов и Д.Ф. Котельников. Первый из них указывал на проблемы вопиющей несогласованности съемочных работ различных ведомств, непроизводительно

[9] Профессора Томского политехнического университета: Биографический справочник. Т. 1 / Авт.-сост. А.В. Гагарин. Томск, 2000. С. 25–28, 50–56.

[10] Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 2. С. 34.

[11] Там же. С. 13.

потраченных ресурсов [12], отсутствия на картах, кроме карт военного ведомства, изображения рельефа. Выходом из этой ситуации могло быть, по мнению И.Д. Андросова, создание геодезического института. На первых порах он предлагал открыть геодезический отдел, который занялся бы сбором и систематизацией съемочного материала, планированием и самостоятельным выполнением наиболее важных съемочно-геодезических работ, изданием географических и топографических карт.

О необходимости изучения Северного морского пути говорил Д.Ф. Котельников. Он отметил целесообразность использования северных морей для установления дополнительных морских коммуникаций со странами Антанты, вывоза сырья за границу и ввоза товаров в Сибирь. Полковник выдвинул программу масштабного гидрографического исследования с установкой вдоль Северного морского пути сети радиостанций и морских предостерегающих знаков [13].

Доклады, посвященные проблемам гидрологии Сибири, были сделаны А.Н. Лагутиным и М.А. Великановым. А.Н. Лагутин познакомил делегатов с состоянием изучения сибирских рек – Лены, Вилюя, Алдана, Витима и др. В качестве главной задачи докладчик выдвинул необходимость соединения коммуникаций Забайкальского производительного и Ленского золотопромышленного районов. Кроме того, А.Н. Лагутин предложил проект строительства дороги от порта Аян до станции Нель-кан [14].

М.А. Великанов обосновал необходимость открытия гидрологического отдела при Институте исследования Сибири проблемой несогласованности изучения гидрологии силами различных ведомств, а также высказался за целостное изучение теоретической гидрологии. Одной из главных задач гидрологического отдела должно было стать изучение возможностей использования сибирских рек для выработки электроэнергии.

По итогам работы секции на общем собрании съезда было постановлено образовать при ИИС отделы геофизики, геодезии и гидрологии с штатом в три, пять и шесть человек и расходами в 200, 200 и 600 тыс. руб. в год соответственно. Эти расходы предназначались на хозяйственные нужды и на содержание личного состава отделов. Председателем отдела геодезии был избран В.И. Бауман, членами − Н.Д. Павлов, П.К. Соболевский, И.Д. Андросов, Д.Н. Невский, А.С. Чеботарев. Председателем отдела геофизики стал В.Б. Шостакович, а членами отдела − В.Д. Дудецкий и В.К. Абольд. Отдел гидрологии возглавил М.А. Великанов, членами

[12] Труды съезда по организации Института исследования Сибири... Ч. 2. С. 6.
[13] Там же. Ч. 1. С. 61.
[14] Там же. Ч. 2. С. 29.

стали Д.Ф. Котельников, А.Н. Лагутин, Я.И. Николин, И.М. Гаккель и Н.Н. Соколов [15].

Съезд по организации ИИС завершил свою работу на заседании 26 января 1919 г. Институт учреждался в качестве общественной организации «Общество ИИС». Однако для реализации масштабных исследовательских задач ему требовались полномочия государственного уровня и финансирование.

Утверждение Положения об ИИС началось в мае и продлилось до конца июля 1919 г. К тому моменту отделы геодезии, геофизики и гидрологии установили контакты с научными учреждениями и обществами, занимавшимися исследованиями Сибири в соответствующих областях. Были утверждены списки организаций, имеющих право посылать своих представителей в отделы, затем подготовлены планы работы на ближайшее время.

Геодезический отдел выделил две первоочередные задачи: созыв съезда представителей различных учреждений, ведущих съемочные работы, для координации их действий и перевычисление сферических географических координат астрономических пунктов в прямоугольные для удобства использования. Геофизический отдел наметил сводку, обработку и публикацию метеорологических данных, расширение метеорологической сети Томской и Алтайской губерний, а также сети дождемерных станций. Первостепенными представлялись магнитные исследования в районах бассейнов Оби и Енисея в связи с вопросом об использовании Северного морского пути. Гидрологический отдел наметил комплекс мероприятий, наиболее важными из которых было проведение трех рекогносцировочных экспедиций по исследованию гидроэнергии (две на Алтай и одну в Приангарский край) [16].

В ходе утверждения Положения об ИИС на Междуведомственном совещании, а затем на Государственном экономическом совещании проект Положения был значительно переработан. Из-за финансовых проблем Российского правительства первоначальная смета Института была сокращена более чем вдвое, с 4 млн до 1 млн 635 тыс. руб. Под предложенный объем средств были подстроены структура и задачи ИИС. Количество отделов Института было сокращено с одиннадцати до шести. Отделы геофизики, геодезии и гидрологии были реорганизованы в единый географический отдел. Во главе его был поставлен президиум в составе председателя

[15] Труды съезда по организации Института исследования Сибири... Ч. 1. С. 121.

[16] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 15. Л. 181, 182, 182 об.

В.И. Баумана, секретаря Я.И. Николина и заместителя секретаря В.Д. Дудецкого [17].

Несмотря на то, что изначальный проект и планы деятельности ИИС были существенно ограничены, учреждение ИИС нужно считать достижением, а не провалом ученых в Сибири. Вопреки тяжелым обстоятельствам гражданской войны и протестам некоторых чиновников Российского правительства против утверждения Положения об ИИС, Институт приступил к исследованиям [18].

Таким образом, создание ИИС стало началом нового этапа в изучении Сибири. На смену отдельным разрозненным исследованиям ведомств и научных учреждений пришли новые принципы научной организации. Это принципы комплексности и скоординированности исследований на основе тщательного изучения уже сделанного. Делегаты секции геодезии и геофизики выдвинули их в качестве приоритетных в намеченных научных исследованиях. Организационная же деятельность отделов геодезии, геофизики и гидрологии в течение весны – лета 1919 г. продемонстрировала верность этим принципам на практике. Однако находящееся в тяжелом экономическом положении правительство А.В. Колчака существенно ограничило ИИС в средствах, что не замедлило сказаться на структуре Института и на его работе.

Библиография

Грибовский М.В., Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Библиографическое бюро и библиотечная комиссия Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2013. № 5 (25). С. 145–151.

Дунбинский И.А. Институт исследования Сибири и подготовка исследователей // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2012. № 4 (20). С. 54–56.

Журналы заседаний Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 2008. 264 с.

Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 2014. 358 с.

[17] Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск, 2014. С. 7.

[18] См.: *Расколец В.В.* Положение об Институте исследования Сибири... С. 114–123.

Кузнецова Н.Н. Подготовка съезда по организации Института исследования Сибири (октябрь 1917 – середина января 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 97–100.

Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Дунбинский И.А. Сибирская бальнеология и Институт исследования Сибири (1919–1920 гг.) // Сибирский медицинский журнал (Томск). 2012. № 2. С. 173–175.

Некрылов С.А., Фоминых, С.Ф., Маркевич Н.Г. и др. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). Томск, 2008. 264 с.

Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Меркулов С.А. и др. Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 77–81.

Профессора Томского политехнического университета: Биографический справочник. Т. 1 / Авт.-сост. А.В. Гагарин. Томск, 2000. 300 с.

Расколец В.В. Положение об Институте исследования Сибири: от первых проектов до утверждения (ноябрь 1917 – октябрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 114–123.

Расколец В.В. Состав участников съезда по организации Института исследования Сибири в Томске // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 122–127.

Расколец В.В. Экспедиции Д.Ф. Котельникова и В.В. Сапожникова в Обскую губу (1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 117–124.

Слуцкий В.И. Институт исследования Сибири в Томске (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2003. Приложение № 3 (IV). С. 220–224.

Слуцкий В.И. История метеорологии в Томском университете: учебное пособие / Под ред. В.А. Лойши. Томск, 1998. 112 с.

Слуцкий В.И. Колчаковская академия наук // Персона (Томск). 2004. № 1. С. 50–54.

Соскин В.Л. Из истории координации научных исследований в Сибири (конец XIX в. – 1919 г.) // Формы организации науки в Сибири. Исторический аспект. Новосибирск, 1988. С. 84–104.

Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и Гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 г.). Новосибирск, 1965. 281 с.

О.В. Метель

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Коммунистическая академия как центр советской исторической мысли (1918–1936 гг.) [*]

Статья посвящена изучению Коммунистической академии как центра советской исторической мысли. Автор отказался от традиционного институционального анализа, связанного с изучением эволюции организационной структуры избранного научного учреждения, заменив его рассмотрением особенностей работы «комакадемических» структур исторического профиля. Исследователем выделены три этапа работы академии в области разработки исторических проблем. Сделан вывод, что академия так и не смогла организовать эффективную научно-исследовательскую работу своих подразделений в области изучения истории и играла роль преимущественно «дискуссионной площадки» для обсуждения проблем исторической науки.

Ключевые слова: Коммунистическая академия, Социалистическая академия общественных наук, Социалистическая академия, Общество историков-марксистов, советская историография, марксизм.

Революционные потрясения 1917 г. оказали огромное влияние на развитие отечественной исторической науки. Они затронули ее теоретическую основу, концептуальное содержание, кадровый состав, а также институциональную структуру. Последняя подверглась решительной перестройке, связанной с организацией в Советской России новых учреждений марксистского характера. В их числе была и Социалистическая академия общественных наук (далее – САОН), созданная в 1918 г. для «изучения и преподавания… социальных знаний с точки зрения научного социализма и коммунизма» [1]. Просуществовав в этом статусе менее полугода, она была преобразована в Социалистическую академию [2]. Новая академия, ставшая учреждением,

[*] Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-688.2017.6 «Советская историческая наука в 1920–1930-е гг.: институциональный аспект».

[1] Из Положения о САОН // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925): Сб. документов / Под ред. К.В. Островитянова и др. Л., 1968. С. 212.

[2] *Метель О.В.* Социалистическая академия общественных наук: очерк истории (1918–1919 гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 1. С. 190.

«которое никого не обучает и никаких лекций не устраивает» [3], не смогла, однако, решить стоящие перед ней задачи и наладить систематическую научную работу, поэтому, так же как ее предшественница, подверглась реорганизации. Итогом произошедших трансформаций стало переименование данного учреждения в 1924 г. в Коммунистическую академию, заявившую претензии на статус главного марксистско-ленинского научно-исследовательского центра страны, осуществляющего научные изыскания по всему спектру общественных и естественнонаучных дисциплин [4].

Видное место в деятельности академии занимала и историческая проблематика. В ряде работ, посвященных проблемам развития советской историографии, Коммунистическая академия рассматривается как один из важных исследовательских центров советской исторической науки первых послереволюционных десятилетий [5]. Однако, стремясь продемонстрировать вклад академии в становление отечественной научной традиции, авторы многих публикаций зачастую ограничивались лишь общими сведениями о работе «комакадемических» подразделений исторического профиля, оставляя без внимания специфику их деятельности. Целью настоящей статьи, напротив, является изучение особенностей работы Коммунистической академии как центра исторической мысли. И первое, что хотелось бы отметить, это эволюция академии от учрежде-

[3] *Покровский М.Н.* 10 лет Коммунистической академии. Вступительное слово М.Н. Покровского на юбилейном заседании Президиума Комакадемии 25 мая 1928 // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 4. С. 12.

[4] В положении, регламентирующем работу Коммунистической академии, было сказано, что она является «высшим всесоюзным ученым учреждением, имеющим целью изучение и разработку вопросов обществоведения и естествознания, а также вопросов социалистического строительства на основе марксизма-ленинизма». См.: «Положение» (Устав) о Коммунистической академии при ЦИК СССР // Организация советской науки в 1926–1932 гг.: Сб. документов / Под ред. Б.Е. Быховского и др. Л., 1974. С. 233.

[5] См., например: Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1966. Т. 4. С. 201–209; *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М., 1968. 300 с.; *Дорошенко В.А.* Коммунистическая академия и ее роль в разработке вопросов отечественной истории (1918–1935 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1968. 264 с.; *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.). М., 1968. 197 с.; *Гришаев О.В.* Создание Коммунистической академии и ее роль в развитии исторической науки в советской России в 20-е гг. XX в. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 2. С. 27–33.

ния, уделявшего сравнительно небольшое внимание исторической проблематике, к институции, претендующей на статус ведущего научно-исследовательского центра СССР в данной предметной области.

В целом, в работе Коммунистической академии как центра исторической мысли можно выделить три основных этапа. На первом этапе, связанном еще с деятельностью САОН и Социалистической академии, историческая тематика занимала в работе данного учреждения довольно скромное место. В рамках САОН она была связана с работой ее учебного подразделения – социально-исторического разряда, а также деятельностью комиссий по разработке материалов по истории войны 1914–1918 гг. и документов династии Романовых. Социалистическая академия должна была приступить к изучению истории социализма и анархизма на Западе, истории Англии, Франции и Германии, а с 1922 г. – истории революционного движения в России и истории II и III Интернационалов. Однако, испытывая материальные, организационные и кадровые затруднения, академия не смогла обеспечить систематический выпуск научной продукции, ограничиваясь изучением документов по истории революционного движения и организацией небольшого числа (около десяти) тематических докладов.

Второй этап деятельности Коммунистической академии в области организации исторических исследований начался в 1925 г., когда по инициативе группы преподавателей комвузов при ней было открыто Общество историков-марксистов [6]. Его основными задачами, согласно уставу, стали объединение всех марксистов, занимающихся историческими исследованиями, осуществление научной разработки вопросов истории и методологии истории с марксистских позиций, борьба с «извращениями истории буржуазной наукой» и популяризация марксистского метода [7]. Поставив перед собой столь амбициозные задачи, Общество, однако, не располагало достаточными ресурсами для их выполнения, не имея ни штатных единиц, ни денежных субсидий со стороны Комакадемии. В результате, на протяжении своей более чем семилетней истории Общество историков-марксистов осуществляло преимущественно «докладную» деятельность, выступая в роли трибуны для обсуждения различных исторических проблем и площадки для про-

[6] Подробнее об истории организации Общества историков-марксистов см.: *Дорошенко В.А.* Образование и основные этапы деятельности Общества историков-марксистов (1925–1932 гг.) // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1966. № 3. С. 10–22.

[7] Устав общества историков-марксистов // Историк-марксист. 1926. № 1. С. 320.

ведения юбилейных мероприятий [8]. Иные формы его работы, в том числе связанные с подготовкой печатных изданий – книг для чтения по отечественной и зарубежной истории, так и не были развернуты в полной мере. Единственным успешным издательским проектом общества можно считать журнал «Историк-марксист», ставший во второй половине 1920-х годов площадкой для обсуждения актуальных исторических проблем [9]. Что касается проводимых докладов, то тематически большинство из них было посвящено вопросам историографии, советской истории и методики преподавания исторических дисциплин. Причем, несмотря на то, что число представляемых в обществе докладов постоянно увеличивалось, немногие из них носили характер подлинных дискуссий, оказавших влияние на развитие последующей исследовательской традиции [10]. Среди наиболее крупных и значимых докладов и развернувшихся вокруг них дискуссий стоит назвать, например, диспут о книге Д.М. Петрушевского (1928 г.), дискуссии о социально-экономических формациях (1929–1930 гг.) и «Народной воле» (1930 г.).

В то же время, в 1925–1929 гг. историческая проблематика присутствовала в работе других «комакадемических» подразделений. Как утверждал в 1928 г. М.Н. Покровский, являвшийся бессменным членом президиума академии с 1918 г., в ее составе «нет ни одной секции…, нет ни одной комиссии, нет ни одного института, которые бы не занимались историей» [11]. На наш взгляд, к числу таковых должны быть отнесены, во-первых, секция по истории революционного движения, осуществлявшая в середине 1920-х годов «собирание и полное описание» революционной литературы второй половины XIX–XX вв., и, во-вторых, специальная комиссия, занимавшаяся публикацией материалов Первой мировой войны.

Третий этап в работе Коммунистической академии в области изучения исторических проблем и сюжетов начался в 1929 г. Именно тогда, на волне «культурной революции», в ее стенах был открыт Институт истории, сразу же заявивший претензии на статус ведущего центра исторической науки в

[8] В 1927 г. П.О. Горин утверждал, что годом ранее Общество заняло первое место в Комакадемии по числу прочитанных докладов. См.: Отчет о деятельности общества (П.О. Горин) // Историк-марксист. 1927. № 4. С. 273.

[9] О журнале «Историк-марксист» более подробно см.: *Алаторцева А.И.* Журнал «Историк-марксист». М., 1979. 287 с.

[10] В 1928 г. П.О. Горин приводил следующие цифры: в 1925 г. в обществе было прочитано четыре доклада, в 1926 – одиннадцать, в 1927 – шестнадцать, в 1928 – тридцать один. См.: Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 377. Оп. 1. Д. 68. Л. 1 об.

[11] АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 168. Л. 26.

СССР. Своим возникновением он был обязан группе лиц во главе с М.Н. Покровским, инициировавших его «передвижение» из состава РАНИОН в «марксистскую среду» Коммунистической академии [12]. Как структурное подразделение главного марксистско-ленинского научно-исследовательского учреждения страны, никогда не скрывавшего «своей политической физиономии», Институт истории отличало несколько существенных признаков [13]. Во-первых, стремление к решению наиболее актуальных проблем «исторического фронта». Институт быстро перестраивал свою работу, сначала под влиянием критики со стороны партийных инстанций отказавшись от универсализма в постановке исследовательских задач в пользу решения остроактуальных проблем новейшей истории, а затем под влиянием смены партийного курса в отношении преподавания истории в школе переключившись на подготовку школьных учебников [14]. Во-вторых, для «комакадемического» Института истории была характерна ориентация на «коммунизацию» кадров, предполагавшая постоянное увеличение числа сотрудников-членов ВКП(б) и регулярные «чистки» научного состава от «буржуазных» и иных «классово чуждых» элементов. Заметим, однако, что успех руководства института в этом отношении был весьма относителен: в 1935 г. среди сотрудников насчитывалось 30 членов партии, тогда как беспартийных было 25 человек [15]. В-третьих, как и другие «комакадемические» учреждения, Институт истории выступал в роли своеобразного «полигона» для апробации новых форм взаимоотношений между научным сообществом и властью, внедрявшей в его работу принципы жесткого планирования и нормирования, а также строгой подотчетности партийно-государственным структурам. Последним, в частности,

[12] *Покровский М. Н.* Институт истории и задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 14. С. 3. Одновременно аналогичная структура была открыта в Ленинградском отделении Коммунистической академии (ЛОКА), созданном на базе Ленинградского института марксизма. См. об этом: *Купайгородская А.П.* Институт истории Ленинградского отделения Коммунистической академии (1929–1936) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 127–137.

[13] *Покровский М.Н.* Институт истории и задачи историков-марксистов… С. 12.

[14] О деятельности Института истории Коммунистической академии более подробно см.: *Метель О.В.* Институт истории Коммунистической академии (1929–1936 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 6. С. 1522–1532.

[15] См.: АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 112. Л. 52; Ф. 359. Оп. 3. Д. 32. Л. 6.

принадлежала основная роль в решении важнейших кадровых и организационных вопросов [16].

Претендуя на статус центра советской исторической мысли, «комакадемический» Институт истории осуществлял, согласно данным его планово-отчетных документов, три основных вида деятельности: организацию и проведение научных исследований, популяризацию достигнутых в ходе их реализации результатов и, в течение первых трех лет работы учреждения, когда ему была передана аспирантура РАНИОН и Институт красной профессуры, подготовку научной смены. Что касается исследовательской работы, то на протяжении всей истории института она, по определению его руководителей, была связана с организацией научных докладов, подготовкой печатных трудов и проведением коллективных исследований. Наиболее успешной среди них была «докладная» деятельность, заключавшаяся в организации секционных и общеинститутских докладов, подготовленных штатными и внештатными сотрудниками [17]. По своему характеру представленные доклады мало чем отличались от тех, что были прочитаны в Обществе историков-марксистов, хотя нельзя не заметить стремления их авторов обращаться к наиболее актуальным и методологически значимым темам, затрагивающим вопросы марксистско-ленинского учения [18]. Не столь успешно в Институте истории обстояло дело с подготовкой научных изданий, которые в значительном количестве планировались его подразделениями и, по преимуществу, оставались незавершенными [19]. Так, например, в отчетах о выполнении плана за 1932 г. указано, что из общего числа запланированных индивидуальных (пятнадцать) и коллективных (двадцать пять) монографических работ из печати вышло шесть, две находились на стадии редактиро-

[16] В качестве примера сошлемся на тот факт, что в 1932 г. новый состав редакции журнала «Историк-марксист», ставшего одним из печатных органов «комакадемического» Института истории, утверждало Политбюро. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 147. Оп. 2 с. Д. 10. Л. 6–7.

[17] Сказанное, впрочем, не отменяет того факта, что нередко и запланированные в секциях института доклады «срывались», как это было, например, в 1930 г. в секции истории промышленного капитализма. См.: АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 55. Л. 67.

[18] Недаром именно в стенах Института истории Комакадемии в 1933 г. с размахом прошло празднование пятидесятилетия со дня смерти К. Маркса, ставшее важной вехой в деле его утверждения в статусе советского «классика». См.: *Лукин Н.М.* К итогам 50-летия со дня смерти Карла Маркса. О сессии Института истории Комакадемии // Борьба классов. 1933. № 5. С. 112–115.

[19] АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 174. Л. 58.

вания, девять перешли в план 1933 г. и, наконец, восемь были сняты с плана. Отчасти это объяснялось нереальным характером показателей, цифры которых были изначально завышены, отчасти – высокой занятостью сотрудников, являвшихся совместителями и несших помимо работы в Комакадемии значительную научную, педагогическую и партийную нагрузку. Отсюда возникали проблемы и в проведении коллективных исследований, среди которых наиболее «благополучными» выглядели проекты по изучению промышленных предприятий, реализуемые секцией по истории пролетариата, тогда как разработка тем в рамках изучения всеобщей истории нередко ограничивалась составлением библиографий [20]. Учебная работа «комакадемического» Института истории также испытывала серьезные трудности, связанные с невозможностью эффективно управлять громоздким и рыхлым аппаратом, неразработанностью учебных планов и отсутствием достаточного количества преподавателей. На этом фоне наиболее успешной выглядит деятельность интересующей нас структуры в области массовой работы, нередко приуроченной к каким-либо торжественным датам и согласуемой с партийными органами [21].

Коммунистическая академия, на наш взгляд, так и не смогла стать подлинным исследовательским центром, осуществлявшим эффективную работу в области исторической науки. Объединяя историков-марксистов, она предоставляла им трибуну для обсуждения актуальных вопросов, но не условия для эффективной исследовательской работы. Именно поэтому влияние «комакадемических» структур исторического профиля на последующую историографию проявилось преимущественно в формировании внешнего облика исследовательской традиции. Причины такого итога вполне банальны: являясь партийным учреждением, Комакадемия делала ставку на политическую актуальность и злободневность проводимых исследований, нередко наносившую ущерб их научной составляющей. В результате, пригодная для «критики и разрушения» она оказалась не вполне подходящей для «созидания», уступив эту роль в 1936 г. Академии наук СССР.

[20] В отчетах института именно эта секция, возглавляемая А.М. Панкратовой, традиционно рассматривалась как наиболее работоспособная. См., например: АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 233. Л. 9.

[21] В качестве примера приведем открытые лекции, приуроченные к пятидесятой годовщине со дня смерти К. Маркса и читаемые сотрудниками Комакадемии по согласованию с Культропопом московского горкома ВКП(б) на предприятиях Москвы. См.: К 50-летию со дня смерти Маркса // Историк-марксист. 1933. № 2. С. 184–188.

Библиография

Алаторцева А.И. Журнал «Историк-марксист». М., 1979. 287 с.

Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М., 1968. 300 с.

Гришаев О.В. Создание Коммунистической академии и ее роль в развитии исторической науки в советской России в 20-е гг. XX в. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2011. № 2. С. 27–33.

Дорошенко В.А. Коммунистическая академия и ее роль в разработке вопросов отечественной истории (1918–1935 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1968. 264 с.

Дорошенко В.А. Образование и основные этапы деятельности Общества историков-марксистов (1925–1932 гг.) // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1966. № 3. С. 10–22.

Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки (подготовка кадров историков-марксистов в 1917–1929 гг.). М., 1968. 197 с.

К 50-летию со дня смерти Маркса // Историк-марксист. 1933. № 2. С. 184–188.

Купайгородская А.П. Институт истории Ленинградского отделения Коммунистической академии (1929–1936) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 127–137.

Лукин Н.М. К итогам 50-летия со дня смерти Карла Маркса. О сессии Института истории Комакадемии // Борьба классов. 1933. № 5. С. 112–115.

Метель О.В. Институт истории Коммунистической академии (1929–1936 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 6. С. 1522–1532.

Метель О.В. Социалистическая академия общественных наук: очерк истории (1918–1919 гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 1. С. 184–191.

Отчет о деятельности общества (П.О. Горин) // Историк-марксист. 1927. № 4. С. 271–276.

Очерки истории исторической науки в СССР: в 5 т. / Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1966. Т. 4. 854 с.

Покровский М.Н. Институт истории и задачи историков-марксистов // Историк-марксист. 1929. № 14. С. 3–12.

Покровский М.Н. 10 лет Коммунистической академии. Вступительное слово М.Н. Покровского на юбилейном заседании Президиума Комакадемии 25 мая 1928 // Вестник Коммунистической академии. 1928. № 4. С. 7–20.

Д.Л. Шереметьева

Институт истории СО РАН

Военная цензура печати в условиях диктатуры А.В. Колчака (18 ноября 1918 – 4 января 1920 г.) [*]

В статье проанализирован правовой статус, содержание, масштабы и значение цензуры печати на территории востока России, подвластной антибольшевистскому правительству А.В. Колчака. Введение в научный оборот документов об установлении повсеместной предварительной военной цензуры печати, основаниях и порядке ее функционирования привело автора к выводам о чрезвычайном характере этого института. Учрежденная заговорщиками для обеспечения успеха государственного переворота 18 ноября 1918 г. цензура просуществовала без корректировки и адаптации к задачам государственной власти вплоть до падения режима. Содержание работы цензоров сводилось в основном к пресечению критики в адрес военных, преследованию социалистической пропаганды и вмешательству в обсуждение в печати вопросов внешней политики. Представители прессы и отдельные государственные деятели контрреволюции оценивали цензуру как произвол военных в гражданской сфере. Суровые, но рассогласованные действия цензоров на местах свидетельствовали о слабости власти и способствовали росту недоверия населения к режиму, подготавливая поражение военной диктатуры А.В. Колчака.

Ключевые слова: периодическая печать, цензура, политический режим, А.В. Колчак, гражданская война.

Особенностью гражданской войны в России было чрезвычайное усиление роли идеологии, пропаганды и массовой информации в борьбе за власть. Поэтому вопрос о цензуре в то время приобрел исключительную остроту. Успех или поражение боровшихся сторон зависели во многом от того, кто и как контролировал информосферу.

Трендом в историографии государственной цензурной политики антибольшевистских правительств в России периода гражданской войны является утверждение о повсеместном жестком контроле за прессой [1]. Такое видение закономерно вытекало из ракурса рассмотрения цензуры как инструмента идейно-политической борьбы. Однако подавление властью идейно-политических противников было не единственной задачей цензу-

[*] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 17-81-01023.

[1] *Звягин С.П.* Цензура в условиях «белой» Сибири // Вопросы истории Сибири XX века. Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 1998. С. 78; *Молчанов Л.А.* Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 2001. С. 83; *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. С. 220; и др.

ры. Поэтому у «историографии жесткого контроля» появились оппоненты. Изучение информационного пространства в целом позволило исследователям утверждать, что органы власти контрреволюции не ставили задачу всеобъемлющего контроля за периодической печатью и не обладали ресурсами для эффективного блокирования неблагоприятной информации [2].

Возникшая историографическая дискуссия о степени жесткости, целесообразности и эффективности цензуры имеет потенциал для развития. До сих пор не введены в научный оборот ключевые документы об установлении предварительной военной цензуры и порядке ее функционирования, фрагментарно использованы материалы о давлении власти на прессу, содержащиеся в многочисленных газетах и журналах. Выявление и обобщение «новой» информации позволит оценить правовой статус, содержание, масштабы и значение цензуры в условиях гражданской войны.

Вопрос об установлении цензуры печати на востоке России был не тривиальным для политических деятелей контрреволюции. Для составлявших ее ядро на первом этапе борьбы против советской власти в июне – ноябре 1918 г. эсеров, меньшевиков, кадетов и областников свобода слова была одной из базовых ценностей. Поэтому действовавшие в русле политического центризма Временное Сибирское правительство и Временное Всероссийское правительство неизменно выступали за свободу слова и лишь допускали ее временное частичное ограничение в чрезвычайных условиях политического кризиса, восстаний и в районах боевых действий. Используя разные поводы, высокопоставленные военные и чиновники на местах оказывали административное давление на прессу, вплоть до несанкционированного установления предварительной цензуры в Томске, Тюмени, Чите и Оренбурге.

Государственный переворот 18 ноября 1918 г., приведший к власти Российское правительство во главе с Верховным правителем А.В. Колчаком, изменил расклад сил в лагере контрреволюции в пользу военных. Демократические ценности, изначально присущие антибольшевистскому движению на востоке России, оказались оттеснены на второй план, но не могли быть полностью выхолощены из государственной политики. Сам А.В. Колчак не имел последовательной позиции в отношении массовой информации, от-

[2] *Рынков В.М.* Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны. Сб. науч. статей / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 125; *Шереметьева Д.Л.* Власть и пресса Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 8. Вып. 1: История. 2009. С. 134.

носился к прессе преимущественно прагматично, а на возникавшие вопросы реагировал ситуативно. Мог закрыть издание за возмутившую его публикацию или распорядится об освобождении редактора, арестованного военными.

Повсеместно предварительная военная цензура газет на востоке России была введена на следующий день после государственного переворота 18 ноября 1918 г. Начальник информационного отдела Штаба Верховного главнокомандующего ротмистр С.А. Скрябин разослал начальникам военных районов и гарнизонов телеграмму следующего содержания: «По приказанию Верховного главнокомандующего на[чальник] Шта[ба] Верх[овного главнокомандующего] приказал установить предварительную цензуру всех без исключения газет, издающихся в подведомственном районе. Объявить редакциям, что предварительная цензура вводится временно на два-три дня как мера исключительная, в целях правильной информации населения о происходящих событиях. Во всех изданиях помещать информационный материал о событиях только передаваемый информационным отделом. О прекращении предварительной цензуры будет сделано особое распоряжение» [3].

В телеграмме С.А. Скрябин ссылается на двух субъектов – Верховного главнокомандующего и начальника Штаба Верховного главнокомандующего, но не называет их имен, скрывая персональную ответственность за введение цензуры. По всей вероятности, инициатором введения жесткого контроля военных за прессой был один из основных организаторов переворота, полковник Д.А. Лебедев. С 18 по 20 ноября 1918 г. он фактически исполнял обязанности начальника Штаба Верховного главнокомандующего, но его утверждение в этой должности было датировано только 21 ноября 1918 г. То есть, строго говоря, до этого Д.А. Лебедев не имел полномочий издавать приказ о ведении цензуры печати, а установление контроля военных за прессой было незаконным. Тем не менее, субординация военных в условиях переворота оказалась более значимым фактором, чем формальная сторона дела, и начальники военных районов, гарнизонов и коменданты городов приняли телеграмму С.А. Скрябина к исполнению.

Факт введения цензуры представители власти пытались не афишировать. В газете Штаба Верховного главнокомандующего «Русская армия» была опубликована только та часть телеграммы С.А. Скрябина, где единственным официальным источником информации о перевороте был назван Штаб Верховного главнокомандующего.

Редакторы оппозиционных социалистических газет в Барнауле, Мариинске, Красноярске и Иркутске обнародовали распоряжения нижестоящих

[3] Новая Сибирь (Иркутск). 1918. 20 ноября. С. 1.

инстанций о введении цензуры на местах. Они, сопротивляясь введению цензуры, требовали от власти документальных подтверждений, а затем публиковали их, предупреждая читателей о невозможности открыто высказать свое мнение о государственном перевороте [4]. В большинстве же городов на востоке России цензура периодических изданий «стала существовать как-то сама собой, без приказов. […] в один прекрасный день стали приходить в редакцию люди, просматривать газету и вычеркивать, что им не нравилось» [5].

Военными цензорами назначались преимущественно прапорщики, подпоручики и поручики, находившиеся в непосредственном распоряжении начальников военных районов, гарнизонов и комендантов городов. То есть те, кто оказался «под рукой» и не был обременен сложными служебными обязанностями. Такие «специалисты» могли хорошо выполнять четкие, однозначные команды.

Объем работы военных цензоров определялся количеством прессы, а сложность – идейно-политической направленностью повременных изданий. По данным на 18–21 ноября 1918 г. на территории от Уфы до Владивостока выходило около ста наименований газет [6]. Большую часть периодической печати составляли лояльные власти частные и кооперативные общественно-политические издания. Газеты органов государственной власти транслировали политическую повестку нового режима. Пресса кадетов поддержала установление единоличной власти А.В. Колчака. Эти «кластеры» периодической печати цензоры просматривали, но лишь в единичных случаях изымали текст из сверстанных номеров. Внимание цензоров было сосредоточено на социалистической прессе, которая выступала категорически против военной диктатуры и представляла угрозу для сторонников переворота.

Социалистическая периодика составляла приблизительно шестую часть от всего объема повременной печати. Ее ядром являлась партийная периодика эсеров («Народное дело» − орган Уфимского губернского комитета партии, «Голос народа» − орган Всесибирского краевого комитета, «Знамя труда» −

[4] Воля Сибири (Красноярск). 1918. 20 ноября. С. 3; Звено (Мариинск). 1918. 20 ноября. С. 1; Новая Сибирь (Иркутск). 1918. 20 ноября. С. 1; Новый алтайский луч (Барнаул). 1919. 21 ноября. С. 2.

[5] Наша цензура // Земские известия (Владивосток). 1919. 1 января. С. 1.

[6] Подсчитано по: Газеты 1917–1922 годов в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки. М., 1994. 117 с.; Несоветские газеты (1918–1920 гг.). СПб., 2003. 168 с.; Книжная летопись Иркутска за годы революции (1917–1919 гг.). Иркутск, 1920. 76 с.; Библиографический указатель газет и журналов, выходивших на русском Дальнем Востоке до 1922 г. и хранящихся в библиотеках и архивах региона. Владивосток, 2010. 178 с.

Енисейского губернского комитета и «Голос труда» − Якутского городского комитета) и меньшевиков («Рабочий день» − орган Тюменского комитета, «Новый алтайский луч» − Барнаульского комитета, «Дело рабочего» − Енисейского губернского и Красноярского комитетов). Ее поддерживали челябинская «Власть народа», томские «Железнодорожник» и «Народная газета», бийские «Думы Алтая», красноярская «Воля Сибири», иркутские «Новая Сибирь», «Дело» и «Наша деревня», читинский «Наш путь» и др.

Социалистические газеты не имели доступа ни к основным, ни к альтернативным источникам информации об омском перевороте. Поэтому оппозиционные издания на востоке России вышли 20−22 ноября с официальными сообщениями Штаба верховного главнокомандующего и Российского правительства о государственном перевороте. Попытавшись отреагировать на новости, они покрылись «белыми следами» военно-политической цензуры. Адаптируясь к цензуре, редакторы и авторы стали создавать негативный эмоциональный фон абстрактными мрачными текстами о развале Российского государства, безнадежности международного положения, безмолвии народа, распыленности демократии, торжестве реакционеров и монархизме. Немногочисленные взвешенно-критические оценки переворота и ироничные высказывания, просочившиеся в прессу, обходили молчанием фигуру Верховного правителя А.В. Колчака и не содержали призывов к протестным действиям [7].

Самым сложным участком для установления контроля за массовой информацией оказался Западный фронт. Главнокомандующий этим фронтом, член Чехословацкого национального совета генерал-майор Я. Сыровой не признал новую власть, оставив зазор для публичных выступлений противников установления диктатуры. Редакция меньшевистской челябинской газеты «Власть народа» в передовой статье от 22 ноября 1918 г. оценила государственный переворот как насильственное, беззаконное покушение на власть и заявила, что «народ никогда не признает этого переворота». В тот же день в Уфе газета Камской группы Народной армии «Армия и народ» назвала переворот «предательством национальных интересов», «проявлением разрушительного большевизма». Уфимское эсеровское «Народное дело» заявило, что «русскому народу грозит смертельная опасность» и ответом может быть только «мощный и сокрушительный ответный удар, решительный натиск народа на обнаглевшую реакцию».

Предел этим выступлениям был положен, когда Я. Сыровой признал власть А.В. Колчака. 28 ноября 1918 г. за оппозиционные выступления

[7] Дело (Иркутск). 1918. 21 ноября. С. 1, 22 ноября. С. 1; Народная газета (Томск). 1918. 21 ноября. С. 1; и др.

был арестован редактор «Власти народа» В.А. Гутовский (Евг. Маевский). Через два дня прекратило существование его издание. В начале декабря под предлогом близости фронта в Уфе были закрыты все газеты.

В целом выступления противников переворота в печати были предупреждены, а на Западном фронте локализованы и вскоре ликвидированы. Оперативно установленная предварительная военная цензура, контролировавшая информационное поле в условиях государственного переворота, была целесообразна с точки зрения организаторов заговора и выполнила стоявшую перед ней задачу.

На встрече с представителями печати 28 ноября 1918 г. А.В. Колчак заявил: «Цензура вообще большое зло. Но мы живем при исключительных условиях, когда возможны широкие злоупотребления печатью для антигосударственной работы. Приходится прибегать к цензуре» [8]. При этом он сообщил о подготовке документа о ее отмене.

Верховный правитель 30 ноября 1918 г. подписал приказы № 57 и № 59. Первый пункт приказа № 57 гласил: «Предварительную цензуру отменить». За ним следовало пять пунктов, вменявших в обязанность военных цензоров возбуждать уголовное преследование против ответственных редакторов газет за публикацию сведений, запрещенных Временными правилами о военной цензуре образца 1917 г., «подрывающих авторитет верховной власти», «возбуждающих одну часть населения против другой или подстрекающих к вооруженным выступлениям и стачкам», а также «злонамеренных слухов, касающихся русской армии, союзных или чеховойск». Цензоры получили право конфисковывать издания, ходатайствовать о наложении предварительной цензуры на периодические издания и подавать представление начальнику Штаба Верховного главнокомандующего о закрытии повременных органов.

Согласно приказу № 59 учреждались военно-цензурные отделения при штабах фронтов, армий и военных округов. Отделения должны были «[осуществлять] предварительный просмотр всех изданий, если издатели или редакторы будут о том ходатайствовать». Что касается содержания работы, то цензоры должны были руководствоваться Временным положением от 20 июля 1914 г. и пресекать распространение информации военно-стратегического характера.

Эти противоречивые приказы по сути узаконивали институт военной цензуры и наделяли Штаб широкими полномочиями в деле контроля за прессой. При этом приказы имели не одно, а несколько правовых оснований. Смешанные в них нормы, положения и правила гражданского и военного, имперского

[8] Правительственный вестник (Омск). 1918. 30 ноября. С. 3.

и революционного законодательств слабо подкрепляли друг друга. Кроме того, приказы никак не оговаривали существовавшие с 15 июля 1918 г. Временные правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, дававшие право приостанавливать периодические издания командующим армиями и министру внутренних дел.

Аморфно сформулированные задачи, рассогласованность норм и правил вряд ли могли способствовать укреплению политического режима. Более того, по мнению управляющего делами Совета министров Российского правительства Г.К. Гинса, приказы о цензуре были одними из первых актов, заложивших основания «беспорядочности и произвола» в государственном управлении. Военные получили право закрывать газеты «по целому ряду поводов, выходивших за пределы их компетенции», а Совет министров не сопротивлялся [9].

Приказы А.В. Колчака о цензуре были опубликованы 6–8 декабря 1918 г. С этого времени военным цензорам предстояло не просто фильтровать высказывания об одном конкретном политическом событии, пресекая его критику в печати, но обеспечивать военно-стратегический и политический контроль за информацией.

Новый порядок надзора над прессой не приносил облегчения в положение печати [10]. Пристальному контролю и изъятию из верстки стали подвергаться сообщения о произволе военных, новости о Российском правительстве и отдельных государственных деятелях, сведения о забастовках и восстаниях, высказывания по вопросам внешней политики и др. Военные цензоры стали вычеркивать отдельные сообщения правительственного Российского телеграфного агентства, информационного отдела Штаба Верховного главнокомандующего, заявления государственных деятелей и перепечатки уже опубликованных тестов.

Редакция омской общественно-политической газеты «Заря», самого влиятельного в то время кооперативного издания, 17 декабря 1918 г. публично возмущалась действиями военных цензоров: «Несмотря на отмену военной цензуры, нашей газете […] было два раза предложено изъять из уже сверстанного материала заметки министерства иностранных дел и информационного отдела Штаба Верховного главнокомандующего». В курганской газете «Земля и труд» в републикации интервью председателя Совета министров Российского правительства П.В. Вологодского военный цензор снял высказывания о контактах с антибольшевистскими пра-

[9] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. Впечатления и мысли члена омского правительства. 1918–1920. М., 2007. С. 282.

[10] Народная Сибирь (Новониколаевск). 1918. 1 декабря. С. 1.

вительствами на севере и юге России [11]. Подобные действия цензоров не были единичными и вызывали недоумение журналистов. «В каждом городе военный цензор руководствуется исключительно своими соображениями и благодаря этому − целый ряд неприятностей. Что можно печатать в Омске, того нельзя в Новониколаевске, и наоборот, а при таких условиях газетная работа немыслима» [12].

Наибольшему давлению военных продолжала подвергаться социалистическая пресса. Позиции эсеров в информационной сфере были подорваны арестом 7 декабря 1918 г. редакторов «Голоса народа» М.С. Фельдмана и И.С. Гольдберга. Через неделю после этого Всесибирский крайком партии эсеров закрыл газету. Огромный деморализующий эффект имели декабрьские политические убийства военными члена Учредительного собрания, известного в Сибири публициста и кооператора, эсера Н.В. Фомина и бывшего редактора «Власти народа», меньшевика В.А. Гутовского.

В течение ноября 1918 – марта 1919 г. были закрыты все партийные газеты эсеров и меньшевиков в Сибири, снято определение «социалистический» с аншлагов изданий. В результате эсеры полностью свернули легальную информационно-пропагандистскую деятельность. Меньшевики же продолжали выпускать несколько многотиражных и широко распространявшихся демократических изданий. Однако с читателями им приходилось говорить на языке Эзопа и сигнализировать о протесте «белками цензуры», а также сообщениями о снятии статей военными цензорами.

После нейтрализации идейно-политических оппонентов военной диктатуре в конце марта 1919 г. была предпринята попытка ограничить военную цензуру. По инициативе недавно назначенного товарища министра внутренних дел В.Н. Пепеляева была собрана информация о закрытии газет в период с 1 декабря 1918 г. по 25 марта 1919 г. Полученные сведения о 17 газетах и журналах, закрытых по разным поводам разными инстанциями на востоке России, доказывали вмешательство военных в сферу гражданского управления [13]. Причем газеты закрывали преимущественно начальники гарнизонов, тогда как это право формально принадлежало только начальнику Штаба Верховного главнокомандующего.

Аргументы были доведены до Верховного правителя и 28 марта 1919 г. А.В. Колчак сделал распоряжение об ограничении военной цензуры театром боевых действий. Однако такое самоограничение противоречило

[11] Народная газета (Томск). 1918. 8 декабря. С. 2−3; Земля и труд (Курган). 1918. 17 декабря. С. 3.

[12] Наша цензура // Земские известия (Владивосток). 1919. 1 января. С. 1.

[13] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-148. Оп. 6. Д. 76. Л. 1−1 б.

интересам военных. Только 11 мая 1919 г. временно исполнявший дела начальника Штаба Верховного главнокомандующего, Генерального штаба генерал-майор П.Г. Бурлин подписал соответствующий приказ [14]. К нему прилагалось «Положение цензорам периодической печати и произведений тиснения при начальниках гарнизонов на театре военных действий». Этот документ зафиксировал реальное функционирование военной цензуры, а именно: «все типографии не могут ничего печатать без предварительного просмотра военной цензурой», «в экстренных случаях конфискация отдельных номеров, опечатание типографии и приостановление изданий производятся начальником гарнизона непосредственно», «воспрещается к оглашению в печати всё, что может послужить вреду существующей власти» [15].

Приказ не изменил положение прессы в тылу. Произвол военных на местах был следствием сложившейся системы, во главе которой стоял военный диктатор. Самым ярким эпизодом неограниченной власти военных в отношении прессы на востоке России стало закрытие газеты «Заря». В передовой статье от 24 июня 1919 г. редакция критиковала назначение главнокомандующим Восточным фронтом генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса вместо победоносных «полевых» генералов Р. Гайды или А.Н. Пепеляева. Этой статьей был крайне возмущен сам Верховный правитель [16]. В тот же день приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего полковника Д.А. Лебедева газета была закрыта. После этого инцидента Д.А. Лебедев запретил обсуждать в печати вопросы военного командования и организации боевых действий [17].

Полоса военных поражений осенью 1919 г. болезненно сказалась на свободе слова. Редакциям общественно-политических газет было запрещено печатать какие-либо сведения о состоянии фронта, кроме официальных. Более того, не допускалось помещение военных обзоров [18]. В то же время усилился произвол военных в области гражданского управления. Военная цензура дошла до того, что стала извлекать из газет заметки управляющих губерниями [19].

После эвакуации Российского правительства из Омска в Иркутск в октябре – ноябре 1919 г. поражение режима стало для всех очевидным. Вер-

[14] ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 16. Л. 271.

[15] Там же. Л. 273.

[16] *Пепеляев В.Н.* Дневник // Красные зори. Иркутск, 1923. № 5. С. 45.

[17] Телеграмма № 406, 26 июня 1919 г., Омск // Наше дело (Иркутск). 1919. 2 июля. С. 2.

[18] Русь (Омск). 1919. 4 сентября. С. 3.

[19] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак… С. 505−506.

ховная власть сделала отчаянную ставку на демократическую риторику и идеи народоправства. Ориентируясь на эти сигналы Совета министров, газета «Наше дело» и журнал «Новое земское дело» попытались поднять политическую повестку социалистической оппозиции. Однако военная цензура ответила, как прежде, изъятием текстов из печати.

Таким образом, предварительная военная цензура печати, установленная на востоке России как временная чрезвычайная мера для обеспечения успеха государственного переворота 18 ноября 1918 г., определяла режим функционирования прессы на всем протяжении властвования А.В. Колчака. Целесообразный и эффективный для заговорщиков инструмент контроля за массовой информацией был принят на вооружение политического режима без корректировки и адаптации к новым задачам государственной власти. При этом неоднократно поднимались вопросы об отмене цензуры и ограничении военных цензоров, действия которых оценивались журналистами и отдельными государственными деятелями как вмешательство в гражданскую сферу и произвол. Суровые, но непоследовательные действия цензоров свидетельствовали о слабости власти и способствовали росту недоверия населения к режиму, подготавливая поражение военной диктатуры А.В. Колчака.

Библиография

Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. 368 с.

Звягин С.П. Цензура в условиях «белой» Сибири // Вопросы истории Сибири XX века. Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 1998. С. 68–78.

Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 2001. 159 с.

Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны. Сб. науч. статей / Отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 115−125.

Шереметьева Д.Л. Власть и пресса Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 8. Вып. 1: История. 2009. С. 129–134.

Ю.А. Сафронова

Институт истории СО РАН

Военные вопросы в деятельности Сибирского областного бюро РКП(б) – Сибирского бюро ЦК РКП(б) в ноябре 1919 – июне 1921 года [*]

Статья посвящена анализу деятельности Сибирского областного бюро РКП(б) – Сибирского бюро ЦК РКП(б) по руководству военными делами в «омский период» его работы (ноябрь 1919 – июнь 1921 г.). В статье на основе изучения протоколов заседания Сиббюро выявлены ключевые военные проблемы, над решением которых работал орган. Сделан вывод о том, что формально военный вопрос не занимал в деятельности Сиббюро приоритетную позицию, но оно концентрировало внимание на самых актуальных и важных военных проблемах, в разное время вставававших перед Сибирью. Сиббюро решало в основном политические и организационные вопросы, занималось кадровым обеспечением военных структур Сибири, что позволило превратить Сибирь в надежный плацдарм РСФСР.

Ключевые слова: военный вопрос, гражданская война, Сибирь, Сибирское областное бюро РКП(б), Сибирское бюро ЦК РКП(б).

В ходе гражданской войны Российская коммунистическая партия большевиков для руководства подпольной работой и партизанской борьбой в белогвардейском тылу, а также восстановлением и деятельностью коммунистических организаций на освобожденных от контрреволюции территориях России часто применяла такую чрезвычайную форму организации как областные бюро РКП(б) и/или ЦК РКП(б).

Сибирь стала одной из таких областей. Здесь Сибирское областное бюро РКП(б) было создано группой ответственных партийных и советских работников в Челябинске 27 октября 1919 г. сначала только для учета и распределения коммунистов. Но после освобождения от колчаковцев Омска в середине ноября 1919 г. и переезда туда Сибоблбюро, оно взяло на себя решение многих вопросов по руководству Сибирью: организационных, военных, внутри- и внешнеполитических и др. В апреле 1920 г. пленум ЦК РКП(б) придал Сибоблбюро статус своего территориального отдела и переименовал его в бюро ЦК РКП(б). Основными задачами Сиббюро ЦК РКП(б) стало проведение в Сибири политики Коммунистической партии во всех областях жизни.

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-81-01023.

Одним из направлений деятельности Сиббюро ЦК РКП(б) являлось руководство военными делами. Внимание к военной проблематике со стороны Сиббюро было обусловлено совокупностью объективных обстоятельств, прежде всего необходимостью установления революционного порядка в Сибири после ее освобождения от колчаковцев и интервентов и предотвращения здесь антикоммунистических восстаний, а также оказания помощи вооруженной силой, вооружением и снаряжением Центру в борьбе на Западном (Польском) и на Южном (Врангелевском) фронтах.

Роль и значение Сиббюро обусловило относительно устойчивый интерес к нему российских историков. Проведенные ими исследования на эту тему выполнены, как правило, в широких хронологических [1], но в узких тематических рамках [2]. В имеющихся диссертациях и публикациях рассматривались проблемы создания Сиббюро, направления его деятельности в период гражданской войны, основные мероприятия по руководству партийным строительством в Сибири, функционирование отделов. С.А. Папков опубликовал энциклопедическую справку о Сиббюро ЦК РКП(б), которая дает самое общее представление о компетенции и

[1] *Мельников В.П.* Роль Сиббюро ЦК РКП(б) в укреплении партийных организаций Сибири (ноябрь 1919 – май 1924 гг.): автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1971. 19 с.; *Папков С.А.* Сиббюро ЦК РКП(б) – руководитель восстановления промышленности и транспорта Сибири, 1920–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986. 242 с.

[2] *Казаков А.Я.* О времени создания и месте деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) // Вопросы истории КПСС. 1960. № 1. С. 126–133; *Спирин Л.М.* О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны // Вопросы истории КПСС. 1961. № 2. С. 97–112; *Желвакова А.А.* О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в период гражданской войны и иностранной военной интервенции // Труды Омского ветеринарного института. 1962. Т. XX. С. 3–28; *Мельников В.П.* Сиббюро ЦК РКП(б) – руководящий орган партийных организаций Сибири в 1919–1924 гг. // Двенадцатая итоговая научная конференция: Сб. материалов. Новосибирск, 1971. С. 3–24; *Лаврентьев Н.Л.* Руководство Сиббюро ЦК РКП(б) строительством партийных органов в Сибири (1920 г.) // Партийное строительство в Сибири: Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 1984. С. 16–29; *Плотников И.Ф.* Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск. Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918–1920 гг. Свердловск, 1989. 337 с.*; Михеев А.П.* Сибирское бюро ЦК РКП(б) // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачёва Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 245–246; *Холявченко Д.С.* Создание и начало деятельности агитационно-пропагандистского отдела Сибирского бюро ЦК РКП(б) (август 1920 – август 1921 гг.) // Клио: Сб. студ. науч. работ. Новосибирск, 2005. С. 21–29.

деятельности этого органа [3]. Однако до настоящего времени отсутствуют специальные исследования, посвященные военным вопросам в деятельности Сиббюро.

В настоящей статье предпринята попытка на основе протоколов Сибоблбюро РКП(б) и Сиббюро ЦК РКП(б) выявить ключевые военные проблемы, решению которых Сиббюро уделяло главное внимание в «омский» период своей деятельности в конце ноября 1919 – июне 1921 г. Решение этой задачи во многом облегчается благодаря тому, что имеются специальные публикации, которые содержат общеисторический и военно-политический контекст событий того времени [4], а также вводят в научный оборот важные источники по изучаемой нами теме [5].

В исследуемый период численность членов Сибирского бюро никогда не превышала семи человек, но его состав не оставался неизменным. С 26 ноября 1919 г. в состав Сибоблбюро входили Д.К. Гончарова, В.М. Косарев, И.Н. Смирнов, А.П. Спундэ, И.Н. Стуков и В.И. Хотимский. 3 декабря в Сибоблбюро был дополнительно введен М.И. Фрумкин, но по сути дела в нем перестал работать А.П. Спундэ, откомандированный в Красноярск.

В апреле 1920 г. пленум ЦК РКП(б) утвердил новый состав Сиббюро: председателем Сиббюро ЦК РКП(б) был назначен И.Н. Смирнов, членами – В.М. Косарев, В.И. Хотимский, В.Н. Яковлева, Е.М. Ярославский, секретарем – Д.К. Гончарова. В сентябре 1920 г. в состав Сиббюро был введен Н.К. Гончаров.

Все члены Сибирского бюро ЦК были профессиональными революционерами с большим – за исключением В.И. Хотимского – партийным стажем, имевшими тот или иной опыт военно-боевой работы. Так, И.Н. Смирнов в разное время являлся членом Реввоенсоветов республики,

---

[3] *Папков С.А.* Сиббюро ЦК РКП(б) // Историческая энциклопедия Сибири / Глав. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 69–70.

[4] *Шишкин В.И.* Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1978. 333 с.; *Он же.* Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985. 319 с.; *Он же*. Военная деятельность Сибирского революционного комитета в годы гражданской войны (сентябрь 1919 – март 1921 г.) // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917−1922 гг.). Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1978. С. 106–128.

[5] Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918–1920 гг.: Сб. док. Ч. 1. Новосибирск, 1978. 314 с.; Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году / Сост. и отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 1997. 710 с.; Сибирская Вандея 1919–1920. Документы. В 2-х т. / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.И. Шишкин. М., 2000. Т. 1. 664 с.; 2001. Т. 2. 774 с.

Восточного фронта и 5-й армии; Н.К. Гончаров заведовал политотделом штаба войск Вятского района и Северного фронта, был заместителем члена Реввоенсовета Северного фронта, военкомом 26-й стрелковой дивизии, членом Реввоенсовета 5-й армии и членом военного совета Народно-революционной армии Дальневосточной республики; В.Н. Яковлева служила заместителем председателя ВЧК и председателем Петроградской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией; Е.М. Ярославский в 1917 г. был членом военного бюро Московского комитета РСДРП(б), членом центрального штаба Красной гвардии и Боевого партийного центра по руководству восстанием, комиссаром Московского военного округа. Таким образом, Сибирское бюро всегда имело в своем составе людей, способных компетентно решать военные вопросы.

Проблемы военного характера не часто обсуждались на заседаниях Сибирского бюро. Из примерно 1250 вопросов, рассмотренных Сиббюро в ноябре 1919 – июне 1921 г., на долю военной тематики пришлось всего 65 вопросов, что составляло немногим более пяти процентов [6]. Военная тематика на заседаниях Сиббюро явно уступала таким основополагающим направлениям деятельности Сиббюро, как внутрипартийная работа, решение внутриполитических и экономических задач, кадровое обеспечение.

Для более грамотного решения военных вопросов Сиббюро неоднократно приглашало на свои заседания руководителей военного ведомства. В конце 1919 – начале 1920 г. в заседаниях Сибоблбюро неоднократно принимали участие руководящие политработники Красной армии: член Реввоенсовета 5-й армии К.И. Грюнштейн, помощник командующего Восточным фронтом и член Реввоенсовета 5-й армии И.Л. Дзевалтовский, член Реввоенсовета 5-й армии Н.П. Теплов, начальник политотдела 5-й армии В.П. Файдыш, военный комиссар Омской губернии П.В. Дашкевич. С начала 1920 до июня 1921 г. регулярно участвовал в заседаниях Сиббюро Полномочный представитель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией И.П. Павлуновский, присутствовали комиссары Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского военных округов И.Л. Коган и А.И. Окулов, член Реввоенсовета 5-й армии, а затем начальник политического управления войск Сибири Н.К. Гончаров.

Одной из первых задач, вставших перед Сибоблбюро РКП(б), являлось решение партизанского вопроса. За время гражданской войны в Сибири образовались партизанские отряды и соединения, общая численность ко-

[6] Подсчитано по: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-1. Оп. 3. Д. 2, 3, 18. В действительности процент был выше, но мы не учитывали кадровые назначения и перемещения по военной линии.

торых достигала примерно 150 тыс. человек [7]. Освобождение Сибири от колчаковцев и интервентов и восстановление в крае Советской власти поставили вопрос о дальнейшей судьбе партизанского движения. Перед Сибоблбюро встала задача взять партизан под контроль Советской власти и не допустить возникновения сибирской «махновщины». Для этого Сибоблбюро изначально взяло курс на проведение среди партизан партийно-политической работы.

Так, 3 декабря 1919 г. Сибоблбюро рассмотрело вопрос о партизанах и постановило направить несколько крупных партийных работников в партизанскую среду для ведения политической работы. В частности, было решено В.М. Косарева командировать в Семипалатинскую область и Алтайскую губернию, где действовало самое крупное иррегулярное оперативно-тактическое партизанское соединение – Западно-Сибирская крестьянская Красная армия под командованием Е.М. Мамонтова, а в Минусинский уезд Енисейской губернии, где оперировала Крестьянская партизанская армия А.Д. Кравченко – П.Е. Щетинкина, был направлен В.И. Хотимский. Кроме того, А.П. Спундэ и И.Н. Смирнову было поручено написать воззвания к партизанам от имени Сибоблбюро, Реввоенсовета 5-й армии и Сибирского революционного комитета [8].

26 декабря 1919 г. Реввоенсовет 5-й армии на основе приказа от 11 декабря 1919 г. Революционного военного совета республики о недопустимости существования партизанских отрядов как самостоятельных боевых единиц на советской территории издал приказ, в котором был высоко оценен вклад сибирских партизан в освобождение края от колчаковщины и одновременно определен порядок расформирования партизанских частей. С этого времени начался целенаправленный процесс расформирования партизанских соединений и отрядов и передачи их рядового и командного состава в запасные части Красной армии и в действующие красноармейские части, который завершился к концу весны 1920 года [9].

Вновь Сиббюро ЦК РКП(б) было вынуждено обратиться к партизанскому вопросу в конце весны 1920 г. На этот раз перед Сиббюро ЦК РКП(б) встала задача не допустить активизации партизан как анти-

---

[7] *Ларьков Н.С., Шишкин В.И.* Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 4. Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013. С. 76.

[8] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 3 об.

[9] См.: *Шишкин В.И.* Борьба большевиков за объединение сибирских партизан с Красной армией (декабрь 1919 – апрель 1920 г.) // Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях. Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 1986. С. 81–106.

коммунистической вооруженной военной силы. На заседании 6 мая 1920 г. Сиббюро приняло решение, обязывавшее губкомы создать благоприятные условия для работы партизан на партийном попроще, чтобы предотвратить создание партизанских отрядов антикоммунистического характера [10]. Советская власть ставила перед собой задачу не допустить возрождение какого-либо партизанского движения, так как видела в нем возможную угрозу своему существованию [11]. Средством нейтрализации бывших партизан было признано переложение на партизанских вождей советской работы, активное использование партизан в советских органах власти. Сиббюро разработало и рекомендовало принять на местах меры по включению партизан в партийное и советское строительство, что позволило нейтрализовать их как взрывоопасную военную силу, направленную против коммунистического режима.

Разгром основных сил контрреволюции в Сибири к началу 1920 г. поставил перед Советской властью задачи по развертыванию хозяйственного строительства, ликвидации разрухи, возрождению экономики, что было возможно лишь при дальнейшем организационном укреплении партийного руководства. Перед Сиббюро ЦК РКП(б) как территориальным отделом ЦК были поставлены новые задачи, обусловленные борьбой за дальнейшее укрепление власти Советов в Сибири.

Успешность выполнения этих задач напрямую зависела от слаженности работы всех партийных, советских и военных учреждений Сибири. Поэтому когда после завершения военных операций против войск Колчака между Сибревкомом и Реввоенсоветом 5-й армии обнаружилось отсутствие должного контакта и начались конфликты из-за обоюдного вмешательства в дела друг друга, то по инициативе ЦК РКП(б) и Реввоенсовета республики было принято решение о создании военного отдела Сибревкома во главе с бывшим командующим Кавказским фронтом В.И. Шориным.

Сибирское бюро РКП(б) как высший партийный орган Сибири приняло участие в обсуждении вопроса о военном отделе Сибревкома. Впервые этот вопрос рассматривался на заседании Сиббюро РКП(б) 18 марта 1920 г. Тогда И.Н. Смирнов высказался против создания военного отдела при Сибревкоме, считая его «вредным загромождением, требующим лишних людей» [12], которых в Сибири и так недоставало. И.Н. Смирнов считал, что для урегулирования возникавших конфликтов было бы достаточно иметь в Реввоенсовете представителя от Сибревкома и усилить штаб За-

[10] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 64.
[11] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 15.
[12] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 23. Л. 71.

падно-Сибирского округа, назначив В.И. Шорина на должность окружного военного комиссара [13].

Однако вопрос был решен иначе. Приказом Реввоенсовета республики от 20 апреля 1920 г. была учреждена должность помощника Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики по Сибири, на которую назначили В.И. Шорина. При Помглавкоме по Сибири был учрежден специальный штаб, который вошел в состав Сибревкома в качестве его военного отдела. Помглавкому по Сибири подчинялись 5-я армия, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военные округа и укрепленные районы Сибири, дислоцировавшиеся в Сибири части войск внутренней охраны, караульные части и батальоны местных губернских чека. Военный отдел Сибревкома был наделен широкими полномочиями и стал руководить всеми военными делами края, получая политические директивы от Сибирского бюро ЦК РКП(б) [14].

Деятельность штаба Помглавкома не сразу получила должное признание со стороны руководящих работников Сибири. 28 июля 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) рассмотрело инициированный комиссаром Восточно-Сибирского военного округа А.И. Окуловым и председателем Енисейского губревкома А.П. Спундэ вопрос о расширении повестки дня второго Сибирского областного совещания РКП(б). Сиббюро ЦК РКП(б) постановило повестку дня совещания не расширять, так как считало нецелесообразным обсуждение этого вопроса на столь широком форуме. Вместо этого Сиббюро приняло решение обсудить вопрос о военном отделе Сибревкома на специальном заседании с участием компетентных в этой области работников – представителей 5-й армии и военных округов [15].

Первого августа 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) созвало заседание, на котором обсуждался вопрос о деятельности военных округов, в результате которого было принято решение объединить 5-ю армию и Восточно-Сибирский военный округ. 4 августа при участии представителей военных организаций Сиббюро рассмотрело вопрос о военном отделе Сибревкома. Против существования отдела высказывался комиссар Восточно-Сибирского военного округа А.И. Окулов, указывая на отсутствие систематического руководства со стороны военного отдела: «В течение полутора месяцев округ не мог получить даже приказ об организации его. У округа нет ни штатов, ни обмундирования, ни снаряжения. Мобилизация объявляется,

[13] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 29–29 об.

[14] См. подробнее: *Шишкин В.И.* Военная деятельность Сибирского революционного комитета в годы гражданской войны... С. 106–128.

[15] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 14 об.

народ набирается и потом ходит разутый, раздетый и голодный» [16]. Комиссар Восточно-Сибирского округа высказал опасение, что настолько плохая постановка работы может обернуться серьезными последствиями, так как «[…] в связи с хлебной разверсткой можно ожидать выступления крестьян, но голодных и разутых красноармейцев не пошлешь усмирять восставших». Исходя из такой оценки работы штаба Помглавкома, А.И. Окулов считал, что целесообразней подчинить Восточно-Сибирский округ непосредственно Москве.

Однако отрицательная характеристика работы военного отдела Сибревкома не нашла поддержки у большинства участников заседания. И.Н. Смирнов высказал мнение, что военный отдел Сибревкома в целом справляется с возложенными на него обязанностями, а недочеты в его работе были вызваны недостатком опытных работников. В результате обсуждения с руководителями высших военных органов Сибири вопроса о существовании военного отдела Сиббюро ЦК признало необходимым сохранить и укрепить военный отдел Сибревкома, объявив одной из приоритетных задач Сиббюро усиление его квалифицированными работниками. В качестве примера решения этой задачи можно привести назначение 5 февраля 1921 г. комиссаром штаба бывшего члена Реввоенсовета 9-й армии, военкома Омской губернии П.В. Дашкевича [17].

С конца весны 1920 г. в рамках военного вопроса, стоявшего довольно остро на всем протяжении деятельности Сиббюро, центр тяжести пришелся на ликвидацию остатков бывшей контрреволюции и на подавление возникавших антикоммунистических восстаний.

В мае 1920 г. с мятежа Г.Ф. Рогова на территории Сибири началась открытая вооруженная борьба бывших партизан, недовольных объединением их отрядов с Красной армией, против большевистской власти и проводимой ею политики военного коммунизма. В конце июня – начале июля 1920 г. восстало население Степного Алтая. Мятежники сформировали Народную повстанческую армию численность до 18 тыс. человек, которой командовали сначала бывший комиссар 1-го Алтайского полка партизанской армии Е.М. Мамонтова Ф.Д. Плотников, а затем есаул Д.Я. Шишкин.

В июле в Западной Сибири произошло еще два крупных восстания: Колыванское в Новониколаевском уезде Томской губернии и Бухтармирское в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской губернии. В сентябре

[16] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 16.
[17] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 18. Л. 14–14 об.

1920 г. в Мариинском уезде Томской губернии вспыхнуло восстание под руководством бывшего командира партизанского отряда П.К. Лубкова. Осенью 1920 г. восстания охватили Восточную Сибирь [18].

В связи с обострением политической обстановки в крае и увеличением масштабов антикоммунистических выступлений 9 июля 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании оперативно-политической «тройки» в составе председателя Сибревкома И.Н. Смирнова, руководителя представительств ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского и Помглавкома по Сибири В.И. Шорина, на которую было возложено руководство подавлением антикоммунистических выступлений на территории Сибири. Сиббюро поручило «тройке» усилить политическую работу среди населения и частей Красной армии, а по отношению к восставшим разрешало применять высшую меру наказания [19]. 30 июля 1920 г. Сиббюро собралось на расширенное заседание с представителями губкомов, на котором рассмотрело вопрос о порядке подавления вооруженных восстаний и постановило для их ликвидации организовывать на местах губернские и уездные «тройки», состоявшие из председателей ревкомов, военкомов и руководителей местных органов ВЧК [20].

Восстания, которые произошли в 1920 г. на территории Сибири, были плохо подготовлены и носили в основном стихийный характер, вспыхивали независимо друг от друга и потому были довольно быстро подавлены Красной армией. Дольше всех – около двух месяцев – продержались роговцы и повстанцы Степного Алтая: первые – за счет того, что избегали вступать с красноармейскими частями во встречные бои, вторые – благодаря своей большой численности и маневренности [21].

Летом и в начале осени 1920 г. основные силы мятежников были разбиты, а перемирие с Польшей и разгром Врангеля позволили перейти к частичной демобилизации Красной армии и переводу части ее подразделений на трудовое положение. 4 августа 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) на совместном заседании с представителями военных органов приняло решение о переводе 5-й армии на положение трудовой армии. С ее созданием связывались надежды на решение тех огромных производственных задач, которые поставил Центр перед Сибирью [22]. 6 августа 1920 г. Сиббюро

---

[18] См. подробнее: *Шишкин В.И.* Гражданская война в Сибири (1920 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 121–139.

[19] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 4.

[20] Там же. Л. 15.

[21] *Шишкин В.И.* Гражданская война в Сибири (1920 г.)... С. 139.

[22] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 16 об.

приняло решение назначить на должность командующего трудовой армии члена Реввоенсовета 5-й армии Б.П. Позерна [23].

Однако в начале 1921 г. хозяйственное строительство вновь было прервано антикоммунистическими восстаниями. В середине января 1921 г. как протест против проводимой Советской властью политики военного коммунизма вспыхнул мятеж в Барнаульском уезде Алтайской губернии, а затем в Ишимском уезде Тюменской губернии, который к середине февраля перекинулся в Омскую, Семипалатинскую и Челябинскую губернии и вырос до масштабов Западно-Сибирского.

Вновь Сиббюро ЦК РКП(б) взяло на себя политическое руководство борьбой с восставшими. 12 февраля 1921 г. специальным постановлением Сиббюро при Сибревкоме была создана «тройка» для борьбы с контрреволюцией в составе председателя Сибревкома, Помглавкома по Сибири и руководителя представительств ВЧК по Сибири. Под руководством этой «тройки» мятежи удалось разгромить.

Но возникла проблема: что делать с тысячами взятых в плен повстанцев. 2 апреля 1921 г. Сиббюро заслушало доклад В.М. Косарева об ишимских повстанцах и постановило провести их фильтрацию в соответствии со степенью участия в мятежах. Сиббюро предложило случайно арестованных и не принимавших активного участия в восстании отпустить, а активных участников распределить по категориям и заключить в тюрьму для дальнейшего предания суду [24]. 6 апреля Сиббюро постановило обратить особое внимание на проведение политической работы среди повстанцев, для чего к каждой «роте» рекомендовалось прикрепить ответственного работника.

Итак, в конце 1919 – первой половине 1921 г., если подходить к оценке с формальных, чисто статистических позиций, военный вопрос не занимал в деятельности Сибирского бюро приоритетную позицию. Но принципиально важно другое. В своей деятельности Сиббюро концентрировало внимание на самых актуальных и важных военных проблемах, в разное время вставших перед Сибирью. Сиббюро решало в основном политические и организационные вопросы, занималось кадровым обеспечением военных структур Сибири. Политические директивы, данные Сибирским бюро, явились основой успешного решения партизанского вопроса, в результате чего в Сибири в основном удалось предотвратить «махновщину», а основную массу партизан политически обработать и влить в Красную армию. При поддержке Сиббюро эффек-

[23] Там же. Л. 18–19 об.
[24] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 18. Л. 37.

тивно функционировал военный отдел Сибревкома, непосредственно управлявший военными делами в крае. Под непосредственным политическим руководством Сиббюро ЦК РКП(б) были жестоко, но быстро подавлены антикоммунистические выступления 1920 – первой половины 1921 г., что обеспечило превращение Сибири в надежный плацдарм РСФСР, использование ее людских и материальных, прежде всего – продовольственных, ресурсов в интересах победы и упрочения Советской власти.

Библиография

Желвакова А.А. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в период гражданской войны и иностранной военной интервенции // Труды Омского ветеринарного института. 1962. Т. XX. С. 3–28.

Казаков А.Я. О времени создания и месте деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) // Вопросы истории КПСС. 1960. № 1. С. 126–133.

Лаврентьев Н.Л. Руководство Сиббюро ЦК РКП(б) строительством партийных органов в Сибири (1920 г.) // Партийное строительство в Сибири: Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 1984. С. 16–29.

Ларьков Н.С., Шишкин В.И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 4. Новосибирск, 2013. С. 76–114.

Мельников В.П. Роль Сиббюро ЦК РКП(б) в укреплении партийных организаций Сибири (ноябрь 1919 – май 1924 гг.): автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1971. 19 с.

Мельников В.П. Сиббюро ЦК РКП(б) – руководящий орган партийных организаций Сибири в 1919–1924 гг. // Двенадцатая итоговая научная конференция: Сб. материалов. Новосибирск, 1971. С. 3–24.

Михеев А.П. Сибирское бюро ЦК РКП(б) // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачёва Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 245–246.

Папков С.А. Сиббюро ЦК РКП(б) // Историческая энциклопедия Сибири / Глав. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 69–70.

Папков С.А. Сиббюро ЦК РКП(б) – руководитель восстановления промышленности и транспорта Сибири, 1920–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986. 242 с.

Плотников И.Ф. Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск. Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918–1920 гг. Свердловск, 1989. 337 с.

Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году / Сост. и отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 1997. 710 с.

Сибирская Вандея 1919–1920. Документы. В 2-х т. / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.И. Шишкин. М., 2000. Т. 1. 664 с.; 2001. Т. 2. 774 с.

Спирин Л.М. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны // Вопросы истории КПСС. 1961. № 2. С. 97–112.

Холявченко Д.С. Создание и начало деятельности агитационно-пропагандистского отдела Сибирского бюро ЦК РКП(б) (август 1920 – август 1921 гг.) // Клио: Сб. студ. науч. работ. Новосибирск, 2005. С. 21–29.

Шишкин В.И. Борьба большевиков за объединение сибирских партизан с Красной армией (декабрь 1919 – апрель 1920 г.) // Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях. Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 1986. С. 81–106.

Шишкин В.И. Военная деятельность Сибирского революционного комитета в годы гражданской войны (сентябрь 1919 – март 1921 г.) // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917−1922 гг.). Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1978. С. 106–128.

Шишкин В.И. Гражданская война в Сибири (1920 г.) // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 121–139.

Шишкин В.И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1978. 333 с.

Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985. 319 с.

Л.В. Кромер

Институт истории СО РАН

Прием комсомольцев в РКП(б)–ВКП(б) в годы новой экономической политики

Статья посвящена исследованию приема комсомольской молодежи в ряды коммунистической партии в годы нэпа. На основе опубликованных и архивных материалов выявлены условия приема комсомольцев в РКП(б)–ВКП(б) и их удельный вес среди принятых в партию. По итогам исследования сделан вывод, что в годы нэпа комсомол активно принимал участие в увеличении численности партийных рядов, не осуществляя при этом строгого контроля за социальным составом своих членов, рекомендуемых к вступлению в партию: значительную долю среди вступавших в ряды РКП(б)–ВКП(б) комсомольцев составляли выходцы из среды служащей молодежи и представители социальной категории «прочие». Стремление партийного руководства улучшить социальный состав ВКП(б) в конце 1920-х годов привело к падению роли комсомола как партийного резерва.

Ключевые слова: РКП(б), ВКП(б), комсомол, резерв партии, ленинский призыв.

Одним из важнейших условий функционирования коммунистической партии являлось постоянное привлечение молодежи в ее ряды. Без постоянного притока вступающих в РКП(б)–ВКП(б) молодых людей не представлялись возможными обеспечение преемственности поколений, передача управленческого опыта от старших коммунистов к младшим, сохранение руководящей роли партии в обществе. В годы новой экономической политики решение этой задачи было возложено на комсомол – единственную общественную организацию, имевшую право рекомендовать своих членов в партию. За время пребывания в РКСМ–РЛКСМ–ВЛКСМ проводились предварительная проверка верности молодого человека коммунистическим идеалам и усвоения им политических знаний и норм поведения, выявлялись его деловые качества и способности к общественной работе.

Столь политически значимое направление работы комсомола, как участие в пополнении партийных рядов привлекало к себе внимание исследователей как в советский, так и постсоветский периоды. Специально изучавшие комсомол как партийный резерв В.А. Сулемов, З. Апресян, С.У. Сапаргалиев единогласно отметили важность выполняемой комсомо-

лом задачи для советского общества, высокий авторитет коммунистической партии и комсомола в глазах молодежи, отсутствие конфликтов между различными поколениями коммунистов, неразрывность связей между партией и комсомолом [1].

Прием комсомольцев в ряды коммунистической партии рассматривался также историками, изучавшими принципы комсомольского строительства и подготовку руководящих комсомольских кадров. Принадлежность последних к коммунистической партии служила формой осуществления политического контроля над комсомолом, а также гарантией их «политической зрелости», способности «обеспечить классовый подход» в своей работе [2]. Исследовавший состав комсомольских руководящих кадров В.Н. Литуев пришел к выводу, что в 1920-е годы в рядах комсомольского руководства происходило увеличение удельного веса коммунистов [3].

Изучение взаимоотношений партии и комсомола было продолжено в постсоветской историографии. Проанализировав состав руководящих кадров союза в Центральном Черноземье и в Пензенской губернии, А.А. Слезин и И.В. Юрков пришли к выводу, что пребывание в РКП(б)–ВКП(б) являлось необходимым условием успешной комсомольской карьеры [4]. А.А. Слезин и А.Э. Скоропад высказали суждение, что в конце 1920-х годов ВЛКСМ исчерпал возможности роста «партийного ядра». Авторы декларировали, не приводя при этом убедительных аргументов, что главной задачей комсомола в указанные годы ста-

---

[1] *Апресян З., Сулемов В.А.* ВЛКСМ как резерв партии // Молодой коммунист. 1968. № 8. С. 10–24; *Сулемов В.А., Сапаргалиев С.У.* Боевой резерв партии. Алма-Ата, 1980. 204 с.; *Сулемов В.А.* Союз молодых борцов. М., 1982. 399 с.

[2] Вопросы комсомольского строительства. М., 1975. С. 129; Основы комсомольского строительства. М., 1979. С. 120.

[3] *Литуев В.Н.* Кадры ленинского комсомола в статистических источниках 20-х годов // Позывные истории. М., 1985. Вып. 8. С. 137–152.

[4] *Слезин А.А.* Комсомольский актив Центрального Черноземья 1920-х гг.: качественная характеристика // Общество и государство в России: традиции, современность, перспективы. Тамбов, 2003. С. 194–208; *Юрков И.В.* Комсомольские функционеры в истории СССР 1920-х годов (на материалах Пензенской губернии) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 645–648.

ла считаться не подготовка нового пополнения, а проведение в жизнь решений партии [5].

В последние годы в научный оборот также были введены источники, характеризующие порядок приема комсомольцев в РКП(б)–ВКП(б). Опубликованные Т.И. Морозовой заявления секретаря комсомольской ячейки Н.А. Цимбакова, на протяжении 1925–1928 гг. неоднократно предпринимавшего безуспешные попытки вступить в партию, свидетельствуют о том, что члены РЛКСМ–ВЛКСМ, являвшиеся служащими по «роду занятий», сталкивались иногда с серьезными трудностями, которые препятствовали их приему в РКП(б)–ВКП(б), что в свою очередь вело к политической дезадаптации индивидов [6].

Таким образом, советскими и российскими историками в научный оборот был введен обширный фактический материал, характеризующий как участие комсомола в пополнении рядов партии в целом, так и проблемы, с которым сталкивались при вступлении в РКП(б)–ВКП(б) отдельные комсомольцы. Однако советские исследователи, рассматривая практику отбора членов РКСМ–РЛКСМ–ВЛКСМ для приема в партию в широких хронологических рамках, не ставили своей целью выявление особенностей этой деятельности на отдельных этапах истории советского общества. В своих выводах они были скованны действовавшими марксистско-ленинскими идеологическими догмами, заставлявшими их оценивать результаты работы комсомола по пополнению партийных рядов только положительно, умалчивая о неудачах. Российские же историки до настоящего времени не предпринимали попыток осмыслить роль комсомола как резерва партии.

Настоящая статья является попыткой восполнить выявленный пробел, рассмотрев практику приема комсомольской молодежи в РКП(б)–ВКП(б) в годы новой экономической политики. В ней предполагается выявить принципы, на основе которых комсомол обеспечивал пополнение партийных рядов, исследовать деятельность РКСМ–РЛКСМ–ВЛКСМ в этом направлении и оценить её результаты. Изучение комсомола в данном ракурсе, как нам представляется, позволит составить

---

[5] *Слезин А.А.* Этатизация комсомола: этап второй // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2009. Т. 15. № 1. С. 249–255; *Слезин А.А., Скоропад А.Э.* Институализация комсомола как государственного органа // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 4. С. 185–208.

[6] *Морозова Т.И.* «Хочу работать и трудиться для осуществления социализма»: практика индивидуальной адаптации комсомольца к политическим реалиям 1920-х годов // Исторический архив. 2015. № 5. С. 126–136.

более полное и объективное представление о его связи с коммунистической партией, роли и месте в советской политической системе.

В первые годы существования РКСМ комсомольцы вступали в ряды РКП(б) на точно таких же основаниях, как и представители несоюзной молодежи. В соответствии с Уставом РКП(б), принятым в декабре 1919 г. VIII Всероссийской партийной конференцией, все лица, желавшие стать членами партии, обязаны были пройти кандидатский стаж и предоставить две рекомендации коммунистов, состоявших в РКП(б) не менее полугода. Срок прохождения кандидатского стажа составлял не менее двух месяцев для рабочих и крестьян и не менее шести месяцев для остальных категорий населения [7].

Первым руководящим документом, официально устанавливавшим особый порядок вступления комсомольцев в партию, стало «Положение о взаимоотношениях РКП[(б)] и РКСМ», принятое на состоявшемся 21–28 сентября 1921 г. IV Всероссийском съезде комсомола. Положение устанавливало, что молодые люди в возрасте до 20 лет могли быть приняты в партию только при наличии у них комсомольского билета. Для подачи заявления о вступлении в РКП(б) будущий коммунист должен был иметь союзный стаж: шесть месяцев – для рабочего, год – для представителей остальных социальных групп. Другим обязательным условием являлось предъявление рекомендации от местного комитета РКСМ [8]. Этот порядок был закреплен сначала в утвержденном 22 июня 1922 г. ЦК ВКП(б) «Положении о приеме членов РКСМ в члены РКП(б)» [9], а затем – в новой редакции партийного Устава, принятой в августе 1922 г. XII конференцией РКП(б) [10].

В начале 1920-х годов деятельность комсомола по пополнению партийных рядов не носила планомерного характера и велась преимущественно через проведение краткосрочных кампаний, приуроченных к значимым с точки зрения большевиков событиям. Как видно из приведенной таблицы, около трети всех комсомольцев, вступивших в РКП(б) в 1923 г., были приняты в марте, когда отмечался 25-летний юбилей Первого съезда РСДРП, и в октябре – в пятилетнюю годовщину существования РКСМ.

---

[7] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 202.

[8] IV съезд РКСМ, 21–28 сентября 1921 года: Стеногр. отчет. М., Л., 1925. С. 344–345.

[9] Документы КПСС о ленинском комсомоле и пионерии / Сост. В.К. Криворученко, Н.В. Трущенко. М., 1987. С. 27.

[10] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2. С. 574.

Таблица

Прием комсомольцев в ряды РКП(б) в 1923 году [*]

Месяц	Число принятых, чел.	Доля от числа принятых за год, %
Январь	850	4,4 %
Февраль	1500	7,8 %
Март	3900	20,3 %
Апрель	1730	9,0 %
Май	1220	6,4 %
Июнь	750	3,9 %
Июль	980	5,1 %
Август	1100	5,7 %
Сентябрь	940	4,9 %
Октябрь	2970	15,4 %
Ноябрь	1850	9,6 %
Декабрь	1450	7,5 %
Итого	19 240	100 %

[*] Составлено по: Статистический сборник о состоянии РКСМ с 1 окт. 1922 г. по 1 янв. 1924 г. М., 1924. С. 19.

Широко распространенной практикой являлся коллективный прием группы комсомольцев в РКП(б), проводившийся как праздничное мероприятие. Вот как описывал юнкор И. Орлов одно из таких празднеств, состоявшееся весной 1923 г.: «Новониколаевский комсомол 29 апреля передавал в партию […] лучших комсомольцев. В Рабочем Дворце яблоку негде упасть: комсомольцы и партийцы – все старались не пропустить торжественного заседания […] Один за другим подходят к секретарю губкома партии наши ребята. Жмут руку, принимают “Наказ” и возвращаются на свое место на сцене. Оркестр заливается бодрящим тушем, все стоя провожают передаваемых аплодисментами» [11].

[11] *Золотарёв В.А.* Ленин. Сибирь. Комсомол: Документальная трилогия. Новосибирск, 1978. Кн. 2. В борьбе за претворение в жизнь заветов великого вождя, 1920–1925 гг. С. 120–121.

Большинство вступивших в партию в 1923 г. являлись работниками комсомольского аппарата: из общей массы вступивших в партию комсомольцев их совокупная доля, согласно сведениям по 19 губерниям, составляла 57 %. Основные социальные группы населения были представлены в составе вступивших примерно в равной степени: доля рабочих составляла 38,3 %, крестьян – 31,5 %, служащих – 25,8 %, «прочих» – 4,4 % [12].

Важным рубежом в истории комсомола стала кампания ленинского призыва. Состоявшийся 29 и 31 января 1924 г. пленум ЦК РКП(б) принял решение произвести широкий набор рабочих «от станка» в ряды партии, временно приостановив прием остальных категорий населения. Особое внимание пленум рекомендовал обратить на прием в РКП(б) рабочих-комсомольцев, предполагая тем самым усилить как «партийное ядро» союза молодежи, так и его «пролетарскую часть» [13].

5 февраля 1924 г. бюро ЦК РКСМ, исходя из принятых пленумом ЦК РКП(б) решений, также поставило перед комсомолом задачу провести широкую кампанию по приему комсомольцев-рабочих «от станка» в коммунистическую партию [14]. Формы работы по отбору комсомольцев были решительно пересмотрены: совместным циркуляром ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ от 22 февраля 1924 г. ранее применявшаяся практика коллективного приема в РКП(б) была признана нецелесообразной. Вместо этого перед комсомольскими комитетами была поставлена задача обеспечить повседневную работу по обеспечению приема в РКП(б) «лучших товарищей», добиться повышения уровня теоретических знаний и общественной активности последних [15].

За февраль – май 1924 г. кандидатами в члены РКП(б) были приняты 27 тыс. комсомольцев [16]. Это свидетельствовало о значительной интенсификации работы комсомола по подготовке партийного пополнения. Для сравнения: за 1919–1923 гг. в ряды партии вступили 70 тыс. комсомольцев [17]. Тем не менее, секретарь ЦК РКП(б) В.М. Молотов расценил резуль-

[12] Статистический сборник о состоянии РКСМ за период с 1 окт. по 1 янв. 1924 г. М., 1924. Вып. 1. С. 20.

[13] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 3. 1922–1925. С. 184–185.

[14] *Динес В.А.* Партийное руководство комсомолом в восстановительный период (1921–1925 гг.). Дис. … д-ра ист. наук. Л., 1984. С. 363.

[15] Документы КПСС о ленинском комсомоле и пионерии... С. 40–43.

[16] *Динес В.А.* Партийное руководство комсомолом в восстановительный период… С. 367.

[17] *Шохин А.* Краткая история ВЛКСМ. М., 1928. С. 120.

таты участия комсомола в кампании ленинского призыва как неудовлетворительные: «Рабочая молодежь и в частности та молодежь, которая проходит школу комсомола, должна быть возможно шире вовлечена в партийные организации. Процент партийцев в комсомоле в большинстве случаев недостаточен. Усилить партийную работу в этом направлении, безусловно, необходимо» [18].

Состоявшийся 23–31 мая 1924 г. XIII съезд РКП(б) в резолюции «О работе среди молодежи» объявил, что «усиление партийного ядра союза и втягивание в партийную жизнь кадра активных его работников является очередной основной задачей» [19]. Особую политическую значимость прием комсомольцев в РКП(б) имел в деревне, где количественный рост ячеек комсомола значительно превышал рост партийных. Пленум ЦК РКП(б), прошедший 25–27 октября 1924 г., констатировал, что выполнение данной задачи должно содействовать сохранению политического руководства партии над комсомолом [20]. Принятую пленумом резолюцию подтвердило и уточнило постановление Оргбюро ЦК РКП(б) «О работе комсомола в деревне» от 1 декабря 1924 г., указавшее комитетам РЛКСМ на необходимость привлечь в ряды партии наиболее активных комсомольцев и в первую очередь секретарей ячеек. Специально отметив, что прием сельских комсомольцев в партию может быть затруднен отсутствием в деревне членов партии, имеющих право давать рекомендации, Оргбюро ЦК РКП(б) поручило организационно-распределительному отделу ЦК предпринять меры, позволявшие решить эту проблему [21].

К середине 1920-х годов число комсомольцев, состоящих в РКП(б)–ВКП(б) заметно выросло. Если 1 января 1924 г. в комсомоле насчитывалось 38,4 тыс. членов и кандидатов в члены партии, то к 1 января 1925 г. их численность составила 83,2 тысячи [22]. Прирост обеспечивался, главным образом, за счет приема в партию рядовых комсомольцев, удельный вес которых, по сведениям на 1 января 1925 г., в городах составлял 82,3 % от общего числа вступающих, в сельской местности – 52,1 % [23].

---

[18] *Молотов В.[М]*. Ленинский призыв // Правда. 1924. 10 мая. С. 2.

[19] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 3. 1922–1925. С. 276.

[20] Там же. С. 304.

[21] Там же. С. 308.

[22] *Шохин А.* Краткая история ВЛКСМ... С. 120.

[23] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-188. Оп. 1. Д. 155. Л. 111. Как следует из приписки, сделанной на документе карандашом, данные получены на основе сведений из 42 губерний, областей и республик СССР.

К началу 1927 г. количество членов и кандидатов в члены ВКП(б), продолжавших одновременно состоять в комсомоле, достигло уже 172 тыс. человек. Заметно выросла роль ВЛКСМ как партийного резерва не только в абсолютных числах, но и в относительном исчислении. Если за первое полугодие 1924 г. удельный вес лиц, подававших заявления на вступление в РКП(б) через комсомол, составил 8,4 %, то за первое полугодие 1927 г. он увеличился до 37,5 % [24]. Об интенсификации работы по приему комсомольцев в коммунистическую партию свидетельствуют статистические сведения о партийном стаже комсомольцев. По данным Всесоюзной партийной переписи 1927 г., 93,3 % комсомольцев, являвшихся кандидатами в члены ВКП(б), и 80,8 % комсомольцев, состоявших членами ВКП(б), приобрели свой партийный статус в 1925–1926 годы [25].

Характерной чертой комсомола как источника пополнения партийных рядов являлся сравнительно высокий удельный вес служащей и «прочей» молодежи. Партийное руководство разных уровней неоднократно указывало комсомолу на необходимость уменьшить удельный вес «неблизких» советской власти социальных элементов в составе рекомендуемых к вступлению в партию. Так, на заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б) 12 мая 1926 г. заведующий его организационно-распределительным отделом Р.Я. Кисис заявил: «Из принятых в партию комсомольцев […] $^1/_3$ работает в учреждениях. Местные партийные организации усвоили одно: что надо вовлекать молодежь в партию, надо увеличивать партядро, но не усвоили другого, что надо вовлекать, главным образом, рабочую и крестьянскую молодежь. Отсюда огромный процент служащих из комсомола». Причинами сильного притока комсомольцев-служащих в ряды коммунистической партии Р.Я. Кисис видел в неумении комитетов ВКП(б) производить отбор желающих стать членами партии: «Мало обращается внимания на качество. Везде наблюдается стихийность […] Когда получаем протоколы окружных комитетов, то видим, что проходит целый месяц и вопросы приема не ставятся. Потом сразу бухают пачками по 100 и больше человек» [26].

7 декабря 1926 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О росте комсомола в деревне и его регулировании», в котором отметил, что среди принятых в партию 30 тыс. деревенских комсомольцев «имеется несо-

[24] *Шохин А.* Краткая история ВЛКСМ... С. 120.

[25] Всесоюзная партийная перепись 1927 года. М., 1927. Вып. 8. Партядро ВЛКСМ. Социальное положение, род занятий и партийных стаж членов ВКП(б) и кандидатов в члены, состоящих в ВЛКСМ. С. 80–81.

[26] ГАНО. Ф. П-2. Оп. 7. Д. 86. Л. 2–2 об.

размерно высокий процент служащих», в связи с чем указал на необходимость усилить работу по приему в партию выходцев из батрацко-бедняцкой среды [27]. 13 октября 1927 г., после подведения итогов Всесоюзной партийной переписи, ЦК ВКП(б) был сделан вывод, что комсомол недостаточно активно готовит рабочую молодежь для вступления в партию, в связи с чем местным партийным организациям предлагалось оказать усиленную помощь ВЛКСМ в деле политического воспитания молодежи [28]. Центральный комитет не удовлетворил даже тот факт, что рабочие и так являлись наибольшей по численности социальной группой в составе «партийного ядра» ВЛКСМ. Их удельный вес среди вступивших в партию комсомольцев составлял 53,9 %, в то время как крестьян – 23,2 %, а служащих и «прочих» – 20,3 и 2,6 % соответственно [29].

Как не вполне удовлетворительные были оценены партийным руководством результаты работы ВЛКСМ по отбору кадров для вступления в партию в период с января по сентябрь 1928 г. Из рекомендованных за указанное время для вступления в партию 97,0 тыс. комсомольцев кандидатами в члены ВКП(б) были приняты только 56,8 тыс. человек. Тем не менее, даже среди принятых в состав ВКП(б) членов ВЛКСМ совокупная доля лиц, не занятых промышленным трудом или в сельском хозяйстве, составила 20,5 %, что заметно превосходило процент крестьян (15,7 %) и уступало лишь удельному весу рабочих (63,8 %). Особое недовольство вызвал тот факт, что удельный вес непролетарских элементов среди вступивших в партию комсомольцев (20,5 %) в полтора раза превысил долю непролетарских элементов среди всех принятых в партию за тот же период (13,6 %) [30].

Состоявшийся в ноябре 1928 г. пленум ЦК ВКП(б) резко ограничил возможности вступления в партию всех категорий населения, за исключением рабочих «от станка». Согласно принятому постановлению, удельный вес последних в общем количестве вступавших в ВКП(б) должен был составлять не менее 80 %. Рекомендовалось также, чтобы принимаемые в партию рабочие обладали длительным производственным стажем, что ограничивало доступ в партию рабочей молодежи.

---

[27] Документы КПСС о ленинском комсомоле и пионерии... С. 99.

[28] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1984. Т. 4. 1926–1929. С. 212.

[29] Всесоюзная партийная перепись 1927 года... С. 6.

[30] *Нелепин А.* Комсомол как резерв партии // Известия Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (б). 1929. № 7. С. 9.

Также было установлено дополнительное правило об обязательном предъявлении служащими нескольких рекомендаций рабочих с производства или батраков и сельскохозяйственных рабочих [31]. Таким образом, для служащей и «прочей» молодежи возможность вступить в ВКП(б) была фактически закрыта, даже если желавшие вступить в партию являлись активными, подготовленными и идейно выдержанными комсомольцами.

Проведение постановления ноябрьского пленума в жизнь привело к тому, что за 1928–1929 гг. доля комсомольцев среди вступавших в партию снизилась с 30,5 до 24,6 % [32]. Это дает основание утверждать, что ужесточение контроля ВКП(б) над социальным составом принимаемых привело к постепенному ослаблению той роли, которую ВЛКСМ играл в пополнении рядов правящей партии.

На всем протяжении новой экономической политики комсомол являлся важным источником, из которого РКП(б)–ВКП(б) черпала новые кадры. Однако цели и формы этой деятельности на протяжении указанного периода менялись. Если в первые годы нэпа работа по приему комсомольцев в партию велась нерегулярно и в значительной степени была направлена на увеличение числа коммунистов среди руководящих комсомольских работников, то после кампании ленинского призыва 1924 г. она приобрела более планомерный характер. При этом рост численности партии стал обеспечиваться не столько за счет ответственных союзных работников, сколько за счет рядовых комсомольцев.

В годы нэпа РКСМ–РЛКСМ–ВЛКСМ не осуществлял строгого контроля над социальным составом рекомендуемых к вступлению в партию, в результате чего значительную долю принятых в РКП(б)–ВКП(б) комсомольцев составляли служащие и «прочие». Это вызывало беспокойство высшего партийного руководства. Принятый ЦК партии в ноябре 1928 г. курс на улучшение социального состава ВКП(б) заметно ограничил возможности комсомольской молодежи вступить в ряды правящей партии и, соответственно, способствовал падению роли комсомола как резерва ВКП(б).

---

[31] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. 1926–1929. С. 392–393.

[32] Комсомол и его актив. Статистический сборник о численном и качественном составе ВЛКСМ и актива за 1927 и 1928 гг. М., Л., 1929. Вып. XIX. С. 13; *Сулемов В.А., Сапаргалиев С.У.* Боевой резерв партии... С. 37. (Сведения за 1928 г. охватывают первые три квартала).

Библиография

Апресян З., Сулемов В.А. ВЛКСМ как резерв партии // Молодой коммунист. 1968. № 8. С. 10–24.

Вопросы комсомольского строительства. М., 1975. 286 с.

Динес В.А. Партийное руководство комсомолом в восстановительный период (1921–1925 гг.). Дисс. … д-ра ист. наук. Л., 1984. 498 с.

Документы КПСС о ленинском комсомоле и пионерии / Сост. В.К. Криворученко, Н.В. Трущенко. М., 1987. 384 с.

Золотарёв В.А. Ленин. Сибирь. Комсомол: Документальная трилогия. Новосибирск, 1978. Кн. 2. В борьбе за претворение в жизнь заветов великого вождя, 1920–1925 гг. 303 с.

Литуев В.Н. Кадры ленинского комсомола в статистических источниках 20-х годов // Позывные истории. М., 1985. Вып. 8. С. 137–152.

Морозова Т.И. «Хочу работать и трудиться для осуществления социализма»: практика индивидуальной адаптации комсомольца к политическим реалиям 1920-х годов // Исторический архив. 2015. № 5. С. 126–136.

Основы комсомольского строительства. М., 1979. 397 с.

Слезин А.А. Комсомольский актив Центрального Черноземья 1920-х гг.: качественная характеристика // Общество и государство в России: традиции, современность, перспективы. Тамбов, 2003. С. 194–208.

Слезин А.А. Этатизация комсомола: этап второй // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2009. Т. 15. № 1. С. 249–255.

Слезин А.А., Скоропад А.Э. Институализация комсомола как государственного органа // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 4. С. 185–208.

Сулемов В.А. Союз молодых борцов. М., 1982. 399 с.

Сулемов В.А., Сапаргалиев С.У. Боевой резерв партии. Алма-Ата, 1980. 204 с.

Юрков И.В. Комсомольские функционеры в истории СССР 1920-х годов (на материалах Пензенской губернии) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 645–648.

Д.А. Одинцов

Институт Истории СО РАН

Коррупционные практики служащих Томской железной дороги в первой половине 1930-х годов

В статье исследуются коррупционные практики, распространенные среди работников станций Томской железной дороги в первой половине 1930-х годов. Изучены социокультурные аспекты восприятия этих практик их участниками и правящей партией. Выявлены отдельные виды взяточничества и способы сокрытия незаконного характера услуг, оказываемых хозяйственным организациям. Установлено, что большая часть вознаграждений железнодорожникам имела натуральную форму. Сделан вывод, что значимую роль в воспроизводстве коррупции среди железнодорожников играл неформальный институт уполномоченных по продвижению грузов («толкачей») хозяйственных организаций.

Ключевые слова: история повседневности, железнодорожный транспорт, коррупция, взяточничество, должностные преступления, «толкачи».

Несмотря на неослабевающий интерес к истории повседневности, исследователи мало преуспели в изучении такого ее аспекта, как коррупционные практики служащих. Обслуживание железнодорожных перевозок, наряду со службой в государственном аппарате, является сферой деятельности, где всегда существовали должности, занятие которых было сопряжено с возможностями злоупотребления служебным положением в корыстных целях. О «весьма распространенном характере» мелких поборов и взяток с грузовладельцев со стороны младшего (по-видимому, станционного) персонала российских железных дорог в конце XIX – начале XX в. писал Э.Б. Кригер-Войновский, противопоставлявший этому явлению «исключительную честность и добросовестность» материально более обеспеченных старших служащих, «начиная с начальников участков». Вместе с тем, в своих воспоминаниях последний министр путей сообщения Российской империи сообщал и о так называемых «безгрешных доходах», не считавшихся преступными, за «услуги, помощь и всякого рода содействие грузовладельцам, которые… требовали от служащих лишнего внимания, труда и забот сверх того, что от них требовала служба» [1].

[1] *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции / Э.Б. Кригер-Войновский. Записки инженера / В.Э. Спроге. М., 1999. С. 39, 41–42.

После провозглашения большевиками перехода к строительству нового, социалистического строя взяточничество не только не исчезло, но с оживлением хозяйственной жизни в первые годы нэпа даже усилилось. Масштабы и отдельные виды взяточничества, характерные для железных дорог в 1922–1923 гг., описаны в ряде статей А.С. Сенина и А.В. Гайдамакина [2]. И.Б. Орлов и Г.М. Маркосян в исследовании взяточничества периода нэпа отмечают, что железнодорожный транспорт, «не справлявшийся с наплывом пассажиров и грузов», являлся основной сферой распространения взяточничества в первой половине 1920-х годов. Отмечая снижение масштабов взяточничества на рубеже 1920–1930-х годов, упомянутые авторы, тем не менее, высказали тезис о появлении нового «стимула росту взяточничества», связанного с тотальным дефицитом товаров и продуктов, а также введением карточной системы [3].

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать факторы, которые способствовали воспроизводству коррупционных практик среди младшего персонала служащих (к которому полагаем уместным отнести станционных агентов) Томской железной дороги в первой половине 1930-х годов.

Для выявления случаев коррупции служащих железнодорожных станций – станционных агентов – нами были изучены отчеты Военного трибунала Томской железной дороги (далее – ТЖД) в Военную коллегию Верховного суда и Западно-Сибирский крайком партии, протоколы судебных заседаний постоянных выездных сессий данного трибунала и уголовные дела осужденных за взяточничество железнодорожников, которые содержат информацию о случаях взяточничества за 1931–1934 гг. К недостаткам источников, образовавшихся в результате деятельности органов следствия и суда, можно отнести обвинительный уклон, а также отсутствие среди

[2] *Сенин А.С.* Железнодорожный транспорт советской России в первые годы восстановительного периода // Экономическая история. Ежегодник. 2009. С. 561–563; *Гайдамакин А.В.* Борьба со взяточничеством и хищениями на железных дорогах Сибири в 1922–1923 гг. // Омск–300: Прошлое. Настоящее. Будущее. Материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 2016. С. 185; *Он же.* Ф.Э. Дзержинский о причинах и опасности взяточничества и хищений на железных дорогах, о формах и методах борьбы с ними. 1921–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 4–2 (66). С. 25–29.

[3] *Орлов И.Б., Маркосян Г.М.* Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М., 2013. С. 41, 196.

них документов, в которых была бы выражена точка зрения защиты. Кроме того, нами были изучены материалы центральной ведомственной (издания НКПС, прокуратуры СССР) и местной периодической печати за 1934–1935 гг., нередко освещавшей подготовку и организацию судебных процессов над взяточниками.

В период ускоренной индустриализации Политбюро ЦК ВКП(б) в качестве приоритетных для транспортировки по железным дорогам рассматривало грузы, обеспечивающие обороноспособность государства (прежде всего сырье и топливо, нужные для развития предприятий тяжелой промышленности), и хлеб. Однако у партийных и советских органов власти регионального уровня, а также хозяйственных организаций существовала заинтересованность в развитии местной инфраструктуры, в связи с чем они нуждались в перевозке местных (или «второочередных») грузов. В то же время в партийных директивах из центра местные интересы ставились на одну доску с личными и противопоставлялись общегосударственным: «многие местные партийные и советские организации […] развращают железнодорожный аппарат, приучая его к безнаказанному нарушению общегосударственных планов в угоду местническим или личным корыстным интересам» [4]. В условиях постоянно образовывавшихся на наиболее напряженных направлениях «пробок», обусловленных несоответствием пропускной способности дороги резко выросшему грузообороту, у агентов железной дороги, ответственных за погрузку и отправку вагонов, не было возможности своевременного предоставления парка всем клиентам. Полномочия начальников железнодорожных станций не давали им права предоставлять клиентам подвижной состав по своему усмотрению, однако занимаемая должность позволяла принимать оперативные решения грузить и отправлять поезда вне плана и расписания.

По мере нарастания трудностей с получением дефицитных материальных ресурсов руководителями отделов снабжения создавались заготовительные конторы в других регионах. Для «быстрейшей доставки» заказов в штат этих подразделений нанимались уполномоченные по продвижению грузов – «толкачи». Они стремились добиться включения погрузки продукции своих предприятий в план грузоперевозок эксплуатационного района или станции, поскольку промедление грозило срывом собственных плановых показателей.

[4] О работе Донецкой железной дороги // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик за 1934 г. М., 1948. № 14. Ст. 98. С. 201.

Проблема неоднозначности последствий, вызванных действиями представителей этого неофициального института, открыто признавалась руководством железных дорог. Еще в 1930 г. заведующий группой реализации лесопродукции лесного отдела ТЖД Г.Е. Почивалов заявлял: «Нас обвиняют в неправильной даче планов погрузки и частом их изменении, это результат неимоверно большого количества толкачей от заказчиков, удовлетворение требований которых вносило путаницу в нашу работу» [5]. Народный комиссар путей сообщения СССР Л.М. Каганович в 1936 г. вспоминал, что годом ранее «аппарат НКПС в рабочее время отвлекался потоками посетителей, толкачей». Помимо очевидной этимологии слова «толкач» – человек, способствующий «проталкиванию грузов», нарком упоминал о такой характерной особенности, присущей для лиц данного типа деятельности, как необходимость «толкаться (без толку) по коридорам и комнатам наркомата» [6]. Исследователь А.М. Маркевич пришел к выводу, что отношение центральных властей к деятельности «толкачей» в целом было негативным, а их статус – «не вполне законным», по-видимому, имея в виду недовольство несовпадением их реальных функций с теми полномочиями, которые были прописаны в должностных инструкциях [7].

Одним из неформальных способов добиться подачи вагонов и ускорить погрузку, к которому прибегала железнодорожная клиентура (то есть снабженцы различных учреждений и предприятий), было предоставление агентам железной дороги различных продуктов и предметов широкого потребления: одежды, обуви и так далее [8]. Кроме того, с этой же целью учреждениями практиковалась выплата сверхурочных, премий и выдача продовольственных пайков станционным агентам. В некоторых организациях «на непредвиденные расходы», а фактически для вы-

[5] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-288. Оп. 4. Д. 75. Л. 48.

[6] *Каганович Л.М.* Год подъема и ближайшие задачи железнодорожного транспорта. Стенограмма речи на совете при народном комиссаре путей сообщения 23 апреля 1936 г. М., 1936. С. 45.

[7] *Маркевич А.М.* «Советское – значит надежное»: военпреды и проблема качества в советской оборонной промышленности // Экономическая история. Ежегодник. 2005. С. 374.

[8] Другой формой проявления института «толкачей» являлось существование практики постоянного неофициального присутствия представителей заказчика на заводах-поставщиках деталей, запасных частей и т. д. О феномене «толкачей» в советской экономике см. *Ledeneva A.V.* Russia's economy of favours blat, networking and informal exchange. Cambridge, 1998. P. 25–27.

платы вознаграждений лицам, способствовавшим успешному ведению хозяйственных операций, в том числе оказывавшим услуги по быстрой погрузке и отправке, выделялись специальные фонды [9]. Агенты железной дороги (как правило, начальник станции и его заместитель по коммерческой части, заведующий и смотрители товарного двора/конторы, а также весовщики) оказывали ответную «любезность», выкраивая «окно» в графике движения по станции. Не случайно действия железнодорожных агентов часто фигурируют в текстах документов правоохранительных органов как «любезность» и «услуга». Запрещенным под угрозой уголовного наказания отношениям обе стороны пытались придать вид «производственной дружбы», замаскировать их противоправную сущность. Попытки вовлеченных во взяточничество работников повлиять на формирование нейтрального, а то и благожелательного восприятия собственных действий у лиц, причастных к погрузке и отправке вагонов, используя словосочетания с положительно-оценочным значением, носили, скорее, характер психологической самореабилитации, нежели помогали скрыть природу данных отношений от правоохранительных органов.

Договоренность с агентом дороги заключалась обычно на квартире одной из сторон и сопровождалась угощением спиртными напитками [10]. Процесс получения вознаграждения мог носить длительный характер и включать несколько эпизодов передачи отдельных партий товаров. Точные размеры поощрения агентов дороги обычно не оговаривались. Незначительную роль в перераспределении товаров в обход установленных центром правил играли органы местной власти. В показаниях, данных на суде, один из обвиняемых – управляющий технической базы Ленинского рудоуправления Кузбассугля С.И. Семёнов утверждал, что об отпуске промтоваров железнодорожникам станции Кольчугино его «настойчивым образом» просил горсовет г. Ленинска [11].

Наиболее распространенным способом замаскировать коррупционный характер вознаграждения железнодорожным агентам являлось неоднократно запрещавшееся НКПС их устройство на работу по совместительст-

[9] ГАНО. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 390. Л. 27.
[10] ГАНО. Ф. Р-229. Оп. 5. Д. 17. Л. 147 об.
[11] ГАНО. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 249. Л. 240.

ву в организацию, заинтересованную в подаче вагонов, в качестве экспедиторов или консультантов [12].

Столкнувшись с угрозой срыва выполнения хозяйственного плана по вине транспортных работников, Политбюро ЦК ВКП(б) пришло к выводу, что практика организации внеплановых перевозок вызвала дезорганизацию перевозки первоочередных грузов (прежде всего угля и металла) во всесоюзном масштабе. Это вынудило ЦК ВКП(б) и СНК СССР 9 марта 1934 г. принять постановление, в котором прокуратуре и «другим карательным органам» предлагалось «привлекать к судебной ответственности должностных лиц железнодорожного транспорта и партийно-советских организаций, злоупотребляющих своим положением для подрыва плана перевозок, организующих или толкающих на организацию неплановых перевозок грузов, берущих или дающих взятки и содействующих расхищению государственного имущества, применяя к подобным элементам закон от 7 августа 1932 года» [13]. По сложившейся традиции расширительного толкования нормативно-правовых актов большевистским правосудием, действие этого постановления было распространено на другие дороги и даже получило в документах судебных органов статус «закона от 9-го марта 1934 года» [14]. В тот же день ЦК ВКП(б) и СНК СССР командировали в Кузбасс и на Урал комиссию в составе Г.И. Благонравова, И.А. Грача и Н.Н. Зимина «с правом дачи обязательных распоряжений и ареста виновных в срыве плана перевозок» [15].

15 марта 1934 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было решено послать всем областным, краевым и республиканским партийным и советским органам специальную директиву от имени СНК СССР и ЦК ВКП(б), в которой говорилось о запрещении различным учреждениям производить посылки бригад и уполномоченных агентов по продвижению груза без разрешения СТО СССР под угрозой немедленного ареста органами ОГПУ [16]. Внеплановые перевозки и институт «толкачей» ста-

---

[12] *Мозохин О.Б.* ВЧК–ОГПУ–НКВД. На защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М., 2016. С. 214, 232.

[13] О работе Донецкой железной дороги... С. 201.

[14] См., например: ГАНО. Ф. Р-229. Оп. 5. Д. 17. Л. 147 об.

[15] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 973 б. Л. 3–4.

[16] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 941. Л. 25, 57; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 540. Л. 2; См. также: *Rees E.A.* Stalinism and Soviet rail transport, 1928–41. Basingstoke, London, 1995. P. 88.

ли мишенью острой критики центральной партийной и железнодорожной прессы [17]. 23 марта, задним числом правительство утвердило перечень грузов общегосударственного значения (первой категории) и грузов местного значения (второй категории) [18]. 20 апреля 1934 г. Совнарком принял постановление, согласно которому советским, хозяйственным и другим организациям запрещалось выдавать, а работникам железнодорожного транспорта получать от них какие-либо премии. Совместительство железнодорожников в советских и хозяйственных организациях и премирование их клиентами было предложено расценивать как взяточничество [19]. После издания этих постановлений началась кампания по борьбе с «дезорганизаторами» плановых перевозок. Ведущая роль в выявлении коррупционных связей принадлежала политотделам, а карательную функцию выполняли дорожно-транспортные отделы ОГПУ, транспортные прокуратуры и линейные суды (а на военизированных дорогах – военные прокуратуры и военные трибуналы).

На ТЖД кампания по борьбе с внеплановыми перевозками получила зримые очертания в марте–апреле 1934 г. О том, что на существование различных форм вознаграждения железнодорожникам правоохранительные органы до этого закрывали глаза, свидетельствует информация Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), согласно которой по данным на 30 марта 1934 г. за взяточничество и нарушение государственных планов перевозки на ТЖД было привлечено к ответственности 63 человека, в том числе 40 транспортников и 23 сотрудника хозяйственных организаций [20].

---

[17] Выполнить по-большевистски директиву ЦК о Донецкой железной дороге // Партийное строительство. 1934. № 8. С. 35–36; *Ястребов Г.* Больше внимания транспорту со стороны местных парторганизаций // Партийное строительство. 1934. № 9. С. 21; Работу транспорта на уровень современных задач // Социалистический транспорт. 1934. № 5. С. 5; *Дурманов Н.* Усилить борьбу со взяточничеством // За социалистическую законность. 1935. № 7. С. 13–17.

[18] О планировании перевозок и улучшении работы местных органов Народного комиссариата путей сообщения // Собрание законов и распоряжений Рабоче–Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик за 1934 г. М., 1948. № 16. Ст. 117. С. 231.

[19] О премировании железнодорожных работников и о совместительстве работы на транспорте с работой в других предприятиях и учреждениях // Собрание законов и распоряжений Рабоче–Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик за 1934 г. М., 1948. № 21. Ст. 172. С. 318.

[20] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 625. Л. 225.

В отчетах военного трибунала в Запсибкрайком, а также в периодической печати в качестве наиболее значительных случаев взяточничества приводились следующие факты, иллюстрировавшие «деструктивную» роль института «толкачей» в «срыве плановых перевозок». В отношении агентов станций Анжерская и Судженка военным трибуналом ТЖД выдвигалось обвинение в том, что последние в течение 1931–1932 гг. «систематически получали от Анжеро-Судженского рудоуправления премии в виде денег […] и товарами за успешную маршрутизацию». По версии следствия, совершенное ими преступление выражалось также в сокрытии фактических простоев вагонов и применении льготного тарифа в отношении угольщиков, в результате чего ТЖД за 1932 г. был нанесен ущерб в размере 900 тыс. руб. В расчете на вознаграждение от экспедиционно-транспортного отдела Прокопьевского рудоуправления исполняющий обязанности начальника станции Усяты Кузема задерживал вагоны под погрузкой угля от Прокопьевских угольных копей, за что копи получали от дороги премии [21]. Согласно материалам следствия, которое вело отделение дорожно-транспортного отдела ОГПУ станции Тайга, в 1933 г. представитель отдела рабочего снабжения Забайкальской железной дороги А.К. Казиницкий, чтобы обеспечить погрузку заготовленной продукции, договорился с начальником станции Ачинск-1 С.Д. Завадским о внеплановой подаче вагонов под погрузку. Всего начальнику станции и его агентам было передано материальных ценностей на сумму более семи тысяч рублей: домашний скот и корма для коров, мед, мясо, табак, сукно, макароны, масло, сахар и так далее [22].

С ноября 1933 г. начальник станции Акчурла предоставил вне плана артели «Красный Кузбасс» 371 вагон за взятки в виде кондитерских изделий, шуб, сапог, валенок, продуктов, водки с угощением, а заместитель начальника этой станции по коммерческой части, «отвечавший» за предоставление внеплановых вагонов под уголь, в 1932–1933 гг. получал второе жалованье, числясь, но не работая в артели [23]. Все продукты делились «в узком кругу» с другими работниками станции, порой не имевшими отношения к перевозкам [24]. В перечне экономических благ, использовавшихся при расчетах с агентами дороги, военным прокурором дороги упомянуты «килограмм кондитерских изделий, …шелковый свит[е]р и чулки», путевка на курорт для жены,

[21] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 625. Л. 129, 225–226.

[22] ГАНО. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 390. Л. 1.

[23] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 625. Л. 226; *Красников*. Беспощадно карать врагов советского государства // Красное знамя. 1934. 15 апреля. С. 1.

[24] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 625. Л. 226; ГАНО. Ф. Р-229. Оп. 5. Д. 17. Л. 147 об.

трусы и майки, бутылка водки с угощением, «подачки деньгами» в 20–50 руб., что говорит о весьма скромном среднем размере взятки [25]. Некоторые обвиняемые на допросах утверждали, что приобретали эти товары по «твердым ценам» или себестоимости [26]. Однако ряд прокурорских работников придерживался позиции, согласно которой «к разбазариванию дефицитных товаров, к незаконной их продаже по твердым ценам надо относиться как к разновидности хищения социалистической собственности» [27].

Одной из причин, наиболее часто толкавших железнодорожных агентов на совершение подобных сделок, являлась дефицитность товаров, недоступных в свободной продаже. Следует отметить, что органы следствия и военные трибуналы мало интересовала объективность расследования и точная квалификация преступления. По-видимому, они были ориентированы партийными инстанциями на проведение мобилизующих железнодорожную общественность процессов в максимально сжатые сроки, а поставленные перед ними задачи по устрашению взяточников мерами судебной репрессии преследовали своей целью укрепление трудовой дисциплины железнодорожников.

Таким образом, спектр выявленных коррупционных практик станционных агентов включал в себя такие виды, как предоставление вагонов вне плана, освобождение от уплаты штрафов за «перепростой вагонов под операциями сверх установленных норм» или искажение в документах типа груза для применения льготных тарифов, невзимание платы за хранение груза и багажа на товарном дворе, дачу мест в пассажирских поездах при отсутствии свободных мест в вагонах. Участниками коррупционных отношений предпринимались различные ухищрения для того, чтобы скрыть незаконный характер вознаграждений, в том числе практиковалась выдача премий, продажа товаров и пайков железнодорожникам по «твердым ценам». В последнем случае мы имеем дело с действиями, которые были отнесены к проявлениям взяточничества лишь в специфических условиях огосударствленной советской экономики: большая их часть являлась следствием дефицита продуктов питания и наличного вагонного парка. Оказание клиенту более качественного, чем это было предусмотрено должностными инструкциями, обслуживания за дополнительную плату рассматривалось в качестве преступного деяния.

---

[25] *Красников*. Беспощадно карать врагов советского государства... С. 1.
[26] ГАНО. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 198. Л. 89.
[27] *Дурманов Н*. Усилить борьбу со взяточничеством… С. 15.

Библиография

Гайдамакин А.В. Борьба со взяточничеством и хищениями на железных дорогах Сибири в 1922–1923 гг. // Омск–300: Прошлое. Настоящее. Будущее. Материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 2016. С. 182–189.

Гайдамакин А.В. Ф.Э. Дзержинский о причинах и опасности взяточничества и хищений на железных дорогах, о формах и методах борьбы с ними. 1921–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 4–2 (66). С. 25–29.

Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции / Э.Б. Кригер-Войновский. Записки инженера / В.Э. Спроге. М., 1999. 515 с.

Маркевич А.М. «Советское – значит надежное»: военпреды и проблема качества в советской оборонной промышленности // Экономическая история. Ежегодник. 2005. С. 364–408.

Мозохин О.Б. ВЧК–ОГПУ–НКВД. На защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М., 2016. 624 с.

Орлов И.Б., Маркосян Г.М. Взятка и борьба с ней в годы нэпа. М., 2013. 200 с.

Сенин А.С. Железнодорожный транспорт советской России в первые годы восстановительного периода // Экономическая история. Ежегодник. 2009. С. 509–576.

Ledeneva A.V. Russia's economy of favours. Blat, networking and informal exchange. Cambridge, 1998. 235 p.

Rees E.A. Stalinism and Soviet rail transport, 1928–41. Basingstoke, London, 1995. 306 p.

М.Ю. Шматов

Новосибирский государственный университет

Формы и мотивы поведения советских граждан в ходе массовых политических кампаний 1936–1937 гг. в Западной Сибири

В статье рассмотрены формы и мотивы поведения советских граждан в ходе кампаний по обсуждению проекта Конституции СССР, подготовке и проведению выборов в Верховный Совет СССР в 1936–1937 гг. Изучена взаимосвязь этих форм и мотивов с местом проживания и социально-профессиональным статусом индивидов. Новизна исследования заключается в создании и апробировании автором классификационной схемы форм поведения граждан по отношению к официальной политической линии и по степени их конфликтности. Классификация опирается на эмпирические материалы крупных и малых городов, колхозов, национальных районов Западной Сибири.

Ключевые слова: Конституция СССР, выборы в Верховный Совет СССР, мобилизационные кампании, социальное поведение, лояльность, конформизм, протест, оппозиционность.

Во второй половине 1930-х годов в СССР утвердился персоналистский политический режим И.В. Сталина. 5 декабря 1936 г. Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов СССР принял новую Конституцию, декларировавшую построение «социалистического государства рабочих и крестьян». Вступление в силу «самого демократического» Основного закона и подготовка к выборам в Верховный Совет СССР и Верховные Советы союзных республик осуществлялись в контексте масштабных политических репрессий. Во внешнеполитической сфере СССР столкнулся с новыми вызовами: укреплением нацистского режима в Германии, ростом германского, итальянского и японского экспансионизма в Европе, Африке и Азии и с началом гражданской войны в Испании, где СССР поддерживал республиканские силы, боровшиеся с профашистскими фалангистами.

В новых политических реалиях для большевистского руководства сохраняли актуальность массовые политические кампании, направленные на формирование у населения выгодных для руководства государства мировоззренческих установок. С июня по декабрь 1936 г. шло «всенародное изучение и обсуждение проекта сталинской конституции», затем в июне 1937 г. началась кампания по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР, продолжавшаяся до 12 декабря 1937 г. Указанные кампании носили наиболее масштабный для второй половины 1930-х годов характер, охватывая все население страны. В их процессе было предусмотрено «всенародное изучение» проектов

ряда нормативных актов (от Конституции до избирательного законодательства) и их публичное обсуждение на общих собраниях всех избирателей. Большевики требовали от граждан активного участия в акциях путем внесения предложений к конституционному проекту и выступлений на массовых собраниях [1]. Кампании представляют интерес и спецификой дискурса – на смену идее «классовой борьбы» в них пришла тема «единства советского народа» и его сплоченности перед лицом «врагов».

Проблемным является вопрос о восприятии населением этих акций, выражавшемся в плюралистичных формах политического поведения граждан. Целью исследования является изучение многообразия этих форм реакции на мероприятия кампаний. Актуальность изучения данной проблематики обусловлена научной и общественной дискуссией о политической природе сталинизма, месте и роли пропаганды в его социально-политических практиках.

В научной литературе исследуемые вопросы разработаны достаточно глубоко. Теоретическое осмысление различных форм поведения дано немецким философом и социологом М. Вебером, предложившим классификацию «социальных действий» (поведения) в зависимости от степени осознания индивидом последствий его поступков; он выделял: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное социальные действия [2]. Другой немецкий ученый – социальный психолог Э. Фромм дал объяснение феноменам конформизма и социальной агрессии, позиционируя их как «механизмы бегства» от давления тоталитарного общества [3]. Отечественные и зарубежные советологи, исследуя ход массовых политических кампаний, акцентировали внимание на специфике механизмов действий власти и ее агентов на местах. Современный историк О.В. Хлевнюк [4] рассматривает кампании как способ привлечения общественного мнения западных демократий на сторону СССР и отвлечения внимания собственного народа от реальной ситуации в стране. Немецкий ученый К. Шлегель [5] и американская исследовательница В.З. Голдман [6] рассматривали кампании как уникальный политический феномен инду-

[1] См. примерный план мероприятий по изучению Конституции Западносибирского крайкома профсоюзов: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 1208. Л. 63.

[2] *Вебер М.* Основные социологические понятия. М., 1990. С. 53–55.

[3] *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990. С. 125–134.

[4] *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 232–233.

[5] *Шлегель К.* Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011. С. 521.

[6] *Голдман В.З.* Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010. С. 88.

стриальной эпохи, анализируя их влияние на мировоззрение широких социальных кругов. Изучению идентификационных и мобилизационных функций массовых политических акций посвящены исследования С.А. Красильникова [7]. В целом, проблематика политических функций массовых кампаний и механизмов их проведения исследована достаточно полно. Однако вопросы социального восприятия мероприятий власти по-прежнему требуют, на наш взгляд, детального анализа на основе имеющихся теоретических концепций социального поведения, в том числе, в условиях тоталитаризма.

В данной статье рассмотрены формы и мотивы политического поведения разных групп населения Западно-Сибирского края (с 28 сентября 1937 г. Новосибирской области и Алтайского края) в ходе двух указанных кампаний. Территориальные рамки обусловлены спецификой Западно-Сибирского края с его сложной социальной и профессиональной структурой, наличием национальных поселений и районов. Основной источник исследования составили материалы фондов Государственного архива Новосибирской области: информационные сводки органов Советской власти с фиксацией предложений и дополнений к Конституции, «спецсводки» УНКВД по Западно-Сибирскому краю за 1936–1937 гг., а также материалы советской периодической печати – газет «Правда», «Советская Сибирь» и «Алтайская правда». Несмотря на политическую ангажированность, источники содержат информацию, позволяющую восстановить реальную картину поведения граждан в ходе кампаний. Это объясняется стремлением местных функционеров к фиксации общественного отношения к проводимой политике.

Приведем несколько возможных критериев классификации форм поведения граждан. По критерию значения для власти можно выделить выгодное и не выгодное для нее поведение. По степени количественной распространенности бихевиористических форм – тенденциозные (мейнстримные) и девиантные (отклоняющиеся). По отношению к действующим правовым нормам – легальные и нелегальные. Но вышеперечисленные критерии отражают отношение власти к разным вариантам социальной реакции. Нам же необходимо выявить критерий, используя который можно изучать мотивы субъектов разных поведенческих форм и их личное отношение к событиям, в которые они были вовлечены. Не отказываясь от приведенной в историографическом обзоре схемы М. Вебера, предложим собственный критерий классификации форм поведения: степень их конфликтности. На этом основании можно выделить три группы форм политического поведения, характеристика которых будет представлена ниже. Научная значи-

[7] *Красильников С.А.* Советские судебные политические процессы в 1920–30-е гг.: причины, организация, последствия: учеб. пособие. Новосибирск, 2014. С. 4.

мость нового варианта классификации заключается в возможности использовать ее для изучения взаимодействия институтов власти и групп населения межвоенного СССР в период практически полного идеологического контроля большевиков над социумом.

1. Форма поведения, представляющая собой демонстрацию индивидами и группами своей лояльности курсу власти: выступления с речами (часто обличительными по отношению к «врагам» и «социально чуждым элементам») на общих собраниях, внесение соответствующих «генеральной линии» предложений к проекту Конституции.

Количественно преобладали неконфликтные формы демонстрации солидарности с «генеральной линией». В их числе, например, – предложение жительницы пос. Малиновка Карповой внести в конституционный проект следующую «статью»: «Вместо Серп[а] и Молот[а] на гербе, изобразить трактор и комбайн» [8] (символы технического прогресса при советской власти); заявление немца-коммунара Байера на общем собрании: «Пусть товарищ Сталин проживет до 100 лет!» [9]; предложения наградить «творца Конституции И.В. Сталина высшими государственными наградами» [10], а также обещания участников обсуждения конституционного проекта повысить производительность труда «в обществе победившего социализма» [11]. Внешне наивные, эти действия демонстрировали агентам кампании лояльность индивида по отношению к конкретным действиям власти и к ее общему курсу.

Однако не следует считать такого рода поведение однозначно бесконфликтным. Напротив, несмотря на дискурс народного единения, демонстрация лояльности часто подразумевала применение дискриминационных практик. Уничтожающей критике с целью «мобилизации против…» [12] подвергались не только клишированные «троцкисты» и «империалистическое окружение», но и ряд групп советского населения. Так, в ходе обсуждения конституционного проекта в сентябре 1936 г. в с. Утянка было предложено «религиозных людей ограничить в правах, указанных в 124 ст. [О свободе совести в СССР]» [13]. В сельскохозяйственной артели «Дружба» в ходе подготовки к выборам предложили «продлить поражение в избирательных правах для служителей культа, не отказавшихся от сана» [14]. Иден-

[8] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2994. Л. 2–3.
[9] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3055. Л. 18.
[10] Чего рабочие ждут от Конституции? // Правда. 1936. 2 декабря. С. 1.
[11] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 1208. Л. 198–199.
[12] *Шлегель К.* Террор и мечта… С. 52 .
[13] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2994. Л. 31.
[14] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 2.

тичное дискриминационное предложение прозвучало уже на общем собрании по подготовке к выборам в г. Куйбышево, где активист призвал «не допустить в советы служителей культа и кулаков-единоличников» [15]. Обобщая приведенные материалы, охарактеризуем рассмотренную форму поведения как лояльный активизм, или активизм участия.

Мотивы лояльного активизма множественны и вариативны. Его можно объяснить стремлением граждан зарекомендовать себя в глазах власти и получить от нее преференции (целерациональное поведение). Известно, что активизм в ходе кампаний способствовал продвижению граждан по службе [16]. Так, например, с формулировкой «за активизм» в ноябре 1937 г. избиратели Барнаула выдвинули кандидатом в депутаты Совета национальностей СССР А. Антонюк, выступавшую с объяснениями причин «кризиса капитализма» и с критикой «попов» за их «контрреволюционные вылазки» [17]. К другим причинам лояльного активизма следует отнести искреннюю поддержку «генеральной линии» (ценностно-рациональное поведение) и эмоциональный порыв «за всеми» (аффективное поведение) [18].

2. Иной идентифицируемой формой политического поведения являются пассивные (простая явка на мероприятия – абсолютное большинство граждан) [19] и активные (внесение предложений, личные выступления – соучастие в акциях) прецеденты участия в мероприятиях, не позволяющие однозначно позиционировать их субъектов в качестве сторонников или противников проводимых акций. Главным критерием отличия активизма участия от такого поведения является отсутствие в последнем четко идентифицируемой политической окраски. Иными словами, это нейтральное и бесконфликтное поведение в ходе политических акций.

Конкретными примерами являются такие предложения к проекту основного закона СССР как: «Перенести столицу Союза в Свердловск» [20] (Анна Сорокина, с. Верх-Ирмень) или «Создавать заповедники и зоосады» [21] (профсоюз «Сибтяжпром»). Вносимые в ходе обсуждения проекта Конституции и подготовки к выборам в Верховный Совет СССР, эти предложения никак не были связаны с обсуждаемой на общих собраниях тематикой, но и не вступа-

[15] ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 33. Л. 15.

[16] *Шлегель К.* Террор и мечта… С. 522–523.

[17] Предвыборное собрание избирателей гор. Барнаула // Алтайская правда. 1937. 10 декабря. С. 3.

[18] *Голдман В.З.* Террор и демократия в эпоху Сталина… С. 75–78.

[19] В рабочем поселке Сузун на мероприятия приходили до 90 % избирателей, но активность они не проявляли (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 26–27).

[20] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2995. Л. 49.

[21] ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 1208. Л. 198.

ли в противоречия с дискурсом этих мероприятий. Любопытно, что советские работники зафиксировали несколько сот предложений подобного рода, зачастую идентичных по содержанию (например, о переносе столицы) [22]. Рассмотренную форму поведения можно именовать конформизмом.

Мотивы конформизма в тоталитарном обществе плюралистичны: от незаинтересованности или некомпетентности до стремления в «мягкой форме» продемонстрировать верность власти или неконфликтность (соучастие). Кроме того, конформизм в условиях ощущаемой предопределенности, бесполезности личных действий и несвободы становится средством эскапизма или формой «социальной мимикрии».

Городскому населению конформизм присущ в большей степени, нежели лояльный активизм. Выборка, сделанная по материалам трех информационных сводок из Новосибирска и Искитима о ходе обсуждения проекта Конституции за июль – декабрь 1936 г., позволяет зафиксировать 36 проявлений конформизма и семь прецедентов активизма, выражавшихся в произнесении речей, в том числе дискриминационного по отношению к «социально чуждым элементам» характера [23]. Материалы из сельской местности ввиду весьма ограниченной детальности информационных сводок не позволяют провести идентичные подсчеты, но в сводке из Алейского РИК содержится утверждение (возможно, недостоверное) о низкой активности трудящихся на собраниях, что дает основания расценивать поведение жителей Алейского района в ходе кампании как конформизм.

3. Активизм протеста, представляющий собой проявление несогласия граждан с официально индоктринируемыми установками. Главное отличие активизма протеста от активизма участия и активного конформизма заключается в его оппозиционности по отношению к проводимой партийно-советскими функционерами идеолого-пропагандистской линии. По степени активности индивида и противопоставления его позиции официальной установке выделяются умеренные и конфликтные формы оппозиционного поведения (протеста). Основополагающий критерий идентификации конфликтного протеста – его неправомерность с точки зрения норм советского права в отличие от юридически правомерного, но отражавшего социальное несогласие умеренного протеста.

Умеренный протест не выходил за рамки, заданные властью. Напротив, он соответствовал задачам выяснения настроений граждан. В свою очередь, многие из них руководствовались целерациональными мотивами: они верили в возможность демократизации и личной активностью хотели

[22] Подсчитано по: ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2994, 2999.
[23] Подсчитано по: ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993, 2994, 2999.

улучшить свое материальное и правовое положение. Граждане действительно на короткое время посчитали себя субъектами политической жизни, недостаточно осознавая, что являются объектами действий власти [24].

Доминирующим вариантом умеренного протеста, как и в случае с другими формами социального поведения, было внесение предложений к конституционному проекту и законодательству о выборах. Но предложения такого рода не укладывались в дискурс кампаний, а противоречили ему. Требования граждан касались социально-экономической и правовой сфер, не затрагивали конституционных основ советского строя и были применимы скорее не к Конституции, а к отраслевым кодексам. Рабочие и служащие из Новосибирска и других городов Западной Сибири выдвигали буржуазные по своей природе требования: «узаконить частную собственность в СССР и сделать ее неприкосновенной» [25], «гарантировать свободу переписки с заграницей» [26], «не препятствовать гражданину в смене работы» [27]. Горожане предлагали «запретить служащим иметь прислугу» [28]: городские рабочие чаще могли наблюдать «эксплуатацию наемного труда» со стороны номенклатурных функционеров, что вызывало у них ожидаемый, даже с точки зрения марксизма, протест. Внешне подобные заявления не напоминают протест, однако их содержание свидетельствует о недовольстве значительного числа граждан социально-экономической и политической ситуацией в стране [29].

Среди сельского населения, находившегося в более тяжелом материальном и приниженном правовом положении, преобладали требования уравнять колхозников в правах с рабочими и повысить уровень благосостояния колхозов. Сельские жители осознавали социально-экономические причины своего положения и высказывались за создание фондов помощи увечным и «устарелым» колхозникам (22 требования), введение в колхозах зарплаты (70 требований), выдачу паспортов (12 требований) и даже за передачу техники в собственность колхозов (семь требований) [30]. На фоне участия в массовых мероприятиях сотен тысяч жителей края несколько десятков предложений подобного рода выглядят крайне немногочисленными, отражая, однако,

[24] *Голдман В.З.* Террор и демократия в эпоху Сталина… С. 54.

[25] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 6.

[26] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2994. Л. 7.

[27] Там же. Л. 3.

[28] Там же. Л. 6.

[29] Зафиксировано более 400 предложений аналогичного содержания, в том числе около 100 – о легализации частной собственности (Подсчитано по: ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3303–3307).

[30] Подсчитано по: ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3303–3309.

протест граждан против сложившихся de facto и фиксируемых de jure институтов и практик.

Иной формой умеренного протеста являлись анонимные и персонифицированные жалобы на незаконные действия местных властей и агентов кампаний: письмо И. Сибирского в газету «Советская Сибирь» с критикой правонарушений председателя Куйбышевского РИК по фамилии Выленок [31], а также коллективная жалоба жителей колхоза на председателя Чаинского сельсовета Копшитаря, который игнорировал жалобы многодетной матери на пьянство и побои мужа [32]. Их число еще более незначительно, но стилистика, отсылки к действующим законам и использование в критике действий властей идеологической терминологии обращают на себя внимание, делая такие документы важными источниками для изучения политического мировоззрения граждан.

К проявлениям протестного активизма относятся публичные прецеденты противоправного конфликтного поведения. Будучи относительно немногочисленными, они, тем не менее, воспринимались властью как угроза, поскольку резко диссонировали с официальными установками, приводя к тому, что местные функционеры временно теряли контроль над кампаниями. Чаще всего такое поведение заключалось в индивидуальных высказываниях и поступках, которые квалифицировались как «антисоветские». Например, в ходе выборов в Верховный Совет СССР в декабре 1937 г. монашка Стародубцева, придя на избирательный участок, разорвала бюллетени со словами: «За антихристов голосовать не буду!» [33]. Этот поступок был расценен авторами «спецсводки» как антисоветский и хулиганский. Всего на выборах 12 декабря 1937 г. зафиксировано около 50 аналогичных «вылазок». Их последствием ожидаемо становилось преследование недовольных со стороны властей, которые, по мнению К. Шлегеля, зачастую лишь ожидали повода для преследований несогласных [34]. Даже вполне «мирная» жалоба активистов приходского совета куйбышевского Спасского собора привела к аресту церковного старосты [35].

Конфликтный протест проявлялся также в виде избиения активистов и членов избирательных комиссий, повреждения имущества и силового срыва собраний (драки) [36]. К сожалению, источники не дают информации о масштабах и динамике этих происшествий – в спецсводках УНКВД отме-

[31] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3382. Л. 144.
[32] ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 21. Л. 21.
[33] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3363. Л. 4.
[34] *Шлегель К.* Террор и мечта… С. 525–526.
[35] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1208. Л. 140-142.
[36] ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3363. Л. 44, 55.

чалась лишь их немногочисленность без указания числа инцидентов, а причиной были названы «контрреволюционные вылазки врагов» [37]. Детально фиксировались экстраординарные случаи: в Кировском районе Новосибирска муж-китаец выгнал свою русскую жену без одежды на мороз за то, что она решила идти на выборы в Верховный Совет СССР [38]. Однако такие прецеденты индивидуальны и ввиду их немногочисленности явно девиантны, несмотря на их «заметность» на общем фоне.

Итак, восприятие кампаний населением было неоднородным и вариативным: от активной деятельной поддержки до протестных акций, принимавших форму конфликта с властью. Речь идет о сложном комплексе поведенческих реакций граждан, привязанных к их социально-экономическому, правовому и социально-психологическому статусу. При этом конформизм и активизм участия являлись преобладающими формами социального поведения, что обеспечивало сохранение властью контроля над ситуацией в ходе кампаний. Немногочисленные инциденты, в ходе которых местные функционеры теряли контроль над ситуацией, не оказывали существенного влияния на общий ход событий, поэтому следует констатировать, что граждане, не являясь в большинстве своем искренними сторонниками проводимых акций, своим поведением не оказали противодействия партийно-государственным мероприятиям.

Библиография

Вебер М. Основные социологические понятия. М., 1990. 808 с.

Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010. 396 с.

Красильников С.А. Советские судебные политические процессы в 1920–30-е гг.: причины, организация, последствия: учеб. пособие. Новосибирск, 2014. 300 с.

Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. 272 с.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. 478 с.

Шлегель К. Террор и мечта. Москва 1937. М., 2011. 742 с.

[37] См. спецсводку о мероприятиях по подготовке к VIII съезду Советов (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3363. Л. 17–20).

[38] Там же. Л. 66–80.

Н.А. Потапова

Новосибирский государственный университет

«Харбинская» операция в Украине (сентябрь 1937 – ноябрь 1938 г.)

В статье рассмотрены особенности массовой «харбинской» операции в Украинской ССР, проводившейся на основании приказа НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 г. На базе протоколов внесудебных инстанций, архивно-следственных дел, а также ведомственных документов НКВД УССР, хранящихся в архивах Украины, проанализированы масштабы, механизмы и особенности «харбинской» репрессивной операции. Карательная акция была направлена не только на бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги, которых в советском обществе называли «харбинцами», или КВЖДинцами, как предполагал приказ, но и на лиц китайской, корейской национальности, а также на «бывших» и «классово-чуждых».

Ключевые слова: Большой террор, «национальные» операции, «харбинская» операция, Украинская ССР, «харбинцы».

Центральное место в Большом терроре занимали массовые операции – «кулацкая», нацеленная на борьбу с «бывшими», и серия «национальных», направленных на «изъятие» «иногражданского» и «инонационального» элемента. С 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. внесудебными инстанциями было репрессировано около 1,4 млн человек, в том числе около 357 тыс. человек – по национальному признаку, включая почти 46 тыс. человек – по «харбинской» операции [1]. По количеству осужденных данная линия занимает третье место после «польской» и «немецкой». Масштабность репрессий в отношении так называемых «харбинцев» требует уточнения причин проведения данной карательной акции и групп населения, попавших в нее.

Тема Большого террора, базовая для западной советологии, с началом 1990-х годов стала одним из ведущих направлений как для отечественной историографии, так и для историографии постсоветских стран. Благодаря «архивной революции» исследователи получили доступ к ранее закрытым архивным документам, в том числе ведомственному, внесудебному, учетному делопроизводству НКВД СССР, что значительно расширило источниковую базу исследований и способствовало более глубокому изучению карательной политики и механизмов репрессий. В рамках Большого террора исследователи выделили три ключевых направления карательной

[1] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. / Под ред. В. Данилова, П. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000–2005. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2. С. 163.

политики: «кулацкая» операция, серия «национальных» операций и репрессии против партийно-государственной, культурной и научной элит.

В начале 1990-х годов исследователям А.Б. Рогинскому, Н.Г. Охотину, О.А. Горланову удалось получить доступ к материалам ведомственной статистики НКВД СССР, хранящимся в ЦА ФСБ России. На основании этих данных историки вели работу по созданию сборника документов по статистическим аспектам массовых операций 1937–1938 гг., которую не удалось завершить.

Российские историки Н.В. Петров, В.Н. Хаустов и О.В. Хлевнюк [2] причиной политических чисток 1937–1938 гг. назвали попытку предотвратить появление «пятой колонны», утверждая, что лично Сталин инициировали и контролировали террор.

Усилиями международного исследовательского коллектива под руководством немецких историков М. Юнге и Р. Биннера удалось всесторонне на основе ведомственного делопроизводства НКВД СССР разного уровня, материалов внесудебных инстанций 1937–1938 гг., а также архивно-следственных дел изучить «кулацкую» операцию. Итогом проекта стала серия документальных и монографических изданий, вышедших в России, Украине и Германии [3]. Историками был предложен алгоритм исследования самой массовой карательной акции «по вертикали и горизонтали» через изучение репрессий в отношении отдельных целевых групп и в региональном аспекте, сделано заключение об обоюдной ответственности за террор власти и общества.

Что касается «национальных» операций, то ряд исследователей называет их этническими чистками [4]. Однако М. Юнге полагает, что даже в репрессиях по «национальным» линиям поводами для арестов и осуждений

---

[2] *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» Николай Ежов. М., 2009. 447 с.; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. 432 с.; *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. 479 с.

[3] *Юнге М., Биннер Р.* Как Террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. 352 с.; *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. 784 с.; «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. / Сост.: М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер, А.О. Довбня, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов; под. общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой. М., 2010.

[4] *Hirsch F.* Race without the Practice of Racial Politics // Slavic Review. 2002. Vol. 61. No. 1. P. 30–43; *Lemon A.* Without a «Concept»? Race as Discursive Practice // Slavic Review. 2002. Vol. 61. No. 1. Spring. P. 54–61.

были социальные, а не национальные мотивы [5]. Вслед за ним российский исследователь А.И. Савин, приводя аргументы «за» и «против» тезиса этнизации сталинизма на примере «немецкой» операции НКВД СССР, приходит к заключению, что решающим критерием для репрессий по национальному признаку являлось «враждебное» социальное прошлое [6].

К настоящему времени специалисты выделяют тринадцать «национальных» операций, проведенных в общесоюзном масштабе. При этом только в отношении семи этнических групп (немцы, поляки, «харбинцы», латыши, греки, иранцы и иранские армяне, афганцы) Политбюро ВКП(б) были приняты специальные решения, за которыми последовали оперативные приказы НКВД СССР. Из тринадцати «национальных» линий в поле зрения специалистов оказались четыре: польская (Н.В. Петров, А.Б. Рогинский) [7], немецкая (Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский) [8], «харбинская» (Н.Н. Аблажей) [9] и греческая (И.Г. Джуха) [10]. Алгоритм изучения массовых акций против «националов» был предложен Н.В. Петровым и А.Б. Рогинским, которые считали, что приказ № 00485 стал «модельным» для директив НКВД по всем последующим «национальным» операциям. Именно они первыми указали на «безлимитный» принцип и на принципиально новый в практике ОГПУ–НКВД процессуальный порядок осуждения − «альбомный». Эти признаки и отличают «национальные» операции от «кулацкой».

Специалисты относят «харбинскую» операцию к числу «линейных» [11], хотя и отмечают, что этнический аспект в ней выражен не так явно, как в других, потому что жертвами репрессий по этой карательной акции стали не столько «националы», а скорее титульные группы, и в первую очередь русские. Зависимость между «харбинской» операцией и «японским шпионажем» признается как очевидная. Более того, В.Н. Хаустов считает правомерным выделение

---

[5] *Юнге М., Биннер Р.* Как Террор стал «большим»... 352 с.

[6] *Савин А.И.* Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI. 2012. № 3. С. 40–61.

[7] *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

[8] *Охотин Н.Г., Рогинский А.Б.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm (дата обращения: 02.10.2016).

[9] *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. 298 с.; *Она же.* «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.

[10] *Джуха И.Г.* Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006. 416 с.

[11] В статистической отчетности органов НКВД «харбинская» операция проходит именно как «национальная».

не «харбинской», а «японской» линии. Заметим, что помимо «японской» органы НКВД выделяли «китайско-корейскую» линию [12]. Постепенно исследователи расширили круг целевых групп «харбинской» операции, указав, что помимо бывших служащих КВЖД в «чистку» попали реэмигранты и перебежчики [13], а также корейцы и китайцы [14].

Выделение «японской» линии может быть правомерным лишь отчасти, поскольку репрессии в отношении лиц, обвиненных в шпионаже в пользу Японии, шли в рамках приказа № 00593, то есть «харбинского» приказа, что подтверждают материалы внесудебных инстанций и архивно-следственных дел. Проведенный анализ этих документов для Западной Сибири убедительно доказывает, что как «японские шпионы» осуждались бывшие служащие КВЖД, реэмигранты, перебежчики, представители китайской, корейской, монгольской, турецкой диаспор, а также так называемые дальневосточники – «неблагонадежные элементы», высланные с Дальнего Востока [15].

Теме массовых репрессий 1937–1938 гг. в отношении «харбинцев» посвящено уже несколько статей [16]. Сводные статистические материалы НКВД о результатах выполнения «национальных» операций по СССР, УССР и ГССР, в том числе «харбинской», опубликованы [17]. Однако до сих пор при изучении этой линии исследователи крайне мало использовали такие массовые источники, как материалы внесудебных инстанций. Подробное их изучение позволяет не только уточнить масштаб террора, но и выявить группы населения, попавшие под эту репрессию.

---

[12] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы… Т. 5: 1937–1939. Кн. 2. С. 157.

[13] *Аблажей Н.Н.* «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг.… С. 85.

[14] *Хаустов В.Н.* Японская операция НКВД в 1937−1938 гг. // История сталинизма. Политические и социальные аспекты истории сталинизма. М., 2015. С. 106–118.

[15] *Потапова Н.А.* «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. в Алтайском крае // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 75–80.

[16] *Кропачев С.А.* «Польская» и другие «национальные» операции НКВД СССР. [Электронный ресурс]. URL: http://kubanmemo.ru/library/Kropachev01/poland.php (дата обращения: 22.07.2017); *Кузнецов Д.В.* «Аресту подлежат все»: политические репрессии в СССР и судьба так называемых «харбинцев» // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 136–146.

[17] «Через трупы врага на благо народа». Т. 2: 1938–1941 гг.… С. 133–153; Большевистский порядок в Грузии. Т. 2: Документы и статистика / Сост. М. Юнге, Б.М. Бонвеч, 2015. С. 155–157.

Чистки 1937–1938 гг. затронули все советские республики, но наиболее массово они прошли в РСФСР (830 тыс. человек) и УССР (253 тыс. человек) [18]. По «национальным» операциям в Украинской ССР было осуждено около 94 тыс. человек. Основные репрессии прошли по «польской» (54 тыс.), «немецкой» (23 тыс.), «румынской» (6 тыс.), «греческой» (5,5 тыс.), «латышской» (2 тыс.) и «болгарской» (1,4 тыс.) линиям [19]. В Украине к середине лета 1938 г. осуждению подверглись 906 «харбинцев» [20]. Подтверждает эту цифру и текущая статистика НКВД УССР, согласно которой по «харбинскому» приказу в республике репрессировали 890 человек [21]. Приведенные данные мы не можем подтвердить материалами внесудебных инстанций, так как не располагаем всеми протоколами. Однако согласно отчету НКВД УССР, к середине января 1938 г. в Украине было осуждено 293 человека, что подтверждается протоколами Комиссии НКВД и Прокурора СССР (двойкой) [22]. Из сводных отчетов, подготовленных областными НКВД УССР к середине января 1938 г., следует, что основные аресты по приказу № 00593 проходили в Харьковской (130 человек), Одесской (116 человек), Днепропетровской (108 человек), Киевской (72 человека) и Донецкой (44 человека) областях [23].

Доступность ведомственного делопроизводства НКВД УССР и архивно-следственных дел, хранящихся в ведомственных и государственных архивах Украины, позволяет не только восстановить ход репрессий по «харбинской» линии в Украинской ССР, но и сделать некоторые заключения о проведении этой общесоюзной репрессивной операции. Особо ценно то, что сам «харбинский» приказ и сопроводительная записка к нему [24], не

[18] Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2. С. 163.

[19] *Нікольський В.М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. Донецьк, 2003. С. 153.

[20] «Через трупы врага на благо народа». Т. 2: 1938–1941 гг.… С. 149.

[21] *Рогинский А.Б., Охотин Н.Г., Горланов О.А.* Массовые операции 1937–1938 гг. (статистические аспекты): Данные по материалам ведомственной статистики НКВД СССР. М., 2007. Рукопись хранится в библиотеке общества «Мемориал».

[22] Протокол № 25 от 20.10.1937 г. – 50 человек; № 55 от 02.11. 1937 г. – 50 человек; № 87 от 17.11.1937 г. – 50 человек; № 126 от 26.11.1937 г. – 30 человек; № 153 от 11.12.1937 г. – 38 человек; № 205 от 16.12.1937 г. – 22 человека; № 199 от 26.12.1937 г. – 25 человек; № 276 от 08.01.1938 г. – 28 человек. Всего по восьми протоколам проходят 293 человека. См.: Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Ф. 5. Д. 467–475.

[23] ОГА СБУ. Ф. 42. Д. 33. Л. 27–82.

[24] ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 85–119.

введенная в научный оборот в России, сохранились в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины.

Решение о начале репрессий против «харбинцев» было принято 19 сентября 1937 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), которое утвердило проекты закрытого письма НКВД № 60268 и приказа о мероприятиях «в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из числа так называемых “харбинцев”» [25]. На следующий день вышел оперативный приказ НКВД СССР № 00593, направленный на «ликвидацию диверсионно-шпионских и террористических кадров из числа “харбинцев” на транспорте и в промышленности» [26]. В нем были названы категории «харбинцев», подлежащие аресту: 1) изобличенные и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности; 2) реэмигранты и белогвардейцы; 3) бывшие члены антисоветских политических партий, участники троцкистских и правых формирований; 4) участники фашистских организаций; 5) служившие в китайской полиции и войсках; 6) работающие в иностранных фирмах, прежде всего японских; 7) окончившие в Харбине курсы «Интернационал», «Славия», «Прага»; 8) владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и проч.); 9) нелегально въехавшие в СССР, а также принимавшие китайское подданство; 10) бывшие контрабандисты, уголовники, торговцы опиумом, морфием; 11) участники контрреволюционных сектантских группировок [27].

К приказу прилагалось обширное сопроводительное письмо, подписанное Н.И. Ежовым и адресованное народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей, а также начальникам дорожно-транспортных отделов Главного управления государственной безопасности (ДТО ГУГБ) [28]. В письме характеризовалась «террористическая, диверсионная и шпионская деятельность японской разведки», якобы осуществлявшаяся бывшими служащими КВЖД и реэмигрантами из Китая на территории СССР; приводились «приемы вербовки», «каналы переброски» и примеры конкретной «подрывной» деятельности.

---

[25] Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П53/107 от 19 сентября 1937 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.memo.ru/history/document/harbin.htm. (дата обращения: 03.07.2017).

[26] ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 26–29.

[27] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 гг. М., 2004. С. 366–368.

[28] ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 81. Л. 85–119.

Карательную операцию против «харбинцев» планировалось провести за три месяца, однако этот срок неоднократно пересматривался. Ее завершило, как и другие массовые операции, совместное постановление от 17 ноября 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» [29]. Приказ № 00593 обязывал руководителей УНКВД каждые пять дней отправлять отчет в НКВД СССР о проведении операции. На основе этих телеграмм в 8-м отделе ГУГБ НКВД СССР готовились сводные доклады. В дополнение к статистическим показателям Москва требовала от руководителей местных управлений НКВД предоставлять сведения о «политических настроениях населения», об отношении населения к операции. Н.И. Ежов также требовал направлять ему информацию о количестве выявленных «контрреволюционных групп» и о количестве изъятого у них оружия.

Аресты осуществлялись на основании постановлений и ордеров на арест, подписанных, как правило, начальниками отделений и отделов Управлений государственной безопасности (УГБ) УНКВД. Функции прокуратуры ограничивались визированием постановлений на массовые аресты. На следствие отводилось не более месяца, после чего составлялось обвинительное заключение, в котором кратко излагалась суть обвинения и предлагаемое решение о мере наказания. Таким образом, роль прокуратуры в реализации «национальных» операций была сведена к минимуму, а полномочия НКВД в их реализации были неограниченными.

Дела на «харбинцев» сотрудники НКВД заводили еще летом 1937 г., то есть до принятия приказа № 00593. Поэтому уже две недели спустя после начала операции киевское УНКВД представило в Москву первые списки арестованных, обвиняемых в «японском шпионаже». В первый месяц проведения «харбинской» операции сотрудники НКВД при вынесении следственного решения руководствовались приказом № 00485, но включали дела по «японскому шпионажу» в отдельный список. К ноябрю 1937 г. в обвинительных заключениях на «японских шпионов» исчезают ссылки на приказ № 00485.

Помимо следователя, обвинительное заключение подписывали начальники отделений и отделов. После этого предлагаемую меру наказания утверждал начальник областного УНКВД. На основании следственных материалов, полученных из облуправлений НКВД, в центральном аппарате НКВД УССР составлялись краткие справки на каждого арестованного, которые подписывали начальник НКВД УССР и прокурор УССР как своеобразная республиканская двойка. Справки комплектовались в специальный список – «альбом» и отправлялись в Москву, где их оформляли в протоколы, поступавшие далее на рассмотрение всесоюзной Комиссии НКВД и Прокурора СССР (двойка). Такой порядок осуждения получил название «альбомного».

[29] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД… С. 468, 538, 549.

В протоколах обязательно указывался номер оперативного приказа, в рамках которого осуждались арестованные. К копии протокола прилагалась краткая справка-инструкция, подписанная начальником 8-го отдела ГУГБ НКВД. Она рекомендовала местным органам НКВД приводить расстрельные приговоры в исполнение немедленно. Для осужденных к исправительно-трудовым лагерям из Москвы в Киев высылались выписки из постановлений Комиссии НКВД и Прокурора СССР. После «сортировки» из Киева начальникам областных управлений НКВД направлялись списки осужденных с указанием мер наказания, подписанные начальником НКВД УССР. В свою очередь, облуправления НКВД обязывались после исполнения приговоров выслать в 8-ой отдел УГБ НКВД УССР акты о приведении в исполнение приговоров о смертной казни, после чего дела на расстрелянных и расстрельные акты высылались в Москву.

Несколько иная схема существовала для ДТО ГУГБ НКВД Украины. В «альбомах», а затем и в протоколах указывалось, что список арестованных предоставлен ДТО ГУГБ НКВД, поэтому из Москвы на места отправляли копии рассмотренных протоколов для начальников ДТО и для наркома внутренних дел УССР. Но дорожно-транспортные отделы приводили наказание в исполнение только после получения разрешения у наркома внутренних дел Украины. Сложная система отчетности выполняла функции контроля центрального аппарата НКВД над местными. Данная схема осуждения была выстроена с целью быстрого рассмотрения дел, но она вскоре показала свою несостоятельность. Управления НКВД УССР направляли «альбомы» в Москву еженедельно и даже чаще. В первые недели реализации «харбинского» приказа двойка выносила решение в течение двух-трех дней, но постепенно этот срок увеличивался и к декабрю 1937 г. составлял уже до трех недель. Стало очевидно, что Комиссия НКВД и Прокурора СССР не справлялся с рассмотрением дел, приходящих из всех республик, областей и краев страны.

Основываясь на приказе № 00593 и закрытом письме о деятельности «харбинцев», которые указывали на будто бы существующую в стране разветвленную диверсионную сеть японских шпионов, сотрудники НКВД строили дела не индивидуальные, а групповые, искусственно создавая шпионские, диверсионные и контрреволюционные организации. Согласно ряду докладных записок, на Южной железной дороге сотрудниками ДТО ГУГБ были «вскрыты» группы «Восток» и «Самурай», в Киевской области – «Мурашка», «Семья», «Азиаты» и т. д. Как правило, в такие «организации» могло входить несколько десятков человек.

Следуя директивным инструкциям, в первую очередь закрытому письму № 60268 от 20 сентября 1937 г., карательные органы выявляли «шпионов», «диверсантов», «террористов», «участников контрреволюционных фашист-

ских формирований» и прочий «контрреволюционный элемент». Доминирующей политической окраской для «националов», в том числе и «японских шпионов» был избран троцкизм. Так, согласно докладной записке начальника УНКВД УССР по Днепропетровской области от 3 января 1938 г., за первые полгода проведения операции аресту подверглись 200 выходцев из Харбина. Как «завербованные» Японией прошли 165 человек, среди которых «шпионов» – 65, «диверсантов» – 34, «террористов» – 27, «участников контрреволюционных фашистских формирований» – 19 и прочих «контрреволюционеров» – 20, остальным инкриминировали троцкизм [30]. Такого рода перечень обвинений воспроизводился и в других республиках, областях и краях страны [31].

Перегруженность «работой» членов Комиссии НКВД и Прокурора СССР (двойка) и переполненность тюрем стали главными причинами принятия приказа НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 г., передававшего карательные полномочия на места, в компетенцию Особых троек. В состав тройки входили начальник УНКВД, местный прокурор и секретарь крайкома (обкома) партии. Особым тройкам предписывалось в двухмесячный срок завершить операции согласно приказам НКВД СССР № 00439, № 00485, № 00593 и директивам № 302 и 326. Из протоколов исчезает указание номера оперативного приказа, в рамках которого предъявляли обвинения и выносили приговоры, тройка указывала только линию шпионажа (польский, немецкий, японский и пр.). С принятием приказа № 00606 главным основанием для репрессий стал считаться не «национальный» признак, а причастность к «шпионской сети». Работа троек была прекращена в середине ноября 1938 г. Абсолютное большинство «харбинцев» в УССР репрессировались внесудебными инстанциями (двойка – 394 человека, тройки – 495 человек), однако необходимо отметить, что для рассмотрения некоторых дел привлекались и судебные органы (17 человек) [32].

Согласно отчету НКВД УССР, к августу 1938 г. по статье «японский шпионаж» в Украине было осуждено 1053 человека, что на 147 человек больше, чем репрессированных по приказу № 00593, хотя обычно количество осужденных по «национальному» приказу почти вдвое превышало число репрессированных по «шпионской линии» [33]. Данный факт, на наш взгляд, может говорить о том, что часть контингента на первом этапе операции провели по «кулацкой» и «РОВСовской» линиям. Но одновременно он указывает и на то,

[30] ОГА СБУ. Ф. 16. Оп. 30. Д. 284. Л. 83.

[31] *Аблажей Н.Н.* С востока на восток… С. 191.

[32] ОГА СБУ. Ф. 42. Д. 34. Л. 14–42.

[33] Так, по «польской» линии осуждено 54011 чел., а по «польскому шпионажу» – 25132 чел.; по «немецкой» линии – 23036 чел., а по «германскому шпионажу» – 9100 чел. (См. подробнее: «Через трупы врага на благо народа». Т. 2: 1938–1941 гг.… С. 150.)

что органы пошли по пути расширения целевых групп, проводимых по «харбинскому» приказу, включив в него не только бывших служащих КВЖД и реэмигрантов, но и лиц китайской и корейской национальностей.

По данным НКВД УССР в республике всего в «чистку» попали 134 китайца и 104 корейца [34]. Пока мы не можем утверждать, что все они прошли по приказу № 00593. Анализ материалов Комиссии НКВД и Прокурора СССР показывает, что в УССР с сентября 1937 г. по март 1938 г. было осуждено 397 человек, среди которых только 18 корейцев и 12 китайцев (4,5 % и 3 % соответственно). Однако статистика приговоров троек свидетельствует о явной тенденции увеличения арестов и осуждений китайского населения.

В отличие от материалов двойки материалы троек более информативны. Они позволяют судить о национальности, подданстве, социальном происхождении, наличии судимости, вынесенном приговоре и пр. Так, анализ материалов тройки по Киевской области за период с сентября по ноябрь 1938 г. показал, что по линии «японский шпионаж» проходило 63 человека, из которых украинцев – 26, китайцев – 13, русских – 11, евреев – 10, один татарин, один эстонец и один швейцарец, то есть доля украинского и русского населения составила 41 % и 17 % соответственно, а «националов» – 41 %. Все фигуранты являлись гражданами СССР, в том числе и лица китайской национальности, доля которых от общего числа осужденных составила 20,6 %. Все осужденные числятся как беспартийные, но при этом восемь человек были «исключенными из ВКП(б)» и двое проходили как «бывшие эсеры». Работали на КВЖД или временно пребывали в Китае 17 человек, у 26 человек было указано, что они «прибыли» с Дальнего Востока. Как «бывшие» или «социально чуждые» проходили шестеро. Трое имели судимость по уголовным статьям. Анализ материалов Киевской тройки наглядно показывает, что целевыми категориями «харбинской» карательной акции стали не только бывшие служащие КВЖД, но и реэмигранты из Китая (бывшие белогвардейцы), китайцы и представители других этнических групп.

В отношении 52 человек (82,5 %) тройка по Киевской области вынесла решения о высшей мере наказания, 11 человек получили от 8 до 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Доминирование смертных приговоров в отношении «харбинцев» было характерно и для решений Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Из выявленных нами 14 «украинских» протоколов за период с 20 октября 1937 г. по 2 марта 1938 г. по спискам прошло 397 человек, из которых 284 были приговорены к смертной казни, то есть доля расстрельных приговоров составила 71,5 %.

[34] «Через трупы врага на благо народа». Т. 2: 1938–1941 гг.... С. 151.

Анализ материалов делопроизводства НКВД и материалов внесудебных инстанций по реализации «харбинского» приказа в Украине показывает, что операция была нацелена не столько на определенную социальную или национальную группу, сколько на учетную категорию, объединенную общим признаком – обвинением в «японском шпионаже». В целевую группу «харбинцы» органы НКВД объединили бывших служащих КВЖД, реэмигрантов, нелегальных мигрантов, китайцев, корейцев, уроженцев и административно-высланных с Дальнего Востока. Изначально приказ № 00593 не предполагал аресты «инонационалов», но по мере его реализации произошло расширение «харбинцев» за счет представителей диаспор, в первую очередь китайской и корейской. Две третьих репрессированных по «харбинской» операции в УССР приходится на «бывших» и «классово-чуждых», что сближает эту операцию с «кулацкой» и «РОВСовской», но оставляет в ряду «национальных» операций. Сочетание социальных и национальных признаков свидетельствует о том, что в рамках Большого террора «харбинскую» операцию следует рассматривать как одну из наиболее сложноорганизованных репрессивных акций.

Библиография

Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007. 298 с.

Аблажей Н.Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.

Большевистский порядок в Грузии: в 2 т. Т. 2: Документы и статистика / Сост. Юнге М., Бонвеч Б.М., 2015. 656 с.

Джуха И.Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб., 2006. 416 с.

Кропачев С.А. «Польская» и другие «национальные» операции НКВД СССР. [Электронный ресурс]. URL: http://kubanmemo.ru/library/Kropachev01/poland.php (дата обращения: 22.07.2017).

Кузнецов Д.В. «Аресту подлежат все»: политические репрессии в СССР и судьба так называемых «харбинцев» // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 136–146.

Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 гг. М., 2004. 734 с.

Нікольський В.М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. Донецьк, 2003. 624 с.

Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm (дата обращения: 02.10.2016).

Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» Николай Ежов. М., 2009. 447 с.

Потапова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. в Алтайском крае // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 75–80.

Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П53/107 от 19 сентября 1937 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.memo.ru/history/document/harbin.htm (дата обращения: 03.07.2017).

Рогинский А.Б., Охотин Н.Г., Горланов О.А. Массовые операции 1937–1938 гг. (статистические аспекты): Данные по материалам ведомственной статистики НКВД СССР. М., 2007. Рукопись хранится в библиотеке общества «Мемориал».

Савин А.И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI. 2012. № 3. С. 40–61.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. / Под ред. В. Данилова, П. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000–2005. Т. 5: 1937–1939. Кн. 2. 702 с.

Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. 432 с.

Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. 479 с.

Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. 352 с.

«Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг.: в 2 т. / Сост.: М. Юнге, С.А. Кокин, Р. Биннер, А.О. Довбня, Б. Бонвеч, И.Е. Смирнова, Г.А. Бордюгов; под. общ. ред. О.А. Довбни, Л.С. Макаровой. М., 2010.

Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. 784 с.

Hirsch F. Race without the Practice of Racial Politics // Slavic Review. 2002. Vol. 61. No. 1. P. 30–43.

Lemon A. Without a «Concept»? Race as Discursive Practice // Slavic Review. 2002. Vol. 61. No. 1. Spring. P. 54–61.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ 1941–2016 ГГ.

Н.П. Миронова

Коми научный центр УрО РАН

Комплексный метод в исследованиях этнографии коми Л.П. Лашука (1925–1990 гг.) *

Статья посвящена проблеме комплексной методологии в советской этнографической школе на примере научного наследия этнолога Л.П. Лашука. Показана разработка Л.П. Лашуком проблемы этнической истории коми и русского населения Печоры и Ижмы, вымских, верхневычегодских, сысольских и прилузских коми. Выявлен существенный вклад Л.П. Лашука как теоретика этнологической науки в изучение вопросов этнометодологии в целом. Сделан вывод о том, что комплексный метод в научно-исследовательской практике Л.П. Лашука предусматривает глубокое овладение методологическими основами каждой из привлекаемых наук, критический анализ материалов и источников, тесное содружество со специалистами смежных исторических дисциплин.

Ключевые слова: Л.П. Лашук, Коми филиал АН СССР, этнография коми, этническая история, этногенез, методология.

За последнюю четверть века роль этнологической науки в нашей стране значительно возросла, что связано с резким ростом значения этнического фактора в обществе и необходимостью его всестороннего изучения. Сбор и систематизация этнографического материала о разных народах требует разработанности теоретической составляющей, основных понятий и терминологии этнологии как науки. Изменение общественно-политического контекста со второй половины 1980-х годов сопровождалось всесторонней критикой советского «тоталитарного наследия» в отечественной этнологии, которая в своих радикальных проявлениях отчасти перерастала в отрицание вековых традиций отечественной науки [1]. Произошел отход от марксистского монизма, на советскую этнографическую науку навешивались «ярлыки примордиализма». При этом не учитывались и часто отрицались многолетние достижения отечественных исследователей в области теоретической этнологии.

* Статья подготовлена в рамках комплексной программы УрО РАН «Научное сообщество в социокультурной модернизации северных регионов России» (проект № 15-13-6-21).

[1] *Чешко С.В.* От советской этнографии к российской этнологии // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 8–10.

Организационную основу этнологии в СССР составляли учрежденный в 1933 г. Институт антропологии и этнографии (ИАЭ) АН СССР, а также кафедра этнографии в составе исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, созданная в 1939 г. по инициативе известного этнографа, археолога и историка С.П. Толстова. С конца 1950-х годов в отечественной науке постепенно складывалось направление, изучавшее проблемы этноса, общие этнические процессы. Заявившее о себе еще в начале XX в., оно стало своеобразным символом советской этнографии. Итогом такого глубокого теоретического поиска являлась популярная дуалистическая теория этноса директора Института этнографии АН СССР, академика Юлиана Владимировича Бромлея (1921–1990 гг.). Советские этнологи интенсивно вели работу, связанную с формулированием предмета и задач этнографии, исследовали этногенез народов мира, первобытное общество, хозяйственно-культурные типы и ряд других тем. Велись разносторонние исследования по региональной этнографии. При содействии центральных этнологических учреждений во всех союзных и автономных республиках возникли центры этнологических исследований [2].

В данном контексте особую актуальность приобретает анализ теоретико-методологических оснований этнографических исследований в отдельных регионах, например, в Республике Коми в советский период. С одной стороны, это позволяет проследить историю регионального этнографического обследования, с другой – оценить вклад исследователей в развитие советской теоретической этнологии. Так, целью данной работы является анализ вклада этнографа Льва Павловича Лашука в разработку комплексного метода, широко применяемого в советской этнографической традиции на примере исследования этнической истории Печорского края.

В историографии этнографического изучения коми Л.П. Лашук, наряду с Л.Н. Жеребцовым, занимает почетное место одного из основоположников этнографического районирования Республики Коми и основателей первого профессионального коллектива этнографов Коми филиала АН СССР. На начальном этапе институциализации этнографии коми в сфере внимания этнографов находились этническая история, принципы выделения этнографических групп коми, жилища и поселения, календарная обрядность и народные художественные традиции, а также религиозность (которая тогда изучалась в форме «религиозных пережитков») [3].

---

[2] *Соловей Т.Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. М., 1998. 258 с.

[3] *Шабаев Ю.П., Шарапов В.Э.* Основные этапы этнографического изучения Европейского Северо-Востока. (Материалы к научным конференциям. Вып. 35). Пле-

Лев Павлович Лашук внес значительный вклад в изучение этнической истории коми, а также этнокультурных связей коми и русских. Родился 7 декабря 1925 г. в с. Песочная Бежецкого уезда Брянской губернии. Закончил школу в г. Дмитров Московской области. В 1945 г. работал землекопом и слесарем на строительстве газопровода Саратов – Москва [4]. В 1950 г. успешно окончил обучение на отделении этнографии исторического факультета МГУ. Специализировался по финно-угорским народам СССР. Учителями Л.П. Лашука были блестящие исследователи и педагоги С.А. Токарев, С.П. Толстов, М.О. Косвен, Н.Н. Чебоксаров (под руководством последнего была написана дипломная работа). Научно-исследовательская школа, которую прошел Л.П. Лашук в МГУ, была ориентирована на изучение основных историко-культурных явлений, а не на описание «экзотических» сторон быта. Также не признавалось разделения этнографии на описательную и теоретическую, вне зависимости от объема конкретного материала, создавались основания для теоретических выводов. Молодой выпускник получил направление на работу в г. Сыктывкар в Коми филиал АН СССР, в котором Л.П. Лашук проработал десять лет. Это время стало для него периодом напряженной исследовательской работы, сбора полевого и архивного материала по проблемам этногенеза народов Северного Приуралья. Л.П. Лашук начал свою работу в Коми филиале в должности младшего научного сотрудника сектора языка, письменности, литературы и истории Коми филиала АН СССР, с 1956 г. – старший научный сотрудник отдела языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР [5]. В 1950–1959 гг. исследователь разрабатывал проблемы этнической истории коми и русского населения Печоры и Ижмы, вымских, верхневычегодских, сысольских и прилузских коми, провел ряд этнографических экспедиций в эти районы, осуществил совместно с Л.Н. Жеребцовым сплошное этнографическое обследование территории республики [6]. За несколько лет совместной работы успешного научного тандема Л.П. Лашука и Л.Н. Жеребцова им удалось очень многое. Ученые побывали во всех

нарный доклад на Первом съезде историков Республики Коми (Сыктывкар, 31 марта – 4 апреля 2015 г.). Сыктывкар, 2015. С. 11.

[4] Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Биографический справочник. Сыктывкар, 2000. С. 101.

[5] Документальная история Коми научного центра УрО РАН. Коми филиал АН СССР в 1944–1964 гг. Сыктывкар, 2009. С. 394.

[6] *Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н.* Научный отчет о работе Сысольского этнографического отряда за 1958 г. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 37–38.; *Они же.* Научный отчет Прилузской этнографической экспедиции за 1959 г. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 48–52.

районах коми АССР, собрали богатейший материал о быте, культуре, хозяйстве, этнической истории местного населения. Также они занимались археологической разведкой, открыли несколько археологических памятников [7]. В период работы в Коми филиале АН СССР Л.П. Лашук написал 31 научную работу, из них 20 было опубликовано, в том числе монография «Очерк этнической истории Печорского края» (1958 г.), а также монография «Вымские и удорские коми (историко-этнографические очерки)» (18 а. л., в соавт. с Л.Н. Жеребцовым), рекомендованная к печати в 1955 г., но оставшаяся не изданной. Л.П. Лашук немало сил приложил к разработке «Очерков по истории Коми АССР». По поручению руководства Коми филиала АН СССР он составил проспект первого тома этой работы – от происхождения коми до гражданской войны, написал три раздела. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности «этнография» на тему «Этническая история Печорского края» [8]. В основу его докторской диссертации легло целостное исследование всего процесса формирования народности коми-зырян и консолидации этноса коми. Практически этот труд на тему «Этническая история и национальная консолидация коми (зырян)» был им почти завершен еще в годы работы в Сыктывкаре. Защита прошла в 1964 г. уже в Москве, куда ученый переехал четырьмя годами ранее по приглашению заведующего кафедрой этнографии С.А. Токарева. На этой кафедре Лев Павлович проработал до конца жизни – сначала доцентом, а затем профессором. Ученики Льва Павловича вспоминают его как блестящего лектора, который мастерски умел заинтересовать и заинтриговать слушателей и увлекательной формой изложения, и своей огромной эрудицией [9]. Л.П. Лашук руководил аспирантами, подготовил ряд работ по теории этнографической науки и внедрению социологии в сферу этнологического познания. Опубликовал труды «Формирование народности коми» (1972 г.) [10], «Введение в историческую социологию» (1977 г.) [11].

Работы в области этнической истории финно-угорских народов сделали имя Л.П. Лашука широко известным в отечественной науке. Однако значение трудов Л.П. Лашука этим не ограничивается. Его исследования до

[7] *Жеребцов И.Л.* Дороги этнографа Любомира Жеребцова (вступ. статья) // Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005. С. 29–39.

[8] *Лашук Л.П.* Этническая история Печорского края. Диссертация, 1953 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 32.

[9] *Карлов В.В.* Вопросы теории: из неопубликованного. Лев Павлович Лашук // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 3–6.

[10] *Лашук Л.П.* Формирование народности коми. М., 1972. 292 с.

[11] *Он же.* Введение в историческую социологию. Вып. 1-2. М., 1977.

сих пор остаются образцом изучения проблем этнической и этнокультурной истории народов с точки зрения методико-методологического подхода к предмету, составляющему одно из важнейших направлений современной этнологической науки. Этот подход отличает не только комплексность, требующая широчайшей эрудиции в самых разных смежных областях знания (археология, лингвистика, фольклористика, антропология, ономастика), но и высокий уровень теоретического осмысления предмета исследования. Пристальное внимание к проблемам качественного состояния этноса и этнических связей, их видоизменения на различных этапах истории и под влиянием конкретных условий и факторов, обусловливающих ход и особенности протекания этнолингвистических и этнокультурных взаимодействий, так же как характерные типологические признаки их развертывания во времени и пространстве, – вот отличительные черты творческого почерка профессора Лашука, свойственные его работам с молодых лет [12]. Особенно подробно Л.П. Лашук рассмотрел этническую историю Печорского края: процессы заселения бассейна Печоры, духовную и материальную культуру, быт, хозяйство местного населения XVII–XIX вв., культурное взаимодействие. Обширный Печорский край, отличающийся богатством природных условий и этническим своеобразием многоязычного населения, всегда привлекал внимание ученых. Промышленно-экономический и культурный расцвет региона начался в годы советской власти, с созданием Печорского промышленного района, базирующегося на запасах угля, нефти и др. полезных ископаемых. Данная тема непосредственно была связана с научно-исследовательскими задачами, стоящими перед Коми филиалом АН СССР в деле комплексного изучения производительных сил Республики Коми [13].

При подготовке кандидатской диссертации в ходе анализа этнической истории населения Печорского края – русских, коми, ненцев – Л.П. Лашук разработал основные понятия и комплексный методологический базис своей исследовательской лаборатории. Под этнической историей понимается процесс возникновения и развития народа или группы соседних народов, их языка, культуры на определенной территории с древнейших времен. Это процесс, включающий в себя смену одних этнических общностей и групп другими, которые на протяжении веков дробились и расходились, смешивались и скрещивались. Автор на примере истории населения Печоры показал многообразие и сложность этого процесса.

При анализе этнической истории Л.П. Лашук использовал обширный комплекс разнообразных источников: этнографических, археологических,

[12] *Карлов В.В.* Вопросы теории: из неопубликованного. Лев Павлович Лашук… С. 3.
[13] Документальная история Коми научного центра УрО РАН… С. 364.

лингвистических, письменных. Основная задача автора состояла в том, чтобы, опираясь на материалы различных наук (археологии, этнографии, лингвистики и антропологии) и данные письменных источников, раскрыть характер и содержание исторического процесса формирования этнически-разнородного населения Печоры и его культуры, показать, когда, при каких обстоятельствах и из каких компонентов складывалось это население, каким образом его различные группы взаимодействовали между собой. По своему составу и размещению современное население Печорского края являет пример этнической неоднородности и смешанности. Здесь бок о бок живут представители трех различных этносов (коми, русские, ненцы), которые в значительной степени смешались между собой в пределах одного этнического массива. Например, у русских и коми отсутствует единство в происхождении и языке, в культуре и быте. Русские низовьев Печоры, связанные своим происхождением и особенностями культуры с русским Поморьем, заметно отличаются от русских верхней Печоры – по происхождению и культуре выходцев из Пермского Приуралья. Кроме того, низовые русские по ряду языковых и культурно-бытовых признаков делятся на три группы – «пустозеров», «усть-цилемов» и «пижемцев». В свою очередь, печорские коми подразделяются на две заметно отличные по языку и культуре группы – ижемцев («изьватас») и «печорцев» («печераса»). Большеземельские ненцы, кочующие по тундре от Печоры до р. Кары, до недавнего времени сохраняли старое родоплеменное деление, сопровождаемое некоторыми различиями в языке, хозяйстве и культуре [14]. Важнейшим вопросом этнической истории любого народа, группы родственных или соседних неродственных народов является проблема этногенеза этого народа. В основе каждой этнической группы лежат этнические общности древности, современных языков – древние языки. Каждое этногенетическое исследование должно иметь целью установление древних племен и народностей, которые вошли в состав современной народности и нации, установление древних языков, к которым восходят современные языки.

Л.П. Лашук жестко разграничивал понятия «этногенез» и «этническая история». Этногенезом, по его мнению, следует считать процесс возникновения и формирования определенной этнической общности (этнической группы или народности), сложившейся на основе ряда родственных или неродственных племен и групп. Многие народности Севера сложились в эпоху средневековья и за несколько веков прошли большой путь не только социально-экономического, но и этнического развития. В процессе этого развития происходило выделение их этнической территории и границ, за-

[14] *Лашук Л.П.* Этническая история Печорского края… Л. 6–10.

вязывались взаимоотношения с соседними народами, что не могло не привести к смешению населения в полосе этнических границ, образованию смешанных и переходных этнических групп. Наконец, некоторые из этих народностей сложились или складываются в социалистические нации. Отмеченные процессы вряд ли следует включать в понятие «этногенез». Они составляют понятие «этническая история», в которое составной частью входит этногенез [15]. Так, по мнению исследователя, только полное, систематическое изложение положений и фактов, касающихся этнического развития какого-либо народа или этнической группы с древнейших времен до современности, анализ и объяснение этих фактов и явлений с позиций исторического материализма могут дать нам ясное представление об этнической истории данного народа.

Уяснение различных сторон сложного исторического процесса образования современных народов возможно лишь на основе комплекса смежных наук: истории, языкознания, археологии, этнографии и антропологии. Какое-либо предпочтение одной из этих наук не должно иметь места, так как каждая из этих наук имеет сравнительно узкую сферу приложения и рассматривает одну область конкретных проявлений сложного этногонического процесса. Л.П. Лашук в своих методологических изысканиях, успешное разрешение вопросов этнической истории любого народа связывал с необходимостью применения комплексного метода исследования, предусматривающего использование данных ряда исторических дисциплин, взаимно подкрепляющих и дополняющих друг друга. «Использование этого метода сопряжено с большими трудностями и далеко не всегда спасает исследователя от грубейших ошибок. Приняв за основу комплексный метод, надо уметь правильно им пользоваться, чтобы не впасть в самый заурядный эклектизм» [16], – отмечал Л.П. Лашук в своем диссертационном исследовании, посвященного этническом истории Печорского края.

Комплексный метод, разработанный советскими учеными на основе диалектического и исторического материализма, имеет строго научные принципы. Краеугольным камнем этого метода является принцип последовательного историзма. Это означает, что любой факт, относящийся к этнической истории (будь то элемент материальной культуры, историческое предание, языковой или антропологический материал), должен быть: 1) поставлен в определенные хронологические рамки; 2) сопоставлен с другими фактами, относящимися к этому же времени и освещающими аналогичный вопрос; 3) осмыслен в тесной связи с всемирно-историческим

[15] *Лашук Л.П.* Этническая история Печорского края… Л. 7.
[16] Там же. Л. 16.

процессом и конкретным ходом истории данного народа. Нарушение данного принципа приводит к тому, что вместо строгой и последовательной цепи научных аргументов, освещающих постепенное развитие этногонического процесса во времени и пространстве, получается мешанина из разрозненных и разновременных явлений и фактов, которые можно трактовать самым произвольным образом. Л.П. Лашук указал, что советская наука пришла к выводу о несовпадении границ языковых и этнических общностей, о принципиальном различии антропологических, лингвистических и этнических образований. Что же касается соотношений между лингвистическими общностями и общностями этническими, антропологическими типами и археологическими культурами, то они, как показывает практика научно-исследовательской работы, не могут быть сведены к единой схеме и определяются в каждом отдельном случае конкретными историческими условиями [17].

Таким образом, комплексный метод в научно-исследовательской практике Л.П. Лашука предусматривает соблюдение целого ряда принципов: глубокое овладение методологическими основами каждой из привлекаемых наук, критический анализ материалов и источников, тесное сотрудничество со специалистами смежных исторических дисциплин. В своей основной работе по этнической истории населения Печорского края Л.П. Лашук выработал стройную комплексную методологию на основе общепринятой в советской исторической науке истматовской теории. Особое место в научном творчестве Льва Павловича Лашука с первых его работ занимают разработки теоретического характера. «Интерес к постижению взаимосвязей явлений и процессов этнокультурной истории и действительности. Во многом введением подобной проблематики в фокус исследовательского внимания в исследованиях по этнической истории наша наука в немалой степени обязана работам Л.П. Лашука» [18]. Л.П. Лашук всегда был убежденным сторонником историко-материалистического подхода к этнокультурной истории человечества. В марксистской научной традиции его привлекала стройная диалектика сущности изучаемых явлений и процессов, целостного постижения предмета в его историко-культурной эволюции. Исследование этногенеза справедливо относится к сложнейшим проблемам этнической истории народов. Сегодня есть все основания признать, что значительные успехи советских этнографов в этой области прямо связаны с освоением ими метода комплексного подхода к решению вопросов этногенеза.

---

[17] *Лашук Л.П.* Этническая история Печорского края… Л. 20.

[18] *Карлов В.В.* Вопросы теории: из неопубликованного. Лев Павлович Лашук… С. 6.

Формирование новых научных принципов в этногенетических исследованиях советских этнографов приходится на начало 1950-х годов, когда была дана оценка комплексной методологии этногенетических исследований, принятой на всесоюзном совещании этнографов 1951 г. В данном смысле работы Л.П. Лашука не теряют своей актуальности и во многом помогают проследить эволюцию этнологических взглядов как в советский период, где они во много предвосхищают теорию этноса Ю.В. Бромлея, так и в современных методологических поисках.

Библиография

Документальная история Коми научного центра УрО РАН. Коми филиал АН СССР в 1944–1964 гг. Сыктывкар, 2009. 456 с.

Жеребцов И.Л. Дороги этнографа Любомира Жеребцова (вступ. статья) // Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005. 420 с.

Карлов В.В. Вопросы теории: из неопубликованного. Лев Павлович Лашук // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 3–9.

Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. М., 1977. Вып. 1. Историография и методология исторической социологии. 172 с.; Вып. 2. Конкретные проблемы исторической социологии. 148 с.

Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972. 292 с.

Лашук Л.П. Этническая история Печорского края. Диссертация, 1953 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 32.

Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н. Научный отчет о работе Сысольского этнографического отряда за 1958 г. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 37–38.

Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н. Научный отчет Прилузской этнографической экспедиции за 1959 г. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 48–52.

Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. М., 1998. 258 с.

Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Биографический справочник. Сыктывкар, 2000. 212 с.

Чешко С.В. От советской этнографии к российской этнологии // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 8–10.

Шабаев Ю.П., Шарапов В.Э. Основные этапы этнографического изучения Европейского Северо-Востока. (Материалы к научным конференциям. Вып. 35). Пленарный доклад на Первом съезде историков Республики Коми (Сыктывкар, 31 марта – 4 апреля 2015 г.). Сыктывкар, 2015. 16 с.

Р.Е. Романов

Институт истории СО РАН

Тарификация оплаты труда рабочих оборонной промышленности сибирского тыла (1941–1945): факторы и механизмы

Статья посвящена выявлению влияния таких факторов, как условия труда, квалификация и нормы выработки на механизмы тарификации заработной платы рабочих оборонной промышленности Сибири в годы войны. Показано, что размер ставок повременщиков и сдельщиков первого разряда регулировался в зависимости от технологического характера операций и нормативного объема выпуска продукции. На основе базовых ставок действовали тарифные сетки, величина которых обусловливалась количеством квалификационных разрядов. Автор делает вывод о том, что в первой половине 1940-х годов в сферу оплаты труда сибирского военпрома была перенесена довоенная тарифная политика, нацеленная на формирование существенного неравенства в рабочей среде. Данная политика была направлена в основном на создание материальных преимуществ высококвалифицированному персоналу (преимущественно эвакуированные кадровые работники). В этом состояла одна из специфических черт развития системы денежного стимулирования промышленных рабочих в тыловых районах страны, в наибольшей степени присущая Сибирскому региону.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сибирский тыл, оборонная промышленность, тарификация, оплата труда.

В годы Великой Отечественной войны важное место в системе материального стимулирования персонала оборонной промышленности СССР занимала проблема регулирования оплаты труда в интересах наращивания выпуска продукции для фронта. Ее краеугольным камнем являлась необходимость организации заработной платы с учетом количественной и качественной динамики, технологической специфики производства вооружения и боеприпасов. Особое значение решение такой проблемы приобрело в сибирском военпроме, сложившемся в качестве крупного многоотраслевого комплекса в первой половине 1940-х годов. В связи с этим, в фокусе данного исследования находится исторический опыт функционирования тарифной системы, созданной советским государством в период первых пятилеток в новой региональной подсистеме отечественного ВПК. В частности, рассматривается процесс регулирования базового компонента денежного вознаграждения, не включавшего дополнительные выплаты в виде «прогрессивки» и премий. Его анализ обусловлен актуальностью изучения трудовых стимулов на оборонных предприятиях региона в условиях военного времени, без которого невозможно в полной мере раскрыть исторический феномен сибирского тыла.

В отечественной историографии аспекты тарификации зарплаты промышленного персонала СССР разрабатывались в исследованиях, авторы которых прямо [1] или косвенно [2] обращались к изучению данного вопроса в рамках периода 1917–1941 гг. Внимание уделялось эволюции политики высшего руководства страны в сфере оплаты труда, в которой к концу 1930-х годов возобладал прагматичный принцип «чем выше производительность, тем больше зарплата». В рамках истории оборонной индустрии военного времени разрабатываемая тема фрагментарно рассматривалась лишь в монографии, посвященной опыту развития советского авиапрома в 1941–1945 годах [3]. Что касается работ по истории сибирской «оборонки» [4], то на фоне анализа уровня оплаты труда эта тематика не получила какого-либо освещения. Восполнению подобного историографического пробела и посвящено данное исследование. Его целью является выявление влияния совокупности таких факторов, как условия труда, квалификация и нормы выработки на механизмы тарификации заработной платы рабочих в оборонном производстве сибирского тыла. Поиск ответа на данный вопрос выводит исследователя на анализ и осмысление проблемы формирования материального неравенства в промышленном персонале одного из крупнейших тыловых регионов СССР.

Прежде чем перейти к рассмотрению основной тематики, необходимо показать динамику рабочих кадров сибирского военпрома. К началу 1940-х годов в регионе были частично введены в строй восемь оборонных предприятий. Одновременно с их строительством формировались новые производственные коллективы. В 1940 г. в авиастроении и промышленности боеприпасов Сибири трудилось 17,6 тыс. человек [5]. В возрастной структуре персонала преобладала молодежь в возрасте до 25 лет, обладавшая низкой квалификацией. При восьмиразрядной сетке средний разряд рабочих завода № 153 Наркомата авиационной промышленности (НКАП) соответствовал

[1] *Ильюхов А.* Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. 416 с.

[2] *Журавлёв С.В., Мухин М.Ю.* «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004. 239 с.; *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК: Советская военная промышленность 1917 – июнь 1941 г. М., 2012. 528 с.

[3] *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. 347 с.

[4] *Шуранов Н.П.* Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004. 220 с.; *Савицкий И.М.* Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. 449 с.

[5] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2776. Л. 36, 42, 48; Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1499. Л. 55, 56; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 113. Л. 4, 14.

коэффициенту 3,4, комбината № 179 Наркомата боеприпасов (НКБ) – 3,58 [6]. В ходе эвакуации 1941–1942 гг. количество оборонных заводов за Уралом увеличилось с восьми до 75. В этих условиях кадровая проблема резко обострилась, что привело к трудовой мобилизации незанятого населения в военно-промышленное производство. В начале 1945 г. только на предприятиях НКАП и НКБ численность работников возросла до 98,8 тыс. человек [7]. В половозрастном составе трудящихся численно доминировали женщины, в возрастном – юноши и девушки [8]. С учетом интенсивного поступления и сжатых сроков профессиональной подготовки новых кадров их квалификация к концу войны незначительно превысила довоенные показатели. На 1 января 1945 г. средний разряд рабочих завода № 153 НКАП составлял 4,09, завода № 29 НКАП – 4,03 [9]. В коллективах оборонных предприятий выделялось кадровое ядро «универсалов» (эвакуированные работники с богатым профессиональным опытом) и многочисленная масса «операционщиков», освоившая несложные производственные операции. В связи с этим представляется важным проследить каким образом факторы, влиявшие на механизмы тарификации заработной платы, способствовали материальной дифференциации рабочего класса сибирского тыла.

К концу 1930-х годов в советском военпроме окончательно сложилась общая «архитектура» тарифной системы оплаты труда. В 1938 г. на предприятиях Наркомата оборонной промышленности была установлена единая восьмиразрядная сетка. Разница в зарплате между первым и восьмым разрядами составляла 1:3,6. После разделения НКОП на четыре военно-промышленных наркомата в январе 1939 г. в оборонпроме стали применяться восьмиразрядные сетки с соотношением 1:3,2 и 1:3,6, а также семиразрядные – 1:3,3. В 1940 г. вместо действовавших ранее двадцати ставок были установлены три: для повременщиков на холодных работах; для повременщиков на горячих и вредных и сдельщиков на холодных работах; для сдельщиков на горячих, вредных и станочных работах с расчетными нормами [10]. При повышении квалификации на один разряд ставка возрастала на 20 %, при переходе с холодных на горячие или вредные операции –

[6] *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность… С. 144; РГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1499. Л. 55.

[7] РГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1425. Л. 3, 4; Ф. Р-8044. Оп. 1. Д. 2940. Л. 22, 41.

[8] На 1 января 1945 г. в промышленности боеприпасов Сибири женщины составляли 50,4 % рабочих, молодежь – 53,5 %. Подсчитано по: РГАЭ. Ф. Р-7516. Оп. 1. Д. 1425. Л. 3, 4.

[9] *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность… С. 190.

[10] *Соколов А.К.* От военпрома к ВПК… С. 404, 409.

на 15–20 %, с повременной на сдельную оплату – на 20–30 % [11]. Введение этой тарифной системы осуществлялось также на оборонных предприятиях Сибири. В целом организация оплаты труда была упорядочена, что потенциально повышало ее стимулирующее влияние на персонал.

В годы войны данный регулятор заработной платы заработал в сибирской «оборонке» на полную мощность. Как и по всей стране, в каждой ее отрасли соотношение различных сеток с соответствующими тарифными коэффициентами было своеобразным. В авиационной индустрии и на механических предприятиях НКБ квалификационный уровень рабочих измерялся восемью разрядами (1:3,6), на химических предприятиях НКБ – семью (1:3,3) [12]. В электропромышленности восьмиразрядная градация с соотношением 1:3,6 использовалась на 11 заводах, 1:3,2 – на четырех, семиразрядная с соотношением 1:3,3 – на двух. В производстве минометного вооружения на четырех предприятиях разница в зарплате между первым и восьмым разрядом достигала 1:3,6, на трех – 1:3,2 [13]. Следовательно, в военпроме Сибири применялись разнообразные тарифные сетки, зависевшие от количества квалификационных позиций, разницы между минимальными и максимальными ставками. Эти критерии дополнялись также учетом неоднородных условий труда и огромного числа норм выработки, существенно варьировавшихся в различных рабочих профессиях.

Основу тарифных сеток в отраслях военпрома составляли ставки первого разряда. Они рассчитывались исходя из почасового оклада или норм выработки, оценивавшихся в денежном выражении по сдельным расценкам. Число тарифных позиций зависело от отраслевой и технологической специфики отдельных производственных объектов. В авиапромышленности были установлены две ставки, в промышленности боеприпасов – четыре, вооружения – от двух до пяти, минометного вооружения – от четырех до пяти, электропромышленности – от трех до четырех. Эти различия обусловливались тем, что в оборонных отраслях повременная и сдельная оплата применялась на операциях, относившихся по условиям труда к нескольким категориям. На военных заводах выполнялись холодные, горячие, вредные, тяжелые и особо тяжелые работы, определенному набору которых и соответствовало количество установленных тарифов.

Величина базовых ставок повременщиков и сдельщиков определялась отраслевыми наркоматами индивидуально для каждого производственного объекта. На уровне отдельного предприятия их размер зависел от упомянутых

[11] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 129. Л. 43–44.

[12] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 1. Д. 192. Л. 10; Оп. 43. Д. 188. Л. 398.

[13] ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 188. Л. 381, 387, 389.

видов работ, на уровне отрасли – от характерных черт ее специализации, в рамках которой каждый завод выпускал оборонную продукцию. Статистические данные ВЦСПС по Наркомату авиационной промышленности, электропромышленности, промышленности вооружения, минометного вооружения, боеприпасов за 1942–1943 гг. дают объективное представление о влиянии производственной среды на тарификацию заработной платы рабочих. На сибирских предприятиях НКЭП средняя повременная зарплата на горячих, тяжелых и вредных работах превышала аналогичный показатель на холодных на 15,2 %, сдельная – на 15,7 %, НКВ – на 17,6 и 16,7 %, НКВМ – на 11,7 и 15,0 %, НКБ – на 16,1 и 15,6 % (см. табл. 1). Разница в оплате труда между станочными операциями по металло- или деревообработке и операциями по плавке и заливке металла или химических веществ, перемещению весомых грузов в региональной «оборонке» находилась в том же процентном диапазоне, что и в советской промышленности в целом (15–20 %).

Таблица 1

Средние почасовые ставки рабочих первого разряда в отраслях оборонной промышленности Сибири в 1942–1943 гг., коп.*

Отрасль	Датировка данных	Повременщики			Сдельщики		
		Работы					
		холодные	горячие тяжелые, вредные	особо тяжелые	холодные	горячие, тяжелые, вредные	особо тяжелые
НКЭП	01.05.1942	66,95	77,14	–	79,14	91,52	–
НКМВ	22.12.1942	60,89	68,03	–	71,51	82,23	–
НКБ	29.01.1943	74,58	86,62	–	89,94	103,96	–
НКВ	нет даты	66,36	78,02	–	82,45	96,19	102,07

* Составлено по: ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 188. Л. 381, 383, 387, 389, 395–398; Д. 192. Л. 10, 11.

Более детально влияние условий труда на почасовую заработную плату позволяет показать анализ данных о базовых ставках рабочих-сдельщиков завода № 635 НКБ. В начале 1944 г. на холодных работах средняя зарплата составляла 1 руб. 38 коп. (табл. 2). Ниже этого уровня находился персонал, занятый ручной или станочной обработкой металла или дерева, выше – лакировкой и чисткой корпусов и комплектующих деталей снарядов. На горячих, тяжелых и вредных работах заработок в среднем достигал 1 руб. 90 коп. (табл. 2). Его минимальный размер был характерен для работников, выполнявших операции на механических прессах, максимальные – по плавке и заливке взрывчатых веществ в корпуса снарядов. Разрыв в оплате между самыми низко- и высокооплачиваемыми профессиями, как на

обычных, так и пожаро- и взрывоопасных участках производства, являлся более чем двухкратным. Он обусловливался различной степенью сложности и вредности заводских специальностей, определявших стоимость труда тех или иных профессиональных групп рабочих.

Таблица 2

Почасовая зарплата рабочих-сдельщиков первого разряда завода № 635 НКБ на 1 января 1944 г.*

Виды работ	Специальности	Ставка, руб.
Холодные работы вспомогательного производства	токари	0,99
	плотники	0,99
	столяры	1,25
	слесари	1,26
Холодные работы основного производства	лакировка наружных объектов	1,75
	чистота наружных поверхностей	2,05
Средняя ставка на холодных работах		*1,38*
Горячие, тяжелые и вредные работы	прессовщики	1,13
	транспортировщики	1,51
	чистильщики резьбы от взрывчатых веществ	1,67
	грузчики	1,83
	сверловщики	1,94
	шнекование объектов	2,09
	плавильщики	2,47
	заливщики	2,55
Средняя ставка на горячих, тяжелых и вредных работах		*1,9*

* Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 31. Л. 85–87.

Размер ставок повременщиков и сдельщиков первого разряда, зависевший от особенностей профессий, использовался как исходный элемент для тарификации оплаты труда на основе квалификационного уровня персонала. В отраслях сибирского военпрома при наличии восьми разрядов рабочие с самой высокой квалификацией зарабатывали в 3,2 или 3,6 раза больше, чем с самой низкой, семи разрядов – в 3,3 раза. При сочетании культурно-технического уровня персонала с условиями его трудовой деятельности дифференциация заработной платы заметно возрастала. На заводах НКЭП с семи- и восьмиразрядной сеткой у работников, находившихся на «повременке», она соответствовала показателям 3,67 и 4,13, на «сдельщине» – 3,63 и 4,2, на предприятиях НКБ – 3,76 и 4,31, 3,8 и 4,19 (подсчет по табл. 3, 4). С учетом различий в повременной и сдельной зар-

плате максимальное значение этих показателей в электропромышленности достигало 5,03, в промышленности боеприпасов – 5,4 (подсчет по табл. 3). Наибольшие преимущества в денежном вознаграждении получали производственники-универсалы шестого – восьмого разряда (в основном эвакуированные кадровые работники). Основная масса рабочих (женщины и молодежь), становившаяся после производственного обучения операционщиками второго – четвертого разряда, по мере повышения квалификации на одну-две позиции зачастую «доходили» только до центра тарифной сетки. Лишь незначительной части операционщиков удавалось подняться в ряды высокооплачиваемых универсалов за счет комплексного освоения профессий. Данное обстоятельство было связано с тем, что культурно-технический уровень большей части нового персонала изначально являлся низким из-за сжатых сроков профессиональной подготовки.

Таблица 3

Восьмиразрядные тарифные сетки
в отраслях оборонной промышленности сибирского тыла, коп.*

Отрасль, предприятия	Виды оплаты труда	Разряды							
		1	2	3	4	5	6	7	8
		Тарифные коэффициенты							
		1	1,2	1,45	1,75	2,1	2,5	3,0	3,6
НКБ (к-т № 179, з-ды №№ 65, 325, 510, 556, 564, 605, 606, 677)	повременная на Х.Р.	65,55	78,66	95,06	114,71	137,65	163,87	196,65	235,98
	повременная на Г.В.Р.	78,5	94,2	113,82	137,37	164,85	196,25	235,5	282,6
	сдельная на Х.Р.	84,5	101,4	122,52	147,87	177,45	211,25	253,5	304,2
	сдельная на Г.В.Р.	98,25	117,9	142,46	171,94	206,32	245,62	294,75	353,7
НКЭП (з-ды №№ 208, 210, 327, 590, 617, 625, 634, 644, 651, 652, 660)	повременная на Х.Р.	66,41	79,69	96,29	116,22	139,46	166,02	199,23	239,08
	повременная на Т.Г.В.Р.	76,18	91,42	110,46	133,31	159,98	190,45	228,54	274,25
	сдельная на Х.Р.	79,5	95,4	115,27	139,12	166,95	198,75	238,5	286,2
	сдельная на Т.Г.В.Р.	92,82	111,38	134,59	162,43	194,92	232,05	278,46	334,15

* Составлено по: ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 188. Л. 381; Д. 192. Л. 10, 11.

Таблица 4

Семиразрядные тарифные сетки
в отраслях оборонной промышленности сибирского тыла, коп.*

Отрасль, предприятия	Виды оплаты труда	Разряды						
		1	2	3	4	5	6	7
		Тарифные коэффициенты						
		1	1,2	1,45	1,75	2,1	2,6	3,3
НКБ (к-т № 392, з-ды №№ 319, 386, 479, 573, 580, 635)	повременная на Х.Р.	68,6	82,32	99,47	120,05	144,06	178,36	226,38
	повременная на Г.В.Р.	78,12	93,74	113,27	136,71	164,06	203,11	257,80
	сдельная на Х.Р.	78,3	93,96	113,53	137,03	164,43	203,58	258,39
	сдельная на Г.В.Р.	90,12	108,14	130,67	157,71	189,52	234,31	297,40
НКЭП (з-ды №№ 389, 394)	повременная на Х.Р.	78,62	94,34	114,0	137,85	165,10	204,12	259,45
	повременная на Т.Г.В.Р.	87,5	105,0	126,87	153,12	183,75	227,5	288,75
	сдельная на Х.Р.	87,5	105,0	126,87	153,12	183,75	227,5	288,75
	сдельная на Т.Г.В.Р.	96,25	115,5	139,56	168,44	202,12	250,25	317,62

* Составлено по: ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 43. Д. 188. Л. 381; Д. 192. Л. 10, 11.

В годы войны большинство рабочих оборонной промышленности находилось на сдельных ставках. В связи с этим, наряду с техногенными условиями и квалификацией, важным фактором тарифного регулирования зарплаты являлось периодическое повышение норм выработки и снижение расценок. С целью наращивания производительности труда отраслевые наркоматы увеличивали производственные задания, побуждая руководителей предприятий добиваться выполнения более высоких плановых показателей. Одновременно принимались меры по экономии фонда заработной платы за счет сокращения ее размера за выпуск одного изделия. Например, в 1944 г. на сибирских предприятиях НКЭП нормы выработки были повышены от 5 до 35 %, расценки – снижены от 4,8 до 26,0 % (табл. 5). Здесь отчетливо видна прямая зависимость между подъемом первого и падением второго показателя. С одной стороны, она свидетельствует о том, что уменьшались издержки на производство продукции, благодаря чему выработка росла быстрее заработков. С другой сторо-

ны, «шаг» сокращения расценок был меньше, чем «шаг» повышения норм, что вело к увеличению тарифных ставок рабочих-сдельщиков. В обратной ситуации их величина, напротив, становилась меньше.

Таблица 5

Повышение норм выработки и снижение расценок в электропромышленности Сибири в 1944 г.*

Завод, №	Повышение норм выработки, %	Снижение расценок, %
634	35,0	26,0
652	35,0	26,0
208	24,0	19,4
644	23,0	18,7
690	23,0	18,7
590	19,0	16,0
842	16,0	13,8
208	14,0	12,3
673	12,0	10,0
617	9,0	8,4
660	5,0	4,8

* Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1750. Оп. 1. Д. 13. Л. 49, 50.

Регулярный пересмотр норм выработки и расценок делал тарифную систему динамичной и гибкой, что позволяло успешно приспосабливать ее к изменявшимся условиям и задачам военного производства. Об этом свидетельствовал сравнительный анализ данных по основной заработной плате рабочих комбината № 179 НКБ в начале и конце 1944 года (табл. 6). К ноябрю почасовые заработки станочников третьего разряда по сравнению с январем выросли на 1,9 %, штамповщиков – сократились на 4,9 %, четвертого – на 2,7 и 6,4 %, пятого – выросли на 10,7 и 2,8 %, шестого – 16,8 и 0,5 %, седьмого (штамповщики) – примерно на 1,0 %. Благодаря положительной или отрицательной динамике ставок соответственно увеличивалась или уменьшалась месячная зарплата по тарифу. Ее наименьшее повышение или даже понижение происходило у работников низкой и средней квалификации, наибольшее повышение – у работников высокой квалификации. Коэффициент дифференциации трудовых доходов между

низко- и высококвалифицированными станочниками возрос с 1,33 до 1,53, штамповщиками – с 1,85 до 1,96. Следовательно, руководство комбината перераспределяло фонд заработной платы в пользу тружеников с высокими разрядами, обеспечивавшими наибольшую производительность. В первую очередь, к ним относилась кадровая прослойка рабочих-универсалов, эвакуированных на предприятие в начальный период войны.

Таблица 6

Основная заработная плата рабочих комбината № 179 НКБ в январе и ноябре 1944 г.*

Профессия	Разряд	Рабочее время, в часах		Почасовой заработок, руб.		Месячная зарплата по тарифу, руб.	
		январь	ноябрь	январь	ноябрь	январь	ноябрь
Станочники	третий	268	272	1,56	1,59	418	433
	четвертый	272	288	1,76	1,73	480	497
	пятый	276	271	1,96	2,17	542	588
	шестой	280	277	2,08	2,43	583	672
Штамповщики	третий	278	280	2,27	2,16	631	606
	четвертый	276	277	2,68	2,51	741	696
	пятый	280	278	2,82	2,90	789	805
	шестой	276	272	4,11	4,13	1135	1124
	седьмой	277	281	4,19	4,23	1161	1190

* ГАНО. Ф. 11. Оп. 4а. Д. 142. Л. 31.

Таким образом, в первой половине 1940-х годов в сферу оплаты труда оборонной промышленности Сибири была перенесена довоенная тарифная политика, нацеленная на формирование ощутимого неравенства в рабочей среде. Инструментами ее дифференциации по трудовым доходам служила совокупность производственных факторов, приводивших в действие механизмы тарифного регулирования заработной платы. В условиях военного времени данные механизмы использовались в основном для создания материальных преимуществ высококвалифицированному персоналу, который состоял, как правило, из высокопроизводительных кадров военпрома европейской части СССР. В этом состояла одна из специфических черт развития системы денежного стимулирования промышленных рабочих в тыловых районах страны, в наибольшей степени присущая Сибирскому региону.

Библиография

Журавлёв С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004. 258 с.

Ильюхов А. Как платили большевики. Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. 416 с.

Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. М., 2011. 352 с.

Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. 449 с.

Соколов А.К. От военпрома к ВПК: Советская военная промышленность 1917 – июнь 1941 г. М., 2012. 528 с.

Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004. 220 с.

А.С. Мартынов

Донецкий национальный университет

Город Сталино (Донецк) в условиях нацистской оккупации (октябрь 1941 – сентябрь 1943 г.)

В статье рассматривается проблема нацистской оккупации города Сталино (Донецка) в период Великой Отечественной войны. На основе рассекреченных документов региональных архивов Донбасса автор раскрывает оккупационную политику и гуманитарные преступления гитлеровцев и коллаборационистов. Вопреки тенденциозным националистическим интерпретациям военной истории Донбасса в современной украинской историографии, в статье на основе архивных материалов показана реакционная, профашистская роль украинских националистов в период оккупации Сталино в 1941–1943 гг. С учетом слабой степени изученности военной истории Донецкого бассейна в новейшей российской историографии, настоящее исследование дополняет новыми или же малоизвестными фактами имеющиеся представления о гуманитарной политике германской оккупационной администрации в регионе Донбасса, конкретизирует инструментарии данной политики.

Ключевые слова: Донбасс, Донецк, Сталино, нацистская оккупация, репрессии, коллаборационизм, украинские националисты.

Жизнь столицы Донбасса – Донецка (Сталино) в период гитлеровской оккупации до сих пор остается «белым пятном» региональной истории. В постсоветской украинской историографии события Великой Отечественной войны еще в 1990-е годы подвергались националистическим фальсификациям, в связи с чем возник исторический миф о «национально-освободительном подполье» бандеровцев в Донбассе. Пробандеровское изложение истории Сталино и Донбасса в 1941–1943 гг. представлено в работах деятеля ОУН Евгена Стахива [1], историков Петра Лаврива [2], А.М. Михненко [3], В.Н. Никольского [4], А. Добровольского [5] и др. В сочувствующем и оправдательном тоне интерпре-

[1] *Стахів Є.* Останній молодогвардієць. К., 2004. 494 с.

[2] *Лаврів П.* Історія південно-східньої України. К., 1996. С. 164–168.

[3] *Михненко А.М.* Донбас в роки Великої Вітчизняної війни (1941–1945). Донецьк, 2000. С. 40–41.

[4] *Нікольський В.М.* Підпілля ОУН (б) у Донбасі. К., 2001. 179 с.

[5] *Добровольський О.* Українське відродження на Донбасі в роки Другої світової війни // Діяльність підпілля ОУН на Сході України. Дніпропетровськ, 2010. С. 50–68.

тируется деятельность украинских коллаборационистов в Сталино в статьях И.С. Тарнавского [6] и Д.Н. Титаренко [7]. Из работ последних лет по данной тематике наиболее взвешенной и объективной стала книга донецких краеведов В.П. Степкина и С.В. Третьякова (ныне покойного) [8]. Издание посвящено эпохе оккупации и представляет собой альбом фотодокументов с уникальными снимками немецких, итальянских и советских военных, которые снабжены подробными историческими комментариями, без ревизионизма и политизации.

В новейшей российской историографии оккупационная жизнь Сталино почти не рассматривается, за исключением фрагментарного упоминания отдельных фактов и документов в некоторых изданиях. В качестве примера можно сослаться на книгу М.А. Жирохова о сражениях на Миус-фронте с общей обзорной главой «Донбасс в годы оккупации» [9], а также на недавнюю диссертацию И.И. Грибкова на тему оккупационной прессы, в которой упоминается газета «Донецкий вестник» и некоторые факты из военной жизни Сталино [10]. Отдельно стоит отметить подробное, основанное на архивных источниках исследование М.И. Ребровой о религиозной жизни города Сталино в оккупации, в котором глубоко изучена деятельность местных православных священников, сложная обстановка их служения [11]. Из числа документальных публикаций следует упомянуть первый том сборника «Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны» [12], где содержатся несколько интересных документов советских спецслужб о коллаборационистских проявлениях в г. Сталино. Так как многие аспекты оккупационной истории Донбасса и Юга России в целом до сих пор не изучены историками и краеведами, необходимо даль-

[6] *Тарнавський І.С.* Прояви колабораціонізму на Донеччині в роки Другої світової війни // Нові сторінки історії Донбасу. Збірник статей. Книга 13/14. Донецьк, 2007. С. 33–36.

[7] *Титаренко Д.М.* Культурнее життя на Донбасі під час нацистської окупації // Український історичний журнал. 2015. № 2. С. 68–70.

[8] *Степкин В., Третьяков С.* Сталино глазами солдата вермахта. Донецк, 2013. 208 с.

[9] *Жирохов М.А.* Сражение за Донбасс. Миус-фронт. 1941–1943. М., 2011. С. 40–65.

[10] *Грибков И.И.* Газеты на оккупированной территории СССР на русском языке в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): источниковедческое исследование. Дис. … канд. ист. наук. М., 2016. С. 67, 81, 173.

[11] *Реброва М.И.* Возобновление церковной жизни в Сталинской (Донецкой) области в условиях германской оккупации (1941–1943 гг.) // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 3. С. 55–68.

[12] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2 т. Т. 1. 1939–1943. М., 2012. С. 473, 474, 476, 477, 488, 627.

нейшее комплексное исследование документации региональных архивов эпохи Великой Отечественной войны.

Восполняя источниковедческий и историографический пробел, автор обобщает имеющиеся архивные данные о положении города Сталино (Донецка) в условиях нацистского режима. Целью исследования является анализ оккупационной политики нацистов и коллаборационистов в Сталино за период 1941–1943 гг. Основной источниковой базой послужили документы бывшего Государственного архива Донецкой области и бывшего Партийного архива Донецкого обкома КПСС (с 2015 г. входят в единую структуру Государственного архива Донецкой народной республики). На основе архивных материалов и немногочисленной исторической литературы автор воссоздает жизнь столицы Донбасса в 1941–1943 гг.

Отступление советских войск из Сталинско-Макеевской агломерации началось уже в середине октября 1941 г. Уже 20 октября первые немецкие и итальянские части вошли в Сталино и Макеевку. 21 октября оба города-спутника были уже полностью оккупированы. Вскоре город был переименован в Юзовку (дореволюционное название Донецка), хотя сам «генеральный округ» (генерал-бецирк) продолжал называться Сталинским. Немецкими властями была создана «вспомогательная полиция», возглавляемая «украинско-немецкими националистами», которая помогала «сохранять порядок» на территории [13]. В ноябре 1941 г. вспомогательная «украинская полиция» Юзовки распределялась по 15 участкам города, все участки приступили к «практической работе» [14]. Начался 700-дневный период оккупации Сталино – время террора, жестокой эксплуатации и выживания. Оккупанты создали разветвленную коллаборационистскую администрацию: Юзовская городская управа, Юзовское городское управление треста электроснабжения Украины, Юзовский лагерь военнопленных, Ларинская районная управа Юзовки, Рутченковская районная управа Юзовки и другие учреждения [15]. Мэром Сталино стал бывший инженер Сталинского облкоммунхоза Петушков, его заместителем – немец Шлехтер. Городская управа, ее отделы и немецкий военный комендант города разместились в здании Дворца пионеров и других помещениях городского центра [16]. С приходом немцев в Сталино из местного населения нашлось много предателей, которые выдавали оставшихся коммунистов и комсомольцев на расстрел без

[13] Государственный архив Донецкой народной республики. (Гос. архив ДНР) Ф. 5000. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 21.

[14] Охрана порядка в городе // Донецкий вестник. 1941. 27 ноября. С. 1.

[15] Гос. архив ДНР. Фонды Р-1612, Р-1579, Р-1576, Р-1577, Р-1584.

[16] Гос. архив ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 20. Л. 25–26.

суда и следствия [17]. По состоянию на февраль 1942 г. назначенные немцами старосты и полицейские из уголовного элемента отнимали у населения хлеб, скот и прочее, занимались притеснениями населения и расстрелами [18]. В то же время городское население Сталино голодало, хлеб в размере 300 г выдавался только тем, кто работал. Но занятых на работе было очень мало и люди вынуждены были менять на хлеб последние вещи. При этом немцы и полиция забирали у населения теплую одежду, обувь, продукты питания, облагали денежными налогами и обязательными поставками молока, масла, яиц [19]. Цены на продукты и бытовые товары постоянно росли. В снабжении мирного населения ощущался дефицит, поскольку большая часть продовольствия и сельскохозяйственных товаров использовалась в интересах оккупантов. На рынках процветала спекуляция, советские деньги ходили ограниченно, немецких марок и «карбованцев», печатаемых рейхскомиссариатом «Украина», хватало не всем. Поэтому в 1942–1943 гг. на оккупированной территории получил большое распространение натуральный обмен. В такой дискриминационной социальной ситуации выживать удавалось далеко не всем. Ко времени освобождения Сталино в сентябре 1943 г. население города сократилось почти на четверть. Кто не умирал своей смертью, ежедневно мог стать жертвой репрессий.

Все гражданское население в городах и поселках Сталинской области было обязано зарегистрироваться в городских управах путем сдачи паспортов в горуправу на отметку. Переезд из одного города в другой разрешался по специальным пропускам, также выдаваемым управой за подписью мэра города и военного коменданта. Причем пропуск заполнялся на русском и немецком языках, позволял проехать только в указанном направлении и выдавался на ограниченный срок [20]. В Сталино и других городах производилась слежка за всеми, кто передвигался по населенным пунктам под предлогом поиска хлеба и продовольствия, проверка паспортов и прописки. Из городов Донбасса ежедневно толпы людей отправлялись в села со своими домашними вещами для обмена на продовольствие. Передвигающихся людей задерживали на линии фронта, проверяли документы, обыскивали, при входе в Сталино и другие города по главным магистралям выставлялись патрули из немецкого солдата и местного полицейского [21].

[17] Гос. архив ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 20. Л. 28.
[18] Там же. Л. 74.
[19] Там же. Л. 76–77.
[20] Там же. Л. 135.
[21] *Попов А.* НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 261–262.

В 1942 г., согласно агентурным донесениям советских спецслужб, в Сталино и других городах гитлеровцы начали восстанавливать промышленность для обеспечения своего фронта и тыла. Но не на полную мощность была запущена работа электростанций, причем рабочие районы Сталино электроэнергией не обеспечивались. На многих заводах и шахтах Донбасса немецкое командование открыло мастерские для ремонта танков и автомашин. Для организации добычи угля оккупанты начали восстановительные работы на шахтах в Сталино, Макеевке и других городах [22]. Следует отметить, что попытки гитлеровцев запустить оставшуюся в Донбассе не разрушенную промышленность вызывали не только пассивное сопротивление местного населения, но и определенный энтузиазм коллаборационистов. Так, в период оккупации Сталино по инициативе бывшего профессора Сталинского индустриального института Петра Николаевича Иванова немецкие власти создали общество «Восток» для восстановления угольной промышленности. По предложению Иванова была организована «Ассоциация инженеров» из числа местной технической интеллигенции, согласившейся работать на немцев [23]. Но запустить промышленность и добычу угля гитлеровцам так не удалось. Большая часть шахт и предприятий Донбасса все два года оккупации простаивала, в том числе благодаря саботажу оставшихся шахтеров и металлургов, враждебно настроенных к оккупантам.

Гуманитарная политика германской оккупационной администрации и обслуживавших ее украинских коллаборационистов также не способствовала улучшению жизни мирного населения Сталино. Она была направлена на духовное и культурное порабощение русского народа, принудительное стимулирование политической лояльности оккупантам, строилась на массированной пропагандистской обработке в духе фашистской и украинской националистической идеологии. При этом сеть образовательных учреждений в Сталино в период оккупации резко сократилась. При немцах в городе работало 60 школ с четырьмя классами обучения, тогда как до оккупации – 113 школ [24]. Главным рупором гитлеровской пропаганды в Сталино стала коллаборационистская газета «Донецкий вестник», созданная в октябре 1941 г. В газете печатались официальные военные сводки и распоряжения германских властей, информация Юзовской городской управы для местного населения, сообщения о казнях партизан и подпольщиков, пропагандистские статьи антисоветского, националистического, германо-

[22] *Попов А.* НКВД и партизанское движение... С. 256–257.

[23] *Кулага И.И., Зуев В.В.* Органы государственной безопасности в Донецкой области. Воспоминания. Факты. Документы. Донецк, 2002. С. 38.

[24] Гос. архив ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 52. Л. 13.

фильского и профашистского характера. На последней полосе «Донецкого вестника» часто печатались антисемитские и антисоветские политические анекдоты. Приобщение читателей к подобному «юмору» должно было психологически адаптировать население к идеологии национал-социализма. В 1941–1942 гг. в редакции «Донецкого вестника» работали 11 сотрудников и главный редактор Г. Ковалевский, которым Юзовское городское управление электроснабжения предоставило право на электроосвещение [25]. В 1942 г. тираж «Донецкого вестника» составлял 40 тыс. экземпляров, все номера издавались на русском и частично на украинском языке. Еще в начальный период оккупации газета писала о необходимости замены советских названий улиц и площадей Сталино: «Память о мрачном недалеком прошлом, выветривающемся из сознания людей, еще сохраняется в старых советских названиях улиц и площадей. Городская Управа г. Юзовки в согласии с военным командованием вынесла решение о пересмотре этих названий» [26]. Пропагандируя украинский национализм, издание призывало к «национально-сознательному воспитанию» «истинных патриотов и патриоток украинской нации» [27]. В другом номере газеты рекламировался националистический герб – трезубец как «символ благородства, отваги и борьбы», который киевские великие князья переняли у варягов – восточных норманнов, разъяснялось далее, а теперь «Германия возвратила гербу его почетное значение, и он вновь стал славным украинским гербом» [28]. Особое внимание в пропагандистских статьях «Донецкого вестника» было уделено разъяснениям местному населению о необходимости «сотрудничества» с «Великой Германией» в деле построения «нового мирового порядка» и «борьбы с большевизмом». Разъяснялось, что идея национал-социализма «о новом порядке в Европе настойчиво требует цветущей Украины», и украинская интеллигенция должна охотно помогать немцам [29]. Пропагандистская машина Третьего рейха, разжигая антисоветизм и национализм, стремилась завербовать идейных сторонников, склонить население к добровольному экономическому и даже идеологическому сотрудничеству с оккупантами. В документах Управления НКГБ по Сталинской области сообщается о действиях немецких властей в Донбассе по вербовке местных жителей с целью сбора сведений о коммунистах, комсомольцах, внедрения в партизанские отряды агентов, разжигании национальной розни между населением оккупированных районов. В Сталино

[25] Гос. архив ДНР. Ф. Р-1579. Оп. 1. Д. 15. Л. 13.
[26] Переименование улиц и площадей // Донецкий вестник. 1942. 29 января. С. 3.
[27] Семья и родина // Там же. 1942. 1 декабря. С. 1.
[28] Украинский герб // Там же. 1942. 29 марта. С. 4.
[29] Украина в новой Европе // Там же. 1942. 11 декабря. С. 1.

и других городах население разделялось на категории по национальному признаку. Местные немцы имели белые нашивки с немецким гербом, им позволялось грабить население и носить оружие. Украинское население получило возможность занимать ответственные должности, свободно передвигаться из города в село на постоянное жительство, что другим национальностям не разрешалось. Евреи подвергались грабежу и издевательствам, были лишены всяких прав и облагались штрафами [30]. Местное население, как отмечается в документах, к немецким властям относилось враждебно, за исключением изменников Родины, которые работали в органах власти и полиции. К таким относились мэр города Петушков, доцент индустриального института Голенищев, доцент Король, доктор технических наук, профессор Иванов (упомянутый выше). Фашистская пропаганда обещала, что Украина будет самостоятельным государством без помещиков, а землю роздадут крестьянам [31]. В пропагандистских целях гитлеровцы также открывали в Сталинской области церкви, задействовав лояльных священников и проповедников различных религиозных сект, которые агитировали за борьбу с Советской властью и оказание помощи оккупантам. Сектанты и духовенство «автокефальной церкви» (раскольники) призывали «братьев и сестер» помогать немцам [32].

Большое внимание оккупационные власти отводили пропагандистской работе театров. Так, еще 30 ноября 1941 г. начал свою работу «Юзовский украинский музыкально-драматический театр», развлекавший концертом немецких офицеров и солдат [33]. Коллаборационисты от «культуры» в оккупационном театре Юзовки подчинялись распоряжениям военного командования и обязаны были обслуживать германскую армию [34]. С декабря 1941 г. в театре Сталино ставились украинские пьесы «Запорожец за Дунаем», «Наталка Полтавка» и др., работали кинотеатры «Красный» и им. Шевченко, где шли в том числе советские кинокартины «Веселые ребята» и «Волга-Волга» [35]. Активную роль в проведении гитлеровской пропаганды исполняли украинские националисты, прибывшие осенью 1941 г. в Донбасс из Западной Украины.

В Сталино с конца 1941 г. обосновалась «походная группа» бандеровцев в составе 12 человек. Затем в Донбасс приезжали все новые группы националистов. Сразу же по прибытии бандеровцы поступили

[30] Гос. архив ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 20. Л. 137–138.
[31] Там же. Л. 139–140.
[32] Гос. архив ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 38. Л. 8–9.
[33] Концерт для юзовского гарнизона // Донецкий вестник. 1941. 4 декабря. С. 4.
[34] Гос. архив ДНР. Ф. Р-1580. Оп. 1. Д. 6, Л. 34.
[35] Гос. архив ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 20. Л. 142.

на службу в немецкую фельдкомендатуру как переводчики или во вспомогательную полицию, разъехались по другим городам. Часть бандеровцев репрессировало гестапо, которое было недовольно их политической активностью. Но с весны 1942 г. националисты продолжили работать при немецкой администрации. В организацию бандеровцев в Сталино был внедрен агент НКВД Роман Головатый, старавшийся ограничить их антисоветскую деятельность [36]. Тем не менее, подполье украинских националистов в Донбассе активно участвовало в организации коллаборационистских учреждений, а также карательных формирований – «украинской вспомогательной полиции», отрядов «украинских добровольцев» и т. д. Так, украинская националистка Александрина, будучи в Сталино, сотрудничала с гестапо и выявляла коммунистов, советский актив и лиц, настроенных против немцев [37]. При Ларинской районной управе Юзовки – Сталино было организовано снабжение семейств «добровольцев украинской армии», которые служили немцам. Эти «украинские добровольцы» снабжались через специальный «продовольственный комитет» [38]. В 1943 г. националистическое подполье в Донбассе готовило оружие и кадры для вооруженного восстания в тылу Красной Армии в случае отступления немцев, вербовались «добровольцы» в качестве резерва. Однако многие бандеровцы в Сталинской области затем были арестованы НКВД, другие взяты в агентурную разработку [39]. В целом же при участии «украинской полиции» в Донбассе ежедневно происходили аресты, грабежи, угон людей в Германию, расстрелы и другие гуманитарные преступления.

Карательные акции гитлеровцев и полицаев в Донбассе продолжались даже в последние дни оккупации региона, а именно в первых числах сентября 1943 г. Как пишет в своих воспоминаниях фельдмаршал Манштейн, в ходе советского наступления к 31 августа 1943 г. фронт немецкой 6-й армии был прорван, что стало первым шагом к сдаче Донбасса. Вечером 31 августа Гитлер разрешил 6-й армии отступать. Тогда же было отдано распоряжение «об уничтожении всех важных в военном отношении объектов Донбасса» [40]. Подрывы шахт и заводов, наряду с массовыми расстрелами военнопленных и мирных жителей, проводились гитлеровцами и «вспомогательной полицией» вплоть до освобождения

[36] Герои невидимого фронта. Историко-документальные очерки. Донецк, 2007. С. 20–31.

[37] Гос. архив ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 129. Л. 3.

[38] Гос. архив ДНР. Ф. Р-1577. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-6.

[39] Герои невидимого фронта… С. 58–60.

[40] *Манштейн Э.* Утерянные победы. М.; СПб., 1999. С. 536.

Красной Армией города Сталино 8 сентября 1943 г. Согласно архивным документам, при отступлении немцев 7 сентября 1943 г. в сарае второго дома профессуры Сталинского индустриального института было сожжено живьем до 150 его жителей, среди которых находились преподаватели института с малолетними детьми и внуками [41]. За период оккупации города Сталино только в ствол шахты № 4/4-бис на Калиновке гитлеровцы сбросили более 75 тыс. мирных граждан. Причем в целях сокрытия преступления оккупанты подорвали шахтный копер и завалили ствол шахты. В лагерях на Петровке, на территории Дворца культуры и центральной поликлиники в Сталино погибло около 92 тыс. человек [42]. В стволах шахт Сталино и других городов Донбасса были обнаружены тела десятков тысяч жертв нацизма. Всего по Сталинской области за период гитлеровской оккупации было уничтожено 174416 человек мирного населения и 149367 военнопленных. За это же время угнано в рабство в Германию 252259 человек советских граждан [43]. Общий материальный ущерб от германской оккупации Сталинской области составил около 23,5 млрд рублей [44]. В начале Великой Отечественной войны население Сталино составляло около полумиллиона жителей, после освобождения от оккупантов в городе осталось 175 тыс. человек. Таковы итоги нацистско-националистической оккупации Донецка в период с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г.

Подводя итоги, следует констатировать преступную и реакционную сущность оккупационной политики нацистской Германии и украинского коллаборационизма в отношении Донбасса. Гитлеровцы и обслуживавшие их интересы активисты ОУН в своей практике сочетали репрессивно-карательные и политико-пропагандистские механизмы с целью обеспечения не только военного, но и культурного доминирования в регионе, старались склонить часть местного населения к пассивным или активным формам сотрудничества с оккупантами. Преследуя прагматичные экономические и военные цели, нацистский режим в Донбассе создал изощренную систему террора, эксплуатации, пропаганды и морально-политического угнетения, применение которой стоило Донецкому бассейну более 300 тысяч погибших и огромных материальных потерь.

Библиография

[41] Гос. архив ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 64. Л. 41–42.
[42] Донецк. Историко-экономический очерк. Донецк, 1969. С. 187.
[43] Гос. архив ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 64. Л. 42 об.
[44] Там же. Л. 43.

Герои невидимого фронта. Историко-документальные очерки. Донецк, 2007. 400 с.

Грибков И.И. Газеты на оккупированной территории СССР на русском языке в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): источниковедческое исследование. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2016. 262 с.

Добровольський О. Українське відродження на Донбасі в роки Другої світової війни // Діяльність підпілля ОУН на Сході України. Дніпропетровськ, 2010. С. 50–68.

Донецк. Историко-экономический очерк. Донецк, 1969. 288 с.

Жирохов М.А. Сражение за Донбасс. Миус-фронт. 1941–1943. М., 2011. 319 с.

Кулага И.И., Зуев В.В. Органы государственной безопасности в Донецкой области. Воспоминания. Факты. Документы. Донецк, 2002. 400 с.

Лаврів П. Історія південно-східньої України. К., 1996. 208 с.

Манштейн Э. Утерянные победы. М.; СПб., 1999. 672 с.

Михненко А.М. Донбас в роки Великої Вітчизняної війни (1941–1945). Донецьк, 2000. 153 с.

Нікольський В.М. Підпілля ОУН (б) у Донбасі. К., 2001. 179 с.

Попов А. НКВД и партизанское движение. М., 2003. 383 с.

Реброва М.И. Возобновление церковной жизни в Сталинской (Донецкой) области в условиях германской оккупации (1941–1943 гг.) // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 3. С. 55–68.

Стахів Є. Останній молодогвардієць. К., 2004. 494 с.

Степкин В., Третьяков С. Сталино глазами солдата вермахта. Донецк, 2013. 208 с.

Тарнавський І.С. Прояви колабораціонізму на Донеччині в роки Другої світової війни // Нові сторінки історії Донбасу. Збірник статей. Книга 13/14. Донецьк, 2007. С. 33–51.

Титаренко Д.М. Культурнее життя на Донбасі під час нацистської окупації // Український історичний журнал. 2015. № 2. С. 67–84.

Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2 т. Т. 1. 1939–1943. М., 2012. 878 с.

С.В. Кулинок

Белорусский государственный архив научно-технической документации

Деятельность Белорусского штаба партизанского движения в сентябре – декабре 1942 г. в документальных источниках Национального архива Республики Беларусь

Данная статья посвящена анализу документальных источников Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) по вопросу деятельности Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) в первые месяцы после его создания. Автор определил основные группы и виды источников, отражающих различные аспекты работы (оперативную, разведывательную, кадровую и др.) БШПД и степень их изученности. Важнейшими документами этого периода, как с точки зрения информативности и репрезентативности материала, так и по своей достоверности, являются организационно-распорядительные (указания, приказы, распоряжения, штатные расписания) и планово-отчетные (планы развития партизанского движения, разведывательные и оперативные сводки БШПД). Изучение и ввод в научный оборот этих документов позволит более глубоко изучить деятельность штаба в самые первые месяцы своего создания, что до настоящего момента является малоизученной проблемой как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

Ключевые слова: партизанское движение, историография, исторический источник, организационно-распорядительная документация, Белорусский штаб партизанского движения, ЦК КП(б)Б, оккупация, авиация.

В Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) хранится фонд № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения), который включает в себя более 11 тыс. единиц хранения и в настоящее время является одним из самых актуальных и востребованных для исследователей, занимающихся изучением военной истории. Первые документы будущего фонда БШПД начали формироваться летом 1943 года. 19 июля 1943 г. на имя директора Партийного архива ЦК КП(б)Б Ф. Попова было направлено сообщение от начальника секретного отдела БШПД М. Королева, в котором отмечалось: «По указанию ЦК КП(б)Б посылаем Вам дела партизанских бригад и отрядов, доставленные через опергруппу Калининского фронта из тыла врага для архивного хранения» [1].

Приходится констатировать, что на сегодняшний день деятельность БШПД в 1942 г. изучена недостаточно. В основном в исторической науке раскрывается работа штаба за 1943–1944 гг. – в период активизации парти-

[1] Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Дело фонда № 1450 (3500). Т. 1. Л. 1.

занской борьбы [2]. Во многом это связано с недостаточной изученностью и введением в научный оборот новых документальных источников по теме. Например, в изданных сборниках документы за 1942 г. представлены фрагментарно и не отражают всей полноты деятельности БШПД [3]. В связи с этим обозначим и цель исследования – определить основные группы и виды документальных источников по истории Белорусского штаба партизанского движения в 1942 г., их научную значимость и информативный потенциал.

Партизанские материалы имеются как в подлинниках, так и в копиях. Встречаются черновики и умноженные оригиналы, а также машинописные и рукописные тексты, которые создавались перьевой ручкой и карандашом. Архивные дела неравноценны по количеству отложившихся в них материалов. Укажем на то, что весь корпус документов поддается различным видам классификации (видовой, хронологической, тематической, по месту создания и др.), что позволяет выделять группы документов в зависимости от целей и задач дальнейших исследований.

В соответствии с принятой классификацией источники фонда № 1450 можно отнести в основном к документальным – делопроизводственным и статистическим материалам. Согласимся с мнением белорусского историка Е.Я. Павловой о том, что «большая часть находящихся на хранении в НАРБ источников с точки зрения кодировки и форм фиксации информации является письменной и так или иначе связанной с делопроизводством» [4]. Выделяются следующие основные группы документов: организационно-распорядительная (распоряжения, предписания, указания, директивы, при-

[2] *Калинин П.З.* Белорусский штаб партизанского движения // Непокоренная Белоруссия. М., 1963. С. 315–329; *Якубовский Н.А.* Помощь советского тыла партизанам. Минск, 1973. 204 с.; *Киселёв В.К.* Партизанская разведка в Белоруссии // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 17–28; *Брюханов А.И.* В штабе партизанского движения. Минск, 1980. 256 с.; *Літвін А.М.* Беларускі партызанскі… // Беларускі гістарычны часопіс. 2007. № 9. С. 3–10; *Иоффе Э.Г.* Белорусский штаб партизанского движения. Минск, 2009. 51 с.

[3] Авиация – партизанам: 1941–1944: документы и воспоминания. Минск, 2005. 368 с.; Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного Комитета Обороны СССР, 1941–1945 гг.: справочник. Минск, 2008. 216 с.; Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Док. и материалы в трех томах. Т. 1. Минск, 1967. 927 с.; Т. 2. Кн. I. Минск, 1973. 680 с.; Гомельщина партизанская: Сб. док. и материалов. Вып. 2. Минск, 2015. 424 с.

[4] *Павлова Е.Я.* О месте и особенностях партизанских документов в комплексе источников по истории партизанского движения // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : зб. Вып. 6. 2011. С. 108.

казы, протоколы, решения, циркуляры); планово-отчетная (планы, отчеты, доклады, рапорты, сводки, документы итогового характера); справочно-информационная (переписка различных органов, справки, пропуска, обзоры); финансовая; судебно-следственная (протоколы допросов, следственные дела, приговоры) документация и документы кадрового характера (списки личного состава партизанских формирований и различных диверсионных групп, автобиографии, списки о принятии присяги партизан, опросные листы, протоколы бесед с прибывшими партизанами, различные справки, выдаваемые партизанам).

В первую очередь, отметим организационно-распорядительные и планово-отчетные документы. Структура БШПД определялась штатным расписанием, утвержденным постановлением Государственного комитета обороны № 2541сс «По вопросам партизанского движения» от 25 ноября 1942 г. Согласно этому документу, штат БШПД состоял из 79 человек: командование включало шесть сотрудников, оперативный отдел – 12, разведывательный отдел – 10, отдел связи – пять, отдел кадров – семь, отдел материально-технического обеспечения (МТО) – шесть, финансовое отделение – шесть, секретное отделение – семь, шифровальное отделение – семь, административно-хозяйственное отделение – 13 сотрудников [5]. Постановлением определялся также штат подчиненных штабу структур: школы подготовки партизанских кадров при БШПД, базы снабжения при Украинском и Белорусском штабах партизанского движения и радиоузла [6]. Наличие штатных расписаний БШПД за последующие годы [7] позволяет проследить динамику развития и совершенствование структуры штаба в меняющихся условиях партизанской борьбы.

Важнейшими документальными источниками по деятельности БШПД в первые месяцы после его создания являются приказы начальника Белорусского штаба П. Калинина. В период со 2 октября по 31 декабря 1942 г. было издано 80 различных приказов за подписью начальника БШПД П. Калинина, из них 48 (60 %) – по личному составу. Кадровые назначения за этот период касались более 220 человек [8]. Приказами регламентировались вопросы организации новых партизанских отрядов, радиосвязи и снабжения, работы штаба, награждения и др. Выделим приказы «О формировании прифронтового филиала школы подготовки партизанских кадров» от 14 октября 1942 г. [9], «По продснабжению личного состава» от 27 октября

[5] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 149. Л. 2–4.
[6] Там же. Л. 5–8.
[7] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 26, 27, 460; Оп. 12. Д. 15.
[8] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1316. Л. 1–92 (подсчитано автором).
[9] Там же. Л. 9.

1942 г. [10], по развитию партизанского движения в различных областях Белоруссии, в том числе в западных регионах [11].

Среди планово-отчетной документации в первую очередь отметим «План развития партизанского движения и действий партизанских отрядов зимой 1942–1943 годов по Белорусской СССР» [12] (далее – «зимний план» – *С.К.*) – важнейший военно-оперативный документ этого периода, который был составлен в БШПД осенью 1942 г. В начале документа определялись основные задачи народного сопротивления на указанный период: «дальнейшее развитие партизанского движения, особенно в западных областях; расширение скрытых резервов; проникновение в города и усиление диверсий в промышленности; насаждение диверсионно-разведывательной агентуры в городах; истребление немецких офицеров и чиновников; усиление диверсий на железных дорогах; уничтожение паровозного парка, эшелонов, железнодорожных мостов; расширение сети областных и районных подпольных партийных органов; дальнейшее расширение уверенной радиосвязи со всеми основными районами Белоруссии; усиление политической борьбы среди населения, в отрядах, печатной пропаганды, подпольных партийных органов; создание партийного подполья, охватывающего своим влиянием все области, города и районы Белоруссии, строго централизованного, способного осуществить в необходимый момент всенародное восстание в Белоруссии» [13].

Структурно документ состоит из разделов, каждый из которых касался отдельно взятой области БССР. В каждом разделе прописывалось от восьми до 14 заданий для партизанских соединений, которые можно разделить на несколько групп:

– оперативные (направленные на решение боевых, диверсионных, разведывательных задач);

– организационные (направленные на создание и улучшение условий для развития партизанского движения);

– партийно-идеологические (направленные на организацию и расширение пропаганды среди населения и укрепление партийного подполья).

Ознакомившись с планом, начальник Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) П. Пономаренко писал в БШПД: «Представленный Вами план развития партизанского движения и действий партизанских отрядов зимой 1942–1943 гг. по Белорусской ССР в целом

[10] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1316. Л. 26.

[11] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1316. Л. 39–41 об., 60–61, 68, 73; Оп. 2. Д. 1245. Л. 17–18.

[12] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 38. Л. 1–20 об.

[13] Там же. Л. 8.

одобряется». Вместе с тем он указывал: «Надо твердо помнить, что цену замыслам придает их исполнение. Надо решительно и неустанно работать и выполнять план. Бывает, что план составят и любуются или даже потом его забывают. Чего-нибудь похожего на это с этим планом не должно случиться» [14]. Действительно, некоторые позиции и задачи, прописанные в плане (в основном те, которые касались диверсий на железной дороге и в промышленности – С. К.), были сильно завышены. Например, в Витебской области за 181 день 19 партизанских соединений должны были уничтожить 545 эшелонов противника, то есть три эшелона в день (это без учета диверсий в промышленности и в городах). Как результат, полностью задание выполнили только три партизанских соединения, четыре отряда выполнили план на 50 %, один – на 75 %. Остальные соединения поставленное задание не выполнили [15]. Аналогичная ситуация наблюдается и практически по всем областям БССР. Согласимся с мнением белорусского историка А. Литвина, который так охарактеризовал задачи плана: «Во многом они напоминают довоенные разнарядки, которые спускались сверху партийными органами. Понятно, чтобы эти планы были выполнены, необходимо было провести большую организаторскую работу на местах и обеспечить их использование через боевую деятельность» [16].

БШПД практиковал систему планирования партизанского движения не только в общереспубликанском масштабе, но и в региональном. Летом следующего года начальник БШПД П. Калинин подписал «План оперативно-организационных мероприятий по дальнейшему развитию партизанского движения и активизации боевых действий в восточных регионах Могилевской и Гомельской областей БССР» [17]. Укажем на то, что недостатки и просчеты «зимнего плана» были учтены при составлении «Плана мероприятий по дальнейшему развитию и активизации партизанского движения на летний период 1943 г.» [18].

Среди отчетной документации выделим оперативные и разведывательные сводки БШПД. Осенью 1942 г. ЦШПД разработал и утвердил «Примерную схему разведывательной сводки Н-штаба партизанского движения», которую разослал во все республиканские и областные штабы партизанского движения. Во вводной части документа указывалось: «Разведывательная сводка составляется штабом партизанского движения через каждые три дня. В целях получения Разведывательным Управлением Цен-

[14] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 38. Л. 2–3.
[15] Там же. Л. 15–16 об.
[16] *Літвін А.М.* Беларускі партызанскі… С. 9.
[17] НАРБ. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 18. Л. 69–71.
[18] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 3. Д. 38. Л. 60–135.

трального штаба интересующих его сведений по разведке, в разведывательных сводках штабов необходимо отражать исчерпывающие данные по нижеперечисленным вопросам» [19] (далее приводится перечень из 16 вопросов, которые охватывали широкий спектр данных от движения поездов, расположения аэродромов и баз до дислокации немецких частей и гарнизонов и подготовки крупных наступательных операций против партизан – *С.К.*). Первая разведывательная сводка БШПД была подготовлена 16 октября 1942 г., а всего за три месяца (октябрь – декабрь 1942 г.) штаб составил 16 сводок (при нумерации произошла ошибка и порядковый номер № 26 был присвоен двум разным разведывательным сводкам – *С.К.*) общим объемом 37 машинописных страниц. В первых донесениях информация не делилась на разделы, но была частично систематизирована (данные о гарнизонах, эшелонах, промышленности, концентрация и передвижение войск противника, деятельность добровольческих формирований, система укреплений противника, охрана коммуникаций, гарнизоны противника, аэродромы и школы оккупантов и др.). Впоследствии структура сводок претерпела некоторые изменения и окончательно сформировалась к лету 1943 года [20]. Объем разведсводки БШПД колебался от трех до 16 печатных листов в зависимости от количества поступившей информации и стратегического положения на фронтах. Следует отметить, что сводки составлялись в нескольких экземплярах (от семи до 12) и отправлялись во все важнейшие военные и партийные органы руководства: Главное разведывательное управление, ЦШПД, ЦК КП(б)Б, Наркомат государственной безопасности БССР, оперативные отделы фронтов и др. С ними знакомились Г. Жуков, А. Василевский, П. Пономаренко, Л. Цанава.

Еще одним важнейшим видом документов в системе партизанского документооборота и делопроизводства является оперативная сводка БШПД. Первая сводка была подготовлена 15 октября 1942 г., а до конца года было составлено 15 оперсводок общим объемом более 30 машинописных страниц [21]. Первые четырнадцать донесений не имеют строгой внутренней структуры. Данные передаются сплошным текстом, без деления на разделы. В последней оперсводке за 1942 г. впервые информация передается по географическому принципу (по областям БССР). Такой принцип передачи данных использовался и в дальнейшем. Отметим, что большая часть дан-

[19] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–21 об.

[20] *Кулинок С.В.* Разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения как источник по истории Беларуси периода Великой Отечественной войны // Архивы и делопроизводство. 2012. № 4. С. 124–130.

[21] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 956. Л. 1–16 об.

ных в этот период времени относится к восточным и центральным областям БССР (в первую очередь это Витебская, Минская, Могилевская и Гомельская области). Окончательное формирование внутренней структуры оперативной сводки происходит весной – летом 1943 г., после утверждения в марте этого года указаний «О составлении оперативной сводки Белорусского штаба партизанского движения» и «По составлению оперативно-дислокационных карт и разведкарт» [22].

Информативными источниками данного периода, отражающими вопросы материально-технического и медицинского снабжения партизанских соединений, являются отчетные документы отдела МТО: справки о выдаче оружия и боеприпасов [23], сведения о заброске вооружения, боеприпасов и минно-подрывного имущества в тыл врага партизанским отрядам и соединениям [24], ведомость прихода и расхода медикаментов и перевязочных средств за август – декабрь 1942 года [25], отчеты по вещевому имуществу Белорусского штаба партизанского движения за 1942 год [26], о количестве выданного вещевого имущества и продовольствия для партизан, направляемых в тыл противника на спецзадания и прибывающих из тыла противника после выполнения спецзадания [27], а также отчет отдела МТО по вооружению, боеприпасам и минно-подрывной технике за 1942 год [28].

Подводя итог, укажем, что источниковая база по теме весьма значительна и разнообразна. Однако в первую очередь в научный оборот введены документы по истории штаба 1943–1944 гг. Анализ документов БШПД (в первую очередь фонда № 1450 НАРБ) за 1942 г. позволяет говорить о том, что основное место в корпусе источников занимает организационно-распорядительная и планово-отчетная документация, которая определяла и регулировала основные направления деятельности штаба в первые месяцы после его организации. Степень информативности и достоверности вышеназванных источников достаточно высокая. Вместе с этим, необходимо учитывать то, что некоторые виды документов в этот период времени только начинали процесс формирования своей внутренней структуры и законченную форму приобрели уже позже.

[22] НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 1047. Л. 14–16, 22–26.
[23] Там же. Д. 293. Л. 1–3, 4–5, 8–9.
[24] Там же. Д. 209. Л. 17–17 об.
[25] Там же. Д. 194. Л. 64–65 об.
[26] Там же. Д. 209. Л. 88–102.
[27] Там же. Д. 835. Л. 15–19.
[28] Там же. Л. 4–5.

Библиография

Брюханов А.И. В штабе партизанского движения. Минск, 1980. 256 с.

Иоффе Э.Г. Белорусский штаб партизанского движения. Минск, 2009. 51 с.

Калинин П.З. Белорусский штаб партизанского движения // Непокоренная Белоруссия. М., 1963. С. 315–329.

Киселёв В.К. Партизанская разведка в Белоруссии // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 17–28.

Кулинок С.В. Разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения как источник по истории Беларуси периода Великой Отечественной войны // Архивы и делопроизводство. 2012. № 4. С. 124–134.

Літвін А.М. Беларускі партызанскі… // Беларускі гістарычны часопіс. 2007. № 9. С. 3–10.

Павлова Е.Я. Подготовка партизанских кадров в Белоруссии // Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме фашистских захватчиков в 1941–1944 годах: Материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 25–26 июня 2009). Минск, 2009. С. 260–268.

Якубовский Н.А. Помощь советского тыла партизанам. Минск, 1973. 204 с.

Е.Н. Беневаленская

Алтайский государственный педагогический университет

Краеведческая деятельность общественных организаций Алтая во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов [*]

В статье дается анализ неопубликованных архивных материалов о пропагандистской и издательской работе Алтайских краевых лекционного бюро и отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний по местной истории в первое послевоенное десятилетие. Выявлены закономерности и региональная специфика, направления, формы и содержание краеведческой деятельности общественных организаций в контексте социокультурного развития региона второй половины 1940-х – первой половины 1950-х годов. В результате исследования установлено, что деятельность общественности Алтая сыграла определенную роль в популяризации занятий местной историей. Работа включенных в партийно-идеологический механизм общественных организаций должна была соответствовать официозным целям развернувшейся в стране кампании по борьбе с «космополитизмом».

Ключевые слова: общественные организации, местная история, Алтайский край, идеологические установки, послевоенное десятилетие.

Вследствие усилившегося в последние десятилетия в исторической науке интереса к формированию культурной среды провинции актуальность приобретает изучение результатов деятельности местных исследователей, их инициатив и начинаний по охране и использованию объектов историко-культурного наследия, их роли в укреплении идентичности локального сообщества. Целью данной статьи является анализ культурно-просветительной работы Алтайских краевых лекционного бюро и отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний по местной истории в первое послевоенное десятилетие. В современных работах рассматривается просветительная деятельность общественных организаций страны во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов. Г.Г. Григорян и Д.А. Пинаева проследили историю создания Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, изменения в организационной структуре, нормативно-правовой базе и

[*] Работа выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований Отделения гуманитарных и общественных наук, проект № 17-11-22005 «Историк в региональном социокультурном пространстве второй половины XX в.».

задачах организации на разных этапах ее функционирования [1]. М.А. Мамонтова проанализировала содержание просветительной деятельности общества «Знание» и его роль в формировании исторического сознания населения в 1945–1955 годах [2]. Однако до настоящего времени не предпринималось специального исследования региональной практики пропаганды знаний по местной истории общественностью Алтая в 1945–1955 гг. Территориальные рамки исследования включают Алтайский край и Горно-Алтайскую автономную область, составлявшие в данный период единое административное пространство. Хронологические границы обусловлены новым этапом в развитии региона и страны, связанным с окончанием Великой Отечественной войны и постепенной активизацией изучения местной истории в мирное время.

Еще в 1943 г. для организации массовой политико-просветительной работы в нашей стране было создано Лекционное бюро при Комитете высшей школы СНК СССР и его региональные отделения [3]. Согласно положениям нормативно-правовых документов и постановлениям Всероссийских совещаний по культурно-просветительной работе и лекционной пропаганде [4], в политических реалиях послевоенных лет высшими партийными и советскими органами в связи с решением задач идеологического характера предпринимались попытки активизации изучения и пропаганды краеведческих знаний в региональных сообществах. В задачи ее штатных и внештатных сотрудников входило проведение отдельных лекций и циклов

[1] *Григорян Г.Г.* Всесоюзное общество «Знание» как коммуникатор для власти и научного сообщества СССР. М., 2012. 35 с.; *Пинаева Д.А.* Партийное руководство научно-просветительской деятельностью в СССР (на примере Всесоюзного общества «Знание») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. III. С. 113–119.

[2] *Мамонтова М.А.* Формы контроля общественно-популяризаторской деятельности провинциального историка в первое послевоенное десятилетие // Мир историка: историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2007. С. 137–156; *Она же*. Добровольная организация советской интеллигенции: политический заказ или инициатива ученых? (к вопросу об истоках возникновения Всесоюзного общества «Знание») // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М., 2009. С. 49–52.

[3] Там же. С. 140–143.

[4] Всероссийское совещание по культурно-просветительной работе (11–14 июня 1947 г.). Сб. постановлений. М., 1947; Всероссийское совещание актива культурно-просветительных работников. Об очередных задачах культурно-просветительной работы на селе. (Резолюция Совещания актива культ.-просвет. работников РСФСР 12–14 июля 1950 г.). М., 1950.

выступлений, посвященных революционным событиям и Гражданской войне на местах, истории и развитию хозяйства и культуры своего района и села, широкая популяризация опыта передовиков производства и т. д.

С.Г. Сизов на материалах Западной Сибири показал, что во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов была проведена большая работа по строительству пропагандисткой сети, вовлечению в лекционную деятельность интеллигенции на местах, увеличению количества и повышению качества читаемых научно-популярных лекций. По его данным, с 1948 по 1953 г. число лекторов культурно-просветительных учреждений Западно-Сибирского региона возросло в три раза и на январь 1953 г. составляло более 24 тыс. человек [5].

В Алтайском крае сеть учреждений Краевого лекционного бюро и его отделений также выросла в послевоенный период. По данным актов проверки инспекторами Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР Ф.Н. Люстибергом и В.А. Щербининым состояния лекционной пропаганды в регионе, численный состав Краевого и Горно-Алтайского областного лекционных бюро, районных и городских лекторских групп увеличился с 1947 по 1950 г. в четыре с половиной раза – с 1229 до 5620 человек [6].

Возглавлял Краевое лекционное бюро с декабря 1945 г. по август 1950 г. А.З. Рясик. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов должность инспектора-методиста в бюро занимал директор Алтайской краевой библиотеки Ф.П. Ельков. Руководителем методической секции по краеведению был заведующий отделом дореволюционной истории краевого музея Н.Я. Савельев. Лекторами бюро являлись директор Государственного архива края П.А. Бородкин и заведующий отделом советской истории краевого музея Н.Г. Ерошкевич [7]. Во многом благодаря усилиям этих известных исследователей региона были активизированы изучение местной истории и популяризация знаний о прошлом Краевым лекционным бюро и его отделениями в районах и городах в послевоенные годы. Как отмечает В.Г. Рыженко, стараниями интеллигенции происходило приращение и сохранение культурного потенциала регионов и

---

[5] *Сизов С.Г.* Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). Омск, 2001. Ч. 1. «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.). С. 127.

[6] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 94. Л. 125; Д. 200. Л. 65.

[7] ГААК. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 200. Л. 2–3; Инструктивно-методический бюллетень Краевого лекционного бюро отдела культпросветработы Алтайского крайисполкома. Барнаул, 1951. № 1 (21). С. 22.

конструировался их положительный образ среди широких слоев населения [8].

В постановлениях советских и партийных инстанций Алтайского края за 1945–1955 гг. неоднократно отмечалась важность популяризации знаний по местной истории Краевым лекционным бюро и его районными и городскими отделениями. К середине XX в. занятия местной историей уже не были так популярны среди населения, как в 1920-е годы, в последствие названные С.О. Шмидтом «золотым десятилетием» краеведения. В результате репрессий и уничтожения краеведческих кадров в 1930-е годы стали угасать инициатива и самостоятельность в изучении прошлого. Основное внимание в довоенное время уделялось исследованию производственных возможностей регионов [9]. Для того чтобы расширить актив молодых лекторов-краеведов, предлагалось организовывать при домах культуры и сельских клубах, избах-читальнях краеведческие кружки, члены которых занимались бы сбором сведений по истории революционного движения, создания колхозов и совхозов, отдельных предприятий и машинно-тракторных станций. Краевому лекционному бюро совместно с музеями и Алтайским институтом усовершенствования учителей поручалось разрабатывать и публиковать в выпускаемом бюро инструктивно-методическом бюллетене материалы по местной истории (стенограммы и циклы краеведческих лекций, методические рекомендации по их проведению и т. п.) [10].

В соответствии с разработанной и рассылаемой в регионы страны Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов тематикой лекционной пропаганды [11] сотрудники Алтайского крае-

[8] *Рыженко В.Г.* Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Омск, 2003. С. 9–12.

[9] *Демин М.А.* Историческое краеведение и музеология в контексте политических реалий советского и постсоветского общества: тезисы докладов XXV Международного симпозиума Совета музеев (ICOM) Юнеско, Международного комитета по музеологии (ICOFOM). Белокуриха – Барнаул, 9–14 сентября 2003 г. // Музеология как основа единства и культурного разнообразия. Барнаул, 2003. С. 82.

[10] ГААК. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–2; Д. 101. Л. 22–27; Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГА СПД РА). Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 147. Л. 16–19.

[11] Тематика лекций по пропаганде научных знаний / Управление лекционной пропаганды Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР. М., 1947; ГААК. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 94. Л. 52 об.

вого лекционного бюро подготовили темы отдельных лекций и их циклов по местной истории [12]. Разработанная Алтайским лекционным бюро тематика направлялась в областное, городские и районные отделения организации [13].

Согласно отчетам Краевого лекционного бюро [14], число краеведческих лекций увеличилось более чем в четыре раза с 1946 г. по 1950 г. Однако оно по-прежнему составляло малую часть в общем количестве читаемых лекций. Небольшое число краеведческих лекций, прочитанных сотрудниками Алтайского краевого и Горно-Алтайского областного, районных и городских отделений лекционного бюро во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов, объясняется слабым развитием краеведческого движения в регионе.

Приоритетное место в 1950 г., как и в начале послевоенного времени, занимают общественно-политическая (32,5 %), сельскохозяйственная (19 %), медицинская (14,6 %) и естественнонаучная (14 %) тематика. Преобладание лекций по этим разделам тематики было связано с задачами агитационно-пропагандистской работы данной организации в послевоенные годы. В целом, это была общероссийская тенденция: деятельность Лекционного бюро и его региональных отделений, созданных в первую очередь для пропаганды партийных и правительственных решений, напрямую определялась веяниями политической конъюнктуры. Лекторы должны были разъяснять среди населения задачи и установки проводившихся в СССР идеологических кампаний по борьбе с «космополитизмом» и «низкопоклонством» перед Западом [15].

В первое послевоенное десятилетие в духе санкционированных государством кампаний по пропаганде русского патриотизма лекторы Краевого и Горно-Алтайского областного, районных и городских отделений лекционного бюро подчеркивали приоритет алтайских инженеров горного дела XVIII–XIX вв. И.И. Ползунова, К.Д. и П.К. Фроловых, С.В. Литвинова перед зарубежными изобретателями в мировой науке и технике. В публичных выступлениях перед различными социальными и

[12] Инструктивно-методический бюллетень Краевого лекционного бюро отдела культпросветработы Алтайского крайисполкома. Барнаул, 1953. № 30: Вопросы краеведения. С. 5–108; Инструктивно-методический бюллетень Краевого лекционного бюро отдела культпросветработы Алтайского крайисполкома. Барнаул, 1953. № 31: Циклы и обзоры лекций. С. 49–57.

[13] ГААК. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 94. Л. 45.

[14] Там же. Д. 94. Л. 127; Д. 200. Л. 65.

[15] *Мамонтова М.А.* Формы контроля общественно-популяризаторской деятельности провинциального историка… С. 143.

возрастными группами на местных материалах о социалистических преобразованиях в регионе, развитии промышленности и лучших работниках сельского хозяйства, экономическом и культурном облике Алтайского края, его городов и сел показывалось преимущество советского общества над устройством капиталистических стран [16].

При этом отделом культурно-просветительной работы Алтайского крайисполкома в ходе анализа данных отчетов о лекционной деятельности отделений Краевого лекционного бюро в районах и городах региона было установлено, что в Змеиногорском районе не читалось лекций об известных изобретателях и общественных деятелях И.И. Ползунове и П.К. Фролове, живших и работавших в данном районе. В дни торжеств 30-летнего юбилея освобождения Сибири от Колчака лекторская группа Мамонтовского района не прочитала ни одной лекции о роли партизанского движения в разгроме белогвардейцев под командованием Е.М. Мамонтова. Руководством органов культуры края отмечалось, что жители Благовещенского и Завьяловского районов не знали, что в селе Леньки в 1919 г. состоялся съезд Советов Западно-Сибирской области и был избран областной исполнительный комитет, возглавивший деятельность по борьбе с колчаковскими войсками [17].

Еще одним направлением работы Краевого лекционного бюро во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов являлась издательская деятельность по местной истории. В это время были изданы стенограммы лекций о выдающихся изобретателях техники – уроженцах края конца XVIII – начала XIX в., восстаниях крестьян в годы Первой российской революции, партизанском движении [18]. В 1950 г. Краевым лекционным бюро была опубликована стенограмма выступления

[16] ГААК. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 165. Л. 30–32; Д. 192. Л. 47; Д. 229. Л. 88, 97, 129; ГА СПД РА. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 21. Л. 1, 9; Инструктивно-методический бюллетень Краевого лекционного бюро отдела культпросветработы Алтайского крайисполкома. Барнаул, 1951. № 27. С. 16, 20.

[17] ГААК. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 192. Л. 46; Д. 229. Л. 24; ГА СПД РА. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 147. Л. 16.

[18] ГААК. Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 165. Л. 30–32; *Исаков Л.Г.* И. И. Ползунов – первый русский теплотехник. Барнаул, 1949. 21 с.; *Бородкин П.А.* Роль партизанского движения на Алтае в разгроме колчаковщины. Барнаул, 1950. 28 с.; *Он же.* Крестьянские волнения на Алтае в 1905–1907 гг. Барнаул, 1951. 156 с.; *Савельев Н.Я.* Выдающийся паротехник-барнаулец – Степан Васильевич Литвинов и его паровые машины: (к 165-летию со дня его рождения). Барнаул, 1950. 32 с.

профессора, доктора исторических наук М.П. Грязнова на семинаре лекторов Барнаула летом 1949 года [19].

В 1947 г. в нашей стране при поддержке власти было создано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (в 1963 г. переименовано в Общество «Знание») с отделениями на местах [20]. В соответствии с Уставом Общества, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 29 сентября 1947 г., оно являлось добровольной общественной политико-просветительной организацией. Задачи Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний и его республиканских, областных и краевых, городских отделений состояли в организации публичных лекций и подготовке и проведении их циклов, научных докладов, тематических вечеров (лекций с литературно-музыкальным сопровождением) и публичных чтений по разнообразным культурно-образовательным направлениям и прочего [21].

В Алтайском крае отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний было учреждено 20 ноября 1948 г. Для руководства текущей деятельностью были выбраны правление и президиум во главе с сотрудником (в дальнейшем – секретарем крайкома КПСС) крайисполкома В.И. Трушиным [22]. Региональному отделению Общества предстояло развернуть масштабную работу по созданию и развитию пропагандистской сети в районах края. Его первоочередной задачей являлось разъяснение городской и сельской интеллигенции целей организации и широкое их вовлечение в члены Общества.

Для создания сети городских и районных организаций, согласно протоколам президиума правления, во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов отделение направляло в районы Алтайского края и Гор-

---

[19] *Грязнов М.П.* Из далекого прошлого Алтайского края: по работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского Государственного Эрмитажа. 1946–1949 гг. Барнаул, 1950. 20 с.

[20] *Мамонтова М.А.* Добровольная организация советской интеллигенции: политический заказ или инициатива ученых? (к вопросу об истоках возникновения Всесоюзного Общества «Знание») // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М., 2009. С. 52.

[21] Устав Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний // Учредительное собрание Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. 7–10 июля 1947 года. Сб. основных материалов. М., 1947. [Электронный ресурс]. URL: http://www.znanie57.ru/80-dokumenty/122-uchreditelnoe-sobranie-vsesoyuznogo-obshchestva.html (дата обращения: 12.07.2017).

[22] ГААК. Ф. Р-461. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

но-Алтайской области своих инструкторов, которые проводили общие собрания местной интеллигенции и выступали на учительских конференциях и в сельских советах, средних учебных учреждениях и на предприятиях с докладами о задачах Общества и занимались созданием постоянно действующих лекториев [23]. По данным годовых отчетов Общества, количество членов организации возросло со 113 человек в 1948 г. до 1620 человек в 1953 г. Большинство из них имели высшее образование и являлись представителями партийных и советских инстанций, преподавателями высших и средних учебных учреждений [24].

Полностью работавшие на принципах самообеспечения члены Алтайского отделения Общества в послевоенное десятилетие должны были популяризовать деятельность и поднимать престиж своих организаций в городах и сельской местности региона, искать способы заинтересовать потенциальную аудиторию предлагаемой тематикой, чтобы получать финансовые средства от проведения платных лекций для своего функционирования [25].

Во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов в состав действительных членов Алтайского краевого отделения Общества входили известные в то время и в дальнейшем крупные ученые и исследователи региона: директор Алтайского института сельскохозяйственного машиностроения Л.Г. Исаков, заведующий кафедрой языка и литературы Горно-Алтайского учительского института С.С. Суразаков, преподаватель Алтайского сельхозинститута Т.М. Макеев, ассистент кафедры истории Барнаульского пединститута А.П. Уманский, преподаватель Бийского лесного техникума В.М. Остроумов, аспирант кафедры плодоовощеводства Алтайского сельскохозяйственного института И.В. Верещагина, директор Государственного краевого архива А.П. Бородкин, заведующий отделом дореволюционной истории Алтайского краеведческого музея Н.Я. Савельев и другие [26].

На отчетно-выборных конференциях Алтайского краевого отделения Общества в послевоенные годы обсуждались вопросы активизации краеведческой работы организации. Одну из проблем налаживания деятельности по изучению и популяризации знаний по местной истории собравшиеся видели в том, что Барнаул хуже других областных

[23] ГААК. Ф. Р-461. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–44.

[24] Там же. Л. 11; Д. 5. Л. 97–98.

[25] ГААК. Ф. Р-461. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–9.

[26] Там же. Д. 1. Л. 70–70 об., 75–77, 86, 91; Д. 12. Л. 22; Д. 13. Л. 109.

и краевых центров Сибири обеспечивался краеведческой литературой, а Алтайское краевое издательство выпускало мало книг о регионе [27].

Согласно тематическим планам лекционной пропаганды и отчетным докладам Алтайского краевого отделения Общества второй половины 1940-х – первой половины 1950-х годов, его сотрудники в Горно-Алтайской области, районах и городах края читали лекции по истории развития промышленности Алтая, о выдающихся рационализаторах и изобретателях края конца XVIII – начала XIX в., по истории местной партийной организации; проводились цикл лекций для молодежи «Наш родной край» и выступления с докладами по радио о сюжетах из прошлого Алтая [28]. В содержании этих культурно-просветительных мероприятий акцентировалось внимание на сюжетах, иллюстрировавших превосходство социалистического строя над общественным устройством западных стран.

Таким образом, во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х годов деятельность общественных организаций сыграла определенную роль в популяризации локальных исследований. Алтайские краевые лекционное бюро и отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, объединившие гуманитарную интеллигенцию, содействовали активизации историко-краеведческих исследований и привнесли в них профессионализм, способствовали вовлечению в работу любителей-энтузиастов изучения региона. Однако в напряженной политической ситуации развернувшейся кампании по борьбе с «космополитизмом» деятельность общественных организаций осуществлялась в жестких идеологических рамках и должна была соответствовать официозным целям. Приоритетными сюжетами их просветительной работы являлись вопросы о выдающихся деятелях науки и техники края, революционном движении и инициированных советской властью преобразованиях в политической, экономической и социокультурной жизни региона.

Библиография

Григорян Г.Г. Всесоюзное общество «Знание» как коммуникатор для власти и научного сообщества СССР. М., 2012. 35 с.

Демин М.А. Историческое краеведение и музеология в контексте политических реалий советского и постсоветского общества: тезисы докладов

[27] ГААК. Ф. Р-461. Оп. 1. Д. 12. Л. 42–46, 69–71; Д. 13. Л. 13–99.

[28] ГААК. Ф. Р-461. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 14, 24–27, 70–70 об., 82; Д. 4. Л. 16–17; Д. 5. Л. 56, 97–99; Д. 12. Л. 90; Д. 13. Л. 109.

XXV Международного симпозиума Совета музеев (ICOM) Юнеско, Международного комитета по музеологии (ICOFOM). Белокуриха-Барнаул, 9–14 сентября 2003 г. // Музеология как основа единства и культурного разнообразия. Барнаул, 2003. С. 82–83.

Мамонтова М.А. Добровольная организация советской интеллигенции: политический заказ или инициатива ученых? (к вопросу об истоках возникновения Всесоюзного Общества «Знание») // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М., 2009. С. 49–52.

Мамонтова М.А. Формы контроля общественно-популяризаторской деятельности провинциального историка в первое послевоенное десятилетие // Мир историка: историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2007. С. 137–156.

Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е гг.: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Омск, 2003. 370 с.

Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). Омск, 2001. Ч. 1. «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.). 223 с.

Г.А. Гряникова

Алтайский государственный университет

Непродовольственные товары повседневного спроса: потребности и возможности населения Алтайского края первой половины 1970-х годов

Статья посвящена вопросу формирования структуры доходов и расходов населения в первой половине 1970-х годов в одном из крупных аграрно-индустриальных регионов СССР – Алтайском крае. На основе систематизации и анализа архивных и статистических источников определены постепенно возрастающая динамика расходов населения на покупку товаров повседневного спроса непродовольственного характера и удовлетворительное качество снабжения населения промышленными товарами, несмотря на особенности торговли рассматриваемого периода и выявленные проблемы в сфере обеспечения населения. Сделан вывод о том, что в период стагнации экономики и товарного дефицита как неотъемлемой черты системы централизованного распределения рост покупательской способности столкнулся с невозможностью полного удовлетворения материальных потребностей населения.

Ключевые слова: торговля, доходы населения, советская повседневность, дефицит, Алтайский край.

Уровень повседневной жизни населения и степень удовлетворения его материальных и культурных потребностей зависят от развития торговли и качества товарного снабжения. В связи с этим представляется необходимым изучать не только уровень потребления продуктов питания и предметов личного гардероба, но и покупательскую способность советских граждан в отношении товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода. Особое значение в рамках истории повседневности представляют проблематика формирования структуры доходов населения, уровня потребления товаров повседневного спроса, а также вопросы преодоления дефицита, присущего экономической системе.

В советский период Алтайский край являлся крупным и развивающимся быстрыми темпами экономическим и культурным районом Западной Сибири с развитой инфраструктурой, занимая ведущие позиции по производству продовольствия, сельскохозяйственной продукции, товаров легкой и пищевой промышленности. Период 1960-х – начала 1980-х годов традиционно выделяется в периодизации советского общества как время так называемого «развитого социализма». 1970-е годы показательны с точки зрения неоднозначного экономического развития региона. В связи с достигнутыми впечатляющими экономическими показателями восьмой пяти-

летний план развития народного хозяйства (1966–1970 гг.) получил неофициальное название «Золотая пятилетка». Однако в последующие годы явственно проявлялась неспособность командно-административной системы удовлетворить повседневные экономические нужды населения, что стало причиной тотального дефицита товаров и их низкого качества.

Несмотря на ряд особенностей советского этапа в историографии, определяемых доминирующей марксистко-ленинской методологией, изучение экономического развития представлено рядом крупных исследований. Отдельные вопросы экономики СССР в 1970-е годы рассмотрены в общих и специальных работах по истории социалистического строительства [1]. Аспекты региональной торговли нашли отражение в краеведческой литературе изучаемого периода [2]. В.П. Аверин представил показатели торгового обслуживания в Алтайском крае в сравнении с другими областями Западной Сибири (Кемеровская, Новосибирская, Омская области). В статье показана зависимость потребительского рынка, покупательной способности населения от развития экономики в целом, что выражается в показателях розничного товарооборота [3]. Стоит отметить высокий уровень политизации работ, отражающих идеи построения коммунизма и развитого социализма, что создает определенную трудность при выявлении достоверных фактов советской действительности. Историография рассматриваемого периода не писала о дефиците, а только упоминала об относительном недостатке товаров. Проблема товарного дефицита воспринималась как временная и объяснялась, наряду с ростом денежных доходов населения, отдельными ошибками в планировании и распределении. Таким образом, проводимые в советский период основательные исторические и экономические исследования были политизированы и не отражали действительного состояния уровня обеспеченности советских граждан потребительскими товарами.

Значительный интерес к переосмыслению истории советской торговли начал наблюдаться в период перестройки и остается актуальным в наши

[1] Социализм и народное благосостояние / Под ред. д. э. н. К.И. Микульского. М., 1976. 446 с.; История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 7: Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960–1970-е гг.) / Редкол.: И.А. Гладков (отв. ред.) и др. М., 1980. 718 с.; Социализм и потребительская кооперация в СССР / М.П. Трунов, Р.Г. Абдулин, Г.Н. Альтшуль, Н.Ф. Баев и др. М., 1983. 349 с.

[2] Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. 448 с.

[3] *Аверин В.П.* Развитие розничной государственной торговли Алтая в сравнении с другими областями Сибири // Пути совершенствования торгового обслуживания населения на основе научно-технического прогресса и передового опыта в свете требований XXVII съезда КПСС: Тез. науч.-практ. конф. Барнаул, 1986.

дни. В 1990-е годы было опубликовано много материалов о негативных сторонах советской экономики, в числе которых низкая эффективность, высокие затраты, экстенсивный и директивный характер, структурная громоздкость, слабая способность к реформированию [4]. Также информацию по вопросам экономического развития содержат статьи энциклопедий [5]. Тем не менее, в отношении проблематики товарного снабжения и уровня потребления период 1970-х годов изучен менее подробно в сравнении с предыдущими этапами (вторая половина 1940-х – конец 1950-х годов): вопросы объемов потребления ограничены разработками, посвященными рабочим; в исследованиях не отражены проблемы функционирования государственной торговли, «черного рынка» и теневой экономики.

Особый интерес представляют документы Государственного архива Алтайского края (ГААК), позволяющие характеризовать доходы и расходы населения, уровень цен, проследить перебои в снабжении и особенности распределения товаров [6]. Материалы ГААК дают возможность провести более детальный конкретно-исторический анализ развития торговли на территории Алтайского края, а также рассмотреть вопросы товарного обеспечения населения. Документы введены в научный оборот впервые и содержат в себе разносторонний материал об организации торговли в регионе и цифровые показатели доходов и расходов населения. С помощью анализа статей газет и журналов представляется возможным охарактеризовать отношение населения к особенностям товарного обеспечения в условиях сложившегося дефицита и месте торговли в повседневной жизни советских граждан.

Целью данного исследования выступает рассмотрение социально-экономических особенностей, влияющих на уровень потребления гражданами промышленных товаров, качество снабжения и доступность товаров повседневного спроса, а также анализ благосостояния граждан через объемы товарооборота, количество и качество приобретаемых товаров, динамику расходов на потребление непродовольственных товаров.

---

[4] *Прохожев А.А*. Организация управления народным хозяйством Алтайского края в 1970 – 1980-е гг. // История Алтайского края. XVIII–XX вв. Науч. и док. материалы / Редкол.: Т.К. Щеглова (отв. ред.), А.В. Контев. Барнаул, 2004. С. 418–424.

[5] Экономика. Торговля // Энциклопедия Алтайского края: в 2-х т. / Редкол.: В.Т. Мищенко (гл. ред) и др. Барнаул, 1995. Т. 1. С. 202–203; Торговля // Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 295–297.

[6] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-784. Оп. 4. Д. 224; Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78; Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 452, 463, 464, 472.

По данным на 1 января 1974 г. численность населения Алтайского края составила 2640,8 тыс. человек, в том числе городского населения – 1336,1 тыс. и сельского – 1304,7 тыс. человек. В крае насчитывалось 10 городов, 31 поселок городского типа, 64 сельских районов, четыре городских района, 3255 населенных пунктов, 248 колхозов, 363 совхоза, 470 предприятий [7]. В 1971 г. выпуском промышленных товаров занимались 370 предприятий края. Изделия культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода производились на 216 предприятиях, количество которых по сравнению с предыдущим годом увеличилось на 57 единиц [8]. Развитию торговли во многом способствовало расположение края на пересечении трансконтинентальных транзитных грузовых и пассажирских потоков, в непосредственной близости к крупным сырьевым и перерабатывающим регионам. Выгодное географическое положение и высокая транспортная доступность открыли широкие возможности для установления прочных межрегиональных и международных связей в сферах экономики и торговли. Однако розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли края на душу населения в 1973 г. составил 705,2 руб. и оказался самым низким в Западной Сибири против 739 руб. в Новосибирской, 779 руб. в Кемеровской, 745 руб. в Омской, 832 руб. в Томской, 887 руб. в Тюменской областях. Стоит отметить, что в среднем по РСФСР розничный товарооборот достигал 794 рублей [9].

В рамках социалистической экономики высшей целью общественного производства провозглашалось удовлетворение растущих потребностей населения. Несмотря на это при существующем политическом строе первостепенное внимание уделялось производству средств производства (группа А) и оборонному обеспечению, а производству товаров народного потребления (группа Б) – остаточное. В результате возникла диспропорция между обозначенными категориями производства. За годы Великой Отечественной войны в Алтайский край из западных районов страны было эвакуировано более 100 предприятий, что основательно изменило хозяйственный облик региона, дав мощный импульс развитию его промышленности. К началу 1970-х годов сформировались крупные отраслевые комплексы в сельскохозяйственном машиностроении, дизелестроении, станкостроении, производстве химических и синтетических волокон.

Источником повышения народного благосостояния являлся национальный доход общества, рост которого позволял увеличивать объем потребления то-

[7] ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 463. Л. 7.
[8] ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 464. Л. 24–26.
[9] ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 463. Л. 10.

варов. Доходы населения складывались из поступлений денег в форме оплаты труда, государственных выплат и от продажи производимой продукции.

Таблица 1

Баланс денежных доходов населения Алтайского края (в млн руб.) [*]

	1971 г.	Удельный вес, %
Заработная плата	1574,86	80,2
Доходы рабочих и служащих от предприятий и организаций кроме заработной платы, в т. ч.	47,59	2,4
премии	22,13	1,1
постоянные надбавки за разъездной характер работы	9,72	0,5
постоянные надбавки за получение средств на командировки	15,74	0,8
Денежные доходы от продажи продуктов сельского хозяйства	80,35	4,1
Пенсии	177,44	9
Стипендии	14,23	0,7
Страховые возмещения	9,69	0,5
Проценты по вкладам	9,98	0,5
Выигрыши по лотереям	1,16	0,6
Всего	1962,89	100

[*] Составлено по: ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 472. Л. 30–33.

На основе приведенных данных можно сделать вывод о том, что основным источником роста денежных доходов трудящихся являлась заработная плата. В 1970 г. средняя заработная плата рабочего производственного предприятия г. Барнаула составляла 76,8 рублей [10]. Рост денежных доходов сопровождался снижением розничных цен на промышленные товары. В течение 1960–1975 гг. цены на непродовольственные товары народного потребления были снижены на 25 %. В результате реальные доходы в расчете на душу населения в 1975 г. выросли в два раза [11].

[10] ГААК. Ф. Р-784. Оп. 4. Д. 224. Л. 38–40.

[11] Социализм и народное благосостояние… С. 296–299.

С ростом доходов опережающими темпами увеличивался спрос на материальные блага, что привело к интенсивному росту производства товаров народного потребления (группа Б). В 1971 г. на предприятиях Алтайского края было освоено около 80 новых видов товаров, среди которых пластмассовая шахматная доска, мясорубка, накладной замок, набор кухонных ножей, резиновые лодки, изделия из керамики и камня, сувениры из дерева и рога, швейные изделия. План по производству изделий культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода за 1972 г. был выполнен на 101 %. По сравнению с 1971 г. выпуск вырос на 10 %. В результате товаров повседневного спроса выпущено на сумму в 1145 тыс. руб. при утвержденном плане в размере 1100 тыс. рублей [12].

Согласно директивам XXIV съезда КПСС, проходившего с 30 марта по 9 апреля 1971 г., алтайская краевая партийная организация и местные Советы определили главным направлением в работе увеличение выпуска товаров народного потребления [13]. Действительно, на предприятиях края наблюдался постоянный прирост выполнения производственного плана.

Таблица 2

Итоги выполнения плана производства товаров народного потребления за 1973 г. (в тыс. руб.) *

	Основной план	План с доп. заданием	Факт	% выполнения основного плана	% выполнения с доп. заданием	1973 г. к 1972 г., %
Всего товаров народного потребления, в т. ч.	1483171	1492478	1492478	100,6	100	106
«Алтай мебель»	34100	34300	33890	101	98,5	115
Спичечная фабрика	3325	3365	3366	101	100	101
Швейный трест	108020	108820	108189	100,2	99,4	108
Меланжевый комбинат	128382	128422	130254	101	101,4	108
Крайпотребсоюз	40340	40790	40300	99,9	98,8	101,2

* Составлено по: Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 464. Л. 126–129.

[12] ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 464. Л. 24–26.

[13] Ориентир – спрос покупателей // Алтайская правда. 1973. 8 марта. № 57. С. 2.

17 декабря 1975 г. трудящиеся Алтайского края досрочно выполнили план девятой пятилетки по реализации промышленной продукции. Объем производства увеличился на 40 %, производительность труда – на 33 % [14]. Наряду с увеличением производства происходил неуклонный рост потребления товаров культурно-бытового назначения, что позволяет судить о значительных достижениях в обеспечении населения не только товарами первой необходимости, но и товарами, повышающими культуру быта и улучшающими условия жизни. По сравнению с 1963 г. потребление промышленных товаров в среднем увеличилось на 56,7 % [15]. В первой половине 1970-х годов количественный рост сопровождался качественными изменениями в структуре потребления. Общий объем розничного товарооборота рассматриваемого десятилетия вырос в сопоставимых ценах в 8,6 раз. Основную массу в структуре денежных расходов населения занимала покупка промышленных и продовольственных товаров.

Таблица 3

Структура денежных расходов
населения Алтайского края (в млн руб.) *

	1970 г.	1971 г.	Удельный вес, %
Покупка товаров	1452,99	1547,81	76,1
Оплата услуг	154,39	156,03	7,7
Обязательные платежи	174,67	200,12	9,9
Другое	95,16	128,99	6,3
Всего	1877,21	2032,95	100

* Составлено по: ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 472. Л. 42.

К 1975 г. в структуре расходов населения в связи с ростом народного благосостояния произошли определенные изменения. Объективная картина таковых изменений составлена Центральным статистическим управлением СССР на основе выборочных обследований бюджетов семей рабочего промышленности и колхозника.

[14] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. 256 с.

[15] Народное хозяйство СССР в 1963 г.: Стат. ежегодник. М., 1965. С. 508; Народное хозяйство СССР в 1974 г.: Стат. ежегодник. М., 1975. С. 602.

Таблица 4

Структура расходов семей рабочего промышленности и колхозника (в %) *

На покупку	Использование совокупного дохода семьи рабочего промышленности			Использование совокупного дохода семьи колхозника		
	1940	1965	1975	1940	1965	1975
тканей, одежды и обуви	11,1	13,9	15,4	10,9	13,7	15,7
мебели, предметов культуры и быта	1,7	6,1	6,5	1,2	4,2	5,9
топлива	1,2	0,4	0,2	3,8	2,0	1,6
культурно-бытовых услуг	17,5	24,2	23,0	4,4	12,5	15,4
Всего	31,5	44,6	45,1	20,3	32,4	38,6

* Составлено по: *Сурганов Б.С.* СССР. Благосостояние народа. [Электронный ресурс]. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/106/996.htm (дата обращения: 25.08.2016).

Приведенные данные подтверждают, что в 1965–1975 гг. повысилась доля расходов на покупку непродовольственных товаров, особенно мебели и предметов культуры и быта. Возросший уровень денежных доходов повысил покупательскую способность населения и как следствие привел к улучшению благосостояния.

Торговля товарами народного потребления в сельской местности осуществлялась потребительской кооперацией. На формирование более высоких духовных потребностей сельских жителей была направлена торговля книгами, радиоприемниками, телевизорами, музыкальными инструментами. Повышение денежных доходов сельского населения вызвало увеличение продажи мебели, стиральных и швейных машин, электропылесосов, холодильников, транспортных средств, строительных материалов, средств малой механизации и садово-огородного инвентаря (лопат, вил, кос, серпов, опрыскивателей), что способствовало улучшению бытовых условий, облегчало домашний труд и ведение подсобного хозяйства. В среднем в течение 1970-х годов продажи товаров повседневного спроса увеличились на 58,8 % [16]. Обеспеченность сельского населения основными изделиями длительного пользования возросла в два–три раза. Кроме того, уровень потребления товаров повседневного спроса в городе и на селе существенно сблизился [17].

[16] Социализм и потребительская кооперация в СССР… С. 96–105.

[17] *Кацва Л.* Советское общество второй половины 1960-х – начала 1980-х гг. // История. 2001. № 35. [Электронный ресурс]. URL: https://his.1september.ru/article.php?ID=20010350 (дата обращения: 14.03.2016).

Для более полного удовлетворения потребностей населения в организациях торговли Алтайского края в 1972 г. насчитывалось 75 служб по изучению спроса [18]. Повышенным спросом пользовались баяны, аккордеоны, телевизоры марки «Огонек», «Березка», «Рубин-106», радиолы и радиоприемники, магнитофоны, стабилизаторы, комнатные антенны для телевизоров. В то же время спросом не пользовались одеколоны «Зима», «Лето», «Осень», пианино «Кузбасс», телевизоры «Сигнал», «Беларусь» [19].

Однако промышленность не всегда отвечала предъявляемым требованиям. По мере насыщения рынка отдельными видами продукции многие товары широкого потребления продолжали оставаться дефицитными. Как сообщала газета «Алтайская правда» от 8 марта 1973 г., 19 предприятий снизили объем выпуска товаров по 90 видам изделий. Прекратился выпуск отдельных видов порошка, крема для обуви, ракеток для бадминтона [20]. Невыполненным оказался план по производству корпусной мебели [21]. Крайне дефицитными были признаны такие товары, как холодильники, посуда, электротовары, столовые приборы, спички, строительные и отделочные материалы, легковые автомобили и автозапчасти (кроме автозапчастей к автомобилю «Жигули»), мотоциклы и запчасти к ним, фотоаппараты, бумажно-беловые товары, щипковые музыкальные инструменты (гитара, балалайка), хозяйственное мыло, зубной порошок, зубная паста, ковровые, пухо-перовые и тюле-кружевные изделия и другое [22].

Характерными явлениями торговли в 1970-е годы продолжали оставаться очереди, отсутствие отдельных видов товаров, различные способы их добывания – блат, «черный рынок», перепродажа товаров по свободным ценам. Основным нерешенным вопросом оставался ассортимент. Кроме того, отмечалось неудовлетворительное качество предоставляемых товаров, характеристики которых противопоставлялись западным образцам. Низкий уровень удовлетворенности населения также сохранялся из-за специфики распределения. В связи с этим важное место в повседневной жизни советского человека занимал процесс покупки «про запас».

Таким образом, анализ архивных данных, статистических источников и опубликованных исследований позволил охарактеризовать структуру денежных доходов и расходов населения Алтайского края первой половины 1970-х годов. Динамика благосостояния граждан, выражающаяся через объемы товарооборота и количество приобретаемых товаров повседневно-

[18] ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 464. Л. 24–26.
[19] ГААК. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78. Л. 288–309.
[20] Ориентир – спрос покупателей // Алтайская правда. 1973. 8 марта. № 57. С. 2.
[21] ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 452. Л. 12.
[22] ГААК. Ф. Р-1033. Оп. 5. Д. 464. Л. 62–63.

го спроса, формировалась на основе сложившихся социально-экономических особенностей. Стремление к увеличению выпуска товаров народного потребления (группа Б) и улучшению торгового обслуживания населения занимало ключевое место в системе народного хозяйства Алтайского края. Несмотря на то, что недостатки производства и торговли при устоявшейся экономической системе приводили к неполному удовлетворению материальных потребностей, в целом стоит отметить повышение благосостояния граждан и сближение уровня жизни в городской и сельской местности, что выражалось в росте денежных доходов, наряду с повышением покупательской способности населения.

Библиография

Аверин В.П. Развитие розничной государственной торговли Алтая в сравнении с другими областями Сибири // Пути совершенствования торгового обслуживания населения на основе научно-технического прогресса и передового опыта в свете требований XXVII съезда КПСС: Тез. науч.-практ. конф. Барнаул, 1986.

История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 7.: Экономика СССР на этапе развитого социализма (1960 – 1970-е гг.) / Редкол.: И.А. Гладков (отв. ред.) и др. М., 1980. 718 с.

Кацва Л. Советское общество второй половины 1960-х – начала 1980-х гг. // История. 2001. № 35. [Электронный ресурс]. URL: https://his.1september.ru/article.php?ID=20010350 (дата обращения: 14.03.2016).

Материалы XXV съезда КПСС. 1976. 256 с.

Народное хозяйство СССР в 1963 г.: Стат. ежегодник. М., 1965. 721 с.

Народное хозяйство СССР в 1974 г.: Стат. ежегодник. М., 1975. 793 с.

Прохожев А.А. Организация управления народным хозяйством Алтайского края в 1970 – 1980-е гг. // История Алтайского края. XVIII–XX вв. Науч. и документ. материалы / Редкол. Т.К. Щеглова (отв. ред.), А.В. Контев. Барнаул, 2004. С. 418–424.

Социализм и народное благосостояние / Под ред. д. э. н. К.И. Микульского. М., 1976. 446 с.

Социализм и потребительская кооперация в СССР / М.П. Трунов, Р.Г. Абдулин, Г.Н. Альтшуль, Н.Ф. Баев и др. М., 1983. 350 с.

Сурганов Б.С. СССР. Благосостояние народа. [Электронный ресурс]. URL: http://www.booksite.ru/ fulltext/1/001/008/106/996.htm (дата обращения: 25.08.2016).

Список авторов

Афанасьев Павел Алексеевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: pavel_afanasev@mail.ru

Бабарыкин Борис Васильевич, канд. ист. наук, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул).
E-mail: babarykin.bv@mail.ru

Беневаленская Евгения Николаевна, аспирант кафедры Отечественной истории исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: rabota-ben11@yandex.ru

Бобров Денис Сергеевич, магистр истории, старший преподаватель кафедры Отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: BDS-eureka@yandex.ru

Валькова Ксения Викторовна, магистр истории, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: 2009-93@mail.ru

Гряникова Галина Андреевна, магистрант Исторического факультета Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: galya9309@mail.ru

Дик Александр Игоревич, магистрант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: aleksandr_dick@rambler.ru

Калашников Андрей Алексеевич, студент исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: astralnykeks@gmail.com

Клюев Артем Игоревич, преподаватель Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: kluev.artem1987@gmail.com

Козлова Ирина Сергеевна, магистр истории, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск).
E-mail: kozlovairina0611@mail.ru

Кромер Лев Викторович, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск).
E-mail: levkromer@mail.ru

Кулинок Святослав Валентинович, заведующий отделом информации и использования документов Белорусского государственного архива научно-технической документации (Минск).
E-mail: svkulinok@tut.by

Мартынов Алексей Сергеевич, аспирант кафедры всемирной истории Донецкого национального университета (Донецкая народная республика).
E-mail: project2070@mail.ru

Метель Ольга Вадимовна, канд. ист. наук, старший преподаватель Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: olgametel@yandex.ru

Миронова Наталья Петровна, канд. ист. наук, научный сотрудник Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар)
E-mail: sidnap82@gmail.com

Одинцов Данил Александрович, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск).
E-mail: odintsovnv@yandex.ru

Плотников Дмитрий Юрьевич, магистр истории, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск).
E-mail: pkp-va-149@yandex.ru

Потапова Наталья Анатольевна, магистр истории, аспирант Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета.
E-mail: skna17talya@mail.ru

Расколец Виктор Владимирович, аспирант Томского национального исследовательского государственного университета.
E-mail: predator-101@mail.ru

Романов Павел Игоревич, студент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: pol777tip@yandex.ru

Романов Роман Евгеньевич, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск).
E-mail: rromanov1981@mail.ru

Романова Карина Владимировна, студент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: Karina.Romanoffa.7@yandex.ru

Сафронова Юлия Анатольевна, магистр истории, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск).
E-mail: safronova137@yandex.ru

Сердюк Владимир Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры «История, философия и культурология» Омского государственного университета путей сообщения.
E-mail: a.serdyuk@mail.ru

Старышкина Анастасия Андреевна, магистр истории, аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск).
E-mail: staryshkina@mail.ru

Тепикина Елена Петровна, студент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: tepikina.helena@gmail.com

Федяева Влада Олеговна, магистрант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: lada2504@gmail.com

Хоменко Денис Юрьевич, преподаватель Красноярского медицинского техникума, старший преподаватель Красноярского государственного университета им. В.П. Астафьева.
E-mail: khomenko_denis@mail.ru

Шевченко Сергей Александрович, канд. ист. наук, ассистент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: shevchenkovskrs@yandex.ru

Шереметьева Дарья Леонидовна, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск).
E-mail: dalas83@yandex.ru

Шматов Михаил Юрьевич, студент Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета.
E-mail: shmatov2009@yandex.ru

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник материалов
Всероссийской молодежной
научной школы-конференции
(14–16 сентября 2017 г.)

Корректура *К.Л. Захарова*
Верстка *О.А. Тенекеджи*

Подписано в печать 10.11.2017 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman
Уч.-изд. л. 17,625. Усл. печ. л. 16,39
Тираж 300 экз. Заказ № 234

Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2